C 477
K 54 Ju
v. 30
no. 11

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXX. № 11.-НОЯБРЬ. 1890 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть I—оффиціальная.

СТРАН.

Протоколы засѣданій Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра 23 марта и 31 мая 1890 г. . . . . 55—75

Часть II—неоффиціальная.

I. Борьба канцлера Мопу съ французскими парламентами въ царствованіе Людовика XV. Пробная лекція для полученія званія приватъ-доцента по всеобщей исторіи, чит. 4 октября 1890 г.— Магистранта **В. Клячина** . . . . 1—30

II. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII столѣтія.—Студ. **М. Довнаръ-Запольскаго** . 1—62

III. Франческо Ферруччи и его время.—Студента **В. Пискорскаго**. . . . . 89—134

IV. Русское уголовное судопроизводство.—Проф. **Д. Тальберга**. 1—42

V. Введеніе въ систему международнаго права.— Профессора **О. Эйхельмана** . . . . . 103—126

СТРАН.

VI. Гомеопатія какъ медико-философская система въ ея прошломъ и въ настоящемъ.— Лаборанта **Д. Родзаевскаго**. 1—44

Критика и библіографія.

VII. Критико-библіографическая замѣтка.—Профес. **П. Алексѣева**. . . . . 147—151

VIII. Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго миссала.—Проф. **Т. Флоринскаго** . 153—168

Прибавленія.

I. Опечатки къ статьѣ „О силовой функціи, допускающей данные частные интегралы“.— Проф. **Г. Суслова**.

II. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . . . I—X

III. Таблицы метеорологическихъ наблюденій за май и іюнь 1890 года.

UNIVERSITY OF ILLINOIS
JUL 28 1969
LIBRARY

КІЕВЪ.
1890.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

№ 11.-НОЯБРЬ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Ректоръ *Ѳ. Фортинскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Часть I — оффиціальная.

Протоколы засѣданій Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра 23 марта и 31 мая 1890 г. . . . 55—75

Часть II— неоффиціальная.

I. Борьба канцлера Мопу съ французскими парламентами въ царствованіе Людовика XV. Пробная лекція для полученія званія приватъ-доцента по всеобщей исторіи, чит. 4 окт. 1890 г.—Магистранта **В. Клячина** . . . . . 1—30

II. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII столѣтія.—Студ. **М. Довнаръ-Запольскаго.** . 1—62

III. Франческо Ферруччи и его время.—Студ. **В. Пискорскаго.** 89—134

IV. Русское уголовное судопроизводство.—Проф. **Д. Тальберга.** 1—42

V. Введеніе въ систему международнаго права.—Профессора **О. Эйхельмана** . . . . . 103—126

VI. Гомеопатія какъ медико-философская система въ ея прошломъ и въ настоящемъ.—Лабор. **Д. Родзаевскаго** . 1—44

Критика и библіографія.

VII. Критико-библіографическая замѣтка.—Проф. **П. Алексѣева** 147—151

VIII. Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго миссала.—Проф. **Т. Флоринскаго.** 153—168

Прибавленія.

I. Опечатки къ статьѣ „О силовой функціи, допускающей данные частные интегралы“.—Проф. **Г. Суслова.**

II. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . . . I—X

III. Таблицы метеорологическихъ наблюденій за май и іюнь 1890 года.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.

23 марта 1890 года

Въ семъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ г. Ректора университета Н. К. Ренненкампфа, присутствовали г.г. деканы: В. Г. Демченко, Ѳ. М. Гарничъ-Гарницкій, Ѳ. Я. Фортинскій; члены: В. С. Иконниковъ, И. В. Лучицкій, Ю. А. Кулаковскій, Т. Д. Флоринскій, А. В. Праховъ, П. В. Владиміровъ, М. Е. Ващенко-Захарченко, М. Ѳ. Хандриковъ, П. П. Алексѣевъ, Н. А. Бунге, Н. В. Баранецкій, В. П. Ермаковъ, Н. Н. Шиллеръ, И. Ѳ. Шмальгаузенъ, А. А. Коротневъ, П. Н. Венюковъ, П. П. Цитовичъ, А. Я. Антоновичъ, Д. И. Пихно, О. О. Эйхельманъ. В. А. Бецъ, А. Х. Ринекъ, К. Г. Тритшель, И. А. Сикорскій, Г. Е. Рейнъ, В. В. Чирковъ, Ѳ. И. Кнауэръ, І. А. Леціусъ, А. И. Сонни, Б. Я. Букрѣевъ, А. П. Эльтековъ, Г. К. Сусловъ, Ф. А. Лешь, Е. И. Афанасьевъ, П. И. Морозовъ, А. А. Садовень, А. Д. Павловскій и В. Е. Черновъ.

Не присутствовали: по болѣзни *Ѳ. Ѳ. Эргардтъ* и *Н. А. Ѳаворовъ;* по нахожденію въ отпуску *М. Ф. Владимірскій-Будановъ;* по неизвѣстнымъ причинамъ: *В. Б. Антоновичъ, К. М. Ѳеофилактовъ, И. И. Рахманиновъ, М. П. Авенаріусъ, П. Э. Ромеръ, О. В. Баранецкій, А. В. Романовичъ-Славатинскій, Д. Г. Тальбергъ, В. А. Караваевъ, П. И. Перемежко, К. Г. Гейбель,*

В. А. Субботинъ, Г. Н. Минхъ, А. В. Ходинъ, М. И. Стуковенковъ, С. И. Чирьевъ, Ѳ. К. Борнгауптъ, Н. П. Дашкевичъ, Л. Н. Казанцевъ, П. Я. Армашевскій, Н. А. Оболонскій, Т. И. Лоначевскій-Петруняка и *В. В. Подвысоцкій.*

Слушали: 1) Протоколъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 20 декабря 1889 года. Опредѣлили: протоколъ этотъ утвердить и, по подписаніи, представить г. попечителю кіевск. учебнаго округа, на основаніи 31 ст. устава университетовъ.

2) Письмо Императорскаго Московскаго археологическаго общества отъ 1 марта 1890 г. за № 176, съ выраженіемъ благодарности университету св. Владиміра за поздравленія и пожеланія, которыми университотъ удостоилъ общество въ день юбилейнаго его торжества.

Опредѣлили: объ изложенномъ записать въ протоколъ настоящаго засѣданія.

3) Письмо Конференціи Императорской военно-мед. академіи отъ 25 января 1890 г. за № 425 съ выраженіемъ университету св. Владиміра благодарности за выраженное университетомъ сочувствіе по случаю смерти профессора сказанной академіи Боткина.

Опредѣлили: объ этомъ записать въ протоколъ настоящаго засѣданія.

4) Слушали предложеніе г. попечителя кіевскаго учебнаго округа отъ 14 марта 1890 г. за № 2171 о Высочайшемъ соизволеніи на измѣненіе 71 ст. устава университетовъ и на разрѣшеніе университетамъ, въ видѣ временной мѣры, обозрѣнія преподаванія представлять министру народнаго просвѣщенія одинъ разъ въ годъ, предъ началомъ каждаго академическаго года; о перемѣнахъ-же въ обозрѣніи преподаванія, университеты обязаны по прежнему представлять по правиламъ ст. 71 упомянутаго устава.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію и руководству.

5) Предложеніе г. попечителя кіевскаго учебнаго округа отъ 19 марта 1890 г. за № 2288 о возведеніи экстра-ординарныхъ профессоровъ университета св. Владиміра въ ординарные: *Кнауэра, Леціуса и Букрѣева,* съ 26 февраля 1890 г.

Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

6) Предложеніе г. попечителя кіевскаго учебнаго округа отъ 1 февраля 1890 г. за № 927, объ опредѣленіи 1 февраля сего года бывш. учителя Бѣлоцерковскаго реальнаго училища кол. сов. Льва *Лунда* лаборантомъ технической лабораторіи.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

7) Предложеніе г. попечетеля кіевскаго учебнаго округа отъ 15 февраля 1890 г. за № 1280, объ опредѣленіи кандидата естественныхъ наукъ Николая *Успенскаго* сверхштатнымъ лаборантомъ химической лабораторіи съ 15 февраля 1890 года.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

8) Отъ 17 февраля 1890 г. за № 1374, объ оставленіи на 3 лѣтній срокъ сверхштатными ординаторами акушерской клиники лѣкарей *Писемскаго и Быкова*.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

9) Представленія историко-филологич. факультета объ удостоеніи степени доктора: всеобщей исторіи Николая *Любовича*, и русской исторіи *П. Н. Буцинскаго*.

Опредѣлили: утвердить гг. *Любовича и Буцинскаго* въ означенной степени и выдать имъ на таковую дипломы.

10) Представленіе юридическаго факультета объ удостоеніи г. *Яснопольскаго* въ степени магистра законовъ о финансахъ.

Опррдѣлили: утвердить г. *Яснопольскаго* въ означенной степени и выдать ему на таковую дипломъ.

11) Объ удостоеніи нѣкоторыхъ лицъ въ степени и званіяхъ по историко-филологическому факультету.

Совѣтъ университета св. Владиміра, по выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи своемъ представленій историко-филологическаго фактльтета о результатахъ окончательныхъ испытаній и объ удостоеніи званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата, а также по разсмотрѣніи документовъ всѣхъ нижепоименованныхъ лицъ опредѣлилъ:

1) На основаніи § 110 общаго устава университетовъ 1863 г. и 8 п. Высочайше утвер. въ 15 день августа 1884 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта утвердить:

а) въ степени кандидата *Арабажина* Константина.

б) въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ получить кандидата: *Балаклѣева* Ивана, *Лихотинскаго* Сергѣя, *Лисѣвича* Анатолія, *Ярошенко* Владиміра

и в) въ званіи дѣйствительнаго студента: *Бордоноса* Николая.

12) Объ удостоеніи въ степеняхъ и званіяхъ нѣкоторыхъ лицъ по физико-математическому факультету.

Совѣтъ университета св. Владиміра, по выскушаніи въ настоящемъ засѣданіи своемъ представленій физико-математическаго факультета о результатахъ окончательныхъ испытаній и объ удостоеніи званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата, а также по разсмотрѣніи документовъ всѣхъ нижепоименованныхъ лицъ, опредѣлилъ:

1) На основаніи § 110 общаго устава университетовъ 1863 года и 8 п. Высочайше утвержденнаго въ 23 день августа 1884 года мнѣнія Государственнаго Совѣта утвердить:

а) въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ получить степень кандидата: *Боровикова* Виталія, *Бузню* Александра, *Караваева* Владиміра, *Кузнецкаго* Петра, *Михновскаго* Антона.

б) въ званіи дѣйствительнаго студента: *Вороного* Михаила, *Роханскаго* Сергѣя, *Клюшникова* Николая.

и 2) просить г. попечитель кіевскаго учебнаго округа исключить Абрама *Добраго,* Александра *Крижицкаго* и Ивана *Лукашева* изъ сословія купцовъ и Василія *Левченко* изъ сословія мѣщанъ и по исключеніи ихъ выдать *Доброму* дипломъ на степень кандидата физико-математическаго факультета, а *Крижицкому, Лукашеву* и *Левченко,* а также остальнымъ вышепоименованнымъ лицамъ—аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента тогоже факультета.

13) Объ удостоеніи нѣкоторыхъ лицъ въ степени и званіяхъ по юридическому факультету.

Совѣтъ университета св. Владиміра, по выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи своемъ представленій юридическаго факультета и результатахъ окончательныхъ испытаній и объ удостоеніи званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата, а также по разсмотрѣніи документовъ всѣхъ нижепоименованныхъ лицъ, опредѣлилъ:

1) На основаніи § 110 общаго устава университетовъ 1863 года и 8 п. Высочайше утвержденнаго въ 23 день августа 1884 г. мнѣнія Госуд. Совѣта утвердить:

а) въ степени кандидата: *Томашевскаго* Цезарія, *Чекерскаго* Леонида, *Мурзича* Адама *Юкина* Алексѣя, *Антонова* Михаила Филатьевича, *Щепановскаго* Владислава, *Зоханова* Николая и *Войтенко* Ивана;

б) въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ получить степень кандидата по представленіи диссертаціи: *Маслова* Константина, *Долячко* Брониславa

и в) званія дѣйствительнаго студента: *Филонова* Алексѣя и *Рутковскаго* Николая.

и 2) Выдать вышепоименованнымъ лицамъ установленныя аттестаты и дипломы.

14) Слушали: 1) Хозяйственный отчетъ по имѣніямъ и имуществу Коллегіи Павла Галлагана за 1889 г. 2) хозяйственный отчетъ по Коллегіи за 1889 г. 3) отчетъ о состояніи учебно вспомогательной част Коллегіи за тотъ же годъ и 4) копіи протокола засѣданія Совѣта Коллегіи 26 января 1890 г.

Опредѣлили: на основаніи § 9 уст. Коллегіи отчетъ этотъ представить г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа.

15) Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ университета св. Владиміра, разсмотрѣвъ росписаніе доходовъ и расходовъ суммъ по содержаніи университета въ 1891 г., большинствомъ голосовъ (29 противъ 10) опредѣлилъ представить таковое г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа съ особыми мнѣніями нѣкоторыхъ профессоровъ на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія.

16) Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ университета св. Владиміра, согласно съ постановленіемъ физико-математическаго факультета единогласно постановилъ: въ день 25 лѣтія (7 мая 1890 г.) предсѣдательства президента Императорскаго минералогическаго общества Его Императорскаго Высочества князя Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго поднести Его Высочеству отъ имени Императорскаго университета св. Владиміра привѣтственный адресъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ваше Императорское Высочество! Совѣтъ университета св. Владиміра, движимый чувствомъ глубокаго уваженія къ высоко-благотворному покровительству и руководству Вашего Императорскаго Высочества дѣятельностью минералогическаго общества, имѣетъ честь просить Ваше Высочество принять благосклонно почтительнѣйшее поздравленіе съ исполнившимся двадцати-пяти-лѣтіемъ президенства Вашего Императорскаго Высочества въ минералогическомъ обществѣ“.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.

24 мая 1890 года.

Въ засѣданіи этомъ, подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность ректора, декана юридическаго факультета В. Г. Демченко, присутствовали: деканы: Ѳ. Я. Фортинскій, Ѳ. М. Гарничъ-Гарницкій, К. Г. Гейбель; ординарные профессоры: В. С. Иконниковъ, И. В. Лучицкій, Т. Д. Флоринскій, П. В. Владиміровъ, К. М. Ѳеофилактовъ, И. И. Рахманиновъ, М. Ѳ. Хандриковъ, П. П. Алексѣевъ, Н. А. Бунге, О. В. Баранецкій, Н. Н. Шиллеръ, П. Н. Венюковъ, Д. И. Пихно, В. А. Бецъ, А. Х. Ринекъ, М. И. Стуковенковъ, И. А. Сикорскій, В. В. Чирковъ, Ѳ. И. Кнауэръ, Б. Я. Букрѣевъ; экстра-ординарные профессоры: А. И. Сонни, П. Я. Армашевскій, А. П. Эльтековъ, Н. А. Оболонскій, Е. И. Афанасьевъ, П. И. Морозовъ и А. А. Садовень;

Не присутствовали: заслуженный профессоръ Богословія *Н. А. Ѳаворовъ*, заслуженный профессоръ *Ѳ. Ѳ. Эргардтъ*, ординарные профессоры: *А. Я. Антоновичъ*, *Д. Г. Тальбергъ* и экстра-ординарный профессоръ *Н. П. Дашкевичъ*—по болѣзни; ординарные профессоры: *Г. Н. Минхъ*, *А. В Праховъ*, *А. А. Коротневъ*, *М. Ф. Владпмірскій-Будановъ и П. П. Цитовичъ*—по нахожденію въ командировкѣ, *Ю. А. Кулаковскій* и *П. И. Перемежко* и экстра-ординарный профессоръ *М. А. Тихомировъ* — по нахожденію въ

отпуску; ординарные профессоры: *В. Б. Антоновичъ, М. П. Авенаріусъ, П. Э. Ромеръ, Н. В. Бобрецкій, В. Ш. Ермаковъ, И. Ѳ. Шмальгаузенъ, А. В. Романовичъ-Славатинскій, О. О. Эйхельманъ, В. А. Караваевъ, В. А. Субботинъ, К. Г. Тритшель, А. В. Ходинъ, С. И. Чирьевъ, Г. Е. Рейнъ, Ѳ. К. Борнгауптъ, І. А. Лецiусъ;* экстра-ординарные профессоры: *А. Н. Казанцевъ, Г. К. Сусловъ, Ф. А. Лешъ, Т. И. Лоначевскій-Петруняка, В. В. Подвысоцкій, А. Д. Павловскій и В. Е. Черновъ*—по неизвѣстнымъ причинамъ.

1) Слушали протоколъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 23 марта 1890 г. Опредѣлили: протоколъ этотъ утвердить, и по подписаніи, представить г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа, на основаніи § 31 ст. уст. рус. университетовъ 1884 года.

2) Слушали: представленіе историко-филологическаго факультета отъ 7 мая 1890 г. слѣдующаго содержанія.

Историко-филогогическій факультетъ въ засѣданіи 5-го мая слушалъ представленіе г.г. ординарныхъ профессоровъ: *Т. Д. Флоринскаго, Ѳ. А. Фортинскаго, П. В. Владимірова и Ю. А. Кулаковскаго* о возведеніи экстра-ординарнаго профессора *Н. П. Дашкевича,* пріобрѣвшаго учеными трудами почетную извѣстность, въ степень доктора исторіи всеобщей литературы. Факультетъ отнесся съ самымъ живымъ сочувствіемъ къ представленію вышепоименованныхъ г.г. профессоровъ и съ своей стороны считая вполнѣ своевременнымъ почтить ученыя заслуги сочлена, пріобрѣвшаго себѣ почетную извѣстность многочисленными, весьма цѣнными, трудами, единогласно опредѣлилъ: „на основаніи ст. 89-й Высочайше утвержденнаго общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ удостоить профессора *Н. П. Дашкевича* степени доктора исторіи всеобщей литературы“:

Таковое свое опредѣленіе, вмѣстѣ съ подлиннымъ представленіемъ г.г. профессоровъ *Флоринскаго, Фортинскаго, Владимірова* и *Кулаковскаго* *), факультетъ на основаніи ст. 30 § III п. 10 симъ имѣетъ честь представить на заключеніе Совѣта.

---

*) Представленіе это будетъ напечатано особымъ приложеніемъ къ протоколу настоящаго засѣданія Совѣта.

Затѣмъ Совѣтъ университета, выслушавъ представленіе поименованныхъ четырехъ профессоровъ, единогласно призналъ *Н. П. Дашкевича* достойнымъ, по его ученымъ трудамъ, степени доктора исторіи всеобщей литературы безъ испытанія и публичнаго защищенія диссертаціи и потому постановилъ: на основаніи ст. 89 устава университетовъ изд. 1884 г. просить ходатайства г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. *Дашкевича* въ степени доктора исторіи всеобщей литературы.

3) Слушали докладъ: на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій опредѣлена штатомъ университетовъ изд. 1884 г. общая сумма 20750 р. въ годъ, изъ коей по факультетамъ: историко-филологическому 1250 р., физико-математическому 13,000 р. и медицинскому 6,500 рублей.

Распредѣленіе этихъ суммъ въ частности на каждый кабинетъ и лабораторію предоставлено уставомъ (ст. 27, § 11 п. II уст.) факультетамъ съ одобрѣнія Совѣта университета и утвержденія г. попечителя округа (ст. 30, § II п. 3 устава).

На 1890 годъ распредѣленіе упомянутой суммы факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ и медицинскимъ признано такое же, какое было утверждено г. попечителемъ округа предложеніемъ ота 29-го декабря 1884 г. за № 11047.

Совѣтъ университета, соглашаясь съ постановленіями факультетовъ, опредѣлилъ представить таковыя на утвержденіе г. попечителя округа.

4) Совѣтъ университета св. Владиміра, по выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи представленія физико-математическаго факультета объ удостоеніи степени кандидата, дѣйствительныхъ студентовъ *Венюкова* и *Маньковскаго* Виктора опредѣлилъ: 1) на основаніи § 110 устава университетовъ1863 г. и VIII п. Высочайше утвержденнаго въ 23 день августа 1884 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, утвердить въ степени кандидата физико-математическаго факультета *Венюкова* по отдѣлу естественныхъ наукъ и *Маньковскаго* по отдѣлу математическихъ наукъ.

5) Слушали: представленіе медицинскаго факультета отъ 5-го мая сего года за № 381 о томъ, что медицинскій факультетъ на

основаніи существующихъ правилъ въ засѣданіи 3-го мая сего 1890 года утвердилъ Ѳеофила Гавріиловича *Яновскаго* въ степени доктора медицины.

Опредѣлили: 1) объ изложенномъ записать въ протоколъ настоящаго засѣданія и 2) выдать г. *Яновскому* на эту степень установленный дипломъ, отобравъ отъ него дипломъ на степень лѣкаря, для уничтоженія.

6) Слушали: представленія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ о вознагражденіи приватъ-доцентовъ, по каѳедрѣ русскаго языка и словестности *В. Н. Малинина* и по каѳедрѣ русской исторіи *П. В. Голубовскаго* и по предмету сравнительной анатоміи *В. К. Совинскаго*, за читанныя ими въ весеннемъ полугодіи 1890 г. лекціи, первыми двумя по 2 часа, а послѣднимъ по 6 ч. въ недѣлю.

Опредѣлили: просить ходатайства г. попечителя кіевскаго учебнаго округа о выдачѣ Г.г. *Малинину* и *Голубовскому* сказаннаго вознагражденія въ размѣрѣ по 200 р. каждому, а г. *Совинскому* 600 руб., на основаніи 112 ст. устава университетовъ, изд. 1884 г., и распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія, изложеннаго въ предложеніи бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 10 февраля 1887 г. за № 1460.

7) Слушали: нижесказанныя предложенія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

1) Объ оставленіи лекаря съ отличіемъ Роберта *Шиндлера* до истеченія трехлѣтняго срока въ должности штатнаго ординатора хирургической факультетской клиники.

2) Объ утвержденіи лекаря *С. Розова* въ должности сверхштатнаго ординатора акушерской клиники.

3) Объ утвержденіи лекаря *А. Янченка* въ должности сверхштатнаго ординатора хирургической факультетской клиники.

4) Объ увольненіи отъ должности декана медицинскаго факультета профессора *Эргардта* и объ утвержденіи въ этомъ званіи профессора *Гейбеля*.

5) О назначеніи приватъ-доцента Московскаго университета *Тихомирова* по каѳедрѣ анатоміи и объ оставленіи профессора *Беца* по выслугѣ 30-ти лѣтъ въ званіи профессора.

6) Объ оставленіи профессора *Иконникова* по выслугѣ имъ 25 лѣтъ на службѣ при университетѣ св. Владиміра.

7) Объ утвержденіи профессора *Авенаріуса и Алексѣева* въ званіи заслуженныхъ профессоровъ.

8) О назначеніи приватъ-доцента *Роговича* экстра-ординарнымъ профессоромъ Томскаго университета по каѳедрѣ теоретической хирургіи.

9) Объ увольненіи профессора *Лоначевскаго* отъ должности секретаря медицинскаго факультета и о назначеніи на эту должность профессора *Морозова*.

и 10) Объ опредѣленіи коллежскаго регистратора *Лачинова* и. д. экзекутора университета.

Опредѣлили: прописанныя предложенія привести въ исполненіе.

8) Слушали посланный Новороссійскому университету отъ университета св. Владиміра привѣтственный адресъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Въ знаменательный день окончанія двадцати пяти-лѣтней плодотворной дѣятельности Императорскаго Новороссійскаго университета, университетъ св. Владиміра шлетъ ему свой товарищескій привѣтъ. Основанный на сѣверномъ берегу Чернаго моря, гдѣ съ незапамятныхъ временъ совершается культурная борьба между представителями различныхъ народностей, Новороссійскій университетъ съ честью выполнялъ свою естественную задачу разъяснять историческій ходъ этой борьбы въ прошедшемъ и содѣйствовать разрѣшенію ея на пользу и во славу русской народности въ настоящемъ. Да будетъ же дѣятельность профессоровъ и питомцевъ Новороссійскаго университета и впредь плодотворна для изученія природы, исторіи и быта Юга Россіи, для котораго университетъ служитъ умственнымъ центромъ; да держитъ онъ высоко въ этомъ краѣ знамя науки и русской народности“.

Приложеніе къ протоколу засѣданія Совѣта.

Въ Историко-филологическій факультетъ Императорскаго Университета Св. Владиміра.

24 мая 1890 года.

Руководясь чувствомъ справедливости и сознаніемъ высшаго нравственнаго долга, мы, нижеподписавшіеся, считаемъ своевременнымъ обратить вниманіе факультета на ученыя заслуги нашего сочлена, профессора Николая Павловича Дашкевича.

Питомецъ Университета Св. Владиміра, проф. Дашкевичъ уже 13 лѣтъ занимаетъ на нашемъ факультетѣ одну изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ каѳедръ исторіи западноевропейскихъ литературъ, отдаваясь изученію и преподаванію своего предмета съ рѣдкою любовью и энтузіазмомъ. Уже 17 лѣтъ онъ самостоятельно и неутомимо работаетъ на научномъ поприщѣ. Въ 1873 г. была напечатана первая его ученая работа „Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ“, удостоенная Совѣтомъ Университета золотой медали и встрѣченная ученой критикой какъ талантливая монографія по русской исторіи. Съ той поры общее число трудовъ Николая Павловича, большихъ и малыхъ, возросло до *двадцати пяти*. Труды эти весьма разнообразны по содержанію и прекрасно свидѣтельствуютъ о разносторонности ума, обширности познаній и замѣчательной эрудиціи ихъ автора; они посвящены изученію русской исторіи, исторіи русской литературы, западныхъ литературъ и народной словесности.

Интересъ къ занятіямъ исторіей Западной и Юго-Западной Руси, вынесенный проф. Дашкевичемъ еще съ университетской скамьи,

не оставлялъ его и послѣ перехода къ спеціальнымъ изученіямъ въ области наукъ занимаемой имъ каѳедры.—Вслѣдъ за „Даніиломъ Галицкимъ“ въ 1874 г. имъ было написано замѣчательное изслѣдованіе „Болоховская земля и ея значеніе“, вызвавшее оживленныя пренія на третьемъ Археологическомъ съѣздѣ и напечатанное въ трудахъ этого съѣзда. Тому же вопросу позже, черезъ десять лѣтъ (1884 г.), проф. Дашкевичъ посвятилъ еще особую статью „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ“ (Унив. извѣстія 1884). Въ 1884 г. явилась въ свѣтъ его небольшая но весьма цѣнная работа „Первая унія Руси съ католичествомъ“ (1246—1254), а въ слѣдующемъ (1885) году изданы были отдѣльной книгой печатавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ „Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства“. Въ этой монографіи (192 стр.) авторъ, отправляясь отъ критики извѣстнаго сочиненія проф. В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго“ (К. 1878), даетъ цѣльное, основанное на самостоятельномъ, глубокомъ изученіи источниковъ, изложеніе процесса возникновенія и развитія литовско-русскаго государства съ древнѣйшихъ временъ до паденія его. Наконецъ, къ сочиненіямъ по русской исторіи относятся два этюда: „Данныя для древне-русской исторіи въ IV и V т.т. изд. Monumenta Poloniae historica“, напечатанные въ Унив. Извѣстіяхъ за 1885 и 88 г. Въ перечисленныхъ трудахъ проф. Дашкевичемъ поставлены, разъяснены и рѣшены многіе важные вопросы по исторіи Галицкаго княжества, Литовско-русскаго государства и Болоховской земли. Всѣ эти труды, по отзывамъ нашихъ извѣстныхъ историковъ (К. Н. Бестужевъ-Рюмина, Д. И. Иловайскаго, М. О. Кояловича), вполнѣ исчерпываютъ литературу каждаго изслѣдуемаго авторомъ вопроса, отличаются строгою научностью и новизною выводовъ и существенно обогащаютъ отечественную историографію.

Но какъ ни важны труды проф. Дашкевича по русской исторіи, они составляютъ только одну сторону его ученой дѣятельности. Спеціальныя занятія его сосредоточены главнѣйше въ области различныхъ предметовъ, относящихся къ занимаемой имъ каѳедрѣ исторіи западно-европейскихъ литературъ. Здѣсь ученые его интересы столь же обширны, сколь разнообразны. Изученіе западно-европейскихъ литературъ онъ соединяетъ, какъ и слѣдуетъ русскому ученому, съ изученіемъ русскихъ и славянскихъ литературъ. Онъ из-

слѣдуетъ судьбы средневѣковаго романтизма и новѣйшей романтики на Западѣ и въ то же время изучаетъ отраженіе западно-романтизма въ русской литературѣ, занимается провансальской поэзіей и пишетъ о русскомъ былевомъ эпосѣ, анализуетъ частныя и общія явленія итальянской, англійской, французской и нѣмецкой литературъ и входитъ въ самое глубокое и подробное разсмотрѣніе украинской и польской литературъ. Критическій историкъ, онъ заявляетъ себя всюду и глубокимъ изслѣдователемъ литературныхъ памятниковъ и произведеній народнаго творчества. Широкій историческій кругозоръ облегчаетъ ему пониманіе фактовъ чисто-литературныхъ. Полная самостоятельность изслѣдованія и выдержанный критическій методъ суть основныя черты всѣхъ его историко-литературныхъ работъ.

Главнѣйшими трудами проф. Дашкевича въ этой области являются три большія сочиненія:

1) „Изъ исторіи средневѣковаго романтизма. Сказаніе о св. Гралѣ“, (К. 1877) диссертація на степень магистра исторіи всеобщей литературы. Дополненіемъ къ ней служитъ новѣйшая статья автора: „Литература св. Граля за послѣдніе годы“ (1876—1888 г.), помѣщенная въ Унив. изв. за 1888 г.

2) Разборъ сочиненія г. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.“, написанный по порученію Императорской Академіи Наукъ и удостоенный золотой Уваровской медали. Разборъ этотъ составляетъ цѣлую книгу въ 265 стр. и въ сущности долженъ быть разсматриваемъ не какъ рецензія, а какъ самостоятельное изслѣдованіе, написанное только по поводу разбора сочиненія г. Петрова. Академія Наукъ въ своемъ отчетѣ о 29-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ назвала этотъ трудъ проф. Дашкевича „замѣчательнымъ“ и онъ дѣйствительно таковъ. Въ немъ прекрасно разъяснена исторія возникновенія и развитія украинской литературы, опредѣлена степень воздѣйствія на нее общерусской и польской литературъ, охарактеризованы всѣ существовавшія въ ней теченія и направленія, наконецъ, оцѣнены всѣ главнѣйшіе ея представители. Все это выполнено съ глубокимъ знаніемъ дѣла, основанномъ на тщательномъ изученіи источниковъ и литературы предмета, и обставлено множествомъ частныхъ, весьма цѣнныхъ, историко-литературныхъ разысканій и изслѣдованій.

3) Третье большое сочиненіе, уже нѣсколько лѣтъ печатающееся въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, задумано въ обширныхъ размѣрахъ и имѣетъ цѣлью сблизить изученіе одного изъ замѣчательныхъ западно-европейскихъ эпосовъ съ изученіемъ русской былевой поэзіи. Содержаніе его раскрывается изъ его заглавія: „Древне-кельтскій народный эпосъ о королѣ Артурѣ и витязяхъ Круглаго Стола и былевыя пѣсни Кіево-Галицкой Руси“. На дняхъ долженъ выйти въ свѣтъ первый томъ этого труда, носящій заглавіе: „Романтика Круглаго Стола въ литературахъ Запада“. Здѣсь авторъ поставилъ передъ собой огромную задачу прослѣдить варіаціи рыцарскаго эпоса о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола въ литературахъ итальянской, англійской, испанской, французской, нѣмецкой, скандинавской, византійской и славянской. Работа эта у всѣхъ на виду и едвали нужно распространяться о томъ, съ какимъ мастерствомъ и эрудиціей она выполняется.

Изъ меньшихъ изслѣдованій проф. Дашкевича въ разсматриваемой области прежде всего слѣдуетъ назвать въ высшей степени талантливую работу „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей“. (К. 1883). Здѣсь авторъ впервые полно и обстоятельно выяснилъ генезисъ былинъ объ Алешѣ и доказалъ ихъ историческую основу, а также представилъ много цѣнныхъ соображеній по общему вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Работа эта вызвала нѣсколько самыхъ сочувственныхъ автору рецензій и замѣтокъ въ русской и иностранной печати. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій и этюдовъ, именно: 1) „Провансальское знатное общество и трубадурки въ періодъ разцвѣта провансальской поэзіи“ по новымъ даннымъ (К. 1884 г.), 2) „Происхожденіе и развитіе эпоса о животныхъ“ (1883 г.), 3) „Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы“ (1886 г.), 4) „Средневѣковая греко-славянская литература и ея отношеніе къ западно-европейской поэзіи“ (1887 г.), 5) „Постепенное развитіе науки исторіи литературы и современныя ея задачи“ (1877 г.), 6) „Романтика на Западѣ и въ поэзіи Жуковскаго“ (1883 г.), 7) „На могилу И. С. Тургенева“ (1883 г.), 8) „Обзоръ учено-литературной дѣятельности А. А. Котляревскаго“ (1881 г.). Наконецъ, сюда нужно прибавить нѣсколько меньшихъ статей и критико-библіографическихъ замѣтокъ, перечень коихъ находится въ прилагаемомъ при семъ полномъ спискѣ трудовъ проф. Н. П. Дашкевича.

О высокихъ научныхъ достоинствахъ историко-литературныхъ работъ проф. Дашкевича лучше всего свидѣтельствуютъ лестные отзывы о нихъ со стороны такихъ авторитетовъ въ наукѣ, какъ академики А. Н. Веселовскій и И. В. Ягичъ или А. Н. Пыпинъ, отзывы эти можно найти въ изслѣдованіяхъ: въ Сборникѣ русскаго отдѣленія Академіи наукъ, Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Archiv'ѣ für Slavische Philologie, Вѣстникѣ Европы и др.

Совокупность вышеизложенныхъ фактовъ и въ частности длинный рядъ приведенный выше болѣе или менѣе объемистыхъ трудовъ, несомнѣнно составляющихъ цѣнный вкладъ въ науку по двумъ обширнымъ отраслямъ историко-филологическаго знанія, даютъ намъ полное право предложить факультету почтить ученыя заслуги проф. Н. П. Дашкевича возведеніемъ его въ степень доктора исторіи всеобщей литературы. 1 мая 1890 года.

Ординарный профессоръ *Т. Флоринскій.*
Ординарный профессоръ *Ѳ. Фортинскій.*
Ординарный профессоръ *П. Владиміровъ.*
Ординарный профессоръ *Ю. Кулаковскій.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Полный списокъ трудовъ экстраординарнаго профессора Н. П. Дашкевича.

1) Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ. К. 1873.

2) Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи (1874 труды III-го Археологическаго съѣзда и отд. оттискъ).

3) Переводъ нѣсколькихъ главъ изъ описанія путешествія патріарха Антіохійскаго Макарія: („Матеріалы для топографіи и исторіи Кіева и его окресностей, К. 1874").

4) Изъ исторіи средневѣковаго романтизма. Сказаніе о св. Гралѣ, К. 1877. 220 стр.

5) Постепенное развитіе науки исторіи литературы и современныя ея задачи, 1877. (Унив. Изв. и отд. оттиски).

6) Обзоръ учено-литературной дѣятельности А. А. Котляревскаго, 1881 г. (Унив. Изв.).

7) Критическія замѣтки о новостяхъ иностранныхъ литературъ, 1882 г. (Унив. Изв.).

8) Романтика на западѣ и въ поэзіи В. А. Жуковскаго, 1883. (Кіевлянинъ и отд. оттиски).

9) Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей, 1883. (Унив. Изв. и отд. оттиски).

10) Происхожденіе и развитіе эпоса о животныхъ, 1883. (Унив. Извѣст.).

11) На могилу И. С. Тургенева, лекція, произнесенная 27 сентября 1883 г. (Кіевлянинъ и отд. оттиски).

12) Политическіе замыслы Витовта—по поводу книги Прохаски Ostatnie lata Witolda. Warszawa 1882. (Унив. Изв. 1883 г.).

13) Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ, 1884 г. (Унив. Изв.).

14) Первая унія Юго-западной Руси съ католичествомъ (1246—1254), 1884, 46 стр. (Унив. Изв. и отд. оттиски).

15) Провансальское знатное общество и трубадурки въ періодъ разцвѣта провансальской поэзіи, по новымъ даннымъ, 1884. 42 стр. (Унив. Изв. и отд. оттиски).

16) Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, К. 1885 г. 192 стр. (Унив. Изв. 1882—85 г.).

17) Данныя для древне-русской исторіи въ Monumenta Poloniae historica, T. IV, 1885 г. (Унив. Изв.).

18) Разборъ книги К. Абеля „Gross und Klein-russisch“, 1885 г. (Кіевская Старина 1885).

19) Древне-кельтскій народный эпосъ о королѣ Артурѣ и витязяхъ Круглаго Стола и былевыя пѣсни Кіево-Галицкой Руси (Унив. Извѣст. 1886 г.).

20) Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древнесѣверной литературы 1886 г. (Унив. Изв.).

21) Средневѣковая греко-славянская литература и ея отношеніе къ западно-европейской поэзіи, 1887 г. (Унив. Изв.).

22) Литература св. Граля за послѣдніе годы (1876—1888) (Унив. Извѣст. 1888 г.).

23) Матеріалы для русской исторіи въ Monumenta Poloniae historica. T. V, 1888 (Унив. Изв.).

24) Новѣйшая научная литература о Мольерѣ, 1888 (Унив. Извѣст.).

25) Рыцарскій эпосъ въ Италіи послѣ Аріосто, 1890 г.

26) Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада; Кіевъ, 1890.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.

31 мая 1890 года

Въ семъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ г. Ректора университета Н. К. Ренненкампфа, присутствовали г.г. деканы: К. Г. Гейбель, В. Г. Демченко, Ѳ. М. Гарничъ-Гарницкій, Ѳ. Я. Фортинскій; члены ординарные профессоры: Ю. А. Кулаковскій, Т. Д. Флоринскій, П. В. Владиміровъ, Ѳ. Ѳ. Эргардтъ, К. М. Ѳеофилактовъ, П. П. Алексѣевъ, Н. Н. Шиллеръ, И. Ѳ. Шмальгаузенъ, В. А. Бецъ, А. В. Ходинъ, В. В. Чирковъ и экстраординарные профессоры: А. И. Сонни, Б. Я. Букрѣевъ, А. П. Эльтековъ, Г. К. Сусловъ, Ф. А. Лешъ, П. И. Морозовъ и А. А. Садовень.

Не присутствовали: ординарные профессоры: *Н. А. Ѳаворовъ, А. Я. Антоновичъ и В. С. Иконниковъ* по болѣзни; *В. Б. Антоновичъ, И. В. Лучицкій, А. В. Праховъ, И. И. Рахманиновъ, М. Е. Ващенко-Захарченко, М. Ѳ. Хандриковъ, М. П. Авенаріусъ, П. Э. Ромеръ, Н. А. Бунге, О. В. Баранецкій, Н. В. Бобрецкій, В. П. Ермаковъ, А. А. Коротневъ, П. Н. Венюковъ, А. В. Романовичъ-Славатинскій, М. Ѳ. Владимірскій-Будановъ, П. П. Цитовичъ, Д. И. Пихно. Д. Г. Тальбергъ, О. О. Эйхельманъ, В. А. Караваевъ, П. И. Перемежко, А. Х. Ринекъ, В. А. Субботинъ, Г. Н. Минхъ, К. Г. Тритшель, М. И. Стуковенковъ, И. А. Сикорскій, С. И. Чирьевъ, Г. Е. Рейнъ,*

Ѳ. К. Борнгауптъ и экстраординарные профессоры: *Н. П. Дашкевичъ, Ѳ. И. Кнауэръ, І. А. Лецiусъ, А. Н. Казанцевъ, П. Я. Армашевскій, Н. А. Оболонскій, Т. И. Лоначевскій-Петруняка, В. В. Подвысоцкій, Е. И. Афанасьевъ, А. Д. Павловскій, В. Е. Черновъ, и М. А. Тихомировъ*—по неизвѣстной причинѣ.

1. О чтеніи протокола предшествовавшаго засѣданія Совѣта 24 Мая 1890 г.

Слушали протоколъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 24 мая 1890 г.

Опредѣлили: протоколъ этотъ утвердить, и, по подписаніи, представить г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, на основаніи § 31 ст. уст. рус. университетовъ 1884 года.

2. О разсмотрѣніи обозрѣнія преподаванія и росписанія лекцій на 1890—1891 годъ.

Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ Университета св. Владиміра, разсмотрѣвъ составленные факультетами сего Университета проекты обозрѣнія преподаванія и росписанія лекцій на 1890—1891 годъ, Постановилъ представить таковые на основаніи 30 ст. § III, п. 12 уст. чрезъ г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, на утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

3. Объ избраніи члена библіотечной коммиссіи.

Слушали заявленіе профессора В. Субботина о томъ, что онъ, по болѣзни, не можетъ исполнять обязанности члена библіотечной коммиссіи и потому проситъ сложить съ него эти обязанности. Опредѣлили: уволить Субботина отъ обязанности члена библіотечной коммиссіи и на мѣсто его назначить профессора В. В. Подвысоцкаго.

4. Объ учрежденіи Антропологическаго Общества при университетѣ св. Владиміра.

Слушали предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 5 марта 1890 года за № 1836 о томъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія не призналъ возможнымъ учредить при университетѣ св. Владиміра Антропологическое Общество.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

5. Объ удостоеніи степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента по Историко-филологическому, Физико-математическому и Юридическому факультетамъ.

Совѣтъ Универтитета по выслушаніи представленій Историко-филологическаго, Физико-математическаго и Юридическаго Факультетовъ о результатахъ окончательныхъ испытаній и объ удостоеніи степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента нижепоименованныхъ лицъ, а также по разсмотрѣніи ихъ документовъ—опредѣлилъ: 1,) на основаніи 110 § уст. унив. 1863 г. и VIII п. Высочайше утвержденнаго въ 15 день августа 1884 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, утвердить: *Назаренка* Аѳанасія въ званіи дѣйствительнаго студента Историко-филологическаго факультета, *Гордѣенка* Георгія въ званіи дѣйствительнаго студента того-же факультета съ правомъ получить степень кандидата, *Михновскаго* Антона въ степени кандидата естественныхъ наукъ Физико-математическаго факультета, *Шипулинскаго* Андрея въ степени кандидата Юридическаго факультета и *Лаппо-Данилевскаго* Николая въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ на степень кандидата и 2) просить ходатайства г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа объ исключеніи г. Назаренка изъ сословія казаковъ, а по воспослѣдованіи таковаго исключенія выдать ему и остальнымъ лицамъ установленные дипломы и аттестаты.

6. Объ ассигнованіи 1000 руб. на нужды химической лабораторіи.

Ходатайство медицинскаго факультета объ ассигнованіи ежегодно 1000 руб. на расходы по практическимъ занятіямъ студентовъ медицинскаго факультета въ химической лабораторіи. Опредѣлили: настоящее ходатайство представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства.

7. О программахъ испытаній въ юридической коммиссіи.

Слушали: представленіе Юридическаго факультета съ программами испытаній въ юридической коммиссіи.

Опредѣлили: настоящія программы представить чрезъ г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа на утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Борьба канцлера Мопу съ французскими парламентами въ царствованіе Людовика XV (1752—1772).

Flammermont, Jules.—Le chancelier Maupeou et les parlements. Paris. 1884.—*Rocquain, Felix.*—L'esprit révolutionnaire avant la Révolution. 1715–1789.—Paris. 1878.—Remontrances du Parlement de Paris au XVIII siècle, publiées par *Jules Flammermont.* t. I. 1715—1753. Paris. 1888.

Мм. Гг.

Предметомъ настоящаго чтенія будетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ царствованія Людовика XV, именно, моментъ возникновенія и развитія конфликта, происшедшаго между правительствомъ Людовика XV и французскими парламентами къ концу 2-й половины этого царствованія. Этотъ конфликтъ, кромѣ спеціальнаго историческаго интереса въ смыслѣ характерныхъ особенностей направленія и развитія возникшей борбы, представляетъ еще глубокій обще-историческій интересъ. Послѣдствія конфликта представляютъ одно изъ лучшихъ доказательствъ того положенія, что учрежденія, развивавшіяся путемъ продолжительнаго историческаго процесса, могутъ быть уничтожены, или постепеннымъ разложеніемъ основы, на которой они создались, или—разомъ, лишь подъ условіемъ совокупныхъ усилій цѣлаго общества. Если же такія учрежденія и могутъ быть снесены однимъ лишь декретомъ законодателя, то духъ уничтоженныхъ учрежденій обыкновенно снова возраждается, въ другой лишь формѣ, въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыми были замѣнены упраздненныя. Не менѣе интересна въ этомъ конфликтѣ и другая поучительная сторона: весьма интересно прослѣдить, какъ учрежденіе, созданное въ духѣ извѣстнаго режима и долго развивавшееся въ этомъ направленіи, начинаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ измѣнять своему основному

характеру, дѣйствуя разрушительно на самый режимъ наравнѣ съ тѣми разлагающими факторами, съ которыми оно, повидимому, ничего общаго не имѣетъ. Протесты французскихъ парламентовъ въ XVIII в. такъ же подкапывали основы старинной французской монархіи, какъ и преслѣдовавшаяся ими скептическая литература философіи XVIII в., какъ и новыя соціально-политическія и экономическія ученія, направленныя противъ тенденцій неумѣренно развившагося абсолютизма, какъ и вообще всѣ тѣ революціонные элементы, для которыхъ былъ невыносимъ такъ называемый „Ancient Régime“.

Въ исторіи учрежденій старинной французской монархіи парламенты представляютъ своеобразное, оригинальное явленіе въ отношеніи той роли, которую они играли въ продолженіи своего многовѣковаго существованія. Обязанные своимъ происхожденіемъ и развитіемъ королевской власти, являясь учрежденіями по самой своей сущности монархическими, французскіе парламенты, какъ извѣстно, играли нерѣдко роль, далеко не соотвѣтствовавшую видамъ центральной власти. Такъ, Парижскій парламентъ, будучи нѣкогда учрежденіемъ, содѣйствовавшимъ упроченію и развитію этой власти, являлся часто лишь посредникомъ между королемъ и народомъ, а нерѣдко и явно противился видамъ и намѣреніямъ короля: родное дѣтище королевской власти иногда оказывалось капризнымъ, своенравнымъ, не подчинявшимся материнской власти и авторитету.

Изъ незначительнаго, повидимому, права регистрировать (droit d'enregistrement) королевскія распоряженія (послѣ чего лишь онѣ получали силу закона) и права дѣлать свои представленія (droit des remontrances) на эдикты короля, парламенты создали себѣ привилегію быть высшими контрольными учрежденіями всѣхъ верховныхъ распоряженій, и, примѣняя эту привилегію на дѣлѣ, они изъ учрежденій, по своимъ функціямъ чисто судебныхъ, превращались въ учрежденія политическія.

Право регистраціи королевскихъ эдиктовъ и ордонансовъ было сначала лишь простою формальностью, требовавшеюся отъ Парижскаго парламента, старѣйшаго изъ парламентовъ, а право дѣлать замѣчанія и представленія по поводу этихъ эдиктовъ основывалось на старинномъ феодальномъ правѣ вассаловъ дѣлать во время судебныхъ засѣданій свои представленія сеньору, отъ котораго они находились въ зависимости. Но съ половины XV в. (въ царствова-

нiи Людовика XI) Парижскiй парламентъ, а позже и остальные, начинаютъ отказывать королю въ регистрацiи его эдиктовъ, и энергическiе и властолюбивые короли, лишь оказывая сильное давленiе на парламенты (par très exprès commandement) принуждаютъ ихъ къ требуемой регистрацiи. Парламенты же, въ случаѣ вынужденiя со стороны короля нежелательной для нихъ регистрацiи, прибѣгали тогда къ другимъ мѣрамъ пассивнаго протеста: они задерживали (arrêtaient) приведенiе въ исполненiе и публикацiю тѣхъ эдиктовъ, которые уже получили санкцiю вынужденной регистрацiи.

Если мы примемъ во вниманiе, что парламенты, особенно Парижскiй, старались захватить въ свои руки вліянiе и на другiя государственныя дѣла, не входившiя непосредственно въ кругъ ихъ вѣдомства (контроль договоровъ, заключавшихся съ иностранными государствами, утвержденiе налоговъ, регистрацiя папскихъ буллъ, имѣющихъ отношенiе къ французской церкви, право высшей апелляцiонной юрисдикцiи на рѣшенiя церковныхъ судовъ и проч.), то намъ будетъ понятно, что политическая роль и значенiе парламентовъ являлись для королей силой довольно грозной. А если къ этому еще прибавить, что парламенты почти всегда дѣйствовали солидарно, устраивая иногда чуть не стачки, то сила парламентовъ пріобрѣтаетъ еще большiй вѣсъ и значенiе.

Это политическое значенiе парламентовъ получаетъ особенную силу въ XVII и XVIII вв. Мы знаемъ, какими силами располагалъ Парижскiй парламентъ во время движенiя, извѣстнаго подъ именемъ Фронды. Если парламенты часто стояли лишь за свои корпоративные, кастическiе интересы, тѣмъ не менѣе, съ потерей значенiя Генеральныхъ Штатовъ (послѣдній созывъ который былъ въ 1614 г.), они являлись единственнымъ легальнымъ оплотомъ противъ неумѣреннаго деспотизма королей. Не будучи учрежденiями представительнаго характера, парламенты, тѣмъ не менѣе, отстаивая общественные интересы, по силѣ своего политическаго вліянiя какъ бы замѣняютъ собой иногда представительныя учрежденiя.

Ослабленные въ царствованiе Людовика XIV (отнявшаго у нихъ droit des remontrances до регистрацiи), абсолютизмъ, котораго подавлялъ вообще всякую свободу въ государствѣ, парламенты въ царствованiе его преемника Людовика XV снова начинаютъ возвышать голосъ среди тѣхъ неурядицъ въ управленiи, которыя, начавшись

въ это царствованіе, тянулись до самаго дня революціи. Получивъ снова droit des remontrances въ періодъ регенства (за содѣйствіе, оказанное Парижскимъ парламентомъ герцогу Орлеанскому въ полученіи верховной власти), парламенты начинаютъ широко пользоваться этимъ правомъ, и скоро регентъ долженъ былъ почувствовать, какой дорогой цѣной куплено было содѣйствіе Парижскаго парламента.

Не останавливаясь на политической роли парламентовъ въ періодъ регенства и министерства Флери, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію политической дѣятельности парламентовъ въ періодъ самостоятельнаго правленія Людовика XV съ 50-хъ годовъ XVIII ст. Упомянемъ лишь, что въ предшествовавшій разсматриваемому періодъ Парижскій парламентъ за протестъ по вопросамъ религіознымъ и финансовымъ подвергался двукратному изгнанію: разъ, въ 1720 г., за протестъ противъ операцій Джона Ло́, и другой разъ, въ 1732 г., за протестъ противъ покушеній іезуитской партіи на свѣтскую власть. Въ обоихъ этихъ случаяхъ парламентъ однако вскорѣ послѣ изгнанія былъ возстановляемъ въ своихъ правахъ въ виду полнаго сочувствія всего общества къ его оппозиціи.

Но наиболѣе серьезный характеръ столкновенія правительства Людовика XV съ парламентами пріобрѣтаютъ съ 1752 г. Поводомъ къ столкновеніямъ послужила та ожесточенная борьба религіозныхъ партій (янсенистовъ и ультрамонтановъ), которая, начавшись еще въ царствованіе Людовика XIV и обострившаяся въ періодъ регенства подтвержденіемъ папской буллы „Unigenitus“, приняла теперь небывалые размѣры. Духовенство ультрамонтанской партіи (приверженцевъ буллы Unigenitus, направленной главнымъ образомъ противъ ученія янсенистовъ) съ начала 50-хъ годовъ начинаетъ, въ интересахъ давленія на противную партію, отказывать умирающимъ въ Таинствахъ, разъ они не представляли доказательствъ, т. н. billets de confession, въ признаніи авторитета буллы. Такой пріемъ борьбы, одобренный самимъ архіепископомъ Парижскимъ, вызвалъ живѣйшее негодованіе въ обществѣ. Парижскій парламентъ, усматривая въ дѣйствіяхъ ультрамонтанской партіи происки іезуитовъ и разсчитывая на сочувствіе всего общества, энергично протестовалъ противъ столь незаконнаго отказа въ Таинствахъ, началъ привлекать къ суду виновныхъ въ отказѣ священниковъ и даже созвалъ собраніе перовъ

для преданія суду самого архіепископа Парижскаго (Christophe de Beaumont), издавъ указъ о конфискаціи его духовныхъ имуществъ. Король, находившійся подъ вліяніемъ іезуитовъ, рѣшилъ поддержать архіепископа и декретомъ Государственнаго Совѣта кассировалъ постановленіе Парижскаго парламента. Но парламентъ вскорѣ (9 апр. 1753 г.) представилъ королю свои знаменитыя „grands remontrances“, представлявшія цѣлый трактатъ изъ 23 статей, въ которыхъ выяснялись всѣ злоупотребленія духовенства съ ихъ покушеніемъ на свѣтскую власть, съ ихъ стремленіемъ освободиться отъ всякой свѣтской юрисдикціи; вмѣстѣ съ этимъ, въ remontrances выяснялись права парламента въ дѣлѣ законодательства съ упреками правительству въ томъ, что оно, то въ качествѣ орудія, то въ качествѣ союзника, поддерживая агитацію духовенства, попирало эти права, угрожая тѣмъ разрушить всякій политическій порядокъ въ государствѣ.

При составленіи этихъ remontrances первымъ президентомъ Grand' Chambre въ парламентѣ былъ Мопу, отецъ будущаго канцлера, Мопу же сынъ былъ пока лишь однимъ изъ présidents à mortier (второстепенные президенты Grand' Chambre).

Король отказался принять эти remontrances, а парламентъ въ свою очередь отказался отъ исполненія своихъ парламентскихъ обязанностей, „въ ожиданіи, пока королю угодно будетъ ихъ благосклонно выслушать“. За этотъ протестъ Парижскій парламентъ былъ изгнанъ изъ Парижа, исключая палаты Grand' Chambre, на уступки которой правительство разсчитывало по преклонности возраста ея членовъ и ради пенсій, получаемыхъ ими отъ двора. Но и члены Grand' Chambre, послѣ рѣчи, обращенной къ нимъ президентомъ Мопу-отцомъ, изъявили желаніе раздѣлить участь своихъ изгнанныхъ товарищей. Тогда и Grand' Chambre подверглась изгнанію сначала въ Понтуазъ, а затѣмъ въ Суассонъ; вмѣсто же парламента была учреждена особая, замѣняющая его коммиссія „Chambre Royale“, названная въ обществѣ „подставнымъ парламентомъ“ (le „Parlement postiche“). Но этотъ „подставной“ парламентъ не имѣлъ никакого авторитета ни въ глазахъ общества, ни въ глазахъ нисшихъ подчиненныхъ судебныхъ инстанцій: тяжущіеся не хотѣли къ нему обращаться, а подчиненныя инстанціи отказывали въ повиновеніи. Правительство, очутившись въ виду этого въ затруднительномъ поло-

женіи, ухудшаемомъ борьбой регіліозныхъ партій, рѣшило войти въ соглашеніе съ изгнаннымъ парламентомъ. Результатомъ соглашенія, происходившаго при посредничествѣ Мопу-отца, было возвращеніе парламента подъ условіемъ полнаго молчанія со стороны послѣдняго о причинахъ, вызвавшихъ конфликтъ.

Но согласіе между правительствомъ и парламентомъ продолжалось недолго. Спустя годъ возникли новыя недоразумѣнія, принявшія весьма острый характеръ. Поводомъ послужила изданная правительствомъ декларація (10 октября 1755 г.), по которой права высшей аппеляціонной юрисдикціи по церковнымъ дѣламъ были перенесены съ парламента на Верховный Совѣтъ (Grand Conseil). Мѣра эта объясняется происками ультрамонтанской партіи, которой Grand Conseil въ большинствѣ случаевъ оказывалъ поддержку. Парламентъ протестовалъ противъ этой мѣры, а провинціальные парламенты черезъ посланныхъ ими въ Парижъ депутатовъ обѣщали Парижскому парламенту свое содѣйствіе, заявивъ, что они съ Парижскимъ составляютъ одно цѣлое, раздѣленное лишь на отдѣльные классы („un seul corps, divisé en differentes classes“). Этотъ коллективный протестъ грозилъ уже весьма серьезными затрудненіями для правительства въ то время, когда Франція готовилась принять участіе въ 7-ми-лѣтней войнѣ и когда для военныхъ цѣлей нужны были новые налоги, противъ которыхъ парламенты энергично протестовали. Правительство въ виду этого рѣшило принять болѣе строгія мѣры къ обузданію парламентовъ, мѣры, клонившіяся уже къ реорганизаціи самаго ихъ строя. Такъ, 10-го декабря 1756 г. была издана деклирація, по которой ослаблялось значеніе нисшихъ палатъ, chambres des requêtes и enquêtes (одна изъ послѣдихъ даже была совсѣмъ упразднена), и напротивъ усиливалось значеніе Grand' Chambre и 1-го ея президента, безъ разрѣшенія котораго нисшія палаты не могли собираться. Этой мѣрой правительство разсчитывало внести духъ раздѣленія въ самую среду парламента, желая привлечь на свою сторону главную палату (Grand Champre). Усиленіе значенія Grand' Chambre и 1-го ея президента объясняется также и тѣмъ, что правительство успѣло уже привлечь на свою сторону Мопу-отца, перваго президента, при участіи котораго и составлена была декларація. Декларація между тѣмъ не достигала своей цѣли. Члены нисшихъ палатъ подали въ отставку,

многіе изъ совѣтниковъ Grand' Chambre послѣдовали ихъ примѣру, корпорація адвокатовъ также прекратила свои занятія, и судопроизводство такимъ образомъ почти прекратилось, такъ какъ въ парламентѣ остался лишь 1-й президентъ со второстепенными президентами (présidents á mortier) и всего 15 совѣтниковъ Grand' Chambre. Правительство и на этотъ разъ уступило. Начались переговоры (февр. 1757 г.) съ подавшими въ отставку членами парламента, и парламентъ снова приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей, выразивъ въ первомъ же собраніи рѣзкое порицаніе президенту Мопу, какъ измѣннику общему дѣлу.

Всѣ эти безтактныя по отношенію къ парламенту дѣйствія правительства, переходившаго отъ мѣръ строгости къ уступкамъ, дискредитировали его лишь въ глазахъ общества, увеличивали смѣлость парламентской магистратуры и грозили въ будущемъ еще болѣе серьезными затрудненіями. И дѣйствительно, въ 1761 г. Парижскій парламентъ выдвигаетъ весьма серьезный вопросъ о возбужденіи процесса противъ іезуитовъ, какъ главныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, требуя ихъ изгнанія изъ предѣловъ королевства, и король, противъ своего желанія, далъ согласіе на эту мѣру, нуждаясь въ помощи парламентовъ по дѣлу новыхъ налоговъ, которые онъ вскорѣ имѣлъ въ виду обнародовать. Но оказалось, что указы объ этихъ налогахъ (т. наз. „édits bursaux“) пришлось регистрировать лишь путемъ „lit de justice“, т. е. въ молчаливомъ засѣданіи парламента, когда подача remontrances не допускалась. Парижскій парламентъ, и особенно провинціальные, протестовали противъ этихъ налоговъ и всякими путями старались тормозить ихъ взиманіе. Они находили въ этомъ случаѣ живѣйшее сочувствіе въ обществѣ и особенно въ нисшемъ классѣ населенія, столь непомѣрно обремененномъ всевозможными поборами въ царствованіе Людовика XV. Правительство, желая ослабить упорство Парижскаго парламента опять прибѣгло къ помощи обоихъ Мопу, сдѣлавъ старшаго вице-канцлеромъ, а младшаго 1-мъ президентомъ, несмотря на то, что фамилія Мопу была сильно скомпрометирована въ глазахъ парламента. Особенно надѣялись на ловкость и находчивость новаго президента.

Оба Мопу, зная свою непопулярность среди членовъ парламента, старались привлечь магистратуру разными уступками. Такъ,

между прочимъ, по ихъ настоянію была образована коммиссія для улучшенія способовъ взиманія и распредѣленія налоговъ, коммиссія, большинство членовъ которой состояло изъ парламентскихъ совѣтниковъ. Но уступки однако мало помогали дѣлу, и хотя удалось вынудить у Парижскаго парламента регистрацію указа о налогахъ (21 ноября 1763), въ которомъ, правда, нѣсколько измѣнялись прежніе édits bursaux, за то провинціальные парламенты оказывали энергичное сопротивленіе въ регистрированіи этого указа.—Этотъ періодъ оппозиціи провинціальныхъ парламентовъ по поводу édits bursaux имѣетъ особенно важное значеніе для послѣдующаго, самаго серьезнаго, конфликта между парламентами и правительствомъ Людовика XV, и потому мы на немъ остановимся нѣсколько подробнѣй. Провинціальные парламенты представляли въ это время сцены жестокихъ столкновеній магистратуры съ губернаторами и намѣстниками провинцій.

Въ Нормандіи, послѣ столкновенія Руанскаго парламента съ губернаторомъ провинціи герцогомъ d'Harcourt'омъ изъ-за регистраціи édits bursaux, вся парламентская магистратура подала въ отставку, но, послѣ настойчивыхъ remontrances всѣхъ парламентовъ королевства и при посредствѣ обоихъ Мопу, она опять была приглашена къ своимъ парламентскимъ обязанностямъ.

Въ Лангедокѣ сцены столкновенія Тулузскаго парламента съ губернаторомъ провинціи Fitz-James'омъ приняли еще болѣе острый характеръ. Послѣ вынужденной регистраціи édits bursaux, когда парламентъ рѣшилъ задержать приведеніе эдиктовъ въ исполненіе, Fitz-James арестовалъ непокорныхъ членовъ парламента, а первый президентъ François Bastard, сообщникъ Fitz-James'a, оправдывая образъ дѣйствій послѣдняго, предлагалъ даже подвергнуть парламентъ полному упраздненію. Но правительство отнеслось холодно къ этому проэкту, а парламентъ, получивъ возможность снова собраться, запретилъ Bastard'у, какъ доносчику, являться на засѣданія и, регистрировавъ теперь съ незначительными измѣненіями „édits bursaux“, въ свою очередь декретировалъ арестъ самаго Fitz-James'a. Хотя декретъ объ арестѣ Fitz-James'a долженъ былъ въ глазахъ правительства являться поступкомъ слишкомъ смѣлымъ и самовольнымъ, тѣмъ не менѣе оно вздумало имъ воспользоваться для того, чтобы внести разъединеніе между Парижскимъ парламентомъ и

остальными. Когда былъ возбужденъ вопросъ о преданіи Fitz-James'a суду перовъ, то было выставлено на видъ, что это можетъ быть сдѣлано лишь Парижскимъ парламентомъ, какъ снабженнымъ достаточнымъ для этого количествомъ перовъ. Парижскій парламентъ, ревнивый въ охранѣ своихъ привилегій, кассировалъ декретъ Тулузскаго, имѣя въ виду привлечь Fitz-James къ своему суду перовъ. Провинціальные парламенты протестовали противъ претензій Парижскаго на главенство, и единство парламентовъ чуть было не разстроилось, но событія происшедшія въ Беарнскомъ парламентѣ (въ г. Pau) и особенно въ Бретанскомъ (въ г. Rennes) снова возстановили это единство въ виду возникшей опасности для самихъ дорогихъ интересовъ парламентской магистратуры.

Въ г. Pau столкновенія изъ-за регистраціи édits bursaux произошли въ средѣ самого парламента. Первый президентъ, дѣйствуя въ интересахъ правительства, хотѣлъ собственными усиліями подавить оппозицію парламента, но послѣ цѣлаго года борьбы Беарнская магистратура подала въ отставку, отвергнувъ авторитетъ и значеніе 1-го президента. Послѣ настойчивыхъ, но безуспѣшныхъ требованій правительства о возобновленіи Беарнскимъ парламентомъ своихъ обычныхъ занятій, оно рѣшило, пользуясь возникшимъ между парламентами разногласіемъ по дѣлу Fitz-James'a, принять серьезныя мѣры къ обузданію парламента въ Pau. Оба Мопу были совѣтниками правительства въ этомъ дѣлѣ. Парламентъ въ Pau былъ реорганизованъ; мѣста всѣхъ протестовавшихъ совѣтниковъ объявлены были вакантными, при чемъ были уничтожены двѣ должности президентовъ и шестнадцать—совѣтниковъ. Затѣмъ вакансіи были замѣщены лицами, преданными правительству, и въ послѣдующемъ оппозиціонномъ движеніи парламентовъ Беарнскій оставался изолированнымъ.

Въ Бретани столкновенія Renns'скаго парламента съ представителемъ мѣстной власти приняли столь серьезный оборотъ, что послужили непосредственнымъ поводомъ къ той продолжительной и упорной борьбѣ парламентовъ съ правительствомъ, которая кончилась лишь частью упраздненіемъ, частью реорганизаціей всѣхъ французскихъ парламентовъ. И здѣсь, въ Бретани, поводомъ къ смутамъ послужило запрещеніе парламентомъ (16 окт. 1764 г.) взимать одинъ изъ налоговъ, на который со стороны парламента не было легальнаго

утвержденія. Когда запретительный указъ парламента былъ кассированъ, то почти вся парламентская магистратура подала въ отставку. Вытребованные въ Версаль для объясненій по этому дѣлу, Бретанскіе магистраты, не ожидая объясненій, представили королю свои remontrances. Но король, обвиняя ихъ въ нарушеніи порядка въ Бретани, приказалъ возвратиться въ Rennes и приступить снова къ исполненіи ихъ обязанностей. Требованіе короля однако не было исполнено: Бретанскіе магистраты, возвратившись въ Rennes, окончательно постановили подать въ отставку, находя обвиненія короля несовмѣстимыми съ отправленіемъ высокихъ обязанностей парламентской магистратуры. Вся Бретань взволновалась; сочувствіе мѣстнаго общества было на сторонѣ парламента, и Rennes былъ иллюминованъ въ день отставки (20 мая 1765 г.). Въ виду такой демонстраціи правительство рѣшило строго наказать виновниковъ безпорядка и, по донесенію губернатора провинціи герцога д'Эгилльона, генеральные прокуроры Реннскаго парламента La Chalotais, отецъ и сынъ, вмѣстѣ съ 4-мя другими совѣтниками были арестованы. Но надежды правительства, въ виду этой строгости, на возобновленіе парламентомъ своихъ служебныхъ обязанностей не оправдались. Пришлось составить изъ членовъ Государственнаго Совѣта особую коммиссію, которая вмѣстѣ съ немногими магистратами, не подавшими въ отставку, исполняла бы обязанности Бретанскаго парламента и вмѣстѣ съ тѣмъ парядила-бы судъ надъ шестью арестованными. Коммиссіи этой однако никто не хотѣлъ признавать, ни тяжущіеся, ни нисшія судебныя инстанціи, въ виду чего д'Эгилльону поручено было организовать новый парламентъ. Организованный д'Эгилльономъ изъ тѣхъ-же не подавшихъ въ отставку совѣтниковъ и изъ лицъ, пользовавшихся дурной репутаціей, этотъ парламентъ получилъ въ насмѣшку прозвище „le baillage d'Aiguillon". Что же касается суда надъ шестью арестованными, то онъ былъ веденъ внѣ всякихъ законныхъ формъ, при чемъ д'Эгилльонъ обращался съ арестованными крайне сурово. Переходя изъ тюрьмы въ тюрьму, они были переведены въ Парижъ, въ Бастилію, а оттуда были высланы въ одинъ изъ незначительныхъ городовъ (Saintes). Парижскій парламентъ, а за нимъ и всѣ остальные, провинціальные, неоднократно представляли свои remontrances въ защиту парламентовъ, Беарнскаго (въ г. Pau) и Бретанскаго, но король всякій разъ отвѣчалъ, что это дѣло ихъ не касается.

А 3-го марта 1766 г. Людовикъ XV, явившись въ Парижскій парламентъ, обратился съ столь суровой рѣчью къ членамъ парламента, что это экстра-ординарное засѣданіе, на которомъ король словесно „бичевалъ“ (flagellait) магистратуру, названо было „flagellation“. Можно предполагать, что рѣчь въ этомъ духѣ была внушена королю Мопу-сыномъ, по сходству съ таковыми же рѣчами Мопу, когда онъ позже былъ канцлеромъ. Эта рѣчь представляетъ большой интересъ, какъ краснорѣчивый обвинительный актъ противъ парламентовъ, рисуя въ то же время характеръ отношеній между правительствомъ и парламентами въ то время.

Въ этой рѣчи король, порицая принципы объединенія парламентовъ, какъ они были изложены въ ихъ remontrances,—въ одинаковомъ стилѣ и направленіи,—заявлялъ, что онъ не потерпитъ, чтобы въ его государствѣ существовала организованная система сопротивленія со стороны учрежденій, связанныхъ единствомъ интересовъ и обязанностей; чтобы въ государствѣ такимъ путемъ составилось одно объединенное учрежденіе, которое могло бы лишь смущать общую гармонію. Король при этомъ заявлялъ, что магистратура не должна представлять какъ-бы отдѣльнаго сословія въ ряду 3-хъ другихъ, что магистраты лишь чиновники, всецѣло отвѣтственные предъ нимъ за несомую ими службу. Далѣе, король называлъ истинными врагами и для самой магистратуры тѣхъ, которые позволяли себѣ говорить, что всѣ парламенты составляютъ одно цѣлое, раздѣленное на нѣсколько классовъ (que tous les parlements ne forment qu'un seul et même corps, divisé en differentes classes); что это цѣлое составляетъ настоящую основу монархіи; что оно есть органъ націи, защитникъ и покровитель ея свободы, правъ и интересовъ; что оно отвѣтственно не только предъ королемъ, но и предъ націей, за ея благо; что оно—посредникъ между націей и королемъ, посредникъ, предупреждающій какъ излишества свободы, такъ и произволъ власти; что парламентамъ наравнѣ съ верховной властью принадлежитъ право законодательства, и что въ ихъ волѣ признать извѣстный законъ недѣйствительнымъ; что, наконецъ, ихъ обязанность—ставить непреходимую преграду (barrière insurmontable) всякимъ проявленіямъ произвола со стороны верховной власти, и что, въ случаѣ столкновенія съ ней по этому поводу, ихъ прямая обязанность прекратить отправленіе своей службы подачей въ отставку, хотя-бы послѣдняя и не была принята.

Затѣмъ, король, упомянувъ, что возведеніемъ въ принципъ такихъ новыхъ и опасныхъ ученій (des nouveautés si pernicieuses) магистратура оскорбляетъ самое себя, измѣняя собственнымъ своимъ интересамъ, указывалъ на то, что всѣ тѣ упомянутыя ими права принадлежатъ исключительно ему самому, такъ какъ весь общественный порядокъ проистекаетъ отъ него самого (que l'ordre public tout entier emane de moi).

Въ заключительной части свой рѣчи, король, выражая надежду, что члены парламентской магистратуры отвергнутъ указанныя имъ ложныя ученія и обратятся къ истиннымъ своимъ обязанностямъ, предупреждалъ, что, если они будутъ продолжать оппозицію его распоряженіямъ, путемъ-ли изданія кассаціонныхъ указовъ, или путемъ коллективныхъ отставокъ и прекращенія служебныхъ обязанностей, то, во избѣжаніе анархіи и безпорядка въ государствѣ, „это скандальное зрѣлище соперничествующаго противорѣчія его верховной власти“ (ce spectacle scandaleux d'une contradiction rivale de ma puissance souveraine) побудитъ его употребить всѣ усилія для предохраненія общества отъ печальныхъ послѣдствій всѣхъ подобныхъ посягательствъ.

Наконецъ, король выразилъ надежду, что, принявъ во вниманіе все имъ сказанное и поступая сообразно съ этимъ, Парижскій парламентъ послужитъ примѣромъ и для всѣхъ остальныхъ.

Таковъ былъ „discours flagellant“ короля. Представляя сопоставленіе всѣхъ тѣхъ принциповъ, изъ-за которыхъ возникъ конфликтъ между правительствомъ и парламентами, рѣчь короля можетъ служить для насъ лучшей иллюстраціей всего дальнѣйшаго хода и направленія этого конфликта.

Но несмотря на заявленную королемъ рѣшимость принять серьезныя мѣры для подавленія оппозиціи парламентовъ, выражавшейся въ подачѣ remontrances по дѣлу Бретанскаго парламента, эти remontrances не прекращались. Цѣлые два года тянулась эта игра въ подачу remotrances и въ отказъ ихъ принятія, пока король не рѣшилъ отставить д'Эгильона отъ должности Бретанскаго губернатора, назначивъ вмѣстѣ съ этимъ канцлеромъ Франціи Мопусына, надѣясь на услуги послѣдняго по дѣлу усмиренія парламентовъ.

И дѣйствительно, Мопу казался для этого наиболѣе пригод-

нымъ лицомъ. Человѣкъ необыкновенной энергіи и настойчивости, не брезгавшій никакими средствами для достиженія намѣченной цѣли, умѣвшій во время уступить, съ тѣмъ чтобы при удобномъ случаѣ вдвойнѣ вознаградить себя за уступки, наконецъ, что самое главное, знавшій очень хорошо парламентскіе порядки, а потому и всѣ слабости магистратуры, Мопу, казалось, могъ оправдать всѣ надежды, возлагавшіяся на него королемъ.

Первымъ дѣломъ Мопу было постараться пріобрѣсть довѣріе со стороны парламентской магистратуры, довѣріе, которымъ онъ не пользовался, благодаря той сомнительной роли, которую онъ игралъ вмѣстѣ съ отцомъ въ предшествующихъ столкновеніяхъ правительства съ парламентами. Такъ, между прочимъ, онъ смѣнилъ ненавидимаго Тулузскимъ парламентомъ 1-го его президента, способствовалъ скорѣйшему назначенію новаго губернатора въ Бретань, обѣщалъ Бретанскимъ Штатамъ содѣйствовать въ скорѣйшемъ возстановленіи прежняго парламента и проч. Но въ то же время Мопу, сознавая трудность возложенной на него задачи, старался при дворѣ организовать партію, которая могла бы содѣйствовать ему въ его намѣреніяхъ. Для этой цѣли онъ старался пріобрѣсть довѣріе могущественной M-me du-Barry, сблизился съ ея фаворитомъ д'Эгилльономъ, бывшимъ Бретанскимъ губернаторомъ, способствовалъ назначенію генералъ-контролеромъ аббата Terray, бывшаго впослѣдствіи самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Мопу въ его мѣропріятіяхъ. Подготовивъ такимъ образомъ почву, Мопу уже могъ приступить къ тѣмъ реформамъ, которыя онъ задумалъ примѣнить къ парламентамъ для окончательнаго подавленія ихъ оппозиціи.

Поводомъ къ этому coup d'état въ отношеніи парламентовъ послужили тѣ же Бретанскія дѣла, которыя уже раньше обострили непріязненныя отношенія правительства къ парламентамъ.

Послѣ упомянутаго уже нами смѣщенія д'Эгилльона съ поста Бретанскаго губернатора, въ Бретанскомъ обществѣ съ новой силой возродилась надежда, что и „baillage d'Aiguillon“ будетъ замѣненъ старымъ парламентомъ, и будутъ возвращены La Chalotais съ товарищами. Въ декабрѣ 1768 г. на экстренномъ засѣданіи Бретанскихъ Штатовъ рѣшено было послать въ Версаль депутацію для ходатайства по этому дѣлу. Но депутація сначала встрѣтила нѣкоторыя затрудненія, и Мопу, бывшій посредникомъ между ней и ко-

ролемъ, далъ замѣтить, что уступки, сдѣланныя имъ раньше въ пользу парламентовъ, не даютъ права надѣяться на нихъ и въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ переговоровъ рѣшено было возстановить прежній парламентъ, за исключеніемъ возращенія двухъ La Chalotais и двухъ другихъ совѣтниковъ изъ шести высланныхъ. Возвратить ихъ король отказалъ на-отрѣзъ. Мопу очень хорошо зналъ, что послѣ уступокъ въ пользу возстановленія Реннскаго парламента, этотъ послѣдній, по возстановленіи, а за нимъ и остальные, не замедлятъ снова поднять агитацію въ пользу возвращенія La Chalotais съ товарищами. А затаеннымъ планомъ Мопу было довести оппозицію парламентовъ до такихъ размѣровъ, чтобы для правительства явилась неотложная необходимость, подъ опасеніемъ потери своего авторитета, подавить на-всегда оппозицію этихъ учрежденій, хотя бы цѣной ихъ упраздненія и замѣны другими. Предположенія Мопу дѣйствительно оправдались, но агитація въ пользу La Chalotais приняла нѣсколько неожиданное направленіе.

По возстановленіи, Реннскій парламентъ возбудилъ вопросъ о пересмотрѣ всего дѣла La Chalotais, съ тѣмъ, чтобы начать процессъ по поводу всѣхъ злоупотребленій, допущенныхъ во время преслѣдованія д'Эгильономъ высланныхъ магистратовъ. При пересмотрѣ дѣла парламентъ нашелъ, что судъ надъ La-Chalotais былъ веденъ незаконно, что д'Эгильономъ были употреблены подставные свидѣтели, что во время неправильно веденнаго слѣдствія магистраты подвергались неумѣренно суровому обращенію и т. п.

Подобная постановка вопроса угрожала возбужденіемъ процесса противъ главнаго виновника всѣхъ этихъ злоупотребленій, т. е. противъ д'Эгильона. Мопу былъ приведенъ въ замѣшательство. Не въ его интересахъ было допустить этотъ процессъ, такъ какъ д'Эгильонъ пользовался особымъ расположеніемъ M-me du-Barry, а на ея могущество главнымъ образомъ и опирался Мопу при дворѣ, тѣмъ болѣе, что онъ находился въ это время въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ любимцемъ Людовика XV герцогомъ Шуазёлемъ, котораго Мопу боялся какъ соперника по вліянію при дворѣ. Между тѣмъ Реннскій парламентъ ограничился пока простымъ ходатайствомъ и представленіемъ королю remontrances въ пользу возвращенія La-Chalotais съ товарищами, какъ лицъ, оказавшихся невинными послѣ разсмотрѣнія ихъ дѣла. Но король и на этотъ разъ

отказалъ въ ходатайствѣ Реннскаго парламента и требовалъ, чтобы это дѣло предано было забвенію.

Тогда Реннскій парламентъ, по соглашенію съ Парижскимъ, рѣшилъ возбудить процессъ противъ д'Эгилльона, для чего Парижскій парламентъ долженъ былъ нарядить судъ перовъ, которому д'Эгилльонъ подлежалъ по своему званію и положенію. Мопу, желая отклонить этотъ процессъ по вышеуказаннымъ соображеніямъ, но въ то же время не имѣя права отказать въ немъ, старался внушить королю мысль о томъ, что возбужденіе подобнаго процесса не должно быть допущено въ видахъ сохраненія въ тайнѣ тѣхъ секретныхъ распоряженій правительства по дѣлу д'Эгилльона, которыя должны быть извѣстны лишь высшей администраціи и потому не могутъ быть разоблачаемы публично. Вмѣстѣ съ этимъ Мопу, на крайній случай, имѣлъ въ виду внести разъединеніе между перами парламента и остальными его членами, желая, чтобы инициатива дѣла началась отъ самого короля, какъ вождя перовъ. Но такая постановка вопроса не удалась для Мопу. Судъ перовъ открылся въ обычномъ порядкѣ при участіи всѣхъ магистратовъ. Тогда Мопу, при открытіи засѣданій, въ свой рѣчи настаивалъ на обсужденіи вопроса въ томъ смыслѣ, какъ будто все дѣло шло лишь о томъ, насколько д'Эгилльонъ согласно вѣрности службы исполнялъ даваемыя ему королемъ распоряженія, касающіяся дѣлъ Бретанскаго парламента. У Мопу было при этомъ тайное намѣреніе при такой постановкѣ вопроса возбудить конфликтъ между королемъ и парламентомъ въ возможно рѣзкой формѣ.

Когда началось самое судопроизводство и изслѣдованіе всѣхъ относящихся къ дѣлу документовъ, какъ-то циркуляровъ, распоряженій правительства, отношеній и проч., то Мопу для прекращенія процесса и внушилъ опять королю мысль о правѣ его прекратить дѣло, въ виду того, что пришлось бы разоблачить такія секретныя предписанія, которыя въ видахъ высшихъ административныхъ соображеній не могутъ быть разоблачаемы, такъ какъ вопросы внутренне-государственной политики должны быть поставлены выше частныхъ вопросовъ, касающихся отдѣльныхъ лицъ въ государствѣ. Король поступилъ согласно съ совѣтами Мопу, запретивъ перамъ собираться. Парламентъ протестовалъ, указывая на незаконность такого прекращенія дѣла, объявляя при этомъ, что распоряженія

(lettres patentes) о прекращеніи процесса представляютъ актъ власти слишкомъ неумѣренной (la plus absolute), замѣняющій юстицію произволомъ, уничтожающій права наиболѣе уважаемыя, подрывающій законы наиболѣе священные и вносящій въ умы безпокойство, страхъ и отчаяніе. Затѣмъ парламентъ особымъ указомъ лишилъ д'Эгильона права считаться перомъ. Этотъ указъ былъ одобренъ также и провинціальными парламентами гг. Бордо, Тулузы, Метца, Руана и Ренна. Отвѣтомъ же правительства на указъ Парижскаго парламента было распоряженіе канцлера объ уничтоженіи всѣхъ относящихся къ процессу документовъ, а также всѣхъ парламентскихъ remontrances, произвольныхъ указовъ, постановленій и проч., съ требованіемъ приступить къ обыкновеннымъ очереднымъ дѣламъ. Но парламентъ отказалъ въ повиновеніи и возбудилъ даже было вопросъ объ арестованіи самого канцлера за оскорбленіе магистратуры, а въ особомъ актѣ отъ 3 декабря 1770 г. выразилъ протестъ противъ всѣхъ произвольныхъ дѣйствій, допущенныхъ правительствомъ въ отношеніи магистратуры.

Такимъ образомъ конфликтъ достигалъ зенита своего напряженія. И въ этомъ можно обвинить самого Мопу при всемъ его пониманіи условій этого конфликта. Если-бы онъ прямо отказалъ въ возстановленіи Ренискаго парламента, то, послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны остальныхъ парламентовъ, оппозиція современемъ ослабилась-бы, но образъ дѣйствій Мопу лишь усилилъ страсти магистратуры и до крайности обострилъ отношенія ея къ правительству, чего онъ, впрочемъ и самъ желалъ, разсчитывая нанести парламентамъ вѣрный и рѣшительный ударъ. Во всякомъ случаѣ, теперь для приведенія парламентовъ въ должныя границы повиновенія прежнія палліативныя мѣры не могли достигать цѣли.

Мопу задумалъ осуществить двѣ реформы: вопервыхъ, привести въ порядокъ всю систему судопроизводства, объединивъ и согласивъ всю ту массу судебныхъ постановленій, которыя, являясь наслѣдіемъ прошлаго, часто противорѣчили одно другому и лишь способствовали развитію всякого рода злоупотребленій; во вторыхъ, совершенно реорганизовать парламенты, внеся новыя начала и въ организацію контингента служащихъ и въ дѣло ихъ компетенціи по вопросамъ, подлежащимъ ихъ вѣдѣнію. Такъ, между прочимъ, онъ хотѣлъ въ дѣлѣ организаціи состава членовъ установить цензъ воз-

раста, опытности въ дѣлахъ, политической благонадежности, а въ дѣлѣ компетенціи совершенно предупредить возможность самовольнаго прекращенія службы, коллективныхъ отставокъ, изданія запретительныхъ указовъ, сопротивленія въ дѣлѣ регистраціи королевскихъ распоряженій и проч. Первая реформа, касавшаяся всей системы судопроизводства, осталась лишь проэктомъ, не приведеннымъ въ исполненіе, вторая—временно и отчасти удалась Мопу, хотя и цѣной серьезныхъ потрясеній во всемъ организмѣ государства.

Въ декабрѣ 1770 г. изданъ былъ эдиктъ, иниціатива котораго принадлежала Мопу, эдиктъ, въ которомъ, послѣ подробнаго укачанія и обвиненія парламентовъ во всѣхъ злоупотребленіяхъ, допущенныхъ ими въ дѣлѣ пользованія ихъ правами, въ 3-хъ статьяхъ (articles) запрещалось: во первыхъ, проводить идеи объединенія парламентовъ съ раздѣленіемъ ихъ лишь на отдѣльные классы, для чего запрещался (кромѣ случаевъ указанныхъ правительствомъ) всякій взаимный обмѣнъ своими указами, постановленіями, докладами, отношеніями и проч.; во вторыхъ, самопроизвольное прекращеніе службы, коллективныя отставки и право устраивать собранія во время, назначенное для обсужденія дѣлъ спеціально подвѣдомственныхъ парламенту; въ третихъ, удерживая за парламентами право подачи remontrances предъ регистраціей эдиктовъ, эдиктъ запрещалъ изданіе указовъ, направленныхъ противъ ригистрированныхъ уже распоряженій, а также задержку въ публикаціи и приведенія въ исполненіе регистрированныхъ распоряженій. Всѣ эти запрещенія издавались подъ угрозой потери для магистратовъ ихъ мѣстъ и должностей и подъ угрозой преслѣдованія за сопротивленіе волѣ и приказаніямъ короля.

Этотъ декабрьскій эдиктъ не преставлялъ въ сущности ничего новаго въ смыслѣ угрозы по отношенію къ парламентамъ, такъ какъ и прежде правительствомъ издавались подобныя запрещенія, но всѣ понимали, что на этотъ разъ правительство намѣрено было осуществить эдиктъ во всей его полнотѣ. Парламенты поняли, что это—серьезный вызовъ, брошенный Мопу. Тѣмъ не менѣе послѣ изданія этого эдикта Парижскій парламентъ рѣшилъ по поводу эдикта представить свои remontrances, въ которыхъ, оправдываясь во взводимыхъ на него обвиненіяхъ (въ предисловіи къ эдикту), указывалъ королю, что подобныя обвиненія, оскорбляя

преданную ему магистратуру, поведутъ лишь къ дискредитированью его собственной власти въ глазахъ общества, что эдиктъ можетъ вызвать много затрудненій, во вредъ благу и спокойствія короля, что истинные его враги тѣ, которые, предлагая подобныя мѣры, имѣютъ въ виду лишь свои частные, эгоистическіе интересы. Послѣднимъ доводомъ парламентъ прямо намекалъ на Мопу. Въ заключительной части remontrances парламентъ просилъ отмѣны эдикта, обѣщая съ своей стороны полную преданность, покорность и вѣрность. Король отвергъ эти remontrances, а парламентъ въ свою очередь, послѣ попытки представить новыя, отказалъ въ регистраціи декабрьскаго эдикта, ссылаясь на то, что эта регистрація опозорила-бы магистратуру, опозорила-бы при этомъ права всѣхъ подданныхъ короля, а вмѣстѣ и наиболѣе священные и дорогіе права и интересы его самого.

Отказъ Парламента произвелъ сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Всѣ ожидали суровой кары въ отношеніи парламента. Парламентъ и самъ это хорошо понималъ, такъ какъ наканунѣ ожидавшагося lit de justice, на которомъ долженъ былъ регистрироваться декабрьскій эдиктъ, первый президентъ совѣтовалъ многимъ членамъ парламента привести въ порядокъ свои личныя дѣла на случай возможнаго ареста.

7 декабря 1770 г. въ Версали открылось lit de justice рѣчью канцлера, въ которой Мопу самими рѣзкими чертами формулировалъ и въ сжатыхъ и ясныхъ выраженіяхъ сопоставилъ отношенія королевской власти къ парламентамъ. Онъ, между прочимъ, говорилъ, что „когда законодатель хочетъ объявить свою волю, то вы ея органъ, и его милость разрѣшаетъ вамъ подать свой совѣтъ.... Но здѣсь и кончается ваша роль. Король своею мудростью взвѣшиваетъ ваши соображенія, онъ сопоставляетъ ихъ съ мотивами, ограничивающими его власть, и съ этой точки зрѣнія, обнимающей весь размѣръ его монархической власти, онъ судитъ о выгодахъ и невыгодахъ закона. Если же онъ приказываетъ, вы обязаны тогда предъ нимъ полнымъ повиновеніемъ“. Это та точка зрѣнія, на которую старались стать по отношеніи къ парламентамъ всѣ наиболѣе властолюбивые короли Франціи. Своею рѣчью Мопу хотѣлъ показать, что при такой постановкѣ вопроса объ отношеніяхъ верховной власти къ парламентамъ, ихъ дальнѣйшая оппозиція не будетъ терпима.

На эту рѣчь парламентъ въ лицѣ своего президента отвѣтилъ лишь тѣмъ, что, въ виду противорѣчія эдикта всѣмъ основнымъ законамъ королевства парламентъ не можетъ приступить къ его обсужденію (vérification). Это былъ мягкій отказъ въ регистраціи. Тогда эдиктъ былъ регистрированъ „par très exprès commandement du roi“. Парламентъ, по возвращеніи въ Парижъ, въ отвѣтъ на принудительную регистрацію постановилъ полное прекращеніе своихъ служебныхъ обязанностей, пока не будетъ удовлетворено его ходатайство объ отмѣнѣ эдикта. Въ такихъ случаяхъ парламентъ обыкновенно рѣшалъ, „que les chambres demeureront assemblées“, что̀ означало прекращеніе всѣхъ текущихъ дѣлъ въ палатахъ. Судопроизводство прекратилось не только въ парламентѣ, но и во всѣхъ зависимыхъ отъ него судебныхъ учрежденіяхъ. Рѣшаясь на такую мѣру, парламентъ, между прочимъ, разсчитывалъ на то, что,—въ виду натянутыхъ отношеній Франціи съ Англіей, грозившихъ кончиться разрывомъ, послѣ чего, на случай возможной войны, правительство вынуждено будетъ прибѣгнуть къ регистраціи новыхъ налоговъ,—что оно (въ виду этого) пойдетъ на уступки. Мопу, зная эти разсчеты парламента, внушалъ королю, что такіе разсчеты равносильны государственной измѣнѣ, а потому эдиктъ тѣмъ болѣе необходимъ. Цѣлый мѣсяцъ послѣ изданія эдикта прошелъ въ обмѣнѣ между королемъ и парламентомъ представленій remontrances о отказа ихъ принять и дать по нимъ удовлетвореніе. На самыя настойчивыя требованія со стороны короля о возобновленіи парламентомъ своихъ обычныхъ занятій парламентъ отвѣчалъ отказомъ, но по обыкновенію мотивированнымъ вѣрно-подданическими чувствами, которыя будто-бы не дозволяли ему поступать въ ущербъ истиннымъ интересамъ короля. Это тѣ же мотивы. которыми прикрывались 200 лѣтъ назадъ кальвинисты, дѣйствуя оппозиціонно противъ распоряженій королевской власти.

Послѣ мѣсячныхъ взаимныхъ пререканій правительство, наконецъ, рѣшило приступить къ мѣрамъ строгости. Посланными въ ночь съ 19 на 20 января 1771 г. всѣмъ членамъ Парламента lettres de cachet король требовалъ возобновленія обычной службы, принимая отказъ за ослушаніе его волѣ. Посылка lettres de cachet показывала, что отказъ угрожалъ или арестомъ или изгнаніемъ. Двѣ трети всѣго числа членовъ парламента (съ лишнимъ 100 чел.)

подписало отказъ въ той или другой формѣ, остальные же 50 чел. дали утвердительный отвѣтъ; но затѣмъ на другой день и эти присоединились къ своимъ товарищамъ и пожелали раздѣлить съ ними угрожавшее имъ изгнаніе. Тогда всѣ члены Парижскаго парламента подверглись высылкѣ изъ Парижа съ конфискаціей ихъ должностей, которыя какъ извѣстно были предметомъ купли и продажи въ то время и составляли наслѣдственную собственность членовъ магистратуры.

Ссылка была примѣнена сообразно съ степенью оппозиціи, проявленной тѣми или другими членами парламента. Наиболѣе виновные, по мнѣнію Мопу, которымъ сдѣлано было распредѣленіе мѣстъ ссылки, были высланы въ самыя отдаленыя отъ Парижа мѣста. Многіе были высланы въ такія захолустныя деревушки, гдѣ трудно было найти сколько нибудь сносное помѣщеніе, и куда доступъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ былъ крайне затруднителенъ по непроходимости дорогъ въ зимнюю пору. Нѣкоторые были высланы на прилегающіе къ берегамъ Франціи острова, гдѣ должны были поселиться въ жалкихъ рыбачьихъ деревушкахъ. Такимъ образомъ Парижскій парламентъ былъ упраздненъ въ полномъ смыслѣ этого слава.

Для Мопу возникала теперь трудная задача замѣнить это учрежденіе другимъ, въ виду полнаго почти прекращенія судопроизводства послѣ упраздненія парламента. Являлся прежде всего вопросъ, гдѣ найти столь значительное количество судей, какое входило въ составъ Парижскаго парламента, при томъ судей, которые хоть сколько-нибудь могли-бы стоять на высотѣ своей задачи въ такомъ важномъ учрежденіи, какимъ былъ парламентъ. И вотъ Мопу рѣшилъ ихъ набрать въ Государственномъ Совѣтѣ (Conseil d'État), гдѣ однако онъ встрѣтилъ нѣкоторое затрудненіе, такъ какъ многіе изъ членовъ Совѣта находились въ родственныхъ отношеніяхъ съ изгнанными магистратами, и для нихъ перспектива занимать ихъ мѣста не могла быть пріятна. Но если Мопу и могъ набрать здѣсь, хотя и въ недостаточномъ количествѣ, такихъ, которые могли занять мѣста совѣтниковъ, то необходимо еще было составить персоналъ второстепенныхъ чиновниковъ, прокуроровъ, секретарей (greffiers), приставовъ (huissiers) и проч. На требованія Мопу, предъявленныя тѣмъ изъ нихъ, которые вели дѣла въ прежнемъ парламентѣ, боль

шинство отказывалось подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, и надо было принуждать ихъ угрозой. Но, наконецъ, послѣ многихъ затрудненій, Мопу удалось организовать новый парламентъ, который долженъ былъ имѣть временное значеніе, пока не будетъ учрежденъ другой, постоянный, на иныхъ началахъ. Этотъ на-скоро организованный временный парламентъ (Parlement interimaire) представлялъ чрезвычайно странное явленіе по отношеніи къ тѣмъ функціямъ, которыя онъ долженъ былъ исполнять. Его члены, состоя въ одно и то же время и членами Государственнаго Совѣта, должны были совмѣщать обязанности, на самомъ дѣлѣ несовмѣстимыя: они должны были, между прочимъ, какъ члены Государств. Совѣта, посылать предписанія парламенту, которыя парламентъ, т. е. они же сами, могли кассировать, а затѣмъ опять, какъ члены Совѣта—обсуждать, правильно-ли кассированы эти предписанія парламентомъ, т. е. ими же самими. Такое странное положеніе членовъ новаго парламента, казалось для нихъ достаточнымъ поводомъ, чтобы ничего не дѣлать ни въ Совѣтѣ, ни въ парламентѣ. Кромѣ того, никто изъ тяжущихся не хотѣлъ обращаться къ новому парламенту: члены его подвергались въ обществѣ всякаго рода насмѣшкамъ и униженіямъ; вмѣстѣ съ этимъ и всѣ нисшія подчиненныя инстанціи не признавали судебной компетенціи и авторитета новаго парламента. Въ виду такого безотраднаго положенія, въ которомъ очутилась юстиція, принцы крови, съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ, возбудили ходатайство предъ королемъ о возвращеніи прежняго парламента, но ихъ ходатайство не было принято.

Въ то же самое время, въ пользу возстановленія Парижскаго парламента и возвращенія сосланныхъ начали свои ходатайства и провинціальные парламенты, требуя при этомъ отстраненія отъ канцлерства Мопу, какъ виновника въ поруганіи магистратуры. Они, узнавъ объ участи, постигшей Парижскій парламентъ, ожидали, что и съ ними будетъ поступлено такимъ же образомъ, а потому заблаговременно ходѣли отпарировать удары. Особенно настойчивостью ходатайства и смѣлостью отличался Руанскій парламентъ. Провинціальные парламенты тѣмъ болѣе спѣшили отклонить ожидавшіеся удары, что уже былъ распространенъ слухъ о намѣреніи Мопу создать въ провинціяхъ новыя учрежденія, которыя представляли бы высшія апелляціонныя инстанціи наравнѣ съ пар-

ламентами. Эти учрежденія, по значенію юрисдикціи уравненныя съ парламентами, могли-бы ихъ замѣнить въ случаѣ, если-бы явилась необходимость подвергнуть ихъ такому же упраздненію, какому подвергся Парижскій парламентъ.

Распоряженія объ этихъ новыхъ учрежденіяхъ, т. наз. „Conseils supérieurs", дѣйствительно не замедлили послѣдовать въ февралѣ 1771 г.

По мысли Мопу, „Conseils supérieurs" должны были представлять учрежденія по судебной компетенціи, — какъ высшія апелляціонной инстанціи по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, — равныя парламентамъ, за исключеніемъ тѣхъ особыхъ функцій, которыя принадлежали Парижскому парламенту, какъ верховному суду перовъ, и тѣхъ которыя принадлежали ему какъ участнику, хотя и пассивному, въ дѣлѣ законодательства.

Мотивами введенія новыхъ учрежденій были слѣдующіе: во первыхъ, необходимость уменьшить районъ вѣдомства парламентовъ по судебнымъ дѣламъ, въ видахъ облегченія тяжущихся, принужденныхъ нести большія издержки на путешествія къ центрамъ высшихъ апелляціонныхъ учрежденій (т. е. парламентовъ), что необходимо также было въ видахъ ускоренія процессовъ, замедлявшихся отдаленностью этихъ центровъ; во вторыхъ, необходимость уничтоженія продажности должностей, вмѣсто чего предполагалось назначеніе чиновниковъ въ новыя учрежденія отъ правительства съ установленіемъ для нихъ постояннаго жалованья.

Этой мѣрой предполагалось, во первыхъ, ослабить независимость магистраруры, которая теперь, всецѣло завися отъ правительства, была бы болѣе склонна къ повиновенію; во вторыхъ, въ виду этой мѣры, магистратура, получая содержаніе отъ правительства, менѣе склонна была-бы ко всякого рода взяткамъ и вымогательсвамъ, которыя такъ были распространены прежде въ виду стремленія магистратуры поскорѣй возвратить суммы, затраченныя на покупку своихъ должностей. Наконецъ, Мопу разсчитывалъ, что новыя учрежденія, созданныя на такихъ началахъ, при повомъ составѣ членовъ, будутъ чужды того духа корпоративной замкнутости и исключительности, которымъ отличалась прежняя магистратура. Но уничтожая продажность должностей, Мопу, между тѣмъ, по странному противорѣчію, удержалъ продажность нисшихъ судебныхъ должно-

стей, greffiers, huissiers и др., даже и такихъ важныхъ, какъ procureurs.

„Conseils supérieurs“ на первое время были учреждены пока въ 6-ти городахъ: 1) d'Arras, 2) de Blois, 3) de Chalons, 4) de Clermont-Ferrand, 5) de Lyon и 6) de Poitiers. Для этихъ „Conseils supérieurs“, по расчисленію количества служащихъ для каждаго изъ нихъ, необходимо было около 160 чел. магистратуры. Такъ какъ сразу такого количества нельзя было найти изъ лицъ, достаточно опытныхъ въ дѣлахъ, то Мопу, вопреки выраженному желанію размѣстить „Conseils supérieurs“ такъ, чтобы существовала соразмѣрность въ районѣ ихъ вѣдомства, руководствовался на самомъ дѣлѣ другими соображеніями. Онъ большей частью учреждалъ „Conseils supérieurs“ въ такихъ городахъ, гдѣ были и другія высшія судебныя инстанціи по юрисдикціи финансовой, доменной и проч. Цѣлью такого размѣщенія было отдѣлить изъ этихъ учрежденій нѣкоторе количество членовъ для новыхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ этимъ онъ руководствовался и тѣми соображеніями, насколько въ этихъ городахъ былъ развитъ духъ антагонизма существовавшихъ тамъ учрежденій къ парламентамъ. Такимъ образомъ, при осуществленіи на практикѣ своихъ реформъ, Мопу долженъ былъ стать въ противорѣчіе съ основными ихъ мотивами. Но даже и при этихъ условіяхъ Мопу встрѣтилъ большія затрудненія въ наборѣ служащихъ. Такъ какъ при всѣхъ усиліяхъ контингентъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то пришлось пополнять ихъ изъ лицъ, непригодныхъ къ новому дѣлу и даже съ занятнанной репутаціей. Конечно, Мопу назначалъ при этомъ такихъ, въ сочувствіи которыхъ его цѣлямъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ.

При такой организаціи „Conseils supérieurs“, веденіе дѣлъ въ этихъ учрежденіяхъ должно было идти плохо, и скоро не замедлило обнаружиться недовольство мѣстнаго населенія новыми учрежденіями. Вмѣстѣ съ этимъ и провинціальные парламенты никакъ не могли примириться съ мыслью объ ослабленіи ихъ компетенціи, въ виду съуженія района ихъ вѣдомства, и потому протестовали противъ эдикта о „Conseils supérieurs“, разсматривая этотъ эдиктъ, какъ глубокое оскорбленіе, нанесенное всѣмъ парламентамъ, изъ которыхъ многіе имѣли за собою многовѣковое служеніе интересамъ мѣстнаго населенія. Почти всѣ парламенты (и особенно Руанскій и Дижонскій)

прямо издавали указы, запрещающіе повиноваться новымъ учрежденіямъ, признавая ихъ недѣйствительными, равно какъ и самый эдиктъ Мопу. Но Мопу неуклонно слѣдовалъ своимъ намѣреніямъ; въ крайнемъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду поступить и съ провинціальными парламентами такъ же, какъ поступилъ съ Парижскимъ. Тѣмъ не менѣе Мопу находился въ крайне затруднительномъ положеніи, такъ какъ судопроизводство во всемъ государствѣ находилось въ полномъ разстройствѣ, вслѣдствіе антагонизма, возникшаго между старыми учрежденіями и новыми. Но особенно его тревожила мысль о судебной несостоятельности Парижскаго „Parlement interimaire". Необходимо было создать болѣе компетентное учрежденіе, авторитетъ котораго былъ-бы всѣми признаваемъ. Сознавъ несовмѣстимость службы членовъ Государственнаго Совѣта съ ихъ службой въ парламентѣ (что очевидно было несостоятельно), Мопу, видя, что изгнанные члены Парижскаго парламента не думаютъ смиряться,—на что онъ разсчитывалъ,—рѣшилъ для составленія новаго контингента служащихъ въ парламентѣ упразднить два изъ важнѣйшихъ учрежденій Парижа: Cour des aides (высшее учрежденіе финансовой юрисдикціи) и Grand Conseil, вѣдавшій особо важныя дѣла по порученію короля. Мотивомъ упраздненія выставлено было излишество этихъ учрежденій въ виду задуманныхъ Мопу судебныхъ реформъ, при которыхъ новый Парижскій парламентъ вмѣстѣ съ „Conseils supérieurs" могутъ свободно взять на себя рѣшеніе дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію упраздняемыхъ учрежденій, чѣмъ будутъ сокращены издержки на юстицію въ государствѣ къ облегченію подданныхъ короля. Но очень немногіе изъ членовъ упраздненныхъ учрежденій согласились исполнять новыя функціи въ парламентѣ Мопу. Большинство, особенно изъ членовъ „Cour des aides", глубоко оскорбленное образомъ дѣйствій канцлера, отказалось, за что и подверглось, какъ и члены бывшаго Парижскаго парламента, изгнанію. Въ виду недостаточности новыхъ членовъ, Мопу искалъ ихъ, гдѣ только могъ, даже прибѣгалъ къ помощи архіепископа Парижскаго, который навербовалъ ему нѣсколькихъ членовъ. Тѣ же затрудненія встрѣтилъ Мопу и при пополненіи контингента нисшихъ чиновниковъ: всѣ избѣгали службы въ новомъ парламентѣ. Когда же парламентъ, наконецъ, получилъ болѣе или менѣе организованный видъ, всетаки его авторитетъ и компетенція имѣли мало значенія. Онъ подвергался

всевозможнымъ насмѣшкамъ и униженіямъ въ массѣ памфлетовъ и брошюръ, распространявшихся на его счетъ. Словомъ повторялась та же исторія, что́ была съ „Chambre Royale“ и съ „Parlement interimaire“. Тѣмъ не менѣе новый парламентъ представлялъ больше шансовъ на упрочненіе, хотя-бы въ виду своей независимости въ смыслѣ обладанія своимъ спеціальнымъ контингентомъ служащихъ.

Для Мопу предстояло рѣшеніе еще одного вопроса. Такъ какъ нисшія судебныя учрежденія не желали признавать ни новаго Парижскаго парламента, ни „Conseils supérieurs“, то необходимо было привести въ соотвѣтствіе организацію этихъ нисшихъ учрежденій по отношеніи къ высшимъ. Для этой цѣли Мопу, съ одной стороны, распорядился объ упраздненіи нѣкоторыхъ балльяжей, особенно тѣхъ, которыя не хотѣли признавать авторитета „Conseils supérieurs“, съ съ другой стороны, онъ удалилъ изъ оставленныхъ балльяжей всѣхъ враждебныхъ ему лицъ, сокращая штаты служащихъ. Вмѣстѣ съ этимъ Мопу уничтожилъ нѣсколько судебныхъ учрежденій, имѣвшихъ свою спеціальную юрисдикцію: по финансовымъ дѣламъ, по лѣсному вѣдомству, водянымъ сообщеніямъ и проч.

Наконецъ, для довершенія реформъ, оставалось выполнить послѣднюю задачу, самую трудную и самую опасную: это—подавить оппозицію провинціальныхъ парламентовъ, хотя-бы цѣной ихъ упраздненія, подобно Парижскому, иначе реформы Мопу не могли имѣть въ его глазахъ серьезнаго значенія. Насколько казалось рискованнымъ и опаснымъ это дѣло доказывается тѣмъ, что Людовикъ XV, при всѣмъ довѣріи къ Мопу, отнесся холодно къ предложенному послѣднимъ проэкту упраздненія. Тогда Мопу рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, приступить къ реорганизаціи провинціальныхъ парламентовъ удаленіемъ наиболѣе безпокойныхъ магистратовъ и замѣной ихъ людьми ему преданными.

Мопу повелъ дѣло съ большой осторожностью, начавъ реорганизацію съ Безансонскаго парламента, какъ болѣе покойнаго въ то время. Способъ реорганизаціи заключался въ слѣдующемъ: послѣ созыва на экстренное собраніе всѣхъ членовъ парламента, при охранѣ вооруженными людьми всѣхъ входовъ и выходовъ парламентскаго зданія, былъ прочитанъ эдиктъ объ упраздненіи должностей парламента, мотивированномъ необходимостью уничтожить продажность

должностей и уменьшить ихъ количество въ интересахъ облегченія подданныхъ короля. Затѣмъ, когда члены парламента изъявили желаніе обсудить этотъ вопросъ, имъ всѣмъ было приказано оставить парламентъ и ожидать новыхъ распоряженій, касающихся дальнѣйшаго положенія дѣла, эдиктъ же объ упраздненіи былъ регистрированъ „par très exprès commandement du roi". Мопу, предвидя протестъ со стороны парламента, разсчитывалъ, что не всѣ магистраты рѣшатся на оппозицію, поэтому онъ имѣлъ въ виду, по изгнаніи непокорныхъ, возстановить парламентъ въ составѣ оказавшихъ повиновеніе, съ пополненіемъ новыми членами, набранными внѣ парламента. Такимъ образомъ онъ и поступилъ въ отношеніи Безансонскаго парламента. Протестовавшіе, по lettres de cachet подверглись ссылкѣ, а изъ оказавшихъ повиновеніе былъ образованъ какъ-бы новый парламентъ на началахъ, изложенныхъ въ эдиктѣ. Точно также Мопу произвелъ реорганизацію въ указанномъ направленіи и такимъ же путемъ и всѣхъ остальныхъ парламентовъ, перейдя,—послѣ реорганизаціи Безансонскаго и превращенія парламента въ г. Douae (несмотря на его полную покорность правительству) въ „Conseil supérieur",—къ Тулузскому и затѣмъ нанося послѣдовательно удары наиболѣе смѣлымъ въ дѣлѣ оппозиціи, Бордосскому, Руанскому и др. Всѣ они выражали живѣйшій протестъ противъ эдикта о реорганизаціи, и всѣ протестовавшіе магистраты подвергались ссылкѣ и изгнанію. Одинъ лишь Беарнскій парламентъ (въ г. Pau) былъ пощаженъ Мопу, какъ уже раньше реорганизованный въ желательномъ для канцлера направленіи. Въ протестахъ парламентовъ ими выражалась, между прочимъ, необходимость удержать принципъ несмѣняемости судей, какъ основнаго государственнаго закона, издавна утвержденнаго и подтверждаемаго французскими королями. Парламенты также находили, что продажность должностей никогда не мѣшала правильному ходу судопроизводства, что взяточничество отнюдь не связано съ этимъ принципомъ продажности, такъ какъ большинство членовъ парламентской магистратуры, пользуясь собственными своими средствами и независимостью, не нуждаются въ другихъ средствахъ пополненія своихъ рессурсовъ, считая за честь служить государству, что, напротивъ, скорѣй можно ожидать злоупотребленій со стороны чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, для которыхъ получаемое ими вознагражденіе не можетъ быть достаточно. Такимъ образомъ, парла-

менты, протестуя противъ мѣръ насилія, примѣненныхъ къ нимъ, отстаивали вмѣстѣ съ тѣмъ и основы своей внутренней организаціи.

По упраздненіи столь значительнаго количества парламентскихъ должностей, являлся вопросъ о вознагражденіи (rembourcement), членовъ магистратуры за понесенную ими потерю, такъ какъ конфискаціей этихъ должностей уже нарушалось частное гражданское право. Этимъ вопросомъ Мопу былъ поставленъ въ большое затрудненіе, такъ какъ, если-бы пришлось разомъ произвести выкупъ конфискованныхъ должностей, то потребовалась-бы сумма, которую правительство не могло-бы уплатить. Въ виду этого Мопу, по соглашеніи съ генералъ-контролеромъ аббатомъ Terray, рѣшилъ постепенно производить эту операцію, уплачивая собственникамъ по $5^0/_0$ съ суммы долга правительства до полной его ликвидаціи, при чемъ уплата должна была производиться государственными бумагами. Но такъ какъ государственныя бумаги, при непрерывныхъ финансовыхъ кризисахъ, постояно падали въ своей цѣнности, то многіе собственники купленныхъ должностей потеряли до $^3/_4$ заплоченной за нихъ суммы. Эта операція Мопу, равносильная ограбленію, вызывала въ обществѣ живѣйшій ропотъ и негодованіе. Между тѣмъ въ интересахъ самаго Мопу было, чтобы выкупъ совершался возможно скорѣй. Особенно онъ этого хотѣлъ въ отношеніи наиболѣе непокойныхъ изъ изгнанныхъ магистратовъ, для того чтобы прекратить всякую ихъ связь съ правительствомъ. Онъ даже настаивалъ при всякомъ удобномъ случаѣ но скорѣйшемъ выкупѣ, разъ являлись свободныя суммы въ казначействѣ, но изгнанные члены парламентской магистратуры, за исключеніемъ относительно немногихъ, упорно отказывались отъ вознагражденія, какъ-бы желая фактически удержать купленныя должности за собой. Къ этому ихъ побуждало еще и то, что въ обществѣ начали распространяться слухи о близкой отставкѣ Мопу и о возстановленіи прежнихъ парламентовъ. Слухи эти дѣйствительно были не безъ основанія. Властолюбивый характеръ Мопу, его стремленія всякими путями ослабить вліяніе на государственныя дѣла остальныхъ министровъ, его постоянныя интриги въ этомъ направленіи, повели къ тому, что лучшіе его помощники во всѣхъ его мѣропріятіяхъ начали отдаляться отъ него. Такъ, д'Эгильонъ и аббатъ Terray относились къ нему уже почти враждебно. Д'Эгильонъ самъ имѣлъ виды,

уронивъ канцлера во мнѣніи короля, занять его мѣсто. Тѣмъ болѣе, поводовъ къ этому представлялось достаточно. Всеобщее недовольство въ обществѣ результатами всѣхъ мѣропріятій Мопу въ дѣлѣ судебной реорганизаціи, постоянные протесты и жалобы во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ введены были новыя учрежденія, протесты представителей высшаго дворянства, съ принцами крови во главѣ,—все это готовы были пустить въ ходъ для низверженія канцлера не только его враги, но и прежніе друзья, сочувствовавшіе его реформамъ. Недовольство гнѣздилось въ самыхъ учрежденіяхъ, имъ созданныхъ и реорганизованныхъ. Прежній духъ исключительности и кастическаго самомнѣнія, которымъ отличалась прежняя магистратура, началъ проявляться и въ этихъ учрежденіяхъ, что̀ и понятно, такъ какъ ядромъ контингента служащихъ въ новыхъ учрежденіяхъ были тѣ же магистраты, которые подъ давленіемъ обстоятельствъ уступили силѣ, но которые теперь въ виду слуховъ о немилости Мопу снова подняли головы. Эта магистратура казалась многоголовой гидрой, возрождавшей отсѣченныя головы. Но Мопу бодро перепосилъ всѣ обрушившіяся на него невзгоды и энергично боролся съ ненавидѣвшими его министрами за вліяніе при дворѣ, и лишь въ послѣдующее царствованіе Людовика XVI состоялась столь нетерпѣливо ожидаемая въ обществѣ отставка Мопу, а съ ней вмѣстѣ состоялось и возвращеніе прежнихъ парламентовъ.

Разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ ходъ и направленіе конфликта, возникшаго между парламентами и правительствомъ Людовика XV, а также указавъ на причины его вызвавшія и условія, способствовавшія его развитію, намъ остается теперь отвѣтить на два главнѣйшіе вопроса, естественно возникающіе при обсужденіи всего изложеннаго: одинъ изъ нихъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ роли парламентовъ въ этомъ конфликтѣ, другой—къ роли и дѣятельности канцлера Мопу.

Обсуждая роль и дѣятельность парламентовъ, мы можемъ отмѣтить здѣсь двѣ главнѣйшія стороны. Съ одной стороны, въ своей борьбѣ съ правительствомъ парламенты несомнѣнно отстаивали свои чисто эгостическіе интересы, имѣвшіе характеръ корпоративной замкнутости и кастической исключительности, какъ наслѣдіе еще феодальнаго порядка вещей. Если они въ своихъ remontrances и ссылались всегда лишь на общее благо, за которое они

будто-бы ратовали, если они на своемъ знамени и выставляли принципы защиты гражданъ отъ всякаго произвола и покушенія на самыя священныя права личности и общества, то несомнѣнно, что этими мотивами они прикрывали также и собственные свои личные и корпоративные интересы. И въ данномъ случаѣ оппозиціонная дѣятельность парламентовъ носила регрессивный характеръ, такъ какъ, отстаивая всѣ порядки и особенности стараго судопроизводства, старой организаціи судебныхъ учрежденій съ продажностью должностей и со всѣми связанными съ ней злоупотребленіями, они хотѣли удержать тотъ порядокъ вещей, который уже не соотвѣтствовалъ новымъ потребностямъ общества и уже представлялъ элементы разложенія. Разсматривая же оппозиціонную дѣятельность парламентовъ съ другой точки зрѣнія, болѣе общей, т. е. насколько парламенты, ратуя противъ злоупотребленій власти, противъ всѣхъ мѣропріятій, грозившихъ истиннымъ интересамъ общества, способствовали разложенію того порядка вещей, который уже клонился къ гибели, мы должны признать, что ихъ политическая роль имѣла прогрессивный характеръ, хотя нельзя отрицать того, что парламенты формально не имѣли права присваивать себѣ тѣ политическія функціи, которыя имъ былъ дарованы верховной властью лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ и которыя они постепенно расширяя возвели въ права, имъ присущія и неотъемлемыя.

Производя оцѣнку дѣятельности Мопу, мы также можемъ отмѣтить двѣ стороны въ его мѣропріятіяхъ. Поскольку онъ задавался цѣлью улучшить обветшавшую систему судопроизводства, поскольку онъ хотѣлъ отмѣнить всякія злоупотребленія, связанныя съ продажностью должностей, взяточничество и т. п., поскольку, наконецъ, онъ хотѣлъ облегчить положеніе тяжущихся уменьшеніемъ района вѣдомства высшихъ аппелляціонныхъ учрежденій, упрощеніемъ судопроизводства, отмѣной лишнихъ и обременительныхъ должностей,— его дѣятельность заслуживаетъ полнаго одобренія, конечно, если мы не будемъ принимать во вниманіе чувствъ злобы и мщенія, которыя имъ проявлялись въ отношеніи парламентской магистратуры. Но самый путь и направленіе его реформъ, при отсутствіи строго обдуманной системы, не можетъ быть одобренъ. Не говоря о пріемѣ насилій въ дѣлѣ упраздненія и реорганизаціи старыхъ учрежденій, ошибка Мопу заключалась въ томъ, что онъ въ своихъ реформахъ

хотѣлъ примирить вещи непримиримыя. Такъ, рядомъ съ Conseils supérieurs, которые должны были по судебной компетенціи играть роль парламентовъ, онъ оставилъ въ силѣ провинціальные парламенты, вся реорганизація которыхъ de facto состояла лишь въ замѣщеніи однихъ лицъ другими, такъ какъ ему не удалось примѣнить къ нимъ тѣ начала, на которыхъ основывалась организація новыхъ учрежденій; отсюда—естественный антагонизмъ тѣхъ и другихъ, отсюда—то явленіе, что въ реорганизованныхъ такимъ образомъ парламентахъ снова воцарился прежній духъ самомнѣнія и презрительнаго отношенія къ равноправнымъ имъ „Conseils supérieurs“. Этотъ антагонизмъ долженъ былъ отразиться при этомъ и на мѣстномъ населеніи. Затѣмъ, уничтожая продажность должностей въ одной части контингента служащихъ и оставляя его въ другой, Мопу нарушалъ этимъ единство и солидарность ихъ интересовъ, что должно было отразиться на самомъ исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей. Мопу не съумѣлъ также привести въ соотвѣтствіе съ высшими учрежденіями низшія судебныя инстанціи, которыя естественно тяготѣли къ порядкамъ старыхъ учрежденій. Наконецъ, настаивая на необходимости удешевленія судопроизводства, онъ на самомъ дѣлѣ его не удешевилъ, такъ какъ всѣ затраты по дѣлу устройства новыхъ учрежденій всецѣло легли тяжестью на народъ, который долженъ былъ оплачивать увеличенными налогами созданныя учрежденія.

Всѣ мѣропріятія Мопу лишь тогда имѣли-бы прочное значеніе, если-бы параллельно съ организаціей новыхъ учрежденій была реформирована и вся система судопроизводства путемъ соглашенія относящихся сюда старыхъ узаконеній съ позднѣйшими. Эта реформа была обѣщана Мопу, но была осуществлена лишь позже,—послѣ упраздненія „l'Ancient Régime“, — дѣятелемъ, располагавшимъ несравненно большимъ могуществомъ и большими средствами.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ КРИВИЧСКОЙ и ДРЕГОВИЧСКОИ ЗЕМЕЛЬ ДО НАЧАЛА XIII СТОЛѢТІЯ.

М. Довнаръ-Запольскаго.

ЧАСТЬ I.

Географическій очеркъ земли Кривичей и Дреговичей до XIII ст.

Сѣверо-Западная часть Россіи, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Бѣлоруссіи, въ древности населена была тремя различными племенами: *Дреговичами*, *Радимичами* и *Кривичами*; послѣдніе дѣлились еще на Полоцкихъ и Смоленскихъ. Племена эти составляли въ началѣ исторической жизни Русскаго народа значительную часть тогдашней Руси. Насколько родственны были между собою онѣ въ древности, трудно опредѣлить въ настоящее время; однакожъ, всматриваясь внимательно въ ходъ ихъ исторіи и обративъ вниманіе на то, что впослѣдствіи они образовали одну этнографическую группу—Бѣлоруссовъ, можно предполагать о ихъ близкомъ этнографическомъ родствѣ уже въ то отдаленное время, когда слагалась Русь. При взглядѣ на историческія событія этихъ племенъ, мы замѣчаемъ ихъ обособленность въ общей жизни остальной Руси; происходитъ, очевидно, какая то внутренняя жизнь, но ее трудно прослѣдить за недостаткомъ лѣтописныхъ данныхъ. Исключеніе какъ будто составляло племя Радимичей, исторія котораго почти не замѣтна въ нашихъ лѣтописяхъ; они никогда не жили самосоятельной политической жизнью, но принадлежали къ Черниговскому княжеству. Однакожъ Радимичи не ассимировались съ Сѣверянами, не смотря на долгую совмѣстную жизнь; напротивъ, примкнули къ сѣвернымъ своимъ сосѣдямъ Кривичамъ и вмѣстѣ съ Дреговичами образовали отдѣльную этнографическую группу.

Исторія Радимичей, быть можетъ, указываетъ именно на то, что уже въ древности означенныя племена имѣли общія этнографическія особенности, которыя помогли имъ слиться въ одну народность, несмотря на раздробленность и постороннее вліяніе. Такому сліянію трехъ племенъ въ одно этнографическое цѣлое несомнѣнно помогло и то обстоятельство, что географическое положеніе ихъ почти одинаково, равно какъ и природа занимаемой ими страны.

Южная граница Дреговичей съ Полянами и Волынянами начиналась почти у устьевъ Припяти и продолжалась по всему ея теченію узкою полосою по южному берегу, приблизительно по теперешней границѣ Волынской губ. съ Минской. Далѣе къ западу, отъ верхней Припяти по притоку ея Пинѣ, граница переходила къ Зап. Бугу, который пересѣкала гдѣ либо у Брестъ-Литовска, древняго Берестья. Отъ Брестъ-Литовска граница, оставивъ направленіе съ востока на западъ, шла къ сѣверо-западу по Бугу, границѣ нынѣшней Гродненской губ. На этой южной границѣ мы видимъ уже до XIII в. слѣд. города: Мозырь, нынѣ у. гор. Минской губ., Туровъ, нынѣ мѣст. Моз. у., Пинскъ (Пинескъ), у. гор. Минской губ., Брестъ-Литовскъ (Берестье), у. гор. Гродн. губ,

Юго-западная граница, вѣроятно, не доходила дальше Дорогичина, м. Гродн. губ. на р. Зап. Бугѣ, откуда она направлялась къ Гродно, нынѣшнему губ. гор. Затѣмъ, переходя въ Виленскую губ., отрѣзывала юго-восточную часть ея южнѣе гор. Вильно, захватывая все верховье Виліи, и переходила наконецъ къ Двинѣ, въ Витебскую губ. Рубежъ, пересѣкающій Двину, проходилъ, вѣроятно, не далеко къ сѣв.-зап. отъ Полоцка, приблизительно по теперешней границѣ Полоцкаго уѣзда съ Дриссненскимъ и Себежскимъ. Граница, захвативши верховье рѣки Великой, мѣняла сѣверное направленіе на восточное и на этомъ пути проходила по сѣверной границѣ Витебской губ. до р. Ловати, ниже Великихъ Лукъ—Новгородскаго города. Такимъ образомъ, Полоцкая область заключала въ себѣ всю озерную область Себежскаго и Невельскаго уѣздовъ, а далѣе заходила до оз. Двинья.

На этой длинной западной и сѣверной границѣ мы знаемъ въ данный періодъ весьма мало городовъ, а именно: упомянутые До-

рогичинъ и Гродно, Заславъ, Городецъ, Полоцкъ и Невель, уѣздные города Витебской губ., Усвятъ, Еменецъ.

Вообще, очерченная нами граница можетъ только указывать приблизительно этнографическую границу Дреговичей и Полочанъ. За этими предѣлами жили Литовскія поселенія, исторія которыхъ до XIII в. почти покрыта мракомъ неизвѣстности. Въ русскихъ лѣтописяхъ мы находимъ только не ясныя намеки на литовско-русскія сношенія въ данный періодъ. Такая скудность извѣстій происходитъ отъ того, что мы не имѣемъ собственно Полоцкой лѣтописи, которая, можетъ быть, дала бы намъ кой-какія разъясненія. Между тѣмъ сношенія Полочанъ съ Литвою отличалось болѣе мирнымъ характеромъ. Поэтому, Кіевскія, Волынскія и Новгородскія лѣтописи, занятыя важными событіями своихъ областей, вовсе не знаютъ отношеній Полочанъ къ Литвѣ.

Между тѣмъ нѣкоторые другіе источники, (какъ напр. латышскія хроники) указываютъ, что политическія границы Полоцкаго княжества были гораздо обширнѣе: ему принадлежали многія Литовскія племена.

За Усвятомъ, около оз. Двинья, территирія Полоцкихъ Кривичей встрѣчалась съ Смоленскими Кривичами. Область послѣднихъ, захвативъ оз. Жіожецъ и Торопецкое съ г. Торопцомъ, переходила къ верховьямъ Волги, гдѣ у нихъ былъ гор. Ржевъ и оттуда сворачивала на югъ къ Протвѣ, притоку р. Москвы. Восточная граница Смоленскихъ Кривичей заключала въ себѣ верховье рѣки Протвы, откуда направлялась на югъ къ среднему теченію Угры; по этой рѣкѣ, захватывая верховья Болвы въ Калужской губ., занимала южную часть Рославльскаго уѣзда и, проходя по южной части Могилевской губ., сѣвернѣе Чечерска, древняго Радимичскаго города, встрѣчалась съ Днѣпромъ ниже г. Рогачева.

Вотъ общія географическія границы Полочанъ. Впослѣдствіи мы обратимся къ болѣе точному опредѣленію ихъ рубежей, а теперь разсмотримъ характеръ страны, занятой ими.

I.

Страна.

Что касается до поверхности описаннаго пространства, то нужно замѣтить, что она представляетъ сплошную равнину, на которой изрѣдка попадаются отдѣльныя точки, поднимающіяся въ общемъ не болѣе тысячи футовъ надъ поверхностью моря. Возвышенности эти, представляя цѣлый рядъ холмовъ на возвышенныхъ равнинахъ, составляютъ одинъ общій рядъ возвышеній, пресѣкающихъ всю Бѣлоруссію—въ юго-восточномъ направленіи. Кромѣ того все равнинное пространство, заключающее Бѣлоруссію, неодинаково поднято надъ поверхностью моря. Въ общемъ Смоленская губ. лежитъ гораздо выше сосѣдней Могилевской. Отъ Могиледской губ. мѣстность постепенно понижается по направленію къ Припяти, долина которой, особенно верхняя часть ея съ притоками Пиной и Яцольдой, представляетъ глубокую котловину. Затѣмъ эта котловина постепенно возвышается и западная половина Гродненской губ. представляетъ сравнительно возвышенную равнину.

Горный кряжъ, проходящій черезъ Бѣлоруссію, который иногда называютъ *Алаунскимъ*, появляется въ сѣверо-восточной части Смоленской губ. въ видѣ продолженія Валдайской возвышенности. Такъ, уѣзды этой губ. Бѣльскій, отчасти Сычевскій и Порѣчскій принадлежатъ къ самымъ возвышеннымъ частямъ губ. [1]).

---

[1]) Я. Соловьевъ «Сельско-хоз. статистика Смол. губ.». М. 1865 г. стр. 3.

«Смоленская губ. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. (Пет. 1888 г.) стр. Ш. Вообще матерьялами для наст. очерка послужили: Матерьялы для географіи и статист. Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба, по губерніямъ: Минской, Витебской, Виленской, Гродненской, Смоленской. Опытъ описанія Могилевской губ. Дембовецкаго. Сельскохозяйств. статистика Смоленской губ. Соловьева. Труды Минскаго статистич. комит. 1870 г. вып. I. Памятн. книжки по Минской губ. 1878 г., ч. II, на 1889 и 1890 г. Памятн. кн. по Витебской губ. за 60 годы. Географич. и статистич. словарь Семенова. Słownik geograficzny (Warszawa, изд. ред. „Więdrowca“). Живописная Россія т. III. Спис. насел. мѣстъ Смоленской губ. и нѣкотор. др.

Отсюда мѣстность значительно понижается къ югу, начиная отъ Дорогобужа, въ уѣздѣ котораго Филатово возвышается надъ поверхностью моря на 896,6 футовъ [2]).

Кряжъ этотъ болѣе узкою полосою входитъ въ Могилевскую губ., въ которой представляетъ рядъ холмовъ. Изъ Смоленской губ. этотъ кряжъ въ Могилевскую входитъ въ Оршанскомъ у. между Никулинымъ и Рудней. Затѣмъ далѣе направленіе его на м. Бабиновичи, гдѣ онъ, охватывая Веретейское болото, расходится въ двѣ стороны: на Клишенки и Гришаны. Пространство около Веретейскаго болота представляется самимъ возвышеннымъ въ губ.: абсолютная высота его надъ уровнемъ моря доходитъ до 800—900 футовъ; Бабиновичи возвышаются на 640 ф. [3]).

Затѣмъ этотъ кряжъ проходитъ по Оршанскому уѣзду на Дубенцы, Каменку и почти по границѣ Сѣнненскаго уѣзда, возлѣ мѣстечка Смолянъ, дер. Козьей-Горки, за которой теряется въ обширныхъ болотахъ и лѣсахъ.

У границъ—Могилевской губ. съ Минской, на гр. Сѣнненскаго уѣзда, возвышенность дѣлается замѣтною, поворачиваетъ по границѣ Минской губ. къ сѣверу и, проходя въ такомъ направленіи до Колодинецъ, поворачиваетъ въ Минскую губ. на мѣст. Холопеничи [4]). Въ Минской губ. около Холопеничъ горный кряжъ направляется по границѣ Минской губ. съ Могилевской, въ которой около Григоровичъ возвышается на 925 ф., потомъ отъ Волосовичъ въ Витебской губ. онъ направляется къ озерамъ: Манецъ, Пельо и Берешта, мѣстность которыхъ возвышается надъ уровнемъ моря до 1000 футовъ. По границѣ Витебской и Минской губ., гдѣ кряжъ нѣсколько понижается, доходя у мѣст. Пышногорья Вит. губ. до 755 ф. высоты,—направляется къ границамъ Виленской губ., въ предѣлахъ которой—въ Ковалѣхъ на 753 ф., въ Варганахъ на 771 ф. возвышается. Затѣмъ возвышенность направлется къ югу на мѣст. Докшицы, достигая у Домашковичъ Минской губ. значительной высоты въ 947 фут. [5]).

---

[2]) «Смоленская губ. Списокъ населенныхъ мѣстъ» (Пет. 1868 г.), стр. Ш.
[3]) Дембовецкій. Опытъ описанія Могилевской губ. т. I., 181—2 стр.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Матеріалы для Геогр. и Стат. Россіи. Минская губ. Зеленскаго. стр. 110—111—112.

Кряжъ то понижается, то повышается, и проходитъ къ югу широкою полосой по двумъ сосѣднимъ губерніямъ: по Виленской губ.—по части Вилейскаго уѣзда, въ которомъ возвышаются: Кондраты на 1015 ф., а Мядзіоль на 742 ф., Свенцянскаго и Виленскаго, въ которомъ возвышеннѣйшія точки находятся при Мѣдникахъ на 1036 ф., Юзефатовѣ—на 973 ф., Янковщизнѣ—на 959 ф., Забиржи—938 и др.; черезъ Ошмянскій уѣздъ, въ которомъ высшія точки суть: Пупишки въ 1106 ф. Лойцы въ 987 ф., Доукны 721 ф. и пр., и наконецъ черезъ Лидскій уѣздъ переходитъ [6]) въ Гродненскую губ. Соотвѣтственно этому и по Минской губер. тянется хребетъ, сначала въ южномъ, а потомъ въ юго-западномъ направленіи.

Отъ Докшицъ направленіе его идетъ на Домашковичи, оттуда на границу Минскаго и Борисовскаго уѣз. и въ *Лысой-Горѣ* весь кряжъ достигаетъ найбольшей высоты—въ 1129,8 фута выше поверхности моря. Отсюда онъ идетъ черезъ Минскій уѣздъ на Дуброво, возв.—на 1117 ф., Залѣсье, возв.—на 1091 ф., Раковъ, Вольму, Койдановъ и Озеро, возв. на 722 ф. Отсюда кряжъ направляется на м. Ковалевичи (773 ф.), Кондратовичи (воз. на 752 ф.), Юшковичи (772 ф. над. ур. м.), Мицкевичи, недалеко отъ Несвижа въ Новогрудскомъ уѣз. (возв. 755 ф.)—на Клецкъ.

Отсюда вся эта возвышенная равнина Минской губ. круто поварачиваетъ на западъ и, едва касаясь сѣверныхъ границъ Пинскаго уѣзда, проходитъ въ Гродненскую губ. къ у. гор. Пружанамъ [7]). Вся сѣверо-западная часть Гродненской губ. представляетъ сплошную возвышенность, пониженіе которой въ сѣверо-восточномъ углу губ., въ Кобринскомъ уѣздѣ, въ долинѣ рѣки Пины и Яцольды. По обѣ стороны обозначеннаго кряжа, къ сѣверу и къ югу, мѣстность постепенно понижается. Сѣверный склонъ ея понижаетси по теченію Двинскихъ притоковъ и оканчиваются долиною р. Западной Двины, а за нею страною озеръ по сѣверной границѣ губ., откуда берутъ свое начало рр. Ловать и Великая.

Нижній склонъ понижется по теченію лѣвыхъ притоковъ р. Припяти, по обѣ стороны которой образуется низменная болотистая

---

[6]) Матеріалы для Географіи и Статистики Р. Виленская губ. стр. 115—116—117.
[7]) Минская губ. 112—113 стр.

долина, низшая точка которой, а слѣдоват. и всей страны—уровень воды въ рѣкѣ Пинѣ у гор. Пинска, возвышающійся на 435 ф. надъ уровнемъ моря. На востокѣ пониженіе идетъ по теченію Днѣпра. Пониженіе горнаго склона на западъ ограничивается приблизительно границею Минской губ. съ Волынской и Кіевской, въ сѣверной части которыхъ появляется рядъ холмистыхъ возвышенностей, образуемыхъ отрогами Карпатъ. На восточной половинѣ Днѣпра повышеніе начинается въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губ., средняя высота котораго доходитъ до 550 ф. надъ уровнемъ моря (дер. Пчеловка—651 ф., Закружье—630 ф., Корма—537 ф. и т. д.) [8]).

Рославльскій и Ельнинскій уѣзды Смоленской губ. въ общемъ находятся около 700 ф. надъ поверхностью моря [9]).

Несмотря на то, что вышеописанный нами кряжъ только въ немногихъ точкахъ своихъ переходитъ высоту за 1000 футовъ, онъ имѣетъ весьма важное значеніе на распредѣленіе водъ всей Россіи и въ особенности Бѣлорусскаго края. Этимъ кряжемъ раздѣляются басейны Западнаго Буга, Нѣмана съ Щарой, Западной Двины, правыхъ верхнихъ притоковъ Волги и затѣмъ всего верхняго Поднѣпровья.

Такимъ образомъ, въ восточной части этого кряжа, въ Смоленской губ., берутъ начало слѣдующія рѣки Волжскаго бассейна: Москва, Вазуза съ притоками Гжатью и Косной, Осуга съ Лусой, Угра съ Ворей и др. Въ Двинскій бассейнъ отсюда идутъ: рѣки Межа съ Обшей, Лучесой, Березой и Каспля съ Гобзой. Въ Днѣпровскій бассейнъ: Вязьма, Вопь, Ужа; здѣсь же берутъ начало Сожь, Десна. Мы поименовали только болѣе значитеныя рѣки; между тѣмъ ихъ гораздо больше беретъ здѣсь начало.

Всѣ эти рѣки, кромѣ Каспли, берутъ свое начало въ сѣверо-восточной части губ., которая представляетъ сплошную возвышенность.

Напротивъ, рѣки Минской и Могилевской губ., отчасти и Витебской, почти всѣ берутъ свое начало на вышеописанномъ кряжѣ, который тутъ проходитъ довольно узкой полосой. Съ вершины этого кряжа

---

[8]) Дембовецкій, стр. 188—2.

[9]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Смоленской губ. ст. III.

въ Западную Двину текутъ: Лучеса съ Черницей и Оболью, Усица и Улла, берущія начало въ Могилевской губер., и Эсса—въ Минской. Особенно много водъ стекаетъ съ этого кряжа въ Днѣпръ и притокъ его Припять: Оршица, Друть въ Могилевской губ., Березина съ своими многочисленными притоками, Гайной съ Цной, съ Ильшей, Ушей и Свислочью; затѣмъ въ Припять впадаетъ: Птичъ, Случъ съ Морочью, Ланъ, Цна, Яцольда и Пина. Тутъ же въ Слуцкомъ уѣздѣ, къ сѣв.-востоку отъ мѣстечка Несвижа, беретъ начало Нѣманъ; въ него, въ верхнемъ его теченіи, вливаются многочисленнѣйшіе притоки, которые всѣ берутъ начало на возвышенныхъ точкахъ горнаго кряжа. Правые притоки Нѣмана слѣд.: Узенка у самаго верховья и Сула, въ Минской губ., Быстрая и Ислочь въ Вил. губ.; съ лѣвой стороны впадаютъ: Щара съ Иссой, Зельвянка и др. Въ систему Зап. Бугу отсюда текутъ: Мухавецъ, Лѣсна и др.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что почти всѣ рѣки Бѣлоруссіи берутъ свое начало на этомъ кряжѣ. Кромѣ того, Припять принимаетъ нѣсколько притоковъ съ юга, берущихъ начало въ отрогахъ Карпатъ: Славечна, Уборть, Ствига, Горынь съ Случью, Стырь и Стоходъ. Р. Зап. Двина питается съ сѣвера притоками, берущими начало въ озерной области сѣверной части Вит. губ.: Торопа, начинающаяся недалеко отъ Торопца, Оболь, текущая изъ озеръ при м. Озерищѣ, Полота, Дрисса съ Ницой и Солной и др.

Что касается до геологическаго строенія поверхности Бѣлоруссіи, то вопросъ этотъ настолько еще не обслѣдованъ, что можно дать только кое-какія отрывочныя указанія. Такъ, отложенія третичной или эоценовой формаціи встрѣчаются, вѣроятно, въ большей части Бѣлоруссіи. Въ Смоленской губ. она занимаетъ всю ея западную часть, состоя изъ желѣзистой глины, мергеля и песчанниковъ. Въ Могилевской губ. они занимаютъ бассейнъ Сожа и вообще южн. и западн. части губ.; къ этой же формаціи принадлежатъ горныя породы почти всей Минской губ.; здѣсь встрѣчается: сланцеватая глина, кремнистый песчанникъ, грубозернистый известнякъ, мергель, рухляки и др. породы. Изъ тѣхъ же породъ состоитъ вся Виленская губ. Залежи горнаго известняка занимаютъ восточную часть Смоленской губ., встрѣчаются въ восточной части и Могилевской губ., въ уу. Чериковскомъ и Климовичскомъ. Гораздо чаще по-

падаются пласты девонской формаціи; они занимаютъ уѣзды Сѣнненскій, Оршанскій, Горецкій, сѣверныя части Могилевскаго и Мстиславльскаго, встрѣчаются мѣстами въ Климовичскомъ, Чериковскомъ, Рогачевскомъ, Чаусскомъ, Быховскомъ уу. Горныя породы Витебской губ. почти всѣ состоятъ изъ пластовъ краснаго песчанника девонской формаціи, и наконецъ—въ части Дисненскаго у. Виленской г. Пласты мѣловой формаціи встрѣчаются рѣдко и притомъ на незначительномъ пространствѣ; такъ, они находятся въ южной части Рославльскаго у. Смоленской губ.; въ Могилевской губ. они встрѣчаются сравнительно чаще, именно: по теченію рѣкъ Бѣседи, Сожа и Ипути, въ Чаусскомъ у., по теченію рѣки Вори, около Могилева, Быхова, а также въ Быховскомъ и Рогачевскомъ уу.; признаки мѣловой формаціи находятъ также въ Минской губ. (въ Новогрудскомъ у. и Рѣчицкомъ) и Гродненской губ. (по Нѣману) [10]).

На всей поверхности Бѣлоруссіи встрѣчаются, въ обнаженіяхъ *валунныя толщи*, а также и отдѣльные валуни финляндской и скандинавской породъ. Валунныя толщи обыкновенно состоятъ изъ валуннаго суглинка, сѣраго или бураго цвѣта глины; суглинокъ этотъ, общая толщина котораго достигаетъ 5—10 саженей и болѣе, находится надъ ростительною почвою; валунная глина отличается особенно тѣмъ, что она *водонепроницаема*. Это особенно важное обстоятельство, послужившее, вѣроятно, для образованія болотъ и озеръ нынѣшней Бѣлоруссіи.

Валунныя толщи обыкновенны еще имѣютъ подъ собой или надъ собой т. н. валунный песокъ. Въ валунныхъ толщахъ попадаются валуны или эрратическіе камни; валунъ есть гранитъ, состоящій изъ слюды, кварца и ортоклаза. Такъ какъ валуны принадлежатъ исключительно къ горнымъ породамъ Альпъ, Скандинавіи и Финляндіи, то о появленіи ихъ на обширной поверхности всей Германіи, отчасти Франціи, всей Сѣверо-Западной и Центральной Россіи геологами было представлено насколько гипотезъ. Въ послѣднее время въ геологіи утвердилась гипотеза о т. н. ледниковомъ періодѣ, имѣвшимъ мѣсто на всемъ пространствѣ, гдѣ встрѣчаются валуны. Сущность этой гипотесы заключается въ томъ, что въ эпоху до появ-

---

[10]) Словарь Семенова; Матеріалы по Ст. и геогр. Минской, Смоленской, Витебской, Виленскаго и Гродненской губ.; Описаніе Могил. г. Дембовецкаго, Сельсно-хоз. Ст. Смол. г. Словьева.

ленія животной жизни на означенномъ пространствѣ, вслѣдствіе значительнаго пониженія температуры, все это пространство было покрыто ледниками, которые сползли съ Альпійскихъ, Скандинавскихъ и Финлядскихъ горъ, принесшихъ съ собою и валуны. Отъ таянія, вслѣдствіи повышенія температуры Европы, этихъ ледниковъ образовались моря пресныхъ водъ, которыя со временемъ исчезли. Такимъ образомъ можно до нѣкоторой степени объяснить необыкновенное скопленіе болотныхъ и озерныхъ водъ Бѣлорусскаго Полѣсья. Представляя значительное углубленіе поверхности, долина эта послужила естественнымъ бассейномъ для стока высыхавшихъ водъ первобытнаго моря; между тѣмъ значительныя залежи валунныхъ отложеній, которыя особенно часты и обширны именно на пространствѣ Полѣсья (въ Гродненской губ., Виленской и Смоленской толщи эти встрѣчаются рѣже, чаще отдѣльные валуны) препятствовали почвѣ всасываетъ въ себя воду, которая такимъ образомъ и образовала, своимъ скопленіемъ, болота и озера, давая въ тоже время источникъ для многочисленныхъ рѣкъ и ручьевъ.

Скопленіе воды на пространствѣ Бѣлорусскаго полѣсья было гораздо значительнѣе даже уже въ историческое время. На это указываетъ, между прочимъ, значительное число высыхающихъ рѣкъ, озеръ и болотъ, обмеленіе многихъ рѣкъ (напр. Друти, Припяти и др.) и наконецъ иловатая почва, происходящая отъ рѣчныхъ наносовъ, попадающаяся весьма часто вдали отъ существующихъ нынѣ рѣкъ и озеръ и, слѣдовательно, указывающая на существованіе ихъ и въ другихъ мѣстахъ. Къ этому присоединяются и народныя преданія о большомъ скопленіи пресной воды въ долинѣ Припяти и друг. мѣстахъ. Пласты новѣйшаго образованія, составляющіе почву Бѣлоруссіи, состоятъ обыкновенно изъ супеска, мергеля, изрѣдка торфа и ила; черноземъ попадается рѣдко, на небольшихъ пространствахъ, и при томъ въ видѣ весьма тонкаго слоя. Такъ, такія залежи чернозема находятся только въ нѣкоторыхъ частяхъ Виленской губ., именно въ сѣверной части Трокскаго у. онъ идетъ по лѣвому берегу Виліи, переходитъ на правый берегъ и занимаетъ сѣв. часть Виленскаго у., с.-в. часть Свенцянскаго и часть Дисненскаго. Въ остальной Бѣлоруссіи не встрѣчается болѣе или менѣе обширныхъ залежей чернозема; напротивъ, въ ней преобладаютъ другіе малоплодородные виды почвы.

Вообще, преобладающая почва глинистая съ большей или меньшей примѣсью песку, кварца, слюды и др. .и смывающихся частей, а еще рѣже чисто каменистая.

Остальные виды почвы встрѣчаются рѣже. Торфъ находится въ Бѣльскомъ, Смоленскомъ, Духовщинскомъ и Порѣчскомъ уу. Смоленской губ., въ Рогачевскомъ, Быховскомъ и Оршанскомъ уу. Могилевской губ. Огромные залежи торфа нами лично удалось видѣть на всемъ пространствѣ сѣверной части Пинскаго у.: въ Телеханской волости у оз. Выгоношти, въ Погостской у оз. Погоста, с. Порохонска, въ Доброславской вол. и отчасти въ Давыдъ-Городецкой эти залежи занимаютъ десятки верстъ. Въ Рѣчицкомъ у. торфъ въ большихъ залежахъ находится въ Дерновичской вол.

Между различными факторами, обусловливающими человѣческую жизнь и имѣющими на нее сильное вліяніе,—орошенію должно отвести одно изъ первыхъ мѣстъ.

Не говоря уже о чисто физическомъ вліяніи скопленія водъ, какъ напр. количества атмосферныхъ осадковъ, на человѣческую жизнь рѣки и озера имѣютъ огромное значеніе въ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ племенъ. Рѣки служили единственнымъ удобнымъ путемъ, какъ для торговыхъ и такъ и для военныхъ, колонизаціонныхъ предпріятій. Проложеніе дорогъ черезъ непроходимые дѣвственные лѣса, черезъ болота было невозможно въ древности: это потребовало бы необыкновенныхъ усилій со стороны племени, такъ какъ страны, занятыя русскими племенами, были весьма обширны и при этомъ мало населены. Во всѣхъ случаяхъ рѣка служила самой удобной дорогой; путешествія по ней не требовало особенныхъ усилій: въ легкомъ челнокѣ, въ небольшомъ количествѣ людей можно было пробраться изъ отдаленнаго Полоцка въ Кіевъ, или Новгородъ, или въ Хозарскій Итиль на устье Волги. Направленіе рѣкъ Россійской равнины имѣетъ особенно важное значеніе въ отношеніи путей сообщенія. Посредствомъ рѣкъ соединяются отдаленнѣйшія части Россіи, сближаясь съ Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами посредствомъ Волги, которой западные притоки раздѣляются только небольшими волоками отъ притоковъ Западной Двины и Днѣпра; въ свою очередь притоки Днѣпра и З. Двины близко подходятъ къ притокамъ Вислы и Нѣмана. Посредствомъ Волги же идетъ сообще-

ніе къ Бѣлому и Балтійскому морямъ. Что касается собственно земли Кривичей и Древиговичей, то она занимала одно изъ выгоднѣйшихъ, по отношенію водныхъ путей, положеній: изъ нея, какъ изъ центра, расходятся важнѣйшія рѣки, соединяющія ее съ отдаленнѣйшими окраинами великой Россійской равнины.

На сѣверо-востокѣ ея предѣловъ беретъ начало Волга и З. Двина, недалеко отъ нихъ начинается Днѣпръ. Эти три рѣки сближаются вмѣстѣ съ своими многочисленными притоками съ Чернымъ, Балтійскимъ, Бѣлымъ и Каспійскимъ морями. Западная половина разсматриваемой области заключаетъ въ себѣ верховье Нѣмана, среднее теченіе З. Буга, почти все, за исключеніемъ верховьевъ, теченіе Припяти, оба берега Днѣпра съ его многоводными притоками и южные притоки Западной Двины.

Такимъ образомъ Бѣлоруссія занимаетъ весьма выгодное положеніе относительно водныхъ путей сообщенія. Это положеніе способствовало въ древности быстрому, успѣшному ходу колонизаціоннаго движенія въ среду финскихъ и литовскихъ народцевъ, а также и развитію обширныхъ торговыхъ сношеній.

Окраина Кривичской земли доходила въ древности до верховьевъ *Волги*. Послѣдняя беретъ свое начало въ Осташковскомъ у. Тверской губ. (подъ 57^0 10′ с. ш.) изъ небольшаго ключа на Валдайской возвышенности, имѣющей абсолютную высоту въ 840 фут.; первоначально Волга представляетъ небольшей ручеекъ въ $1^1/_2$ ар. шириною, но уже у оз. Волго, черезъ которое она протекаетъ, ширина ея дохотитъ до 20 саженей. На протяженіи 90 верстъ она въ настоящее время не судоходна. На этомъ пространствѣ она течетъ въ низменныхъ болотистыхъ берегахъ [11]).

Земли Смоленскихъ Кривичей доходили только до верхняго теченія Волги, вѣроятно, не ниже Зубцова.

По этому болѣе важное для нихъ значеніе имѣли Волжскіе притоки, чѣмъ она сама. Изъ болѣе важныхъ притоковъ ея, омывающихъ землю Смоленскихъ Кривичей, замѣтимъ: *Вазуза* беретъ начало въ болотахъ Вяземскаго уѣзда, у дер. Митрюховой; длина ея теченія 140 вер.; берега верхняго теченія высоки и круты; изъ притоковъ замѣчательны *Касня* и *Гжать*, изъ лѣвыхъ *Осуга*. Далѣе

---

11) Географ.—ст. Слов. Семенова.

изъ рѣкъ Окскаго бассейна замѣчательны: *Москва* съ притокомъ *Протвой,* на верховьяхъ которой проходила граница Смоленскихъ Кривичей; болѣе важна *Угра*, берущая начало въ Ельнинскомъ у. близь дер. Угрицы; длина ея теченія 400 в.; берега Угры крутые, мѣстами обрывистые; изъ притоковъ важна *Воря*.

Въ 13 верстахъ отъ истоковъ Волги, беретъ начало другая важная рѣка—*Зап. Двина*; она начинается изъ небольшаго озера Двинца посреди болотъ и идетъ на высотѣ болѣе чѣмъ 800 рус. ф. Сначала она течетъ небольшимъ ручейкомъ по оврагу, поросшему кустарникомъ, но на 15 верстѣ выходитъ въ большое (13 вер. длины) озеро *Охватъ Жаденье*, откуда вытекаетъ уже довольно широкою рѣкою—въ 8 саж. Дно Зап. Двины мѣстами каменистое, хрящеватое, попадается много пороговъ и отмелей, что дѣлаетъ ее не совсѣмъ удобною для судоходства. Берега ея большею частью песчаны и каменисты; они въ Витеб. губ. высоки и обрывисты; вообще лѣвый берегъ болѣе возвышенъ, чѣмъ правый. Длина теченія Двины болѣе 900 вер., область ея бассейна занимаетъ до 3500 кв. м. Изъ правыхъ притоковъ болѣе замѣчательны: *Торопа*, *Усвятъ*, выт. изъ оз. того же имени, *Полота*; послѣдняя беретъ начало изъ озеръ *Ведето*, *Колпино*, *Туричино* и *Неключь;* дно ея ямистое, теченіе тихое, извилистое; и, наконецъ, *Дрисса*. Съ лѣвой стороны Двина принимаетъ: *Межу* съ *Общей*, *Касплю*, *Уллу*, *Дисну* и др. [12]).

Земля Дреговичей омывается верхнимъ *Нѣманомъ* и его притоками: *Щарой*, *Виліей*, *Уссой* и др. и *Зап. Бугомъ*. *Нѣманъ* беретъ свое начало въ лѣсистой мѣстности Игуменскаго у. Мин. губ., недалеко отъ дер. Догиничи. Длина теченія Нѣмана простирается до 810 в. Первоначально Нѣманъ течетъ небольшою рѣчкою въ 18—25 саж. ширины (у Новаго Сверженя). Дно его вообще песчаное; верхній Нѣманъ течетъ по широкой луговой долинѣ, пересѣкающей холмистую возвышенность; въ Лидскомъ у. ниже м. Бѣлицы правый берегъ Нѣмана крутъ и возвышенъ. Изъ притоковъ найболѣе важны: *Усса*, *Лоша*, *Сервечъ*, *Свислочъ*, *Вилія* и *Щара*; послѣднія двѣ имѣютъ особенно важное значеніе, какъ естественная колонизаціонная дорога въ земли литовкихъ племенъ. Вилія беретъ начало въ Борисовск. у. Минск. губ., протекаетъ до впаденія въ Нѣманъ при

---

[12]) См. Слов. Семенова.

г. Ковно—420 в. Дно верхняго теченія этой рѣки иловатое, берега плоскіе и лѣсистые; въ Виленск. губ. они круты и возвышены. Другой не менѣе важный притокъ Нѣмана Щара беретъ начало въ Новогрудскомъ у. Минск. губ., недалеко отъ м. Столовичъ; сначала она течетъ по луговой долинѣ, но съ 62-й в. въ низменныхъ, болотистыхъ, большею частью торфяныхъ берегахъ.

Другая важная рѣка, орошающая часть Дреговичей — древнюю Берестейскую землю—*Зап. Бугъ*. Онъ беретъ начало въ Карпатахъ и течетъ на протяженіи 686 верстъ, впадаетъ съ правой стороны въ Вислу. Изъ притоковъ его важнѣйшіе: *Мухавецъ, Наревъ* и *Нурецъ*.

Система верхняго Днѣпра и главнаго его притока Припяти покрываетъ всю среднюю Бѣлоруссію и имѣетъ то преимущественное значеніе, что она соединяетъ внутреннія части этой страны съ окраинными рѣками: Волжской системой, Двиной, Нѣманомъ и Бугомъ.

Днѣпръ начинается въ Смоленск. губ. въ Бѣльск. у. изъ небольшаго оз. Мшара, лежащаго въ болотахъ Волковскаго лѣса, подъ $55^0\,21'$ с. ш. и $51^0\,21'$ в. д. Длина его теченія до впаденія въ Черное м. доходитъ до 1700 в.; общее направленіе теченія—съ с. на югъ Берега Днѣпра чрезвычайно разнообразны, но вообще и правый берегъ возвышенъ, господствуетъ надъ лѣвымъ; почти всѣ города построены на правомъ возвышенномъ берегу, такъ какъ лѣвые берега его большею частью подвержены сильнымъ весеннимъ разливамъ, препятствующимъ правильному сообщенію. Верхній Днѣпръ до Дорогобужа не судоходенъ; онъ течетъ въ отлогихъ низменныхъ берегахъ, шириною отъ 3 до 6 ар. Болѣе возвышенны берега—послѣ впаденія съ правой стороны небольшой рѣчки *Жерди,* дно становится мѣстами песчаное, мѣстами каменистое. У впаденія Вязьмы ширина Днѣпра доходитъ до 25 и болѣе саж.; берега на этомъ пространствѣ высоки, часто круты, пересѣкаются оврагами и лощинами. Отъ Дорогобужа Днѣпръ течетъ по открытой долинѣ версты въ 3 шириною, съуживающейся у дер. Шевелевой до $1^1/_2$ в. Послѣ впаденія р. Вопи берега Днѣпра представляютъ низменную болотистую долину, покрытую лугами и сѣножатями. Ниже Смоленска правый берегъ становится господствующимъ надъ лѣвымъ, за исключеніемъ болотистыхъ низменныхъ устьевъ Припяти и Тетерева. Изъ лѣвыхъ, омывающихъ Бѣлоруссію, притоковъ Днѣпра найболѣе важ-

ные: *Вязьма, Осьма, Сожъ* и *Десна*. Изъ нихъ Сожъ беретъ начало въ болотахъ южной части Смоленскаго у. Длина ея до впаденія въ Днѣпръ 500 в.; не менѣе важны были ея притоки: *Проня, Беседь, Ипуть* и др. Другой важный лѣвый притокъ Днѣпра—*Десна* принадлежитъ Бѣлорусскому краю только своими верховьями и соединяетъ восточныя части ея съ среднимъ теченіемъ Днѣпра, Десна начинается въ Ельнинскомъ у. Смоленской губ., недалеко отъ гор. Ельны, вблизи села Ярославля; общая длина ея теченія 700 в., но въ Смол. губ. она проходитъ только 100 в.: изъ притоковъ важнѣйшей—*Болва* [13]).

Правые притоки Днѣпра имѣли огромное значеніе для Дреговичей; на нихъ стоятъ важнѣйшіе въ древности города, по нимъ шло сообщеніе съ Литвой, Ятвягами и Поляками. Изъ притоковъ замѣчательны: *Вопь, Оршица, Друть*.

Послѣдняя беретъ начало на границѣ Сѣнненскаго и Оршанскаго уу. на возвышенной части губ.; длина ея теченія 250 в. Она течетъ по не широкой долинѣ (версты въ $1^1/_2$), покрытой болотами и озерами; нижнее ея теченіе при впаденіи въ Днѣпръ у Рогачева, идетъ по широкой луговой долинѣ. Въ настоящее время Друть только сплавная рѣка, но въ древности была судоходна; множество притоковъ ея высохло; остались только во многихъ мѣстахъ ряды озеръ и болотъ, свидѣтельствующіе о прежнихъ рѣчкахъ [14]).

Ниже Друти, на границѣ Минской губ. и Могилевск., впадаетъ въ Днѣпръ *Березина*. Она беретъ начало на плоской влзвышенности недалеко отъ м. Докщицы Борисовскаго у., и проходитъ до устья около 500 в.; на своемъ пути она протекаетъ черезъ озера Мядзіолъ и Пяликъ. Теченіе Березины образуетъ узкую долину, чрезвычайно болотистую и низменную; отлогіе берега ея покрыты лѣсами [15]).

Еще ниже Березины вливается въ Днѣпръ *Припять*, омывающая нижнюю часть Западной Бѣлоруссіи. Она беретъ начало въ Волынск. губ. изъ озеръ и болотъ около села Гуполы и образуетъ

---

[13]) Сл. Семенова.

[14]) Сл. Семенова; Описаніе Могил. губ. Дембовецкаго, т. I.

[15]) Сл. Семенова. Пам. кн. Минск. губ. за 1878 г. стр. 25. Труды Мин. Ст. Ком. за 1870 г. вып. 1. р. 278.

до 15 ручейковъ, сливающихся вмѣстѣ. Собственное свое названіе *Припять* носитъ только послѣ сліянія съ р. Яцольдою у Пинска. До этого мѣста она состоитъ изъ множества притоковъ, текущихъ подъ различными названіями; они соединяются въ озерѣ Любядзь Пинск. у. Отъ этого озера Припять снова течетъ, раздѣлившись на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ главный носитъ названіе *Парока*, и собираетъ свои воды въ озерѣ Набель; въ промежуткѣ между оз. Любядзью и Набелемъ въ Припять впадаетъ *Стоходъ*; за оз. Набелемъ она снова раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ главный наз. *Струменемъ*, а другой Припятью и течетъ до сліянія съ Яцольдой, на протяженіи 80 в., принявъ на этомъ пути *Веселуху* и *Пину* и соединившись посредствомъ одного изъ рукавовъ со *Стырью*. Послѣ сліянія съ Яцольдою Припять уже извѣстна подъ этимъ именемъ до своего впаденія въ Днѣпръ; длина теченія ея доходитъ до 740 в. Дно ея вообще въ верхнемъ теченіи иловатое, далѣе песчаное, а мѣстами каменистое; берега низменны болотисты; только кое гдѣ они возвышаются, такъ напр. у гор. Мозыря лѣвый берегъ значительно возвышается; правый болѣе возвышается у дер. Загоряны Моз. у.

Изъ верхнихъ притоковъ Припяти особенно важны *Пина* и *Яцольда*; она начинается въ Волковыск. у. Гродн. губ. недалеко отъ м. Новый Дворъ въ обширныхъ, покрытыхъ лѣсомъ болотахъ. Яцольда течетъ въ низменной болотистой долинѣ, проходитъ черезъ большое озеро Споровское. Въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи Припять принимаетъ нѣсколько весьма важныхъ притоковъ, изъ которыхъ укажемъ на правые: *Стыръ* со *Стублой*, *Горынь*, *Ствига*, *Плотница* и *Славечно;* изъ лѣвыхъ: *Бобрикъ*, *Цна*, *Ланъ*, *Случъ*, *Птичъ* и др.[16]).

---

[16]) Ibid.

II.

Пути сообщенія.

Естественно, что при такомъ обиліи водъ и ихъ расположеніи въ области, занятой Кривичами и Дреговичами, проходили важнѣйшіе водные пути въ древности. Черезъ земли Кривичей соединялся югъ съ торговымъ Новгородомъ, и черезъ нее же проходили найболѣе удобные пути на востокъ, въ земли инородцевъ.

Изъ озерной области въ Подвинье существовало нѣсколько путей. Одинъ изъ нихъ шелъ на *Еменецъ*, Полоцкій городъ, и Великіе Луки, Новгородскій городъ [17]). Можно слѣдующимъ образомъ опредѣлить Еменецкій путь. Изъ Двины онъ шелъ по рѣкѣ Оболи, которая соединяется съ озеромъ Озерищемъ, откуда теперь небольшой волокъ къ оз. Еменецъ; изъ него въ оз. Невель, изъ котораго р. Яменкой соединялся съ Ловатью. Въ этихъ мѣстахъ сохранилось преданіе, что воды Невельскаго озера когда то сливались съ Оболью [18]). Если это такъ (что вполнѣ правдоподобно), то въ озерную область шелъ непосредственный путь изъ Двины, безъ волоковъ. Кромѣ того по всему этому пути разбросаны признаки древнихъ поселеній, въ видѣ кургановъ, городищъ и укрѣпленій. Курганы Городокскаго уѣзда, по сообщенію г. Сементовскаго, расположены по направленію древнихъ путей сообщенія г. Невеля съ Витебскомъ и Двиною— вдоль нынѣшняго С.-Петербургскаго шоссе, начинаясь почти отъ

---

[12]) „Поиде Давидъ къ Полотовску съ Новгородци и Смольняны и, умиривъшеся, воротишася на *Еменги*“, Новг. I л. под. 1185 г. „Мстиславъ же все то хотя оправити Новгородьскую волость и обиду и пришедшу ему на *Лукы* съвои Новгородьскими“. Ипат., 412.

[18]) Сементовскій, Памятники Старины Вит. г., р. 5.

самого города и кончая сѣверной частью уѣзда, и по теченію Оболи [19]). Замѣчательно, что именно у озеръ Еменца, Невеля, Озерища и др. на томъ же пути находимъ найбольшее число древнихъ сооруженій. О нихъ г. Сементовскій въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Но самое большее число кургановъ и притомъ громадной величины, скопленныхъ болѣе или менѣе значительными группами, находится въ сѣверо-восточномъ углу Городокскаго уѣзда, именно въ той части его, которая расположена надъ рѣкой Ловатью, между Суражскимъ и Невельскимъ уѣздами, на земляхъ казеннаго имѣнія Стаекъ и части Горковскаго общества“ [20]). Кромѣ того мы на этомъ пути находимъ у озера Озерища при селѣ Дубининѣ *городище* [21]). При этомъ же озерѣ, на земляхъ Свиридовскаго сельскаго общества, находится замѣчательное *городище* съ остатками укрѣпленій, рва и мостовъ; народная память сохранила о немъ преданіе, какъ о недоступномъ мѣстѣ [22]).

Еменецкимъ путемъ ходилъ на Полоцкъ въ 1185 г. князь Дивидъ Ростиславичъ съ Новгородцами и Смольнянами [23]).

Другой путь изъ Подвинья въ озерную область лежалъ на *Торопецъ*. Изъ Двины онъ шелъ рѣкою Торопою до оз. Торопецкаго; оттуда небольшимъ волокомъ въ р. Сережу, впадающую въ Ловать; этимъ путемъ шелъ въ 1168 г. Ростиславъ Мстиславичъ на свиданіе съ сыномъ своимъ въ Новгородъ [24]).

---

[19]) Ibidem, p. 5.

[20]) Ibidem, p. 8.

[21]) Ibidem, p. 7.

[22]) Ibidem, p. 10 и 11.

[23]) „Новг. Л.“, p. 160. О Еменецкомъ пути см. Барс., „Оч. русск. ист. геогр.“, p. 24—25. Этотъ путь былъ самый обычный, что доказывается и другими свидѣтельствами нашихъ лѣтописей: Святославъ ушелъ изъ Новгорода „на Лукы“ (1167 г. Новг. Л., p. 146), въ 1191 г. Ярославъ ходилъ къ Полоцкимъ границамъ тудаже (Новгор., p. 164), также въ походѣ 1118 г. (Новг., p. 176).

[24]) Ип. 362. Барсовъ, „Оч. р. ист. геогр.“, p. 25. Лѣтопись разсказываетъ, что Ростиславъ пріѣхалъ въ Торопецъ къ сыну своему Святославу, княжившему въ Новгородѣ, „веля ему въѣзъхати противу себѣ на Лукы.... и ту снимася на Лукахъ съ сыномъ и съ Новгородцы“. Барсовъ считаетъ это извѣстіе или невѣрнымъ или неполнымъ (ibid., p. 325) въ виду того, что Ростиславъ прежде прибылъ въ Торопецъ, а потомъ отправился на Луки. Но намъ представляется дѣло такъ, какъ разсказываетъ лѣтопись: Ростиславъ пріѣхалъ въ свой пограничный городъ, но такъ какъ Новгородцы не желали вести съ ними переговоры на чужой территоріи то обѣ стороны согласились сойтись въ Лукахъ. Въ подтвержденіе пути изъ Торопца на Луки можно привести свидѣт. Новгор. Л. подъ 1211 г., p. 193: Мстиславъ изъ „Торопця иде на Лукы“.

Третій путь шелъ на р. *Судомирь*. Лѣтопись такъ его опредѣляетъ: Брячиславъ Изяславичъ ограбилъ Новгородъ и „поиде Полотьску опять; и пришедшю ему к Судомири рѣцѣ“—былъ здѣсь побѣжденъ настигнувшимъ его Ярославомъ [25]). Р. Судома притокъ Шелони беретъ начало на границѣ Порховскаго и Псковскаго уу. и впадаетъ въ Шелонь у с. Княжьихъ Горъ [26]).

Четвертый путь изъ Подвинья въ озерную область лежалъ, по опредѣленію Барсова, изъ Ловати въ притокъ ея Кунью къ оз. Жіожицкому (или Жезцо-Живецъ), гдѣ находился богатый Смоленскій городъ Жижци, оттуда къ оз. Двинье, изъ котораго вытекаетъ р. Двинка, впадающая въ Двину [27]).

Изъ Полоцка существовалъ, повидимому, прямой путь въ Новгородъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ обширнымъ торговымъ сношеніямъ этихъ городовъ.

Этимъ путемъ бѣжалъ изъ Новгорода Святославъ, братъ вел. кн. Всеволода Ольговича [28]). Этотъ князь боялся проходить черезъ Смоленскія земли враждебнаго ему Ростислава Мстиславича и избралъ болѣе дальній путь черезъ Полоцкъ. На этотъ же путь мы имѣемъ еще указаніе въ лѣтописи подъ 1128 г. Во время извѣстнаго похода Мстислава на Полоцкихъ князей, Новгородцы тоже отправились на нихъ и дошли до Нѣклоча [29]). Въ настоящее время есть оз. Нѣклочь, изъ котораго беретъ начало р. Полота [30]). Слѣдовательно, Новгородцы направились къ Полоцку, но остановились на пути, вслѣдствіе прекращенія военныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, изъ Подвинья въ озерную область шло пять путей. Покойный профессоръ Барсовъ указываевъ еще путь на Лучинъ, но, какъ увидимъ ниже, Смоленскаго Лучина никакъ нельзя пріурочить къ оз. Лучинъ въ Псковской губ., а потому и существованіе пути на это озеро слѣдуетъ отрицать.

Обратимся теперь къ путямъ соединявшимъ Подвинье съ Поднѣпровьемъ.

---

[25]) Ип. 102.

[26]) Опредѣленіе Судомы, см. Барсовъ, „Очерки“, р. 24 и 23. Барсовъ вовсе не отмѣчаетъ этого пути, хотя указаніе лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ существованіи его.

[27]) „Очерки“, р. 26.

[28]) Ип. 220. П. С. Р. Л. т. XV, р. 201.

[29]) Ип. 211.

[30]) Словарь Семенова.

Днѣпръ отдѣляется отъ Двины всего небольшимъ волокомъ въ 30 верстъ отъ Смоленска къ оз. Касплѣ и рѣкѣ того же имени, впадающей въ Двину. Къ сожалѣнію, источники не даютъ точныхъ указаній на пути изъ Поднѣпровья въ Подвинье. Есть одинъ только намекъ, принимаемый, впрочемъ, Барсовымъ за несомнѣнное свидѣтельство о пути. Это путь черезъ р. Касплю, правда, самый естественный [31]). Онъ шелъ изъ Двины по р. Касплѣ и изъ Каспли соединялся съ Днѣпромъ волокомъ.

Днѣпръ, на своемъ пути изъ средняго теченія къ верхнему, т. е. приблизительно немного выше впаденія Припяти далѣе къ Смоленску, дѣлаетъ слишкомъ значительный изгибъ, который при проѣздѣ, особенно противъ теченія, требовалъ много лишняго времени и траты силъ. Въ виду этого изъ Кіева въ Смоленскѣ существовалъ болѣе прямой путь. Онъ шелъ по Сожу, верховья которой находятся не вдалекѣ отъ Смоленска. Этотъ путь, быть можетъ, болѣе мелководный въ верхнемъ теченіи Сожи, давалъ однако возможность обойти изгибъ Днѣпра. Этимъ путемъ шелъ въ 1168 г. Ростиславъ изъ Кіева въ Новгородъ черезъ Смоленскъ; онъ проѣзжалъ черезъ гор. Чичерскъ. На обратномъ пути онъ, возвращаясь въ исходѣ зимы, когда могъ опасаться разлива рѣкъ (въ мартѣ) также держался этого прямого пути и умеръ въ Зарубѣ, недалеко отъ Сожи.

Извѣстіе объ этомъ пути нужно принять съ нѣкоторою оговоркою. Лѣтопись говоритъ, что Ростиславъ пошелъ „на зиму“, что можетъ означать, что онъ шелъ зимою, а можетъ быть еще осенью [32]). Но на существованіе этого пути, кромѣ его естественнаго положенія, указываетъ еще то, что городъ Прупои (на Сожѣ

---

[31]) Барсовъ, „Очерки“, р. 24. Онъ основываетъ свое мнѣніе по извѣстію Новгородской 1-й лѣтописи подъ 1199 г., гдѣ говорится, что Полочане встрѣтили шедшаго на нихъ съ войскомъ Ярослава Новгородскаго на озерѣ Касплѣ. Почтенный ученый справедливо замѣчаетъ, что за оз. Каспле Полочане не могли встрѣтить Новгородцевъ, а встрѣтили на устьѣ Каспли, но въ упоминаніи объ озерѣ онъ видитъ знакомство лѣтописца съ Касплею, какъ урочищемъ, лежавшимъ на обычномъ пути изъ Новгорода въ Смоленскъ. Что въ Новгородѣ знали о Касплѣ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но важно то, что въ данномъ случаѣ лѣтопись все таки не говоритъ, шелъ ли кто либо этимъ путемъ. Догадка проф. Барсова намъ представляется правдоподобною, но вовсе не проистекающею изъ смысла лѣтописнаго свидѣтельства: отъ Каспли до Днѣпра небольшой волокъ, а рѣка эта и до сихъ поръ судоходна въ нижнемъ своемъ теченіи. Въ средніе вѣка сел. Каспля, служила складнымъ пунктомъ на пути изъ Риги, здѣсь находились амбары для склада перевознаго хлѣба, построенные съ разрѣшенія Сигизмунда. См. Соловьевъ, Сельско-хоз. стат. Смол. губ., М. 1855 г., р. 14.

[32]) Ип. 364.

при впаденіи Прони) былъ пограничнымъ и, очевидно, таможеннымъ городомъ: въ Уставной Грамотѣ Ростислава Мстиславича здѣсь отмѣчена *корчемная дань,* т. е. дань съ корчемъ, устроенныхъ для проѣзжающихъ.

Для обхода того же изгиба Днѣпра съ западной его стороны существовалъ прямой путь изъ средняго Подвинья въ среднее Поднѣпровье. Этотъ путь проходилъ такимъ образомъ: изъ Двины онъ шелъ по р. Уллѣ, впадающей въ Двину у м. Уллы, между Витебскомъ и Полоцкомъ. Уллою путь шелъ до Лепельскаго оз., изъ котораго беретъ она начало и въ которое впадаетъ р. Эсса. Среднее теченіе Эссы соединяется съ оз. Плавье, изъ котораго беретъ начало притокъ Березины Сергутъ, необльшимъ волокомъ, по которому теперь проходитъ Березинскій каналъ. Впрочемъ, немного сѣвернѣе канала есть, посрединѣ означеннаго волока, озеро у дер. Оконо, соединяющееся съ Эссою небольшою рѣченкою, такъ что волокъ является совершенно незначительнымъ, версты въ три. На этотъ путь мы находимъ указаніе въ лѣтописяхъ при описаніи бѣгства Святослава Ольговича изъ Новгорода въ 1141 году. Святославъ, опасаясь враждебнаго Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, направилъ бѣгство свое черезъ Полоцкъ [33]), а съ Полоцкими князьями въ то время братъ его Всеволодъ и всѣ Ольговичи находились въ дружественныхъ отношеніяхъ [34]). Вмѣстѣ съ Святославомъ бѣжалъ и посадникъ Новгородскій Якунъ и его братъ Прокопій. Новгородцы погнались за нимъ „и яша Якуна на Плиси“ [35]). Плиса находится въ Минской губ. и впадаетъ въ Березину черезъ Бобръ, ниже Борисова. Очевидно, Якунъ, вмѣстѣ съ княземъ, изъ Полоцка направились по Березинѣ, естественному прямому пути въ среднее Поднѣпровье по Полоцкимъ владѣніямъ. Но избѣгая погони, Якунъ съ братомъ свернулъ во время пути съ Березины на Бобръ и Плису, желая спрятаться въ глухихъ мѣстахъ. Здѣсь то и былъ онъ схваченъ Новгородцами [36]).

---

[33]) Ип. р. 220.

[34]) Обѣ, начинавшія враждовать, княжескія линіи старались привлечь Полоцкихъ князей. Всеволодъ началъ свои сношенія раньше и скрѣпилъ дружбу бракомъ. Ип. 224, Ник. (П. С. Р. Л. т. IX), р. 167.

[35]) Новг., 133, Тверская, П. С. Л., т. XV р. 203.

[36]) Барсовъ сомнѣвается въ существованіи указаннаго пути: „На другіе важные пути изъ Двинской области въ Поднѣпровье есть впрочемъ неясное указаніе въ извѣстіи о походѣ Новгородцевъ (1127) и въ извѣстіи 1141 г.“, „Очерки“, р. 224.

Соединеніе путей изъ Поднѣпровья въ Подвинье и оттуда въ озерную область и Балтійское море было извѣстно въ древности подъ названіемъ пути „изъ Варягъ въ Грекы“. Вотъ какъ опредѣляетъ его лѣтописецъ: „И бѣ путь изъ Варягъ въ Грекы: и изъ Грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево и того озера внидетъ устье въ море Варяское“ [37]). Среднюю часть пути — изъ Днѣпра до Ловати, лѣтописецъ представлялъ себѣ неясно, полагая, что эти рѣки соединяются только волокомъ, на что обратилъ уже вниманіе проф. Барсовъ [38]).

Значеніе, какъ этого воднаго пути, такъ и вообще важность русскихъ путей сообщенія сознавалась еще въ глубокой древности. Лѣтописецъ хорошо зналъ, съ какими странами соединяютъ Русь водные пути. Онъ говоритъ, что путь доходитъ до моря Варяжскаго: „по тому морю внити даже и до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю къ Царюграду, и отъ Царяграда прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо течеть изъ Воковьского лѣса, и потечеть на полудни, а Двина изъ того же лѣса потечеть, и идеть на полуночье и внидеть въ море Варяское; изъ того же лѣса потечеть Волга на въстокъ и вътечеть седьмьюдесятъ жерелъ въ море Хвалійское. Тѣмь же изъ Руси можеть ити по Волзѣ въ Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ доити въ жеребій Симовъ; а по Двинѣ въ Варягы, а изъ Варягъ и до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова“ [39]).

Изъ приведеннаго лѣтописнаго очерка вполнѣ явствуетъ, что въ древности хорошо знали не только страну, пролегающую по пути на Русской территоріи, но хорошо знали и отдаленныя страны запада и востока, съ которыми соединялась Русь этими путями.

Двина и Днѣпръ своими притоками сближаются съ Волгой. Можно указать цѣлый рядъ рѣкъ въ Смоленской области, сближающихъ центральную часть ея — Поднѣпровье съ Поволжьемъ. Такъ, притокъ Двины Межа черезъ свой притокъ Обшу сближается неболь-

---

[37]) Ип., 4.
[38]) См. „Очерки“.
[39]) Ип., р. 4.

шимъ волокомъ съ Лусой, притокомъ Осуги, а эта послѣдняя впадаетъ въ Вазузу, притокъ Волги. Или же можно указать на Лучесу, притокъ Межи, раздѣляющуюся небольшимъ волокомъ отъ Осуги. Наконецъ, притокъ Днѣпра Осма близко подходитъ къ Угрѣ, притоку Оки. Вообще, соединенія центра Смоленской земли съ Волгою могли быть чрезвычайно многочисленны.

Двина могла соединяться съ Волгою черезъ оз. Жаденье, которое отдѣляется небольшимъ волокомъ отъ Волжскаго оз. Пено [40]).

Изъ Поднѣпровья ѣздили въ земли Ростовскую на Смоленскъ, черезъ который ходилъ Владиміръ Мономахъ, и черезъ землю Вятичей; послѣдній путь соединялъ собственно Кіевъ съ Поволжьемъ. На этомъ пути находился гор. Оболвь, переходившій то къ Смоленскимъ князьямъ, то къ Черниговскимъ; въ этомъ городѣ бралась гостинная дань съ проѣзжавшихъ купцовъ (Грамота Ростислава Мстиславича). Путь проходилъ по Деснѣ, ея притоку Болвѣ, которая сближается съ Угрою, притокомъ Оки [41]).

Поднѣпровье соединялось съ Зап. Бугомъ большимъ и удобдымъ путемъ, который шелъ по притоку Днѣпра Припяти. О немъ мы имѣемъ нѣсколько указаній въ источникахъ. Такъ, въ 1188 г. Романъ отправилъ свою жену изъ Галича въ Вручій на *Пинскъ* [42]). Стрыйковскій говоритъ, что Ярославъ по смерти Мечислава ходилъ въ Польшу, причемъ часть войскъ послалъ лодками до Подляшья [43]).

Вообще, многочисленные походы первыхъ князей въ Ляшскую землю и на Ятвяговъ несомнѣнно совершались этимъ воднымъ путемъ.

---

[40]) Барсовъ, „Очерки“, р. 26.

[41]) См. „Поуч. Влад. Мон.“ въ Лавр. лѣт. Барсовъ „Очерки“. р. 23, Корсаковъ, „Моря и Рост. кн.“, р. 53, Бѣляевъ, р. 17. Багалѣй, „Ист. земли Сѣверской, р. 142. Густ. лѣт. (П. С. Л., т. I) р. 324.

[42]) Ип., 445.

[43]) Хроника, р. 162 (Изд. 1862 г.); Воскрес. лѣтоп. (П. С. Л. т. VII) р. 331.

III.

Территорія и города Смоленскаго княжества до нач. XIII ст.

Мы опредѣлили общую этнографическую границу земель Кривичей и Дреговичей; теперь обратимся къ болѣе точному опредѣленію политическихъ границъ княжествъ, образованныхъ названными племенами.

Дреговичи составили особое княжество уже при Владимірѣ святомъ, съ главнымъ городомъ Туровомъ; ими-же была населена на западѣ Берестейская земля въ области средняго теченія Запад. Буга. Полоцкіе Кривичи выдѣлились еще раньше этого времени; за ними образовали отдѣльное княжество, послѣ смерти Ярослава Мудраго, и Смоленскіе Кривичи. Такимъ образомъ, образовалось уже въ раннюю эпоху три княжества: Смоленское, Полоцкое и Туровское. Первоначальная лѣтопись, въ своемъ географическомъ очеркѣ, въ краткихъ чертахъ опредѣляетъ положеніе названныхъ племенъ. О Дреговичахъ она говоритъ, что они сидѣли между Припятью и Двиною; Кривичи сидѣли на верховьяхъ Днѣпра, Двины и Волги, а часть ихъ поселилась на р. Полотѣ.

Уже при бѣгломъ взглядѣ на эти лѣтописныя извѣстія видна вся ихъ неполнота и неопредѣленность. При изученіи-же послѣдующихъ извѣстій, съ помощью другихъ указаній лѣтописи о городахъ, можно опредѣлить политическія границы названныхъ княжествъ съ большею точностью.

Приступая къ опредѣленію политическихъ границъ, замѣтимъ, однако, что и лѣтописныхъ данныхъ бываетъ не всегда достаточно для опредѣленія порубежныхъ мѣстъ. Въ этомъ случаѣ приходится пользоваться еще другими указаніями. Такъ извѣстно то обстоятель-

ство что древне-русскіе князья строили пограничныя укрѣпленія, носившія названія: *городокъ*, *городецъ*, *городище*, *городня*, *рубежъ*, *зарубежье* и т. п. [44]). При укрѣпленіяхъ селились пограничные жители, образовывали селенія, города съ тѣми-же названіями.

Зная это обстоятельство и внимательно слѣдя по картамъ за тѣми мѣстами, гдѣ можно полагать древнюю границу, мы дѣйствительно находимъ цѣлый рядъ селеній съ такими именами, которыя должны привести насъ къ убѣжденію, что здѣсь дѣйствительно пролегала граница. Мало того, такъ какъ этнографическія границы большею частью совпадали съ политическими, то мы всегда находимъ на порубежныхъ мѣстахъ селенія съ названіями, напоминающими то или другое племя. Этими названіями народъ, очевидно, старался обозначить принадлежность жителей къ тому или другому племени. Такимъ образомъ, мы встрѣтимся съ названіями, напоминающими Кривичей: Кривскъ, Кривичи, Кривено и т. п., Радимичей: Радимичъ, Радуля и др., Дреговичей: Дорогичинъ и т. п. [45]). Принимая во вниманіе вышеуказанное, можно такимъ образомъ провести границы Смоленскихъ Кривичей.

Но иногда можно подобрать нѣсколько подобнозвучащихъ геогр. именъ или даже вполнѣ сходныхъ, между тѣмъ какъ извѣстіе источника не указываетъ приблизительнаго положенія данной мѣстности. Тогда, думаемъ мы, слѣдуетъ скорѣе придерживаться названій рѣкъ и озеръ, такъ какъ онѣ древнѣе, въ общемъ, названій населеннымъ мѣстъ и самыя имена ихъ болѣе устойчиво держатся въ средѣ народа. При этомъ, общеизвѣстенъ фактъ, что русскіе Славяне взачастую называли населенные города именемъ рѣки. Этого основанія мы и будемъ придерживаться въ послѣдующихъ очеркахъ.

---

[44]) Кромѣ различныхъ указаній русскихъ лѣтописей на то, что древнія порубежныя укрѣпленія назывались *городками*, приведемъ интересное мѣсто изъ Мартина Галла: Multitudinem ad castram grodek obtinendum congregaret, стр. 71 въ изд. 1742 г. Или у Длугоша: Fabricato autem castro, quod a Polonis Grodek vocabatur и т. д. Hist. Pol., изд. въ 1711 г., т. I, p. 225.

[45]) Такимъ методомъ воспользовался Барсовъ въ своихъ „Очеркахъ Р. Истор. Географіи". Однако названіе *городокъ*, *городище* и др. могли произойти и въ болѣе позднее время, для обозначенія позднѣйшихъ рубежей и наконецъ, по другимъ, намъ неизвѣстнымъ, причинамъ. Поэтому вполнѣ полагаться на данныя современной географической номенклатуры и на нихъ основывать выводы не совсѣмъ основательно: данныя эти могутъ служить только *пособіемъ* для опредѣленія границъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣемъ мы положительное указаніе лѣтописнаго источника. Мы пользовались современными данными весьма осторожно.

На востокѣ границы Смоленской области доходили до верховьевъ Волги у г. *Вержавска* (н. Ржевъ Тверской губ.), откуда переходили на верховья Протвы [46]), Москвы-рѣки, на притокѣ которой *Искани* находился городъ того же имени; затѣмъ направлялись къ югу, приблизительно по р. Ворѣ, которая впадаетъ въ Юхновскомъ у. въ р. Угру, по которой тянулась граница до ея верховьевъ, находившихся въ Смоленской области [47]). Угра своими верховьями подходитъ къ рѣчкамъ Дегнѣ и Больвѣ, или Оболвѣ, на которой мы вполовинѣ XII в. видимъ Смоленскій городъ *Оболвъ*, который, слѣдовательно, былъ крайнимъ пунктомъ на юго-востокѣ. Отсюда граница переходила по р. Деснѣ, до впаденія ея въ Снопоть, и по Снопоти до Десны; далѣе по Деснѣ, можетъ быть, до впаденія въ послѣднюю рѣчки Габни въ Орловской губ., недалеко отъ границъ Смоленской губ. На этой границѣ мы встрѣчаемъ г. *Пацынь*, нынѣ село Рославск. у., *Рогнѣдино* на границѣ того же у. и *Рославль*. Далѣе рубежъ шелъ по водораздѣлу р. Десны и Вороницы, южнѣе Рославля, откуда граница поворачивала на югозападъ къ Сожу.

Обращаясь къ даннымъ современной географической номенклатуры, мы видимъ на этой границѣ: Погорѣлое *Городище* въ Тверской губ. къ востоку отъ Зубцова, *Буйгородокъ* на Гжати въ Смол. губ. и нѣсколько другихъ; далѣе въ области Угры: с. *Рубихино*, на границѣ съ Московск. губ. къ сѣверу отъ Юхнова, *Городище* на Угрѣ, въ особенности—*Зарубежье*, между Вязьмой и Дорогобужемъ, недалеко отъ гран. послѣдняго, *Городечно*, у верховьевъ Болвы въ Калужск. губ., *Городокъ* на верх. Угры, въ южномъ углу Дорогобужск. у., *Радули*, напоминающее сосѣднихъ Радимичей, село Рославльскаго у., къ югу отъ Пацыня—*Городецъ* ст. на жел. дор. изъ Брянска въ Рославль.

Южная граница Смоленскаго княженія, начинаясь въ южной части Рославльскаго у. захватывала и среднюю часть Климовичск. у. Могил. губ., гдѣ мы видимъ Смоленскій городъ *Зарой* и с. *Дѣдинъ*

---

[46]) „Взя люди Голядь, верхъ Поротвы". Ипат. 240 ст., Никон. 172, Воскрес. 333. Ипат. 114.

[47]) Есть основаніе предполагать, что владѣнія Смоленскаго князя были на вост. дальше намѣченнаго предѣла: изъ уст. гр. Смоленск. еп. видно что кн. Смол. получалъ дань изъ Суздаля-Залѣсскаго, или, что скорѣе, изъ какой нибудь его области, стр. 244, въ Хрест. Буданова.

на Острѣ, въ которомъ можно видѣть древніе *Дьдогостичи*. Выше его на Сожѣ—*Кречютъ* (Кричевъ). Далѣе Смоленск. владѣнія захватывали все верхнее теченіе Сожи, пересѣкая ее между Чичерскомъ и Пропойскомъ у устья рѣчки Добрыча, на которой, по всей вѣроятности, находился *Доброчковъ*, упоминаемый въ уст. грам. Ростислава. На этой границѣ мы видимъ *Пропойскъ* Рогачевскаго у. на Сожѣ, древній *Прупои* и къ югу отъ него *Чичерскъ*, при впаденіи Чичеры въ Сожу, Радимичскій городъ, принадлежавшій Черниговскому княжеству. По рѣкѣ Добрычу южный Смоленскій рубежъ направлялся къ Днѣпру, къ которому примыкалъ у *Лучина*, ниже Рогачева. Немного выше здѣсь-же находилось Смоленск. село *Вѣтъ*, между Ново-Быховомъ, и Рогачевымъ, а южнѣе его городъ *Лучинъ*.

Обращаясь затѣмъ къ даннымъ современной географической номенклатуры, мы видимъ на этой границѣ *Городецъ* Климовическ. у. къ юго-западу отъ м. Шумячъ, прямо къ югу отъ Журавичъ на притокѣ Добрыча, къ западу отъ него, у верховья Добрыча *Кривскъ*, къ югу отъ послѣдняго *Городокъ*, затѣмъ *Городецъ* къ юго-вост. отъ Рогачева и нѣкот. др.

Изъ сосѣднихъ порубежныхъ Черниговскихъ городовъ на этой границѣ укажемъ: Лобиницъ на Протвѣ и Неринскъ, Воротници при впаденіи Жиздры въ Угру, Мосальскъ (н. у. гор. Кал. губ.), Вщижъ на Деснѣ выше Брянска, не далеко отъ него Воробейна и Ормина на Ипути и, наконецъ, Чичерскъ на Сожѣ [48]).

Западная граница Смоленскаго княжества шла отъ Вѣти вверхъ по Днѣпру, хотя неизвѣстно во всѣхъ-ли мѣстахъ эта граница примыкала непосредственно къ Днѣпру. Такъ на этомъ пути мы видимъ Кіевскій городъ Рогачевъ. *Копысъ* и *Орша* принадлежали Смоленской волости только съ 1116 г., когда были заняты Владиміромъ Мономахомъ у князей Полоцкихъ. Поселенія Смолянъ, можетъ быть, переходили уже въ этомъ мѣстѣ за Днѣпръ: самъ Днѣпръ представляетъ въ этихъ мѣстахъ препятствіе для нападеній и при томъ на этой границѣ у Смолянъ меньше всего было столкновеній съ сосѣдями. Кромѣ названныхъ городовъ здѣсь-же находились: *Добрятинъ* (с. Добрейки ниже Копыса) и *Басьи* при рѣкѣ того-же имени. Поэтому здѣсь мы замѣчаемъ только *Городецкое* на

---

[48]) Багалѣй, „Ист. сѣверн. земли“.

Пронѣ, *Городецъ*, на границѣ съ Смоленскою губ. Отъ Орши, или немного выше, порубежье Смоленское переходило за Днѣпръ и по восточной части Оршанскаго у. переходило въ Порѣчскій у. Смолен. губ. къ р. Хотѣнкѣ, на границахъ Могил. и Смоленск. губ., впадающей въ Касплю; на этой рѣкѣ предполагаютъ *Хотъшинъ*.

Далѣе по р. Рубежницѣ, которая протекаетъ на границахъ Витебск. и Могилевск. губ., рубежъ доходилъ до границъ Смоленск. губ., гдѣ она впадаетъ въ Паленицу, притокъ Каспли. На Касплѣ былъ гор. *Каспли* (селеніе Каспля недалеко отъ озера того-же имени). Кромѣ гор. Каспли на этомъ порубежьи мы замѣтимъ *Жичичи*, древніи Жидчичи. Отъ Каспли границы направлялись къ Двинѣ, приблизительно противъ Усьвята, Суражск. у., и, можетъ быть, перерѣзывали Двину южнѣе оз. Двинья, отъ котораго граница пролегала по водораздѣлу между рѣками Куньей, притокомъ Ловати, и Торопой, притокомъ Двины, оканчиваясь сѣвернѣе Торопца Псковск. губ., откуда рубежъ поворачивалъ на востокъ. На этой границѣ мы видимъ древніе *Жижци* при оз. Жижецкомъ Торопецкаго у.

Обратившись къ даннымъ современной географической номенклатуры, мы встрѣчаемъ: сѣвернѣе, на самой границѣ, *Рубежъ*, наконецъ *Городецъ* къ с. отъ Усвята.

Что касается сѣверной границы Смоленскаго княжества, то опредѣленіе ея затрудняется вслѣдствіи отсутствія лѣтописныхъ данныхъ. Смоленскіе Кривичи на сѣверѣ граничили съ весьма родственнымъ племенемъ Новгородскихъ Славянъ и при томъ торговые интересы сосѣднихъ областей были на столько общи, что между ними весьма рѣдки бывали столкновенія. Все это приводитъ къ тому, что на этомъ рубежѣ меньше всего замѣтны слѣды укрѣпленій, и при томъ лѣтописи не имѣютъ случая упоминать о порубежныхъ мѣстахъ.

Сѣверная граница Смоленской области съ Новгородомъ начиналась сѣвернѣе Торопца, принадлежавшаго къ Смоленской области; далѣе рубежъ шелъ къ озеру Селигеру, хотя неизвѣстно былъ-ли этотъ важный пунктъ воднаго пути во владѣніи однихъ Новгородцевъ или они владѣли имъ сообща съ Смолянами [49]). Отъ Селигера рубежъ направлялся по Волгѣ до города Ржева Тверской губ., отъ

---

[49]) Проф. Барсовъ склоняется на послѣднее предположеніе, „Очерки Р. Истор. Геогр.“, стр. 190.

котораго онъ по юго-восточному направленію переходилъ въ Гжатскій у. Смоленск. губ. [50]). Таковы были границы великаго княжества Смоленскаго въ первую эпоху его самостоятельной жизни, какъ отдѣльнаго независимаго удѣла, что относится собственно къ половинѣ XII в. во время княженія Ростислава Мстиславича, внука великаго Мономаха.

Опредѣливъ границу Смоленской земли, обратимся теперь къ городамъ ея.

Для возстановленія границы Смоленскаго княжества въ періодъ до конца XII в. мы имѣемъ немного указаній въ лѣтописи и кромѣ того весьма важный документъ—Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, данная имъ Смоленской епархіи въ 1157 г. [51]) Лѣтопись и назнапная грамота упоминаютъ почти о 60 городахъ, мѣстоположеніе которыхъ (по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые можно найти на современныхъ картахъ) съ достаточною ясностію даютъ возможность опредѣлить границы княжества.

Найболѣе важнымъ географическимъ документомъ является Ростиславова грамота. Она упоминаетъ о 47 городахъ, изъ которыхъ только немногіе упоминаются въ лѣтописи. Прежде чемъ перейти къ опредѣленію городовъ Смоленской земли, размотримъ составъ названной грамоты.

При опредѣленіи городовъ на современныхъ картахъ, названныхъ въ Ростиславовой грамотѣ, ученые обыкновенно подыскиваютъ подобнозвучащія названія теперешнихъ селеній на территоріи бывшаго Смоленскаго княжества, если нѣтъ другихъ, болѣе опредѣленныхъ указаній. Но при этомъ взачастую находится нѣсколько одинаковыхъ или подобнозвучащихъ названій. Какому изъ нихъ отдать предпочтеніе? Какое именно было городомъ или селеніемъ во времена Ростислава? Такъ, въ грамотѣ упоминается Добрятино и Доброчково. На современныхъ картахъ Смоленской и восточной части Могилевской губ. можно указать много селеній, названіе которыхъ происходитъ отъ слова *добрый*: Доброе, село въ Чаусскомъ

---

[50]) Лавр. 5. Ср. опредѣленіе границъ Смоленскихъ у Барсова, „Очерки Истор. Географ.“, стр. 184, 191.

[51]) Грамота эта была издана со списковъ XVI в. въ Доп. къ актамъ ист., т. I, № 4, въ Хрест. по русск. ист. Аристова, стр. 678—681, въ Хрест. по ист. руск. права Владимірскаго-Буданова, вып. I. 241—249.

уѣздѣ Могилевской губ., Добромысль Оршанскаго уѣзда той-же губ., Добрички Рогачевскаго уѣзда, на которыя указываетъ Барсовъ.[52]) Мы прибавимъ еще Добрейки на Днѣпрѣ, между Копысомъ и Могилевомъ, и т. д. Если прямо подбирать по картѣ мѣстности, то всякая изъ нихъ имѣетъ равное право быть признанной за упомянутыя селенія въ грамотѣ. Такое опредѣленіе мало удовлетворительно. Важно было бы опредѣлить по крайней мѣрѣ приблизительно мѣстность, въ которой слѣдуетъ искать названныхъ городовъ.

Намъ кажется, что для такого опредѣленія нѣкоторое основаніе даетъ сама Ростиславова грамота, если обратить вниманіе на порядокъ городовъ, въ ней упоминаемыхъ. Естественно предположить, что составлявшій ее писецъ руководствовался какимъ либо началомъ при перечисленіи городовъ. Врядъ ли онъ называлъ города, какой придетъ ему на память, безъ всякаго порядка. Вѣрнѣе всего, что порядокъ перечисленія зависѣлъ отъ положенія городовъ по пути собиранія княземъ дани. Писецъ помнилъ, изъ какого города въ какой князь отправляется обыкновенно за данью, имѣлъ подъ рукою соотвѣтствующія записи и по нимъ, по порядку, называлъ города.

Въ самомъ дѣлѣ. Если мы обратимъ вниманіе на порядомъ тѣхъ изъ названныхъ городовъ, положеніе которыхъ мы несомнѣнно можемъ указать на современной картѣ, то увидимъ, что города въ грамотѣ упоминались въ извѣстной послѣдовательности.

По составу своему грамота дѣлится на три части (собственно три грамоты): въ первой перечисляются города и количество полагающейся съ нихъ епископу дани, во второй (сослов. „Се азъ худый и грѣшный“ и т. д.) утвержденіе княземъ грамоты, и въ третьей—(сослов. „А се погородіе“ и т. д. до конца) перечисленіе городовъ, съ которыхъ дается епископу погородіе и почестье[53]). Въ послѣдней части названо 11 важнѣйшихъ городовъ безъ всякаго порядка.

Въ первой же части названо 37 мѣстностей, за исключеніемъ селъ отданныхъ епископу въ непосредственное владѣніе (Дросенскаго, Ясенскаго и др.). Эти то мѣстности составитель грамоты,

---

[52]) См. Словарь ист. геогр.

[53]) Съ такимъ раздѣленіемъ она издана проф. Владимірскимъ-Будановымъ.

намъ кажется, и назвалъ въ извѣстномъ порядкѣ. Вотъ перечисленные города:

1. Вержавлѣни Великіе.
2. Врочници.
3. Торопчи.
4. Жижци.
5. Каспли.
6. Хотшинъ.
7. Жабачевъ.
   (Вото. овичи).
8. Шуйспѣи.
9. Дешпяни.
10. Ветьская.
11. Былевъ.
12. Бортница.
13. Витринъ.
14. Жидчичи.
15. Басѣи.
16. Мирятичи.
17. Добрятино.
18. Доброчково.
19. Бобровници.
20. Дѣдогостичи.
21. Зарубъ.
22. Женни-Великая.
23. Пацинь.
24. Солодовници.
25. Путтинъ.
26. Бѣници.
27. Дѣдичи.
28. Копысъ.
29. Прупои.
30. Кречютъ.
31. Лучинъ.
32. Оболвь.
33. Искань.
34. Суждаль-Залѣсскій.
35. Вержавскъ.
36. Лодейници.
37. Торопецъ.

Уже самый поверхностный взглядъ на порядокъ исчисленія городовъ заставляетъ предположить въ перечисленіи ихъ нѣкоторый порядокъ: составитель, начавъ съ Вержавскихъ погостовъ и Торопца, кончаетъ городомъ Вержавскимъ (около котораго находились погосты) и Торопцемъ же. Мало того. Изъ послѣдующаго обозрѣнія городовъ мы увидимъ, что 15 мѣстностей грамоты опредѣляются вполнѣ точно. А именно: Вержавлѣни Великіе, Торопчи, Жижци, Каспли, Ветьская, Басѣи, Зарубъ, Пацинь, Копысъ, Прупои, Кречютъ, Лучинъ, Оболвь, Искань, Суждаль Залѣсскій; если мы прослѣдимъ по картѣ эти города, то увидимъ, что первые три составляютъ сѣверную группу, Каспли, Ветская и Басѣи—западную, Зарубъ, Пацынь, Прупои, Кречютъ и Лучинъ—южную, Искань и Суждаль Залѣсскій—восточную группу. Всѣ они по порядку слѣдуютъ одинъ за другимъ на картѣ. Подъ общій порядокъ исчисленія неподходитъ только Копысъ: по его положенію въ граматѣ онъ

стоитъ въ южной группѣ, тогда какъ географическое положеніе его даетъ ему мѣсто въ западной. Этотъ фактъ можно объяснить случайностью, но остальные 14 мѣстностей, конечно, неслучайно стоятъ въ извѣстномъ порядкѣ.

Опредѣляя далѣе города грамоты, можно съ большой вѣроятностью указать на положеніе еще слѣдующихъ: Хотшина, Жабачева, Витрицы, Жидчичи, Доброчкова (а можетъ быть и Добрятина) и опять таки эти города слѣдуютъ тому же порядку.

Такимъ образомъ, указанное свойство порядка исчисленія городовъ въ грамотѣ даетъ намъ возможность съ большею достовѣрностью указывать на положеніе того или другого города; равнымъ образомъ если для одного и того же города грамоты можно подыскать нѣсколько созвучныхъ названій, то преимущество его слѣдуетъ отдавать тому, которое соотвѣтствуетъ мѣсту въ спискѣ: положеніе мѣстности, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ приблизительно опредѣлится. Для нѣсколькихъ же названій вовсе нельзя подыскать созвучныхъ; въ такомъ случаѣ мы можемъ хотя приблизительно указать ихъ положеніе [54]).

Теперь перейдемъ къ опредѣленію положенія городовъ, какіе упоминались въ грамотѣ, такъ и въ лѣтописяхъ. Замѣтимъ, что нѣкоторые ученые (Бѣляевъ) высказывали сомнѣніе въ томъ, что всѣ поименованныя въ грамотѣ мѣстности были городами. Но если признать города данной эпохи прежде всего укрѣпленными пунктами для военныхъ и торговыхъ цѣлей, около котораго селились купцы и земледѣльцы, къ которому тянули извѣстные округа (уѣздъ), то нужно будетъ признать мѣстности грамоты городами, независимо отъ дани ими платимой, какъ это уже и доказано проф. Самоквасовымъ [55]).

---

[54]) Обращаемъ вниманіе историковъ права на то, что дань «полюдіе», по грамотѣ, бралась, повидимому, съ однихъ пограничныхъ, болѣе или менѣе окраинныхъ городовъ, каковыми въ большей или меньшей мѣрѣ являются перечисленные города; между тѣмъ съ внутреннихъ (нѣкоторыхъ) городовъ бралось только «погородіе», а нѣкоторые внутренніе города совсѣмъ непоименованы (Красный, Васильевъ, Смоленскъ).

[55]) Вотъ его доказательство; 1) въ перечисленіи поселеній, долженствовавшихъ платить дань въ пользу епископа Смоленскаго, въ первой уставной грамотѣ поименованы: Торопецъ, Копысъ, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль (?), но что эти поселенія были города, въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописей и третья грамота Ростислава. 2) По количеству платимой дани, Торопецъ, Копысъ, Лучинъ, Мстиславль, Суждаль и Изяславль не отлича-

Вержавльни великіе, состоявшіе изъ девяти погостовъ, въ которыхъ жили истужники [56]), находились несомнѣнно около города Вержавска, нынѣшняго Ржева, уѣзднаго города Тверской губ. на верхней Волгѣ [57]), такъ сказать въ его округѣ.

Торопецъ—уѣздный городъ Псковской губ. при озерѣ того же имени. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ; первыя упоминанія о немъ мы встрѣчаемъ въ XII в.; черезъ него въ 1168 г. проѣзжалъ Ростиславъ Мстиславичъ на свиданіе съ сыномъ своимъ Святославомъ, княжившимъ тогда въ Новгородѣ [58]). Торопецъ упоминается въ Патерикѣ Печерскомъ въ жизнеописаніи прп. Исакія, бывшаго родомъ изъ этого города [59]). Онъ находился на одной изъ вѣтвей великаго воднаго пути, а потому уже въ XII в. былъ однимъ изъ богатыхъ городовъ: съ него князю шло 400 гривенъ доходу,—по количеству котораго онъ значительно выдавался изъ всѣхъ названныхъ въ грамотѣ городовъ. Здѣсь же находились богатыя княжескія рыбныя ловли (гр. Рост.). Кіево-Печерскій затворникъ Исаакій называется богатымъ Торопецкимъ купцомъ [60]). Въ самомъ началѣ XIII в. Торопецъ уже выдѣляется въ особый удѣлъ и съ того времени пріобрѣтаетъ особенную извѣстность и значеніе. Городъ въ древности былъ хорошо укрѣпленъ, —такъ какъ онъ

лись отъ другихъ поселеній. 3) Вержавскъ названъ городомъ въ самомъ актѣ: у Вержавску у городѣ 3 гривны Святой Богородицы, а Вержавскъ, по количеству платимой имъ дани, составлялъ меньшій изъ перечисленныхъ въ грамотѣ пунктовъ поселенія. 4) Семь изъ перечисленныхъ въ первой грамотѣ поселеній упоминаются въ третьей, гдѣ прямо названы городами. Древніе города Россіи, стр. 87—88.

[56]) Люди, неподлежавшіе общей уплатѣ податей, по объясненію проф. Владимірскаго-Буданова. См. прим. 6 къ изд. имъ грамотѣ.

[57]) Бѣляевъ (Зап. Русск. Геогр., т. VI. p. 177) дѣлаетъ догадку, что Вержавскъ нынѣ Ржева. Барсовъ [см. Словарь] приводитъ эту догадку съ замѣчаніемъ, что «она не совсѣмъ доказательна» и указываетъ на погостъ Вережую въ Торопецкомъ у. Погодинъ (Лекціи и пр., 31) прямо указываетъ на Ржевъ. Проф. Будановъ указ. на с. Вержу на р. Вержицѣ въ Бѣльскомъ у. Смол. губ. (прим. къ грамотѣ). Споръ этотъ съ достаточною опредѣленностью, какъ намъ кажется, рѣшается проф. Соболевскимъ (см. Лекціи по ист. Русск. яз., p. 83), который указываетъ образованіе слова Ржева изъ Вьржева, отъ корня *вржс* (кусть): вслѣдствіе исчезновенія глухаго ь отпала согласная в. Что Вержавлѣнскихъ погостовъ слѣдуетъ искать около города Вержавска доказывается, намъ кажется, смысломъ самой грамоты: при упоминаніи о самомъ городѣ грамота говоритъ «*у Вержавску въ городь*», противополагая такимъ образомъ Вержавскимъ погостамъ городъ. А между тѣмъ слово городъ ни при одномъ изъ другихъ названій городовъ нѣтъ: ясно, что составитель хотѣлъ оттѣнить Вержавскъ городъ отъ погостовъ.

[58]) Ипат. 362.

[59]) Яковлевъ, Пам. русск. литер. XII и XIII вв., p. 79.

[60]) ibid.

представляетъ крайній и важный пунктъ Смоленскаго княжества на сѣверѣ; около него находится нѣсколько городищъ [61]). Въ XVI ст. онъ былъ обнесенъ деревянными укрѣпленіями [62]).

Жижци—слѣдуетъ искать на берегахъ озера Жижецкаго или Жіожицкаго въ Торопецкомъ уѣздѣ. Въ лѣтописи этотъ городъ упоминается подъ 1245 г.; подъ нимъ Александръ Невскій разбилъ Литовцевъ, ограбившихъ Торопецъ. Судя по количеству дани (130 гривенъ), это былъ довольно значительный городъ. Въ немъ же производились рыбныя ловли (Жижци также отъ всѣхъ рыбъ, иже идеть ко мнѣ, десятина св. Богородицы и епископу, Грам. Ростислава) [63]).

Каспля—въ настояще время есть въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губ. озеро Каспля, изъ котораго вытекаетъ рѣка того же имени, впадающая въ Западную Двину. На берегу этой рѣки есть слобода Каспля. Это одинъ изъ большихъ городовъ: съ него князь получалъ 100 гривенъ дани; лежалъ онъ на торговомъ пути изъ Поднѣпровья въ Подвинье [64]).

Ветьская—на Днѣпрѣ въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губ.

---

61) Семевскій „Торопецъ“, р. 1, говоритъ что около города есть искусственно окопанныя горы,которыя народъ называетъ „поклонными“. Очевидно, онъ указываетъ на городище, хотя, быть можетъ, мы дѣлаемъ слишкомъ смѣлое заключеніе.

62) Въ спискѣ городовъ—Торопецъ древянъ показанъ въ числѣ Литовскихъ. П. С. Р. Л. т. VII.

63) Кромѣ грамоты о немъ упоминается въ лѣтописи подъ 1245 г. (П. С. Л., VII, 125), въ спискѣ городовъ онъ поставленъ въ числѣ литовскихъ (П. С. Л. VII, 241). Бѣляевъ (176 р.) указываетъ на созвучіе съ *Сидки* на Волгѣ выше Ржева. Барсовъ ссылается на него въ своемъ Словарѣ, но въ Оч. руск. ист. Геогр. (р. 26, 190) самъ помѣщаетъ его при названномъ озерѣ. Проф. Будановъ говоритъ, что географически онъ не можетъ быть опредѣленъ (прим. къ грам.). Намъ кажется созвучіе *Жижци* и оз. Жижецкаго вполнѣ подходящее, если не прямо указывающее на мѣстонахожденіе города. Съ другой стороны, самъ смыслъ лѣтописи, гдѣ говорится объ этомъ городѣ указываетъ на его мѣстоположеніе именно у названнаго озера. Лѣтопись говоритъ, что Александръ Невскій, погнавшись за убѣгающими изъ Торопца Литовцами, разбилъ ихъ подъ Жижичемъ, „а сына своего поима изъ Витебска“. Слѣдовательно, изъ Торопца князь направился подъ Жижци и далѣе на Витебскъ; по направленію къ послѣднему городу, естественно, должны были отступать литовцы; поэтому искать Жижци на Волгѣ, какъ это дѣлаетъ Бѣляевъ, никакъ невозможно. Между тѣмъ дальше оз. Жижецкаго и рядомъ съ нимъ находящагося оз. Двинья Смоленскіе предѣлы никогда недостигали. Такимъ образомъ городъ Жижци, во всякомъ случаѣ, можно только пріурочить къ данной мѣстности.

64) Такое опредѣленіе, какъ несомнѣнное, принято всѣми. Барсовъ (Словарь), Будановъ (примѣчаніе).

между Н. Быховомъ и Рогачевомъ есть селеніе Веть [65]). Незначительное селеніе въ древности (40 гривенъ дани).

Басти—опредѣляются рѣкою Басею, впадающею въ Проню въ Чаусскомъ уѣздѣ Могилевской губ. Въ древности селеніе незначительное (всего 15 гривенъ дани) [66]).

Пашинь—въ настоящее время село въ юго-восточной части Рославльскаго уѣзда, къ западу отъ Десны [67]); небольшое поселеніе въ древности.

Копысь—мѣстечко Могилевской губ. на Днѣпрѣ, ниже Орши. Въ немъ умеръ извѣстный епископъ Новгородскій Лука, на пути изъ Кіева въ Новгородъ въ 1059 г. До начала XII ст. онъ, вмѣстѣ съ Рышей (Оршей), принадлежалъ Полоцку и, вѣроятно, былъ населенъ этими Кривичами, но въ 1116 г. Мономахъ въ борьбѣ съ Глѣбомъ отнялъ его. Населеніе этого города было небольшое, такъ какъ полюдія съ него бралось всего 40 гривенъ. Но здѣсь былъ перевозъ черезъ Днѣпръ, съ котораго князь получалъ 100 гривенъ. Какъ при-Днѣпровскій городъ и пограничный, онъ имѣлъ таможню (бралась торговая дань и здѣсь были устроены постоялые дворы, бралась корчемная дань).

Прупои—н. Пропойскъ, мѣст. Могилевской губ. Быховскаго уѣзда на Сожѣ, при впаденіи въ нее Прони. Также малонаселенный городъ (полюдія шло всего 10 гривенъ). Это первая Смоленская станція на р. Сожѣ у Черниговскихъ границъ, на пути изъ средняго Поднѣпровья на Смоленскъ. Здѣсь были постоялые дворы княжескіе.

Кречютъ—н. мѣст. Кричевъ Чериковскаго уѣзда той же губ., незначительный городъ [68]).

Лучинъ. Положеніе этого важнаго города изслѣдователи опредѣляютъ различно. Однако, мы думаемъ, что положеніе этого города

---

[65]) Бѣляевъ указываетъ на Вѣтки въ Мценскомъ уѣздѣ (178 р.), Барсовъ указываетъ на Вѣтку Гомельскаго уѣзда, основанную раскольниками, впрочемъ (Словарь). Будановъ видитъ въ ней Вѣтцы—Гжатскаго уѣзда на р. Вѣтчинкѣ (прим.). Думаемъ что проще остановиться, на названіи, вполнѣ совпадающемъ (Веть, Ветьская весь), неизвѣстномъ, очевидно, названнымъ ученымъ.

[66]) Съ этимъ опредѣленіемъ согласны и Бѣляевъ (178), Барсовъ (Словарь) и Будановъ.

[67]) Барсовъ, Словарь. Будановъ, примѣч.

[68]) Такъ опредѣляетъ Бѣляевъ (Изв. русск. геогр. Общ., т. VI, р. 279). Въ спискѣ городовъ помѣщенъ въ числѣ литовскихъ. П. С. Р. Л., т. VII, р. 241.

съ наибольшею достовѣрностью можно отнести къ теперешнему большому с. Лучину на Днѣпрѣ, немного ниже Рогачева [69]). Лучинъ составлялъ личное владѣніе князя Рюрика Ростиславича, полученное имъ отъ отца его. Когда Рюрикъ покинулъ Новгородъ въ 1172 г. и возвращался съ семьею въ свои южныя владѣнія, переданныя имъ на время брату Давиду, здѣсь родился у него сынъ Михаилъ-Ростиславъ. Въ память этого событія князь построилъ въ Лучинѣ церковь св. Михаила и самый городъ подарилъ новорожденному. Имѣлъ ли Лучинъ какое либо значеніе въ торговлѣ, какъ при-Днѣпровскій городъ, находившійся на очень удобномъ мѣстѣ,—трудно опредѣлить, потому что количество дани, шедшей съ него князю, не прочтено издателями грамоты. Какъ съ города пограничнаго и притомъ лежавшаго на водномъ пути, съ него шло князю мыто, т. е. пошлины съ товаровъ, проходившихъ черезъ него, и „корчмити“, т. е. дань съ корчемъ, устроенныхъ въ немъ, вѣроятно, для остановокъ

---

[69]) Барсовъ въ Словарѣ относитъ его именно къ этому селу. Но въ „Очеркахъ“ (р. 25) приурочиваетъ къ с. Лучани на Лучанскомъ озерѣ, у верховьевъ Балы въ Новг. г. и на основаніи этого опредѣленія устанавливаетъ путь изъ Озерной области въ Поднѣпровье. Будановъ почему то утверждаетъ, что это несомнѣнно д. Лучань на р. Ельшѣ въ Порѣчскомъ у. Смол. губ. Для сужденія о мѣстонахожденіи древняго Лучина есть у насъ извѣстіе лѣтописи подъ 1172 г.: Рюрикъ Ростиславичъ, идя изъ Новгорода, остановился въ Лучинѣ и здѣсь у него родился сынъ Михаилъ-Ростиславъ; отецъ далъ новорожденному городъ Лучинъ и построилъ здѣсь церковь св. Михаила (Ип. 389). Барсовъ и Будановъ ищутъ Лучина между Смоленскомъ и Новгородомъ на водномъ пути, такъ какъ въ нѣкот. спискахъ лѣтописи говорится, что Рюрикъ шелъ изъ Новгорода къ Смоленску. Но въ 1) Рюрикъ шелъ *зимою* („Въ ту же зиму выйде“), слѣдовательно, онъ могъ и не напрявлятся водянымъ путемъ, который не представлялъ бы (ни по опредѣленію Барсова, ни по опредѣленію Буданова) прямой дороги; во 2) въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи говорится, что Рюрикъ шелъ изъ Новгорода и *Смоленска*, т. е. былъ за Смоленскомъ уже, когда родился у него сынъ, направляясь на югъ въ свой Овруцкій удѣлъ. Кромѣ того, съ опредѣленіемъ Барсова трудно согласиться и потому еще, что онъ указываетъ древній Лучинъ на Новгородской территоріи; какъ же могъ князь дарить своему сыну городъ враждебнаго ему племени? Мало того, Лучинъ, очевидно, принадлежалъ Рюрику какъ его княжескій, личный городъ (ибо удѣла онъ не имѣлъ въ Смоленской землѣ); такъ какъ онъ до этого времени даже при отцѣ (Ип. 370, 378) и послѣ имѣлъ удѣлъ на югѣ, въ Овручѣ, Бѣлгородѣ, то естественно ожидать, что его собственные княжескіе города въ Смоленской землѣ были на югѣ ея. А Лучинъ самый южный пунктъ отъ Смоленска. Замѣтимъ еще, что въ спискѣ городовъ (П. С. Р. Л. т. VII р. 240—241) Лучинъ поставленъ въ числѣ городовъ Кіевскихъ. рядомъ съ Рогачевымъ, что опять таки можетъ служить подтвержденіемъ нашего опредѣленія. Добавимъ еще нѣсколько словъ объ опредѣленіяхъ положенія Лучина. Арцыбышевъ указывалъ на погостъ Лучани Псков. г. Холмскаго уѣзда. Карамзинъ видѣлъ въ немъ Люцинъ, уѣздный городъ Витеб. губ. Надеждинъ и Неволинъ указываютъ на то, что много есть подобнозвучащихъ словъ въ сѣверн. части Смоленск. г.; Новг. г. и Тверск. г., а также намекали на положеніе его среди городовъ грамоты (Погодинъ, 300, IV).

проѣзжающихъ. Изъ этого ясно, что онъ во всякомъ случаѣ служилъ торговою и таможенною станціею.

Оболвь—въ настоящее время легко опредѣляется притокомъ Десны р. Болвою, въ Масальскомъ уѣздѣ Калужской губ., верховья которой находятся у границы Смоленской губ.; у верховья Болвы есть въ настоящее время селеніе Болва. Это былъ небольшой городокъ на пути изъ Черниговской земли въ землю Вятичей и Ростовскую. Съ него князь неполучалъ полюдья, а только гостинную дань, т. е. дань съ проѣзжающихъ купцовъ, что даетъ намъ нѣкоторое право заключить, что Оболвь былъ лишь небольшимъ укрѣпленіемъ пограничнымъ, въ которомъ жили только дружинники и княжескіе чиновники, въ тоже время былъ таможеннымъ городкомъ. Оболвь и его окрестности находились въ землѣ Вяточей и упоминаніе о немъ, какъ о Смоленскомъ городѣ находится только въ Ростиславовой грамотѣ 1150 г. Другія же указанія лѣтописей, какъ болѣе раннія (1147 г.), такъ и болѣе позднія (1159 г.), упоминаютъ о немъ какъ о Черниговскомъ городѣ. Слѣдовательно, онъ принадлежалъ Смоленску всего лишь лѣтъ 10 [70]).

Искань—опредѣляется р. Исканью въ Можайскомъ у., притокъ р. Москвы. Незначительное селеніе на восточной гриницѣ [71]).

Суждаль Залѣсскій во время составленія грамоты не принадлежалъ Смоленску. Грамота говоритъ о немъ: „Суждали Залѣская дань *аже воротить Гюрги,* а что будеть въ ней, изъ того святѣй Богородицы десятина“; это мѣсто служитъ указаніемъ на то, что незадолго передъ борьбой Ростислава съ Юріемъ Смоленску при-

---

[70]) Опредѣленіе Смоленской Оболви, данное Бѣляевымъ (с. Обольцы въ Копыскомъ у., 179) не имѣетъ значенія. Въ опредѣленіи положенія Вятичскаго Блове всѣ изслѣдователи сходятся: Арцыбышевъ (II, 36), Надеждинъ и Неволинъ (у Погод. IV, р. 228), Барсовъ въ „Очеркахъ“ (р. 156), хотя въ Словарѣ онъ сомнѣвается въ этомъ на томъ основаніи, что словопроизводство областныхъ названій отъ рѣкъ (р. Болва—Обловье) не оправдываетъ производства въ данномъ случаѣ (ср. Десна—Подесенье). Всѣ эти мнѣнія подробно приведены у Багалѣя (Ист. Сѣв. земли, р. 142). Будановъ въ примѣч. къ грам. Считать Смоленскую Оболвь за отдѣльный городъ отъ Блове Вятичей, намъ кажется, нѣтъ основанія. Онъ упоминается, какъ Черниговскій въ самый разгаръ войны Изяслава и Ростислава Мстиславичей съ Юріемъ и его союзникомъ Святославомъ Черниговскимъ, который въ томъ же году воевалъ верховья Протвы и Угры (Ин. 240, 242). Въ это время Ростиславъ, въ свою очередь могъ занять Черниговскій городъ. Послѣ 1150 г. онъ опять попалъ въ продолженіи той же борьбы къ Черниговскимъ князямъ (1159 г. Т. С. Р. Л., т. VII р.)

[71]) Барсовъ, Словарь.

надлежали земли въ самой Суздальской землѣ, быть можетъ, Смоленскія колоніи [72]).

Вержавскъ—нынѣ городъ Ржевъ Тверской губ. на Волгѣ. Судя по количеству дани (30 гривенъ)—незначительный городъ.

Хотшинъ—до нѣкоторой степени опредѣляется рѣкою Хотѣнкою на границѣ Порѣчскаго у. Могилевской губ. Судя по количеству дани (120 гривенъ), одинъ изъ большихъ городовъ [73]).

Витринъ—быть можетъ, можно опредѣлить рѣкою Вотрею, притокомъ Вопи въ Духовщинскомъ у. [74]). У верховья ея есть села Вотря и Вердина.

Жидчичи—теперь село въ Порѣчскомъ у.—Жичицы [75]).

Добрятино—быть можетъ, нынѣ, с. Добрейка на Днѣпрѣ, ниже Копыса Могилевской губ. [76]).

Доброчково—быть можетъ, нынѣ опредѣленъ р. Добрычемъ, впадающею въ Сожъ, немного выше Чичерска [77]).

Дѣдогостичи—быть можетъ нынѣ с. Дѣдинъ Климовичскаго у. Могилевской губ.

Зарубъ.—О немъ мы имѣемъ также указанія и въ лѣтописи: Ростиславъ Мстиславичъ, проѣзжая изъ Новгорода, послѣ свиданія съ сыномъ Святославомъ, остановился въ Зарубѣ, селѣ Рогнѣдиномъ, прибавляетъ лѣтопись, гдѣ и умеръ. Такимъ образомъ, онъ находился на пути изъ Смоленска. Въ Рославскомъ у. Смоленской руб. на Деснѣ въ настоящее время есть большое село Рогнѣдино, лежащее на пути изъ Смоленска въ Кіевъ [78]).

---

[72]) Барсовъ, Очерки, 1.

[73]) Будановъ (примѣч.) указываетъ на дер. Хотину въ Бѣльскомъ у. Мы всегда въ такихъ случаяхъ придерживаемся названія рѣкъ для опредѣленія городовъ.

[74]) Бѣляевъ видѣлъ въ ней названную Ведрину. Съ нимъ согласны Барсовъ и Будановъ.

[75]) Указаніе Буданова.

[76]) Бѣляевъ пріурочиваетъ къ с. Доброму Чаусскаго уѣзда (178 р.); Барсовъ пркбавляетъ еще Добромысль Оршанскаго у. (Словарь). На нихъ ссылается Будановъ.

[77]) Бѣляевъ указываетъ на Добрички въ Рославскомъ у. на Сожѣ. На него ссылается Барсовъ и Будановъ.

[78]) Такъ опредѣляютъ Зарубъ Надеждинъ и Неволинъ (Погодинъ, 299). Съ ними согласенъ Барсовъ въ своемъ Словарѣ. Но въ Очеркахъ русск. ист. геогр. (р. 313) онъ указываетъ на с. Заровци у Днѣпра, на что ссылается и Будановъ. Послѣднее опредѣленіе не имѣетъ значенія; что именно въ нын. селѣ Рогнѣдинѣ нужно выдѣть древній Зарубъ: 1) полное совпаденіе названій и 2) черезъ него могъ проходить зимній кратчайшій путь изъ Смоленска въ Кіевъ (Ростиславъ умеръ въ Зарубѣ 14 марта); см. Ипат. 364.

Дросенское—опредѣляется р. Дресенкою Смоленскаго у., недалеко отъ города; на этой рѣкѣ есть село Дресенка [79]). Дросенское вмѣстѣ съ другимъ селомъ Ясенскимъ (нынѣ б. м. дер. Ясенская въ Осташковскомъ у. [80]), землею въ Погоновичахъ Мойшинскихъ, озерами и сѣножатями Немикорскими, сѣножатями на Свекровыхъ Лукахъ и озеромъ Колодарскимъ отданы были епископу во владѣніе Ростиславомъ въ 1150 г. Всѣ эти названія трудно найти на современныхъ картахъ. Бѣляевъ указываетъ, на деревню Свершковъ для опредѣленія Свекровыхъ Лукъ [81]). Кромѣ того епископу же данъ былъ Холмъ [82]).

Мстиславль—нынѣ уѣздный городъ Могилевской губ.

Ростиславль—нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ.

Ельня—также нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ. на Деснѣ. Въ географическомъ описаніи начала XVII в. на этомъ мѣстѣ значится Городище Ельна [83]).

Дорогобужъ—нынѣ уѣзный городъ Смоленской губ.

Мы перечислили всѣ города, упомянутые грамотой Ростислава, географическое положеніе которыхъ можетъ быть положительно указано въ настоящее время, или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою достовѣрностью.

Назовемъ города, не вошедшіе въ предыдущее перечисленіе по недостаточности указаній въ современной географической номенклатурѣ.

Врочници.
Жабачевъ.
Женни Великая.
Вотоовичи.
Шуйспьи.

---

79) Будановъ въ прим. къ грамотѣ.

80) Бѣляевъ, p. 179.

81) ibidem. Онъ же указываетъ дер. Мошну въ Духовск. у. для опредѣленія Мойшинской земли. Барсовъ указываетъ на Мошево въ Климовичскомъ у. (Словарь). Врядъ ли эти опредѣленія имѣютъ какое либо значеніе.

82) Въ Смоленскей губ. есть много селеній съ названіемъ Холмъ, но къ которому изъ можно отнести Холмъ грамоты—нельзя опредѣлить.

83) Названіе Ельна принадлежитъ многимъ мѣстностямъ въ Смоленской губ.; есть также рѣчка, берущая начало на гран. Смоленской и Могилевскей губ., впадающая въ Днѣпръ, но важнымъ указаніе на наше опредѣленіе Елны служитъ положеніе ея въ „Книгѣ Большаго Чертежа“ (М. 1838 г. 1-е изд., p. 85), гдѣ на р. Деснѣ помѣщено Городище Ельна—остатокъ въ то время древняго города. Въ книгѣ Большаго Чертежа упоминается также Мстиславль и Рославль (80—81). Въ спискѣ городовъ: Ельна, Дорогобужъ и Мстиславль помѣщены въ числѣ Смоленскихъ. (II. С. Р. Л. т. VII, p. 241).

Всѣ эти города были изъ числа весьма значительныхъ. Такъ, первые три платили дани по 200 гривенъ, Вотоовичи—100 гривенъ, а послѣдній 80 гривенъ; къ сожалѣнію, положеніе ихъ можетъ быть указано только приблизительно, въ связи съ порядкомъ перечисленія городовъ грамоты. Именно: Врочници слѣдуетъ искать въ Торопецкомъ у., Жабачевъ, Вотоовичи и Шуйспѣи—гдѣ либо въ Приднѣпровьи, между Касплей и Ветью, и Женни Великую—на югѣ Рославскаго уѣзда [84]).

Кромѣ того, въ послѣдней грамотѣ упомянуты еще:

Крупля и

Изяславль.

Судя потому, что они стоятъ среди весьма значительныхъ городовъ (Мстиславля, Ельны, Рославля и др.), съ которыхъ брали *погородіе и почестье* [85]), можно думать, что и эти города были болѣе или менѣе значительны.

Изъ мелкихъ городовъ упоминаются въ грамотѣ слѣдующіе, мѣстоположеніе которыхъ опредѣляется только относительно;

Дешпяны,

Былевъ и

Бортници

лежали гдѣ нибудь около Вети въ при-Днѣпровьи.

---

[84]) Впрочемъ, замѣтимъ что нѣкоторымъ городамъ изслѣдователи пытались подыскать подобнозвучащіе. Такъ, для опредѣленія Шуйспѣевъ Барсовъ (Словарь) указываетъ на с. Шуи въ Масальскомъ у. Кал. губ.—до каковаго пункта едва ли доходили Смоленскіе предѣлы. Это указаніе, при томъ, несоотвѣтствуетъ порядку грамоты. Есть и еще селенія, напр. Шуйское въ Вяземск. у.—Намекъ Барсова („Очерки“, р. 225) на Женни въ Торопецкомъ у. (Желна, Шейно) не имѣетъ значенія. Для Жабачева можно бы указать на с. Жабинъ Могил. губ. на Сожѣ, ниже впаденія Добрыча. Но всѣ эти указанія неимѣютъ существеннаго значенія.

[85]) Профессоръ Будановъ говоритъ: „Взималась ли съ городовъ дань или только одно погородіе? хотя нѣкоторыя мѣста (Торопецъ, Вержавскъ, Жижки), съ которыхъ берется погородіе упоминаются въ числѣ и такихъ, съ которыхъ взималась дань, но важнѣйшіе города Смоленскіе (Мстиславль, Крупля, Ростиславль, Ельня, Изяславль) неименуются въ числѣ мѣстъ, платящихъ дань. Главный же городъ Смоленскъ не платитъ не только дани, но и погородія. Изъ этого можно бы заключить, что центральный городъ земли, въ качествѣ участника въ верховной власти, самъ не можетъ подлежать никакимъ налогамъ. Главные провинціальные города, хотя тоже не платятъ постоянной дани, но обязаны содержать князя при его пріѣздѣ, что обратилось потомъ въ окладное погородіе. Нужно замѣтить, что въ Новгородскомъ уставѣ Святослава о дани съ важныхъ городовъ не упоминается. Погородіе состоитъ: 1) изъ опредѣленнаго урока, т. е. даровъ уже переведенныхъ на деньги и 2) изъ почестья—поборовъ натуральныхъ (мѣховъ рыбы и пр.).

Мирятичи и
Бобровницы

нужно искать на южной границѣ, между Басей и Зарубомъ. Къ нимъ же по положенію примыкаютъ:

Солодовницы,
Путтино,
Бѣницы и
Дѣдичи.

И наконецъ

Лодейницы

лежали гдѣ либо въ Ржевскомъ у. или Торопецкомъ [86]).

Мы перечислили всѣ города Ростиславовой грамоты. Дополнимъ это перечисленіе городовъ Смоленскаго княжества указаніемъ тѣхъ городовъ, которые упоминаются въ лѣтописи. Ихъ немного, такъ что небудь грамоты Ростислава, небыло бы вовсе никакой возможности даже приблизительно опредѣлить границъ княжества.

Васильевъ и
Красный

Оба города упоминаются въ лѣтописи, какъ удѣльные города, выдѣленные Ростиславомъ Мстиславичемъ Роману въ 1165 году [87]). Перваго изъ нихъ опредѣлить въ настоящее время трудно. Бѣляевъ указываетъ на с. Василевку на границахъ Красненскго у. [88]) съ Рославскимъ, а Барсовъ на село Васильево въ Дорогобужскомъ у.[89]). Оба опредѣленія не имѣютъ за собою никакихъ доказательствъ. Красный—нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ.

Рьша—въ настоящее время Орша, на Днѣпрѣ, уѣздный гор. Могилевской губ. До 1116 г. она вмѣстѣ съ Копысомъ принадле-

---

[86]) И для опредѣленія этихъ мѣстностей были предложены изслѣдователями подобнозвучащія названія: Бѣляевъ для Мирятичъ указываетъ—Мерчалово на Протвѣ, для Дѣдичъ—Дѣдово въ Порѣчскомъ у. на Касплѣ. Барсовъ для Бѣницы указываетъ на с. Бѣница въ Торопецкомъ у., для Путтина—д. Путновку въ Жиздринскомъ у. на Вороновкѣ въ Кал. г. для Бобровницъ—Бобровую Луку въ Вит. г., или Бобровки около Ржева. Будановъ для Солодовницъ—с. Солодовню Сычевскаго у., для Бобровницъ,—цѣлыхъ 11 селеній съ словомъ бобръ.

[87]) Ип. 399.

[88]) З. Р. Г. Общ., т. VI, р. 177.

[89]) Словарь.

жала Полоцку, но Мономахъ отнялъ ее [90]). Здѣсь же былъ въ 1068 г. плѣненъ Всеславъ Полоцкій.

Зарой.—О немъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1156 г. [91]) по слѣдующему случаю: Юрій Долгорукій пошелъ на Смоленскъ. Ростиславъ вышелъ къ нему на встрѣчу къ Зарою и тутъ они заключили миръ. Слѣдовательно, Зарой находился на южной границѣ княжества. Въ настоящее время есть село Зарой въ Климовичскомъ уѣздѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Климовичъ, близъ Ипути [92]).

Кромѣ того, упоминается еще одна мѣстность:

Сковышинъ боръ, положеніе котораго не опредѣлено [93]); эту мѣстность причисляютъ къ Смоленскому княжеству [94]), хотя можно сомнѣваться въ этомъ. Сковышинъ боръ въ лѣтопись попалъ по слѣдующему поводу: Рюрикъ въ 1180 г. послалъ брата своего Давида Ростиславича изъ Бѣлгорода въ Смоленскъ къ брату ихъ Роману: „И усрѣте и весть на Сковышину бору“,—что Романъ умеръ. Такимъ образомъ, лѣтопись вовсе не указываетъ, на чьей территоріи Давидъ узналъ о смерти брата.

Мы перечислили всѣ города Смоленской земли. Остается сказать еще о главномъ городѣ земли—Смоленскѣ [95]).

Это былъ прекрасно отстроенный и украшенный городъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Уже къ концу XII в. онъ блисталъ множествомъ богатыхъ и красивыхъ церквей. Главная часть города и крѣпость были расположены на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ холмистой мѣстности, пересѣкаемой рвами. Княжескій дворецъ, по преданію, находился въ нынѣшней Свирской слободѣ [96]). Смоленскіе князья способствовали украшенію города церквами. Такъ, Владиміръ

---

[90]) Ип. 117, 203. Изслѣдователи далеко не сразу пришли къ соглашенію видѣть въ Ршѣ Оршу, ихъ останавливало то обстоятельство, что въ лѣтописи сказано: на Рьши у Смоленска. Выходило, что на Рши какъ бы на рѣкѣ вблизи Смоленска. Погодинъ поэтому искалъ рѣки Рси (IV, 217. И. Л. и пр.), Карамзинъ указывалъ на Оршанскій ямъ, см. Барсовъ, Словарь и Соловьева, Ист. Р., т. II, 37.

[91]) Ип. 328.

[92]) Погодинъ, 298.

[93]) Надежинъ и Неволинъ только замѣчаютъ, что въ Могил., Смол., и Черн. г. много есть словъ съ *боръ* (Погодинъ, 301).

[94]) Барсовъ, Погодинъ.

[95]) Воскр. 31 Ип. 215, Ип. 218, Воскр. 32, Ип. 220, 224, Вокр. 41, 42, 44, 45, 51 53, 242, 252, 333, Ник. 4. 15, 57. 72. 73, 77, 94, 107, 126, 127, 137, 143, 168, 171, 172 177, 179, 186, 198, 199, 201, 202, 209 и мн. др.

Мономахъ построилъ въ 1161 г. соборъ Успенія Богородицы; въ 1146 г. Ростиславъ Мстиславичъ выстроилъ въ заднѣпровской части города церковь Ап. Петра и Павла; церковь св. Іоанна Богослова построена Романомъ Ростиславичемъ въ 1180 г., а братъ послѣдняго Давидъ построилъ великолѣпную каменную церковь во имя Арх. Михаила, которая въ древности считалась одной изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ [97]). Въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ его было нѣсколько монастырей: въ 5 в. отъ города находился Богородицкій монастырь, на мѣстѣ, называвшемся Селище, далѣе Отрочь монастырь, монастырь св. Креста и построенный епископомъ Игнатіемъ монастырь въ че ть положенія Ризы Богородицы [98]).

Невдалекѣ отъ города извѣстна была гавань Смядынь, на разстояніи отъ города „яко зрѣемо„ [99]), гдѣ погибъ Глѣбъ Муромскій. Вблизи Смоленска находилось село Дресенское, съ 1150 г. отданное Ростиславомъ епископу.

Смоленскъ былъ главный городъ обширной области, великаго княжества Смоленскаго; онъ расположенъ на черезвычайно видномъ мѣстѣ. Черезъ него пролегалъ путь изъ Озерной области въ среднее и нижнее Поднѣпровьѣ, откуда въ Грецію, путь изъ Поволожья и верхняго Подвинья. Это соединеніе трехъ важныхъ торговыхъ путей указываетъ на торговое значеніе Смоленска

---

[96]) „Истор. г. Смоленска“ Никитина, р. 8.

[97]) „Ист. Р. Церкви“ Митрополита Макарія, рр. 64, 65, 66, т. 1.

[98]) Ibidem., p. 93. Мурзакевичъ, „Достопримѣчательности гор. Смоленска“, Чтенія Московск. Общ. Ист. и Древн., 1846 г., т. II; см. также. Мурзакевичъ, „Ист. гор. Смоленска“, М. 1801 г.

[99]) Ипат. 94.

IV.

Территорія и города Полоцкаго и Туровскаго княжествъ.

Къ западу отъ Смоленскихъ Кривичей жили ихъ сородичи Полоцкіе Кривичи. Они также рано выдѣлились въ самостоятельный удѣлъ. Границы этого княжества можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ.

На востокѣ Полоцкій рубежъ сосѣдилъ съ Смоленскимъ; на этой сторонѣ мы видимъ Полоцкіе города: *Усвятъ* (Въсвятъ), *Витебекъ* и западнѣе *Лукамль*, теперь мѣстечко Могилевской губерніи Сѣненскаго уѣзда. Къ югу отъ указанной нами границы Полоцкихъ владѣній тянулся рубежъ по водораздѣлу между Днѣпромъ и Вабичемъ, притокомъ Друти, впадающей въ Днѣпръ у Рогачева. Рубежъ оканчивался во всякомъ случаѣ южнѣе мѣстечка *Головчина* Могилевскаго уѣзда, въ которомъ видятъ древній Голотическъ, подъ которымъ Ярополкъ разбилъ Всеслава Полоцкаго. На Друти, въ верхнемъ ея теченіи, на границахъ Могилевскаго и Оршанскаго уѣздовъ, мы видимъ Друцкъ, несомнѣнно *Дрьютекъ*, удѣльный городъ Полоцкаго княжества. Около устьевъ Вабича рубежъ принимаетъ направленіе съ востока на западъ.

Изъ данныхъ современной географической номенклатуры на восточномъ Полоцкомъ рубежѣ замѣтимъ еще: Городецъ на Лучесѣ Оршанскаго уѣзда, Н. Городецъ въ Сѣнненскомъ у. на р. Усяцѣ, впадающей въ Уллу, Городище на Друти, ниже впаденія Вабича, Городецъ на Грезлѣ, притокѣ Друти.

Южная граница начинается у устьевъ Вабича или немного южнѣе. Отсюда рубежъ шелъ къ Березинѣ, которую пересѣкалъ у рѣки Свислочи, гдѣ былъ древній *Въсвислочъ*, упоминаемый въ XIII

в. и, вѣроятно, существовавшій въ XII в. Далѣе граница направлялась, можетъ быть, къ верховьямъ Птича, притока Припяти, и рѣкѣ Усѣ, Нѣманскому притоку, а затѣмъ переходила на верховья его притока Сулы, принимая сѣверное направленіе. На южной границѣ Полоцкихъ владѣній, кромѣ упомянутаго Друцка, мы видимъ *Борисовъ*, нынѣ уѣздный городъ, *Логожескъ*, нынѣ Логойскъ, мѣстечко Борисовскаго уѣзда, затѣмъ *Минскъ*, нынѣ губернскій городъ, *Изяславль*, нынѣ мѣстечко Заславль Минскаго уѣзда, *Новгородокъ Литовскій*. Изъ данныхъ современной географической номенклатуры на этой границѣ замѣтимъ слѣдующія: Городно, Борисовскаго уѣздѣ на р. Бобрѣ, Городецъ на р. Сумѣ, притокѣ Ольсы, Городокъ на Птичѣ, къ югу отъ дороги изъ Бобруйска въ Слуцкъ, Городка въ Бобр. у., Городокъ къ сѣверу отъ Минска, между нимъ и мѣстечкомъ Логойскомъ на р. Усяжѣ, притокѣ Гайны, впадающей въ Березину сѣвернѣе Борисова, къ югу отъ Минска, на границѣ его уѣзда и Игуменскаго,—Рублики, Рубежи на р. Ореесѣ въ Бобр. у., притокѣ Птича, на ней же южнѣе М. и Б. Городятичи, Городище на р. Вессѣ, впадающей въ Случь выше Слуцка, потомъ Вел. Кривичи у верховьевъ Нѣманской Березины, Рубежевичи Минск. у. на Сулѣ, притокѣ Нѣмана. Западная граница Полоцкаго княжества начиналась, вѣроятно, на верховьяхъ Нѣмана и его притоковъ: Сулѣ, Быстрой, Ислачи и Березинѣ, гдѣ въ XII в. видимъ Полоцкій городъ Городецъ, пограничный съ Литвою. На западѣ Полоцкіе Кривичи граничили съ Литвою, о которой достовѣрныя свѣдѣнія имѣются почти только съ половины XIII в.; вслѣдствіе этого опредѣленіе Полоцкихъ границъ на западѣ и сѣверо-западѣ весьма затруднительно. На этой границѣ постоянно велась тихая колонизація Кривичей въ землю Литовскую. Поэтому граница часто измѣнялась. До XIII в. Литовцы почти не имѣли городовъ, поэтому и Кривичамъ, съ своей стороны, не приходилось огораживаться отъ сосѣдей, воинственныя столкновенія съ которыми начинаются только съ рубежа XII и XIII вв. Есть отривочныя извѣстія о существованіи владѣній русскихъ князей въ Литвѣ въ XII в. Но они, опять таки, относятся къ колонизаціонпымъ движеніямъ Кривичскаго племени и не составляли постоянной территоріи княжества. Такъ, въ первыхъ годахъ XIII в. нѣмцы столкнулись съ кривичскими князьями Весцеке изъ Кокейноса и Виссевальде изъ

Герсике. Мы вернемся впослѣдствіи къ колонизаціонному вопросу, а теперь замѣтимъ, что рубежъ Полоцкихъ владѣній отъ указанныхъ нами верховьевъ Нѣманскихъ притоковъ шелъ къ верховьямъ Великой въ Себѣжскомъ уѣздѣ Витебской губ.; гдѣ онъ оканчивался опредѣлить трудно, но на Великой мы видимъ Псковскій городъ Островъ. Граница эта могла измѣняться, сообразно колонизаціоннымъ движеніямъ Кривичей. Сѣверный рубежъ шелъ отъ верховья Великой на верховья Ловати. На этой линіи былъ Полоцкій пограничный городъ *Еменецъ* и Великіе Луки, Новгородскій городъ.

Обратимся теперь къ опредѣленію городовъ Полоцкаго княжества.

Главный городъ земли *Полтескъ*, Полоцкъ, упоминаемый уже на первыхъ страницахъ лѣтописи [100]) въ числѣ древнѣйшихъ и значительнѣйшихъ городовъ Руси. Онъ расположенъ при впаденіи рѣки Полоты въ Двину на возвышенномъ мысѣ, образуемомъ названными рѣками [101]), что дѣлаетъ положеніе города весьма красивымъ. Его центральное положеніе въ землѣ Полоцкихъ Кривичей, при соединеніи двухъ рѣкъ, изъ которыхъ Двина сближаетъ его, черезъ землю Смоленскихъ Кривичей, съ одной стороны съ Поволжьемъ и обширною торговою дѣятельностью, производившеюся въ древности въ этомъ районѣ, съ другой стороны съ Кіевщиною, а черезъ нее съ Византіею; также Двина соединяла Полоцкъ съ Новгородомъ и съ Балтійскимъ моремъ. Мы уже видѣли, что черезъ Полоцкъ проходили и прямые пути въ Новгородъ черезъ Полоту и въ Кіевщину черезъ Березину. Наконецъ, нужно еще помнить, что Полоцкъ былъ ближайшимъ значительнымъ городомъ къ Литвѣ, а потому, естественно, русская и нѣмецкая торговля съ послѣднею шла именно черезъ него. Слава о его богатствѣ разносилась въ древности далеко за предѣли Руси; онъ хорошо былъ знакомъ Скандинавамъ и въ сагахъ ихъ извѣстенъ подъ названіемъ Palltes-kja [102]). Къ сожалѣнію, источники наши слишкомъ бѣдны указаніями на внутреннее расположеніе города въ данное время. Изъ

---

[100]) Упом. Ип. лѣт.: 11, 18, 50, 83, 102, 121, 122, 150, 211, 212, 220, 239, 340, 349, 350, 355, 360, 361, 369, 412 и др.

[101]) Балинскій, „Staroż. Polska“, III, p. 594.

[102]) См. Эймундову сагу въ „Antiquitées Russes“, т. II, p. 170—211.

Слова о Полку Игоревѣ мы знаемъ о существовавшей въ немъ церкви св. Софіи [103]). А изъ житія св. Ефросиніи о монастырѣ св. Спаса, перестроенномъ послѣднею въ каменный изъ деревяннаго, въ подгородномъ епископскомъ селеніи, назвавшемся *Сельце* [104]); эта мѣстность находилась въ двухъ верстахъ отъ города; въ монастырѣ св. Спаса находится знаменитый крестъ его основательницы, Кромѣ того въ самомъ городѣ былъ женскій монастырь, въ который поступила св. Ефросинія [105]). Лѣтопись указываетъ, что въ Полоцкѣ существовала *старая* церьковь св. Богородицы въ 1159 г. [106]), слѣдовательно, была и новая. При этой церкви была братчина уже въ то отдаленное время [107]), Въ Тверской лѣтописи подъ 1001 г. занесено извѣстіе о перенесеніи останковъ князей Изяслава и Всеслава „въ святую Богородицу“, что, вѣроятно, и относится къ вышеназванной „старой“ церкви св. Богородицы [108]). Недалеко отъ города было селеніе *Бѣлчицы*, въ которомъ имѣли свое мѣстопребываніе князья Полоцкіе [109]). Вотъ все, что сохранили намъ источники о топографіи древняго Полоцка [110]).

Къ сѣверу отъ Двины лежали слѣдующіе города.

Въсвятъ—нынѣ мѣст. Велижскаго уѣзда Вит. губ. Въ разсматриваемое время о немъ упоминается уже—въ 1021 г.: Ярославъ далъ этотъ городъ и Витебскъ Брячиславу Полоцкому [111]). Такимъ образомъ, оба города принадлежали до 1021 г., вѣроятно времен-

---

[103]) Объ этой церкви см. Сапунова „Полоцкій Софійскій соборъ“, Сементовскаго „Бѣлор. Древности“, вып. I, р. 105.

[104]) Stebelski, „Dwa swiatla na horizoncie Połockiem“, I, 63; Сапуновъ „Полоцкій Спасъ-Ефросин. дѣв. монастырь“; Сементовскій „Бѣлорус. Древн.“, I, 105; Сапунова „Витебская стар.“, V, 8—13; „Виленскій календарь“, 1889 г. ст. „Житіе св. Ефросиніи“, а также въ изд. Батюшкова „Бѣлоруссія и Литва“, С.-Пб., 1889 г.—Описанія названныхъ церквей, а также и креста св. Ефросиніи мы не приводимъ, такъ какъ они общеизвѣстны и желающіе могутъ найти рисунки ихъ въ массѣ разнородныхъ изданій, трактующихъ о Полоцкѣ.

[105]) Stebelski, p. 59, I.

[106]) Ипат., р. 340.

[107]) Ibid.

[108]) П. С. Р. Л., т. XV, р. 121.

[109]) Ип., 340.

[110]) Общій очеркъ исторіи Полоцка, см. у Сементовскаго „Витебскъ и уѣздн. гор. Витеб. губ.“, р. 106 и слѣд., Бѣляевъ, „Оч. Ист. Сѣв.-Зап. края. Ист. Полоцка“.

[111]) Ипат. 102, Никон. (П. С. Р. Л. т. IX) р. 77. Кромѣ того Въсвять упоминается подъ 1233 и 1225 гг.—Въ спискѣ городовъ показанъ въ числѣ литовскихъ, П. С. Р. Л., т. VII, р. 241.—О древностяхъ его и исторіи есть изслѣдованіе Сапунова „Усвятъ (мѣстечко Витэбской губ.) и его святыня“, Витебскъ.

но Кіеву, но съ этого года они навсегда уже составляли часть Полоцкой земли.

Видбескъ—нынѣ губернскій городъ Витебскъ на Двинѣ при впаденіи Витьбы [112]). Впервые упоминается въ 1021 г.

Стрѣжевъ. Въ 1151 г. этотъ городъ былъ выдѣленъ въ особый удѣлъ: его Рогволодъ Борисовичъ, завладѣвъ Полоцкомъ, отдалъ Всеволоду, изгнанному оттуда [113]). Мѣстоположеніе Стрѣжева изслѣдователи обыкновенно опредѣляютъ мѣст. Стрѣшинымъ Могилевской губ. на Днѣпрѣ [114]). Такое опредѣленіе дѣлается на томъ основаніи, что при описаніи похода 1127—1128 г. Мстислава, сына Мономаха, на Полоцкихъ князей лѣтопись говоритъ, что Мстиславъ „Всеволоду Олеговичу повелѣ ити съ своею братьею на Стрѣжевъ къ Борисову“ [115]). Но созвучіе Стрѣжева и Стрѣшина мало подходящее. При томъ, искать его непремѣнно по дорогѣ къ Борисову вовсе нѣтъ никакой необходимости. Выраженіе „на Стрѣжевъ“—указываетъ лишь на направленіе пути, а не на попутный городъ, подобно тому какъ мы говоримъ: на Москву, на Кіевъ, хотя данное мѣсто и лежитъ ближе. Между тѣмъ положеніе Стрѣжева вполнѣ опредѣляется *оз. Стрижевымъ* въ Лепельскомъ у. Витебской губ.; на полуостровѣ этого озера былъ построенъ замокъ и насыпанъ большой курганъ [116]). Эта мѣстность находится какъ разъ за Борисовымъ, слѣдовательно, выраженіе „на Стрѣжевъ къ Борисову“—вполнѣ понятно.

Еменецъ—черезъ него проходилъ Давидъ послѣ заключенія мира съ Полочанами; мѣстоположеніе опредѣляется оз. Еменцомъ и и рѣкою Еменкою, въ 6 верстахъ отъ г. Невеля [117]).

---

[112]) Ипат. 102. Исторія этого города изложена г. Сементовскимъ, см. его „Витебскъ и уѣздные города Витебской губ.“, С.-Пб. 1864 г., р. 1—76. Таже статья въ сокращенномъ видѣ была помѣщена въ „Памятной книжкѣ по Витебской губ. на 1865 г.“, изд. подъ редакціею Сементовскаго, р. 93 и слѣд.

[113]) Ипат. 340.

[114]) Такъ думали: Арцыбышевъ („Повѣствованіе о Россіи, т. I, М. 1838 г., р. 70), Погодинъ (И. Л. и З., т. IV, р. 161), Барсовъ (Словарь), Карамзинъ и Бѣляевъ (р. 161. „О геогр. св.“). Въ спискѣ городовъ есть Стрѣчивъ среди при-Днѣпровскихъ Кіевскихъ городовъ: это можетъ быть Стрѣшинъ нынѣшній, а не Стрѣжевъ.

[115]) Ипат., 210.

[116]) На этотъ Стрѣжевъ указали уже: Сементовскій „Памятники старины Витебской губ.“, С.-Пб. 1867 г. р. 47. Турчиновичъ „Обозрѣніе Ист. Бѣлоруссіи“, р. 265, прим. 89.

[117]) Новгор. Лѣт. (изд. С.-Пб. 1889 г.), р. 160 подъ 1185 г.: „А на зиму поиде Давидъ къ Полотьзку съ Новгородци и съ Смольняны, и умирившеся воротишася на Еменьци“. Впро-

Ньклочь—до него дошли Новгородцы въ 1128 г. во время похода Мстислава Мономашича на Полоцкихъ князей [118]). Въ настоящее время есть озеро Неклочь, изъ котораго беретъ начало р. Полота [119]).

Городецъ—лежалъ на границахъ съ Литвою, или даже среди самихъ Литовцевъ. Княжившій въ немъ Володарь Всеславичъ, какъ говоритъ лѣтопись,—„ходяше подъ Литвою въ лѣсѣхъ“ [120]). Городецъ составлялъ во второй половинѣ XII ст. самостоятельное княженіе [121]). Въ виду того, что на пограничьи съ Литвою Городковъ много, трудно пріурочить какой либо изъ нихъ къ лѣтописному. Обыкновенно его пріурочиваютъ въ теп. м. Городку, къ югу отъ Молодечны, на верховьяхъ Нѣманской Березаны, съ сохранившимися до нынѣ остатками старинныхъ городовыхъ сооруженій [122]).

Изяславль—съ этимъ названіемъ связывается легендарный разсказъ лѣтописи о Рогнѣдѣ и о построеніи для нея и для ея сына

чемъ, изъ даннаго извѣстія не ясно, подразумѣвалъ ли лѣтописецъ здѣсь городъ или урочище; въ другихъ лѣтописяхъ этого извѣстія нѣтъ. Опредѣленіе Еменца см. Погодинъ, 309, Барсовъ (Словарь), Арцыбышевъ, I, p. 241, прим.

[118]) Ип. 211.

[119]) Такое опредѣленіе далъ еще Арцыбашевъ („Пов. о Р.“, p. 71, прим. 426, I т.) и оно наиболѣе правдоподобно: это была станція на прямомъ водномъ пути, соединявшемъ Полоцкъ съ Новгородомъ. При томъ селеній съ названіемъ Нѣклочь (Лепельск. у.), Нѣкловичи есть нѣсколько въ Витебской губ., а потому правдоподобнѣе пріурочить лѣтописный Нѣклочь къ названію озера—истока Полоты, несомнѣнно хорошо извѣстнаго въ Новгородѣ. Барсовъ (Словарь) однако указываетъ на д. Нѣклочь, Лепельскаго у. Карамзинъ затрудняется въ опредѣленіи его („Ист. Г. Росс., II, p. 103, прим. 251, изд. Эйнерлинга). Въ Никоновской лѣт. (П. С. Р. Л., т. IX, p. 135) при описаніи того же событія, что и въ Ипат., вм. Нѣклоча стоитъ „къ *Нелогожу*“; Барсовъ дѣлаетъ предположеніе, что это Логожскъ (Словарь). Но во всякомъ случаѣ къ извѣстію Ипат. лѣт., особенно въ отношеніи топографіи, слѣдуетъ отнестись съ большимъ довѣріемъ: въ Никоновской Нелогожъ неболѣе какъ описка, подъ вліяніемъ предыдущаго Логожска.

[120]) Ипат., 340.

[121]) Ibid. 355.

[122]) Барсовъ, „Оч. Р. ист. геогр.“, p. 185. Бѣляевъ ищетъ его на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Виліи въ Виленскомъ у., на сѣв.-зап. отъ Изяславля (p. 162). Арцыбышевъ (p. 473, I, прим.) указываетъ на Городокъ, у. гор. Вит. губ., но сомнѣвается въ томъ, что въ лѣтоп. говорится именно о немъ. Ошибку его указалъ Турчиновичъ („Обозр. Ист. Бѣлор.“, p. 266). Сементовскій, вслѣдъ за Погодинымъ, отвергаетъ мнѣніе Арцыбышева и ищетъ Городца въ мѣстности, наз. Городище въ Городокскомъ у., въ 40 верст. отъ Городка на пути въ Невель, на одномъ изъ многочисленныхъ острововъ оз. Озерище („Витебскъ и у. гор. Вит. губ.“, p. 83). Объ остаткахъ древнихъ городищъ у оз. Озерища, см. Безъ-Корниловичъ („Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи“, С.Пб. 1855, p. 149), а также Сементовскій, „Памяти. Стар. Вит. губ.“, p. 47.

Изяслава этого города Владимиромъ св. [123]). Изяславль—нынѣ мѣстечко Минскаго уѣзда—Заславль. Преданія и названія урочищъ указываютъ на связь Рогнѣды съ этимъ городомъ. Такъ, преданіе гласитъ, что рѣчки Черница и Княгинька были названы такъ въ честь Рогнѣды; около самого города было озеро (нынѣ болото), называвшееся „Рогнѣдь“. Въ народѣ указываютъ также могилу Рогнѣды. Около города сохранилось множество кургановъ; нѣкоторые изъ ныхъ были раскопаны въ 1878 г. Р. Г. Игнатьевымъ [124]). Въ 1128 г. онъ подвергся разграбленію во время Мстиславова похода на Полоцкихъ князей; уже тогда онъ представлялъ удѣльное княженіе [125]).

Борисовъ—нынѣ уѣздный городъ Минской губ. Во время извѣстнаго похода Мстислава Владимировича на Полоцкихъ князей въ 1124 г. на него былъ отправленъ Всеволодъ Ольговичъ [126]). Этому городу, не игравшему въ древности значительной роли, посчастливилось на предположенія писавшихъ о немъ о времени его основанія. Начало этимъ выводамъ съ легкой руки положилъ Стрыйковскій, но всѣ они, какъ не опирающіеся на дѣйствительные факты, неимѣютъ значенія [127]).

---

[123]) Преданіе это общеизвѣстно. О положеніи города и преданіяхъ см. ст. Шпилевскаго „Путешествіе по Бѣлоруссіи“, Современникъ, 1854, № 11, р. 34—35. Тѣже преданія повторилъ и г. Слупскій (см. его ст. „Туровъ и Изяславль“, въ „Сѣверо-западномъ календарѣ“ на 1888 г., Минскъ). Г. Слупскій настаиваетъ на томъ, что преданія о построеніи Изяславля Владимиромъ св. представляютъ историческій фактъ; онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе городу. Ср. наши соображенія о построеніи Изяславля не Владиміромъ, а самимъ Изяславомъ и о значеніи его, какъ колонизаціоннаго пункта въ „Кіевской Стар.“, 1888 г., августъ, въ критич. замѣткѣ о „Сѣверо-западномъ календарѣ“.

[124]) См. названную статью г. Слупскаго, р. 128.

[125]) Ип. 340, а также р. 210. Въ № 133 „Кіевлянина“ за 1887 г. есть замѣтка о Преображенской церкви въ Изяславлѣ, построеніе которой приписывается Владиміру св. Если вѣрить описанію, церковь дѣйствительно относится къ до-татарской эпохѣ, но историческія свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ замѣтки о ней, не заслуживаютъ вниманія. Балинскій дѣлаетъ странное предположеніе о построеніи нын. Заславля въ позднѣйшее время кѣмъ либо изъ князей Заславскихъ. Baliński, Starożytna Polska, t. III, p. 823—4.

[126]) Ипат., 210.

[127]) Стрыйковскій приписываетъ основаніе его своему знаменитому Борису Гипвилловичу, ок. 1194 г. (Chronika, въ Zbiór'ѣ Dziejopisow Polskich we czterech tomach zawazty“, Warschawa, 1768 г., p. 233). За нимъ пошли: Swięcicki, „Opisanie Starożytney Polski, t. II, p. 196; и даже такой серьезный ученый, какъ Е. Тышкевичъ, Opisanie powiatu Borisowskiego, p. 32. Но уже Шпилевскій даже полемизируетъ съ Стрыйковскимъ по этому вопросу (Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю, Современникъ 1855 г., т. VII, p. 3—4). Татищевъ (Исторія Россійская, II, p. 199), передаетъ извѣстіе о походѣ Бориса Всеславича Полоцкаго на Ятвягы

Логожскъ—нынѣ мѣст. Логойскъ Борисовскаго у. на Гайнѣ. Во время похода Мстислава Владимировича, онъ уже имѣлъ удѣльнаго князя [128]).

Лукамль—нынѣ мѣст. Могилевской губ. Сѣнненскаго уѣзда на Уллѣ [129]).

Мѣнескъ—важнѣйшій городъ Полоцкой земли, нынѣ губернскій городъ на Свислочи, притокѣ Березины. Будучи крайнимъ важнымъ городомъ Полоцкаго княжества на южной границѣ, онъ часто подвергался нападеніямъ Кіевскихъ князей. Въ 1066 г. онъ былъ взятъ Ярославичами—Изяславомъ, Ссятославомъ и Всеволодомъ, и разграбленъ, все мужское населеніе перебито, а женщины и дѣти плѣнены: Владиміръ Мономахъ говоритъ, что онъ не оставилъ въ городѣ „ни челядина, ни скотины“ [130]).

Въ связи съ городомъ Мѣнескомъ находится рѣка *Нѣмиза*. Мѣстоположеніе рѣки опредѣляютъ различно. Татищевъ, Арцыбышевъ и Карамзинъ видятъ въ Нѣмизѣ—Нѣманъ [131]). Надеждинъ и

въ 1102 г. и о томъ, что онъ, возвратясь съ похода, построилъ гор. Борисовъ и людьми насе-лилъ. Извѣстія этого нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, но оно не представляется не вѣроятнымъ: князья, какъ извѣстно по многимъ случаямъ, называли построенныя ими города по своимъ именамъ. Татищева имѣетъ въ виду и Даниловичъ, признавая основаніе города въ 1102 г. (Latopisiec Litwy i Kronika Ruska, Вильно, 1827 г., p. 122, прим. 16). За нимъ пошли Нарбутъ (Dzieje Starożytne narodu Litewskiego, t. Ш, 276, Вильно 1838 г.) и Балинскій (Staroź. Polska, t. Ш, p. 715), Турчиновичъ („Обозр. Ист. Бѣлоруссіи“, p. 263), и авторъ статьи „Сѣверо-Западный край Имперіи“, Ж. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1843 г., p. 294, ч. I.

[128]) Ипат. 210, а также 419 и въ поуч. Моном. Въ спискѣ городовъ—въ числѣ Литовскихъ. Мѣстоположеніе его указано еще Арцыбашевымъ, I, 33, прим. 193. Городъ окруженъ нѣсколькими городищами, связанными различными преданіями: Тышкевичъ, Opisanie Pow. Borysowskiego, p. 133—4, откуда заимствовалъ и Шпилевскій, безъ указанія источника (Путешествіе по Полѣсью и Бѣлор. краю, Современ. 1854 г., т. XI, p. 51, 52).

[129]) Въ поуч. Мономаха, Лавр. лѣт. См. Арцыбышевъ, I, p. 33, примѣч. Въ спискѣ городовъ въ числѣ Литовскихъ. У города есть и озеро того же имени, при которомъ онъ стоитъ, есть слѣды древнихъ укрѣпленій. Шпилевскій, Совр. 1854, т. XI, p. 49.

[130]) Ипат. 117, 185, 205; поуч. Мон. въ Лавр. лѣт. Шпилевскій, любящій вообще вдаваться въ разсужденія о началѣ городовъ, приписываетъ построеніе его извѣстному по мѣстнымъ преданіямъ силачу—знахарю—Ме́неску. Путеш., Соврем., 1854 г., т. XI, p. 3. Объ исторіи Минска написана монографія извѣстнымъ Сырокомлей, Kronika miasta Mińska въ Tecie Wileńskiej, 1857 г. № 1; къ сожалѣнію этой работы мы не могли достать. Интересная статья о немъ въ Ж. Мин. Вн. Д., 1843 г., ч. I, p. 391 и слѣд. въ статьѣ „Сѣверо-западный край Имперіи“. Въ началѣ 1890 г. г. Слупскимъ былъ помѣщенъ рядъ статей о Минскѣ и его древностяхъ въ „Минскомъ Листкѣ“. См. о Минскѣ также: Swięcicki, Opis. Star. P., p. 231 и Balíński, Staroź. Polska, t. Ш, p. 814 и сл.

[131]) Арцыбышевъ, I, p. 25, прим., Карамзинъ, т. II, прим. 118, p. 48, Татищевъ, II, 119.

Неволинъ думаютъ, что Нѣмизу должно искать сѣвернѣе Минска и указываютъ на Немоницу близъ Боросова и Немойку около Сѣнно [132]). Барсовъ въ своемъ Ист.—Геогр. Словарѣ указываетъ на Нѣмежъ (Niemeż), село въ Виленской губ. и у., въ 10 верстахъ отъ Вильны, на которое еще раньше указалъ Балинскій [133]). Но тотъ же Барсовъ въ „Очеркахъ р. ист. геогр.“ признаетъ за ручей *Нѣмизу*, находящійся въ самомъ Минскѣ [134]), На этотъ ручей впервые указалъ Ходаковскій [135]), но не смотря на сходство именъ не призналъ въ немъ лѣтописной Нѣмизы. Дѣйствительно, сходство названій въ лѣтописяхъ Нѣмизы и ручья въ Минскѣ очень соблазнительно, однако отождествить оба эти названія трудно, если не предположить, что ручей этотъ въ древности былъ болѣе или менѣе порядочною рѣченкою; въ настоящее время отъ Нѣмизы въ Минскѣ осталось почти одно названіе. Между тѣмъ лѣтопись такъ говоритъ: Изяславичи взяли Минскъ „и поидоша къ Немизѣ; и Всеславъ поиде противу“; 3 марта Всеславъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ. Изяславичи удовольствовались этимъ, двинулись отсюда, очевидно, къ Днѣпру и стали „на Рши у Смоленска“, какъ выражается лѣтопись. Уже въ іюлѣ они заманили къ себѣ Всеслава: „онъ же надѣяся цѣлованіи креста, переѣха в лодьи чресъ Днѣпръ“ [136]), слѣдовательно, они стояли за Днѣпромъ, на Смоленской сторонѣ, а Всеславъ велъ переговоры съ этой стороны Днѣпра. Объ этой же Нѣмизѣ и о происходившемъ на ней кровавомъ боѣ говоритъ пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“: (Всеславъ) скочи влъкомъ до Немизы съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепы: харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомь бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускыихъ сыновъ“. Изъ приведеннаго содержанія отрывка лѣтописи ясно: если-бы Нѣмиза была въ Минскѣ, то Изясливичи уже были бы на ней и имъ не нужно было бы идти къ Нѣмизѣ; такъ какъ нынѣшняя Нѣмиза находится въ центрѣ стараго Минска, то

---

[132]) Погодинъ, IV, p. 305—306. Его повторилъ Турчиновичъ, „Обозр. ист. Бѣлор.“, p. 257—8.

[133]) Staroź. Polska, III, p. 213.

[134]) p. 185.

[135]) Русск. Историч. Сб., т. I, p. 38.

[136]) Ипат. 117.

войска занимали бы ее при осадѣ. Послѣ битвы съ Всеславомъ, князья отправились [137]) въ Смоленскія владѣнія и остановились у Орши; очень возможно, что они, въ виду пораженія Всеслава и въ виду наступающей весны, двинулись прямо съ Нѣмизи къ Оршѣ. Такимъ образомъ, намъ кажется, что во всякомъ случаѣ Нѣмиза находилась не въ самомъ Минскѣ, а, вѣроятно, гдѣ нибудь между Минскомъ и Днѣпромъ и Двиною. Добавимъ, что въ спискѣ городовъ Немиги находится между Друтескомъ и Ршою, за ними слѣдуютъ: Свилочь, Лукамль, Логоскъ и т. д. [138]).

Невыяснено также и положеніе *Дудутокъ*, упоминаемыхъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „скочи (Всеславъ) влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ“. Барсовъ полагаетъ, что этотъ намекъ Слова относится къ извѣстному бѣгству Всеслава изъ Кіева, и слѣдов., Дудутки должны означать крайній Кіевскій городъ [139]). Но намъ кажется, что здѣсь говорится не о бѣгствѣ Всеслава, а о томъ, что узнавъ о захватѣ Минска Изяславичами,—изъ Дудутотъ, гдѣ онъ стоялъ съ войсками, быстро двинулся къ Немигѣ, гдѣ и встрѣтился съ Изяславичами: этимъ объясняется лѣтописное выраженіе „поиде противу“. Въ такомъ случаѣ, Дудутки слѣдовало бы искать къ сѣверу отъ Минска, около Полоцка, гдѣ какъ въ центрѣ земли, Всеславъ, можетъ быть, собиралъ ополченіе, съ которымъ двинулся на Изяславичей.

Дрютескъ—нынѣ Друцкъ на верховьяхъ р. Друти, впадающей въ Днѣпръ у Рогачева. Въ первый разъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1092 г. по поводу чуда, шедшаго отъ Друцка къ По-

---

[137]) Длугошъ говоритъ, что Ярославичи двинулись versus Poloccо, но Всеславъ встрѣтилъ ихъ на Niemca. Ioannis Dlugossi Historiae Poloniae Libri XII, Francofurti, Anno 1711, т. I' р. 255.

[138]) П. С. Р. Л., т. VII, р. 240. Соображенiи объ исторической Немигѣ въ Минскѣ см. еще у Шпилевскаго, Путеш. по Пол. и Бѣлор. краю, Соврем. 1854 г., № XI, р. 32 и у Зеленскаго (Матер. для геогр. и стат. Россіи, Минская губ., I, р. 6). Послѣдній держится противуположнаго мнѣнія и указываетъ на то, что въ наст. время потокъ этотъ высохъ; образуясь весною отъ стекающихъ водъ, онъ начинается въ самомъ Минскѣ (въ т. наз. Старомъ городѣ), притомъ въ южной его оконечности, имѣетъ направленіе съ юго-запада или даже съ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Свислочь съ правой стороны, близъ мѣста, гдѣ, по преданію, былъ старый замокъ.

[139]) „Очерки р. ист. геогр., р. 185. Бѣляевъ пріурочиваетъ ихъ въ с. Дудичи на Птичѣ. къ югу отъ Минска.

лоцку [140]). Въ 1116 г. онъ былъ, во время извѣстнаго похода на Глѣба Минскаго, взятъ Давидомъ и Ярополкомъ, при чемъ всѣ жители его были уведены на югъ въ Переяславское княжество, гдѣ Ярополкъ и построилъ имъ городъ Желди [141]). Во время разгрома Полоцкихъ князей, на Дрютескъ посланъ былъ Мстиславомъ братъ его Ростиславъ, хотя неизвѣстно, былъ ли тогда городъ взятъ [142]). Въ половинѣ XII в. онъ уже играетъ видную роль въ Полоцкихъ междуусобіяхъ; стремясь имѣть отдѣльнаго удѣльнаго князя, Дручане изгоняютъ Глѣба, сына Полоцкаго князя Ростислава, и приглашаютъ къ себѣ Рогволода [143]). Въ концѣ XII в. Дрютескъ, борясь съ главными городамъ земли Полоцкой, подчиняется протекторату Смоленскихъ князей. Борьба между Полоцкомъ и пригородомъ была весьма серьезна: въ ней приняли участіе и Черниговскіе князья; [144]) Черниговскіе и Смоленскіе князья боролись за вліяніе надъ разлагающимся отъ междуусобій княжествомъ.

Голотическъ—мѣстопожоженіе котораго въ настоящее время не опредѣлено. Онъ упоминается только одинъ разъ въ 1071 г.: подъ нимъ Ярополкъ Изяславичъ разбилъ Всеслава Брячиславича[145]). Чаще Голотическъ приравниваютъ къ м. Головчину въ 32 верст. отъ Могилева [146]), но это мало имѣетъ правдоподобія [147]).

---

[140]) Ипат. 150. Опредѣленіе положенія Друтеска было сдѣлано еще Татищевымъ, т. II, р. 459, прим. 362.

[141]) Ип. 203. Нарбутъ, а за нимъ и Турчиновичъ въ лѣтоп. Желди, Желни видятъ построеніе Новгородка Литовскаго, на томъ основаніи, что одна часть нынѣшняго Новогрудка называлась Желна и Нарбутъ видѣлъ какой-то документъ конца XVI ст., въ которомъ говорится, что онъ писанъ въ Новогрудкѣ на Желненскомъ подзамачу. Narbut, „Dzeje“, t. Ш, p. 274, Турчиновичъ, „Обозр. ист. Бѣлор.“, р. 263. Указаніямъ этимъ нельзя придавать кокого либо серьезнаго значенія: Ярополкъ увелъ Дручанъ, конечно, въ свою волость и тамъ основалъ городокъ для борьбы съ Половцами, а не съ Литвою.

[142]) Ип , 210.

[143]) Ип., 339.

[144]) Ип. 419.—Въ спискѣ городовъ Друтескъ—въ числѣ Литовскихъ.

[145]) Ип. 122.

[146]) Погодинъ, И. З. и Л., т. IV, р. 306, Турчиновичъ, р. 260, Карамзинъ указывалъ на Олиту на Нѣманѣ, Ист. Г. Росс., т. II, прим. 125, р. 50. На Головчинъ впервые указалъ Арцыбашевъ, т. I, р. 28, прим. 161. Бѣляевъ ищетъ его на границахъ Туровскихъ и Полоцкихъ владѣній, на югъ отъ Минска по теченію Березины и указываетъ на Голынку, не далеко отъ р. Свисличи. З. И. Р. Г. Общ , кн. VI, р. 12.

[147]) Извѣстенъ родъ князей Головчинскихъ, владѣвшій Головчинымъ (Безъ-Корниловичъ, р. 228, Балинскій, т. Ш, р. 718); между тѣмъ какъ Головчинъ небылъ удѣльнымъ городомъ, слѣдов. названіе мѣстечка могло произойти отъ фамиліи владѣльцевъ.

Одрьскъ—упоминаемый въ поученіи Мономаха [148]). Въ настоящее время онъ опредѣляется р. Одровъ, впадающею въ Днѣпръ съ правой стороны, недалеко отъ Копыса [149]).

Орша и *Копысъ*, оба на Днѣпрѣ, приналежали Полоцкому княжеству до 1116 года.

Наконецъ *Изборскъ*, имѣвшій значеніе уже въ эпоху призванія варяговъ [150]), но впослѣдствіи не упоминается почти до половины XIII ст. [151]) Барсовъ указываетъ на село Изборскъ Псковской губ. и у. на ю. з. отъ Пскова [152]). Судя по положенію его, можно думать, что онъ уже въ первую этоху исторической жизни отошелъ къ Новгородскимъ владѣніямъ.

Мы указали города, которые въ разсматриваемое время составляли коренную территорію Полочанъ. Разумѣется, и нѣкоторые изъ названныхъ городовъ, лежавшихъ на западѣ княжества, быть можетъ, представляли слѣды болѣе ранней колонизаціи, какъ пограничный Городецъ, Изяславль, но по крайней мѣрѣ въ данный періодъ они уже составляли вполнѣ славянскую территорію, на которой хотя и были слѣды литовскаго элемента, но уже значительно или вполнѣ обрусѣвшіе. На рубежѣ XIII ст. и въ первой половинѣ его источники называютъ нѣсколько городовъ, которые представляютъ результатъ новой колонизаціи въ среду литовскаго племени, совершавшійся, очевидно, на глазахъ исторіи, съ окружающимъ чисто литовскимъ элементомъ; таковъ *Новгородокъ литовскій*. Въ XIII ст. этотъ городъ упоминается впервые подъ 1255 год. [153]), но въ это время онъ былъ уже однимъ изъ значительныхъ порубежныхъ съ Литвою городовъ, къ нему тянула обширная территорія. Послѣдующая исторія указываетъ, что возникновеніе его нужно отнести къ болѣе отдаленному времени, но приписывать заложеніе его Ярославу во время похода его на Литву въ 1044 г. нѣтъ

---

148) Лаврент. лѣт.

149) Первое указ. принадлежитъ Ходаковскому. Р. Ист. Сборн., кн. IV, р. 12, Бѣляевъ, р. 18, Погодинъ, р. 218, Барсовъ, Словарь.

150) Ип. 11.

151) П. С. Р. Л., VII, 140 подъ 1241 г.

152) Словарь. Ходаковскій, Русск. Истор. Сборн., I, 12—20.

153) Ипат. 549.

основанія [154]). Также упоминаются: Несвижъ [155]), Кукейносъ, Герсике и др.; о нихъ мы скажемъ въ главѣ о колонизаціи.

Указанная территорія Полоцкой земли, самостоятельность которой мы уже видимъ на первыхъ страницахъ лѣтописей, во свою очередь раздѣлилась въ очень ранній періодъ на многочисленные удѣлы. Опредѣлить границы удѣловъ нѣтъ возможности, потому что источники упоминаютъ лишь главные удѣльные города. Ихъ только мы и назовемъ, указавъ время, съ котораго становится извѣстнымъ тотъ или другой удѣлъ.

Минскій удѣлъ—извѣстенъ съ 1104 г. [156]).

Изяславскій удѣлъ—извѣстенъ съ 1128 г., къ нему же принадлежалъ въ то время и Логожскъ [157]).

Срѣжевскій удѣлъ—съ 1159 г. [158]). Съ того же года извѣстенъ и *Друцкій удѣлъ* [159]).

Городецкій удѣлъ—извѣстенъ съ 1162 г. [160]).

Витебскъ, какъ удѣлъ—въ 1163 г. принадлежалъ Смоленскому князю [161]).

[154]) Напр., Ярошевичъ „Obraz Litwy“, Вильно, 1844 г. I, p. 36, основалъ свое мнѣніе на извѣстіи Воскресенской лѣтоп. (П. С. Р. Л., т. VII, p. 332): „Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новгородъ и содѣла и“. Но Новгородская I лѣт. прибавляетъ: „Владиміръ заложи“, что вполнѣ естественно, ибо онъ княжилъ тогда въ Новгородѣ Великомъ (Новгор., p. 90, также Татищевъ, II, 109); но въ Ипат. о Новгородѣ не упоминается (p. 108, а также въ Тверской лѣт., П. С. Р. Л., т. XV, p. 148 и Никоновской, p. 82). Нарбутъ выдумалъ сказку о двухъ Новгородкахъ—Литовскомъ (Neuenpille) и Русскомъ („Dzieje“, III, p. 271—4). За нимъ послѣдовали и мѣстные изслѣдователи: Турчиновичъ, „Обозр. ист. Бѣл.“, p. 262, Дмитріевъ, написавшій краткій историч. очеркъ Новогрудка, весьма неполный и отличающійся большими неточностями („Нѣсколько словъ краткаго историч. обозр. русско-литовск. Новогрудка“. въ „Вѣстн. Императ. Русск. Геогр. Общ.“, 1858 г. № 12). и Зеленскій (Минская губ. въ Мат. для геогр. и статист. Россіи, т. I, p. 10).—Добавимъ еще для полноты, что Татищевъ думалъ, что въ изв. лѣтоп. подъ 1044 г. говорится о Новгородѣ Сѣверскомъ, II, прим. 251, что повторила за нимъ Екатерина II, „Записки касательно Россійской имперіи. Соч. Госуд. Импер. Екат. II, С.-Пб. 1801 г.“, ч. I, p. 187.

[155]) Въ битвѣ на Калкѣ былъ убитъ князь Гюргя *Несвѣжскій*, Новг., p. 219. О Несвижѣ есть прекрасная монографія Сырокамли, „Więdrówki po moich negdyś okolicach. Wspomnienia, studia historyczne i obyczajowe“, Вильно 1853 г.

[156]) Ип. 185.

[157]) Ип. 210.

[158]) Ibid., 340.

[159]) Ibid., 339.

[160]) Ibid., 355.

[161]) Ibid., 359.

Перейдемъ теперь къ опредѣленію рубежей *Туровскаго княжества*. Оно не занимало всей обширной области, занятой поселеніями Дреговичей. Только сѣверная граница ихъ области съ Полоцкомъ оставалась неизмѣнною въ основѣ своей, до самаго сліянія обоихъ княжествъ съ Литвою. Эту сѣверную границу мы уже указали при опредѣленіи Полоцкихъ границъ; назовемъ только города Клецескъ и Случескъ, упоминаемыя какъ крайніе пункты Туровскаго княжества.

Восточная политическая граница недостигала естественныхъ предѣловъ—береговъ Днѣпра съ устьями двухъ важнѣйшихъ его притоковъ—Березины и Припяти, хотя это пространство было населено представителями Дреговичскаго племени. Здѣсь мы встрѣчаемъ городокъ *Брягинъ* (мѣст. Рѣчицкаго у.), населенный Дреговичами, но съ половины XII ст. перешедшій во власть князей Кіевскихъ (см. ниже). Другой городокъ въ этой же мѣстности *Рѣчица* (уѣздный городъ Минской губ.) принадлежалъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ XIII ст., Черниговскимъ князьямъ [162]). Быть можетъ, тоже слѣдуетъ сказать и о *Рогачевѣ* (уѣздный городъ Могилевской губ.); этотъ городъ упоминается рядомъ съ другими несомнѣнно Дреговичскими городами: Берестьемъ, Дорогичиномъ и Клеческомъ [163]), но принадлежалъ Черниговскимъ князьямъ [164]). Такимъ образомъ, въ этомъ небольшомъ уголкѣ, образуемомъ устьемъ Припяти и Днѣпра, сталкиваются при племени: Поляне, Сѣверяне и Дреговичи и послѣдніе, какъ болѣе слабые, не выработавшіе политической независимости, оттѣсняются двумя первыми. Значительное количество городовъ и городищъ въ этой именно мѣстности указываетъ именно на то, что столкновеніе трехъ названныхъ племенъ обошлось, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ періодѣ, не безъ борьбы [165]).

---

[162]) П. С. Р. Л., т. XV, p. 314.

[163]) Ип., p. 223.

[164]) Что находитъ косвенное подтвержденіе и въ извѣстіи 1180 г., Ип., p. 420.

[165]) См. замѣтку профессора Вл. З. Завитневича въ „Кіевскомъ Словѣ“ за 1887 г., №№ 171, 172. Въ Минской губ. изслѣдователь насчитываетъ до 10000 кургановъ. (См. его ст. „О курганахъ Минской губ.“ въ „Календ. Сѣверо-запад. края“ на 1890 г. изд. подъ редакціею М. Запольскаго, p. 10, II; также „Изъ Археолог. экскурсіи въ Припятское Полѣсье“, p. 3)—Около самого Брягина находится 12 большихъ городищъ до-христіанской эпохи. См. „Брягинскую Волость“ въ „Кал. Сѣв.-Зап. края“ на 1899 г. изд. подъ ред. М. Запольскаго.

Такимъ образомъ, политическій рубежъ Туровскаго княжества на востокѣ проходилъ, въ концѣ XII ст., за Мозыремъ, по водораздѣлу двухъ, окаймленныхъ болотами, рѣчекъ—Птичу, притоку Припяти, и Ведрачу, притоку Днѣпра.

На южной границѣ небыло и того естественнаго рубежа, который представлялъ на востокѣ Днѣпръ. Здѣсь поселенія Дреговичей сливались съ поселеніями Полянъ и Волынянъ. Граница во всякомъ случаѣ проходила южнѣе Припяти, такъ какъ города Туровъ и Мозырь расположены на южномъ берегу ея. Древлянскіе города на этой границѣ, какъ Вручій, Искоростенъ, Выгошевъ, Дубровица, Небль, Городно [166]), Черториескъ находятся значительно южнѣе Припяти [167]).

Послѣдующая борьба за города, лежавшія по р. Горинѣ, южному притоку Припяти, переходъ ихъ то къ Туровскому, то къ Волынскому княжествамъ вполнѣ, какъ кажется, оправдываетъ предположеніе Барсова о смѣшанномъ населеніи Погоринскихъ городовъ и о томъ, что многіе фазисы этой борьбы нужно именно отнести на счетъ этой мѣстности [168]).

Къ востоку отъ Пинска прекращались политическія границы Туровскаго княжества, такъ что оно захватывало восточную часть верховьевъ Припяти. Отсюда рубежъ шелъ къ сѣверу и соединялся черезъ верховья Щары съ Полоцкимъ рубежемъ между Новгородкомъ и Клеческомъ. На этой границѣ въ половинѣ XIII ст. являются въ лѣтописяхъ города *Здитовъ* и *Услонимъ* [169]).

Рѣзкаго разграниченія здѣсь опять таки небыло, такъ какъ къ западу продолжались поселенія Дреговичей, захватывавшія большое пространство по Западн. Бугу, гдѣ крайнимъ ихъ пунктомъ былъ *Нуръ*, у впаденія рѣки Нурца [170]) въ Бугъ, а на сѣверѣ доходили до Гродно, нынѣ губернскій городъ; здѣсь были Дреговичскіе города Берестіе [171]) и Дорогочинъ [172]), оба на Бугѣ. Но эти области, Берестейская и Дорогичинская, не представляли одного политическаго

---

[166]) Андріяшевъ, „Оч. ист. Вол. земли“, p. 79—80.
[167]) Барсовъ, „Оч. русск. ист. геогр.“, p. 144. Андріяшевъ, „Оч. ист. Вол. земли“, карта.
[168]) „Оч. русск. ист. геогр.“, p. 126—7.
[169]) Ип., p. 542.
[170]) Ип., p. 537.
[171]) Ип., p. 101. 102, 172, 176. 178, 220 и др.
[172]) Ип., p. 222—3. 524 и др.

цѣлаго съ основною областью племени—Туровскимъ княжествомъ, переходя во власть то Кіевскихъ, то Волынскихъ, то Польскихъ князей. Притомъ область эта въ значительной мѣрѣ представляетъ собою продуктъ колонизаціоннаго движенія въ среду Литовскихъ племенъ Дреговичей, а впослѣдствіи и Волынянъ.

Покончивъ съ очеркомъ границъ княжества, перейдемъ къ городамъ его.

Изъ городовъ Туровскаго княжества упоминается въ данный періодъ весьма немного, несмотря на обширность страны, занятой Дреговичами. Незначительное количество названныхъ лѣтописью городовъ не можетъ однако служить доказательствомъ малонаселенности страны. Тихій, мирный ходъ исторіи Дреговичей, ихъ слабое участіе въ общихъ политическихъ дѣлахъ Руси, наконецъ то важное обстоятельство, что они большею частью, въ данный періодъ, принадлежали къ Кіевскому княжеству, а отчасти, на западныхъ своихъ окраинахъ, къ Волыни,—давало мало поводовъ лѣтописи упоминать о городахъ ихъ.

Главнымъ городамъ Дреговичской земли былъ *Туровъ*, упоминаемый уже на первыхъ страницахъ лѣтописи (980 г.) [173]). Онъ расположенъ на правомъ берегу р. Припяти между сѣвернымъ притокомъ ея Случью и южнымъ Ствигой. Въ началѣ исторической жизни русскаго народа онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Руси. Тѣсно связанный съ великимъ княженіемъ Кіевскимъ, онъ передавался старшему изъ сыновей великаго князя и, слѣдовательно, считался важнѣйшимъ городомъ. Но вскорѣ утратилъ совершенно свое значеніе, снизошелъ до мелкаго удѣльнаго городка. Преданіе относительно различныхъ урочищъ нынѣшняго Турова, а также и названіе самихъ урочищъ и остатки укрѣпленій представляютъ признаки древняго его величія. Въ самомъ мѣстечкѣ находится насыпная гора, опоясанная рвами [174]), которая, быть можетъ, составляла древній дѣтинецъ. Гора эта, раздѣляемая рвами на двѣ части, имѣетъ въ длину $^1/_2$ версты, въ ширину—около 3 верстъ. Преданіе гласитъ, что на этой горѣ стоялъ княжескій домъ, а за горой, на

---

[173]) Упомин. Ипат. лѣт. р. 50, 83, 114, 143, 145, 152, 168, 172, 210, 213, 217, 222, 223, 225, 281, 297, 324, 329, 335, 337, 338, 346, 349, 361, 370, 428, 503, 576.

[174]) Ст. „Туровское княжество“ въ „Минскомъ Листкѣ“ за 1886 г., № 29.

небольшой земляной насыпи, стоялъ Борисоглѣбскій монастырь [175]). За городомъ съ южной и восточной стороны сохранились остатки валовъ и урочище Городище съ остатками каменныхъ стѣнъ [176]); кромѣ того преданіе указываетъ мѣстность Дворецъ—загородный княжескій домъ; наконецъ, нѣсколько топографическихъ названій встрѣчаемъ съ словами *туръ, князь* [177]). Близъ древняго Турова „на болоньи“ извѣстенъ Борисоглѣбскій монастырь съ XII в. [178]).

Важнѣйшимъ городомъ послѣ Турова былъ *Пинскъ* (н. у. гор.), расположенный въ болотистой мѣстности у верховья Припяти, при сліяніи ея съ Пиной. Въ торговомъ отношеніи онъ представлялъ весьма выгодный пунктъ, такъ какъ черезъ него сообщались съ Ятвягами и Польшею Волынь, Кіевщина и Дреговичи. Упоминается Пинскъ впервые подъ 1097 г. Давидъ Игоревичъ указывалъ Святополку Изяславичу, что Василько замышляетъ отнять у него Туровъ и Пинскъ и что слѣдуетъ принять мѣры [179]). Вообще, онъ всегда почти упоминается нераздѣльно съ Туровомъ, что указываетъ на его значеніе [180]). Около половины XIII ст. онъ уже выдѣлился въ особый удѣлъ [181]) и значеніе его поднялось во время борьбы Галицкихъ князей съ Литвою.

На Припяти же, къ востоку отъ Турова, находился незначительный городокъ княжества *Мозыръ*, расположенный на южнымъ возвышеннымъ берегу рѣки. Впервые упоминается онъ подъ 1155 годомъ [182]).

[175]) Слупскаго „Изяславль и Туровъ“ въ „Сѣверо-Западномъ Календарѣ“ на 1888 г., р. 135.

[176]) „Минскій Листокъ“, 1886 г., № 29.

[177]) Назв. ст. Слупскаго, 136, „Памятная Книжка по Минской губ. на 1878 г., ч. II въ описаніи Турова; а также у Калайдовича „Памятники русск. словесности XII в.“ въ предисловіи къ сочин. Кирилла Туровскаго.

[178]) См. Сказаніе Мартына Мниха въ „Исторіи Русской Церкви“ просв. Макарія, I, р. 300—301.

[179]) Ип., 168.

[180]) Вячеславъ говоритъ: „Туровъ и Пинскъ у меня отнялъ“, Ипат., р. 197; также р. 324 и др.

[181]) Ип., 543.

[182]) Ип., 331. Историческія свѣдѣнія о Мозырѣ см. въ „Памяти. кн. по Минской губ.“ за 1878 г., ч. II, а также въ статьѣ Бѣлорусса Хотомскаго „Городъ Мозырь“, помѣщенной въ „Минскомъ Листкѣ“ за 1887 г. №№ 85—7 и въ нашихъ статьяхъ „Замѣтки изъ Путешествія по Бѣлоруссіи“, V, „Виленскій Вѣстникъ“, 1890 г., № 232.

Въ углу, образуемомъ Припятью и Днѣпромъ находился небольшой Дреговичскій городокъ *Брягинъ* [183]), на р. Брягинкѣ (нынѣ мѣстечко Рѣчицкаго у.); въ половинѣ XII ст. онъ несомнѣнно принадлежалъ къ Кіевскому княженію: Ольговичи, бывшіе въ 1147 г. въ союзѣ съ Юріемъ Ростовскимъ и во враждѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ, воевали Брягинскую волость [184]).

Въ 1187 г. Рюрикъ Ростиславичъ отдалъ Брягинъ снохѣ своей, женѣ Всеволода Юрьевича, на дочери котораго Верхуславѣ онъ женилъ сына своего Ростислава [185]). Около Брягина разбросано 12 городищъ дохристіанской эпохи и 18 группъ кургановъ, что указываетъ на стратегическое значеніе данной мѣстности [186]).

Самыми сѣверными городами Туровскаго княжества въ данное время были *Клическъ* [187]) и *Случескъ*, первый въ наст. время мѣстечко Слуцкаго у. (Клецкъ) Минской губ. а второй—уѣздн. гор. той же губ.—Въ первый разъ Клецескъ упоминается по поводу похода Мстислава Мономашича въ 1127 г. на Полоцкихъ князей: изъ него съ своею дружиною отправился Вячеславъ Ярополчичъ, который, повидиму, имѣлъ удѣлъ въ Туровской землѣ, вѣроятно, Клическій [188]). Въ 1142 г. онъ упоминается въ числѣ другихъ Дреговичскихъ городовъ, которые раздавалъ Всеволодъ своимъ братьямъ по занятіи имъ Кіева [189]).

Случескъ въ 1116 г. былъ сожженъ Глѣбомъ Минскимъ [190]). Въ 1119 г. онъ вмѣстѣ Клеческомъ перешелъ къ Святославу Ольговичу, по вокняженіи въ Кіевѣ Юрія Ростовскаго [191]). Около 1162 г. имъ завладѣлъ Владимиръ Мстиславичъ, но Туровскіе князья, Рюрикъ и Святополкъ Юрьевичи, заставили его удалиться [192]).

---

[183]) Опредѣленіе мѣстоположенія Брагина было сдѣлано еще Арцыбашевымъ, Пов. о Россіи, I, 109, прим. 403.

[184]) Ип., 253.

[185]) Ип., 443.

[186]) См. любопытную статью о Брагинской волости въ „Календарѣ Сѣверо-Западнаго края“, издаваемомъ подъ редакціею М. Запольскаго, 1889 г., р. 114 и слѣд.

[187]) Арцыбышевъ, Пов. о Р., I, р. 70.

[188]) Ипат., р. 210.

[189]) Ипат., р. 223.

[190]) Ип., 203.

[191]) Ип., 268.

[192]) Ип., 356. Профессоръ В. Б. Антоновичъ причисляетъ Случескъ и Клецкъ къ Полоцкимъ удѣламъ („Монографіи“, т. I, р. 20). Но оба города были несомнѣнно въ землѣ Дре-

Эти города въ данный періодъ и составляли территорію Туровскаго княжества.

Мы указали коренную территорію трехъ интересующихъ насъ княжествъ: Полоцкаго, Смоленскаго и Туровскаго. Въ своемъ изложеніи мы опустили все то, что относится до окраинъ этихъ земель и, слѣдовательно, факты о колонизаціонномъ движеніи Кривичей и Дреговичей. Объ этомъ вопросѣ мы поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, а теперь обратимся къ изложенію политической исторіи трехъ интересующихъ насъ княжествъ въ данный періодъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

говичей и никогда не принадлежали къ Полоцкому княжеству. Въ 1116 г. Мономахъ ходилъ на Глѣба: „Глѣбъ бо бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ“ (Ип. 203), а Туровскимъ княжествомъ владѣлъ тогда Мономахъ, слѣдов., Случескъ былъ Туровскій городъ. Въ 1127 г. Клеческъ принадлежалъ Вячеславу Ярополчичу (Ип. 210). Въ 1162 г. Рогволодъ бѣжалъ изъ Полоцкихъ владѣній въ Случескъ, спасаясь отъ преслѣдованія и Полочанъ и удѣльныхъ Полоцкихъ князей (Ип. р. 355) и т. д.

ФРАНЧЕСКО ФЕРРУЧЧИ И ЕГО ВРЕМЯ.

В. Пискорскаго.

(*Продолженіе, см. № 3—мартъ 1890 г.*).

ГЛАВА IV.

Н. КАППОНИ и Ф. КАРДУЧЧИ.

La libertà si debbe apprezzare più che
l'oro e molto più che la vita stessa.
F. Carducci.

Общія замѣчанія.—Новое движеніе народа противъ правительственной партіи.—Открытіе Верховнаго Совѣта и кассація временнаго правительства.—Избраніе гонфалоніеромъ Н. Каппони.—Характеристика его личности и воззрѣній.—Внутреннія и внѣшнія политическія отношенія Флоренціи при Каппони.—Договоръ Флоренціи съ лигой противъ Карла V. — Освобожденіе изъ плѣна и переговоры папы съ императоромъ.—Преслѣдованіе гонфалоніеромъ мирной политики и воинственное настроеніе оппозиціи. — Провозглашеніе Іисуса Христа королемъ Флоренціи и вторичное избраніе Каппони.—Секретныя сношенія между Каппони и папой, раскрытіе этихъ сношеній и низложеніе Каппони. — Избраніе гонфалоніеромъ Ф. Кардуччи.—Характеристика его личности, политическихъ воззрѣній и дѣятельности.—Барселонскій и Камбрейскій трактаты.—Прибытіе Карла V въ Италію и неудачи флорентійскаго посольства къ нему.—Приготовленія къ войнѣ.

Со времени возстановленія свободы до начала военныхъ дѣйствій Флоренціи противъ враговъ ея конституціи выдаются два главныхъ момента въ направленіи мысли и дѣятельности флорентійскаго гражданства, выразителями которыхъ служатъ два гонфалоніера, послѣдовательно смѣнившіе другъ друга и находившіеся во взаимномъ антагонизмѣ — Никколо Каппони и Франческо Кардуччи. То были два противоположныхъ характера, вполнѣ отразившихъ на себѣ особенности темпераментовъ тѣхъ двухъ партій флорентійскаго общества, вождями которыхъ являлись они; къ послѣдовательной смѣнѣ

этихъ гонфалоніеровъ данъ былъ импульсъ преобладающимъ настроеніемъ общества, различнымъ для каждаго изъ указанныхъ моментовъ. Общество, освободившееся отъ ига Медичи совмѣстными усиліями и проникнутое, хотя и кратковременно, сознаніемъ единства своихъ интересовъ и радужными надеждами на свѣтлое будущее, выбрало гонфалоніеромъ Каппони, какъ человѣка, казавшагося наиболѣе способнымъ стать на стражѣ этихъ интересовъ. Но Каппони оказался узкимъ аристократомъ по своей политической программѣ, неудовлетворявшей духу времени и требованіямъ общества: онъ болѣе всего опасался войны съ могучими противниками флорентійской демократіи и для избѣжанія ея готовъ былъ на всевозможныя уступки въ пользу врага. Политика Каппони встрѣтила сильную реакцію со стороны демократической партіи, выразившуюся въ политической дѣятельности Франческо Кардуччи, который ясно понималъ, что одна уступка, сдѣланная въ пользу врага, влечетъ за собою другую и такъ дальше, до фактической утраты всей свободы. Являясь, поэтому, энергичнымъ противникомъ всякихъ компромиссовъ въ вопросѣ о политической свободѣ Флоренціи, онъ тѣмъ самымъ призналъ необходимость открытаго столкновенія съ той могучей силой Европы, интересы которой были направлены къ уничтоженію свободы и къ водворенію во Флоренціи принципата. Несмотря на противоположный характеръ этихъ двухъ гонфалоніератовъ, между ними существуетъ неразрывная связь. Если гонфалоніератъ Каппони представляетъ періодъ колебаній въ перевѣсѣ политическаго вліянія между аристократической партіей и демократической, то гонфалоніератъ Кардуччи является моментомъ окончательнаго перенесенія центра тяжести на демократическую партію, и вотъ почему принятое вождемъ ея героическое рѣшеніе отстаивать свободу съ оружіемъ въ рукахъ можетъ быть названо рѣшеніемъ народа. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами въ интересахъ лучшаго пониманія настоящей главы въ ея цѣломъ, мы переходимъ къ изложенію событій, имѣвшихъ мѣсто послѣ переворота 16 мая, подготовившихъ и непосредственно опредѣлившихъ неизбѣжность войны между Флоренціей и папой.

Вскорѣ послѣ удаленія Медичи Флоренція снова приняла мятежный видъ; на площадяхъ и улицахъ зашевелились грозныя массы народа, готоваго къ новому возстанію. „Мы, говорили граждане,

не хотимъ, чтобы насъ долѣе обманывали [1]). Правда, что Медичи оставили Флоренцію, но какая же изъ этого польза для насъ? Правленіе осталось въ рукахъ тѣхъ же лицъ, которыя правили и при нихъ [2]). Развѣ эти 120 лицъ, облеченныя столь широкими полномочіями, не тѣ же оптиматы? [3]) И развѣ неизвѣстно, что тотъ, кто не принимаетъ тебя за товарища, видитъ въ тебѣ раба?" [4])

—„Никколо, вы будете растерзаны на куски!" обратился къ Каппони одинъ гражданинъ.

—„За что?" спросилъ Каппони.

—„Вы перемѣнили только лозу, но не вино; народъ хочетъ, чтобы было перемѣнено и вино".

—„Развѣ вы еще не понимаете, чего хочетъ этотъ народъ?" говорилъ тому же Каппони другой гражданинъ: „онъ желаетъ правленія и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не будетъ созванъ Верховный Совѣтъ" [5]).

Такія рѣчи раздавались у стѣнъ великолѣпныхъ дворцовъ Флоренціи; въ рѣчахъ этихъ сквозь унылыя ноты разочарованія слышались звуки негодованія души, возмущенной несправедливостью и готовой къ безпощадному мщенію. Ясно было, что народъ, убѣдившись въ истинномъ смыслѣ намѣреній аристократической партіи, не на шутку взволновался и что за грозными словами могутъ послѣдовать не менѣе грозныя дѣйствія. Возбужденіе умовъ росло съ необыкновенной быстротой. 20 мая толпы гражданъ направились къ дворцу Синьоріи съ требованіемъ разрѣшенія носить оружіе для возстановленія и защиты народныхъ правъ и свободы [6]).

Правительство, вполнѣ сознававшее опасность своего положенія, конечно, не могло не призадуматься при видѣ начинавшагося возстанія, для подавленія котораго никакихъ средствъ наготовѣ не было. Власти болѣе всего опасались, что народъ потребуетъ созванія парламента, а это, въ глазахъ правительства, имѣло бы непре-

---

[1]) Fu replicato ad alta voce, che non volevano esser più ingannati. *Pitti*, Ist. Fior., p. 143.

[2]) *Varchi*, op. cit., v. I, p. 140.

[3]) *Varchi*, op. cit., v. I, p. 138.

[4]) Chi non sa che colui il quale per compagno non ti accetta, ti vuole per ischiavo? *Varchi*, op. cit., v. I, p. 139.

[5]) *Varchi*, op. cit., v. I, p. 139.

[6]) *Varchi*, op. cit., v. I, p. 140. *Pitti*. Apologia de'Cappucci, p. 338.

мѣннымъ слѣдствіемъ кровавую расправу съ партіей оптиматовъ. При такомъ остромъ положеніи дѣлъ правительству ничего болѣе не оставалось, какъ только пойти на уступки. Уступки свои оно начало съ того, что постановило открыть на слѣдующій же день (21 мая) Верховный Совѣтъ съ тою „auctoritas“, какую имѣлъ онъ до 1512 г., но въ составѣ не 1000 членовъ, какъ было прежде, а 800. Замѣчательно то, что минимальный возрастъ членовъ Верховнаго Совѣта былъ опредѣленъ не 29 годами, какъ слѣдовало по конституціи 1494 г., а 24-мя, причемъ право участія въ Верховномъ Совѣтѣ не было признано за лицами, сдѣлавшимися „beneficiati“ послѣ парламента 1512 г. [1]), такъ какъ высшіе посты республики занимали они не по выбору народа, а по назначенію Медичи и, слѣдовательно, какъ лица близко стоящія къ Медичи, не могли въ то же время стоять близко къ народу и рядомъ съ нимъ засѣдать въ Верховномъ Совѣтѣ. Такая рѣшительная уступка, явно клонившаяся въ пользу партіи народной и въ ущербъ аристократической, сознававшей свое безсиліе, сразу успокоила народныя страсти.

Но возможность такъ скоро вступить въ свои права поставила народъ даже въ нѣсколько затруднительное положеніе. Дѣло въ томъ, что зала Верховнаго Совѣта, какъ было уже сказано раньше, представляла картину хаотическаго безпорядка; нечего было и думать объ открытіи въ ней засѣданія раньше приведенія въ порядокъ какъ самого помѣщенія, такъ и избирательныхъ ящиковъ; между тѣмъ въ распоряженіи гражданъ до открытія засѣданія оставались только часть дня и ночь. Однако, страстное желаніе овладѣть свободой превозмогло всѣ трудности. Молодые нобили не считали для себя унизительнымъ на ряду съ простыми рабочими, съ метлами въ рукахъ, проработать цѣлую ночь надъ очисткой залы. Работа спорилась въ рукахъ гражданъ, и къ утру народъ увидалъ залу, блистающую чистотой и порядкомъ. При огромномъ стеченіи ликующаго народа здѣсь была отслужена торжественная месса; вслѣдъ затѣмъ открылось засѣданіе Верховнаго Совѣта, при участіи около 2500 гражданъ, изъ которыхъ многіе, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ въ

---

1) Fu ancora espressamente dichiarato in essa provvisione, che non s'intendessero nè per beneficiati, nè per abili ad esso Consiglio quelli che avessero acquistato il beneficio de'tre maggiori del parlamento fatto nel 1512. *Nerli*, op. cit., v. II, p. p. 42—43; *Pitti*, Ist. Fior., p. p. 143—144.

залѣ, должны были стоять за дверьми. Избраніе членовъ Совѣта 80, организація постояннаго правительства въ видѣ полнаго возстановленія системы прежней магистратуры и кассація временнаго были главными актами дѣятельности Верховнаго Совѣта въ засѣданіи 21 мая. Кромѣ того, тогда же подтверждена была амнистія Медичи и ихъ сторонникамъ и были избраны члены законодательной комиссіи 20, на обязанности которой, согласно постановленіямъ Пратики 16 мая, лежали точное опредѣленіе границъ власти Верховнаго Совѣта и выработка новыхъ правилъ для избранія гонфалоніера и Синьоріи. До выработки этихъ правилъ личный составъ высшаго административнаго органа республики—Синьоріи рѣшено было оставитъ въ томъ же видѣ, въ какомъ существовалъ онъ и при Пассерини [1]).

Если мы внимательнѣе вникнемъ въ сущность постановленій Верховнаго Совѣта, то не трудно будетъ убѣдиться въ двойственномъ характерѣ ихъ, который обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что аристократическая партія, имѣвшая многихъ сторонниковъ въ Совѣтѣ, идя на уступки демократической, всячески старалась удержать за собой извѣстныя точки опоры въ сферѣ республиканскаго правленія съ тѣмъ, чтобы не дать народу окончательно устранить себя отъ власти; съ этой цѣлью были оставлены безъ смѣны члены Синьоріи, съ этою же цѣлью на комиссію 20 возложено было опредѣленіе границъ власти Верховнаго Совѣта: ясно, что въ послѣднемъ случаѣ аристократическая партія стремилась къ ограниченію верховныхъ правъ народа, имѣя въ виду усиленіе значенія сената (Совѣта 80).

Но не слѣпы были вожди народа, чтобы поддаться этимъ уловкамъ и остановиться на полученныхъ уступкахъ, не удовлетворявшихъ, по словамъ Нерли, тѣхъ, кто желалъ установленія во Флоренціи „uno stato licenzioso“. Радикальная партія (adirati, рьяные), съ Альфонсо Строцци, Томмазо Содерини, Антонъ-Франческо Альбицци и Балдассаре Кардуччи во главѣ, требовала безотлагательной смѣны членовъ Синьоріи, срокъ службы которыхъ истекалъ лишь въ концѣ іюня [2]). Народъ неуклонно слѣдовалъ за своими вождями и выну-

---

[1]) *Varchi*, op. cit., v. I, p. p. 141—143; *Nerli*, op. cit., v. II, p. p. 41—44; *Pitti*, Ist. Fior., p. 144.

[2]) *Nerli*, op. cit., v. II, p. p. 39—40, 44—46.

дилъ аристократическую партію къ новымъ и, на этотъ разъ, послѣднимъ уступкамъ, послѣ которыхъ народу не оставалось уже ничего болѣе желать въ смыслѣ расширенія его политической свободы. Законодательная комиссія 20 принуждена была поспѣшить съ выработкой законопроекта объ избраніи гонфалоніера и Синьоріи. 20 мая законопроектъ поступилъ на разсмотрѣніе Совѣта 80, а 29—былъ утвержденъ Верховнымъ Совѣтомъ. Главное отличіе условій избранія гонфалоніера по закону 29 мая отъ прежнихъ заключалось въ томъ, что срокъ службы гонфалоніера опредѣленъ былъ однимъ годомъ, вмѣсто прежнихъ двухъ мѣсяцевъ; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ въ этомъ магистратѣ особыхъ измѣненій произведено не было. Что касается Синьоріи, то условія и порядокъ избранія ея членовъ остались совершенно прежними. Надо прибавить, что срокъ службы перваго гонфалоніера былъ ограниченъ 13 мѣсяцами (отъ 1 іюня 1527 г. до конца этого мѣсяца слѣдующаго года), причемъ по истеченіи этого срока возможно было вторичное избраніе того же лица; срокъ службы первой Синьоріи опредѣленъ былъ 3 мѣсяцами, тогда какъ для послѣдующаго времени установленный раньше срокъ въ два мѣсяца былъ сохраненъ въ силѣ [1]).

По обнародованіи этого закона Синьорія и гонфалоніеръ Нори немедленно получили отставку, а народъ, въ лицѣ 2240 гражданъ, приготовился въ засѣданіи Верховнаго Совѣта къ выборамъ новаго гонфалоніера и новой Синьоріи. Произошла первая баллотировка, и изъ 60 компетиторовъ 6 получило большинство голосовъ, причемъ оказалось, что радикальная партія выставила своими кандидатами Альфонсо Строцци, Томмазо Содерини и Балдассаре Кардуччи; партія умѣренныхъ или оптиматовъ выставила Никколо Каппони, и, наконецъ, партія Медичи, или паллески, выставила Неро дель Неро и Джіовамбаптиста Бартолини [2]). Эти 6 лицъ подверглись второй и окончательной баллотировкѣ. Знакомясь съ результатами послѣдней, мы нисколько не должны удивляться тому, что партія Медичи потерпѣла полное фіаско на выборахъ; уже одно названіе — паллески дискредитировало ее въ глазахъ народа, относившагося къ привер-

---

[1]) *Varchi*, op. cit., v. I, p. p. 147—148, 157—159; *Nerli*, op. cit., v. II, p. p. 47—49.

[2]) *Varchi*, op. cit., v. I, p. p. 159—161; *Segni*, Vita di N. Capponi, p. 265; *Nerli*, v. II, p. p. 49—52.

женцамъ Медичи съ крайней враждебностью; но замѣчательно то, что кандидаты, выставленные радикальной партіей, несмотря на условія времени, явно клонившіяся въ ея пользу, понесли пораженіе, тогда какъ аристократическая партія, ослабленная вынужденными у нея уступками, одержала блистательную побѣду въ лицѣ своего кандидата Никколо Каппони, который и былъ объявленъ гонфалоніеромъ. Впрочемъ, избраніе Каппони окажется дѣломъ понятнымъ, если мы, съ одной стороны, примемъ во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, въ которыя были поставлены кандидаты радикальной партіи въ моментъ выборовъ, а съ другой — разсмотримъ тѣ качества, которыми обладалъ новоизбранный гонфалоніеръ.

Кандидаты, выставленные радикальной партіей, еще не имѣли случая открыто и рѣшительно объявить себя сторонниками народныхъ интересовъ и противниками господствовавшей аристократической партіи; они еще не успѣли заявить себя народу съ какой-нибудь особенно выгодной для нихъ стороны, подобно той, какую обнаружили вожди аристократической партіи въ апрѣльскіе и майскіе дни; они еще не пріобрѣли той популярности, какою обладали въ огромной мѣрѣ нѣкоторые изъ вождей оптиматовъ, а наиболѣе популярный изъ представителей радикальной партіи, Балдассаре Кардуччи, докторъ правъ, какъ разъ отсутствовалъ изъ Флоренціи во время выборовъ [1]); наконецъ, принадлежа въ большинствѣ случаевъ къ богатымъ классамъ Флоренціи, они, въ глазахъ массы, мало чѣмъ отличались отъ вождей аристократической партіи и, потому, легко могли быть смѣшаны ею съ послѣдними: только сравнительно небольшой народной группѣ они казались тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Численность радикальной партіи была еще далеко не такъ значительна, чтобы одержать на выборахъ побѣду надъ оптиматами, правда уже ослабленными фактически, но еще продолжавшими насчитывать въ народѣ не мало сторонниковъ.

Приведенныя обстоятельства, кажется, въ достаточной мѣрѣ объясняютъ намъ причину пораженія радикальной партіи, которое служило, на самомъ дѣлѣ, предѣльнымъ моментомъ въ перенесеніи центровъ тяжести съ одной партіи на другую: пораженная радикальная партія только вступала въ свою политическую роль въ то время,

---

[1]) *Varchi*, op. cit., v. I, p. 160.

когда аристократическая, хотя и съ тріумфомъ, но уже заканчивала свою. Въ самой личности Каппони слѣдуетъ искать нѣкоторое объясненіе побѣды партіи оптиматовъ. За Каппони стояло все его прошлое и настоящее. Блестящая репутація отца его Пьеро, обнаружившаго въ извѣстномъ столкновеніи съ французскимъ королемъ Карломъ VIII геройскій духъ республиканца [1]), популярный образъ дѣйствій самого Никколо во время событій, подготовившихъ майскій переворотъ, умѣнье одновременно привлекать къ себѣ уваженье аристократической партіи, признавшей его своимъ вождемъ, и симпатію народа, видѣвшаго въ немъ послѣдователя доктринъ Савонаролы, извѣстная выдержка характера, политическая образованность, богатство, родовитость, тѣсныя связи съ вліятельнѣйшими лицами Флоренціи, наконецъ, мягкія изящныя манеры, импонирующая внѣшность и краснорѣчіе,—все это въ совокупности дѣлало Каппони, въ глазахъ народа, какъ бы нарочно созданнымъ для того, чтобы онъ занялъ постъ высшаго руководителя флорентійской политики въ то время, когда на республику со всѣхъ сторонъ надвигались зловѣщія тучи въ лицѣ внѣшнихъ враговъ, а внутри ея происходила интенсивная борьба партій. Народъ смотрѣлъ на Каппони, какъ на единственнаго человѣка, способнаго возвыситься надъ раздорами партій и заставить ихъ смолкнуть въ виду величайшей опасности, угрожавшей Флоренціи, лишиться своего наиболѣе драгоцѣннаго достоянія — свободы, опасности, передъ которой должны были меркнуть всѣ частные интересы партій. И дѣйствительно, съ перваго взгляда, казалось, что нѣтъ личности болѣе подходящей къ выполненію подобной задачи. Но, заглядывая нѣсколько впередъ, мы наталкиваемся на цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые заставляютъ насъ усомниться въ справедливости народныхъ воззрѣній на личность новаго гонфалоніера и дѣлаютъ необходимымъ признать, что рядомъ съ блестящими сторонами характера Каппони стояли другія, которыя, хотя и не бросались въ глаза толпѣ, тѣмъ не менѣе доступны нашему анализу и могутъ служить ключемъ къ разгадкѣ этой личности. Каппони принадлежалъ къ разряду тѣхъ личностей, которыя существуютъ вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ, но которыми особенно изобилуютъ переходныя эпохи; Каппони былъ однимъ изъ

---

[1]) *Nardi*, op. cit., v. I, p. 39.

наиболѣе типичныхъ представителей флорентійской „толстой“ буржуазіи, умѣвшей хорошо лавировать между подводными камнями политическихъ случайностей, но не умѣвшей возвышаться до жертвъ безкорыстнаго и беззавѣтнаго служенія общественнымъ интересамъ; страхъ за собственное благополучіе и нежеланіе подвергать себя и свое состояніе риску неизвѣстности являлись характерными чертами робкой и нерѣшительной знати Флоренціи вообще, а—Каппони въ частности.

По происхожденію и убѣжденіямъ Каппони всецѣло былъ оптиматъ; но политическая роль оптиматовъ, ставившихъ себѣ задачей сверженіе Медичи и раздѣленіе общественнаго значенія послѣднихъ между членами своего сословія, оканчивается съ созваніемъ Верховнаго Совѣта, положившимъ начало преобладанію во Флоренціи демократической или радикальной партіи [1]); оптиматы, какъ самостоятельная партія, прекращаютъ существованіе и мало по малу сливаются съ той фракціей общества, съ которой они наиболѣе сближались по духу, образу жизни и ненависти къ демосу, т. е. съ паллески. Подъ маской партійной безразличности, Каппони и въ качествѣ гонфалоніера остается человѣкомъ партіи [2]), и притомъ той партіи, которая не прочь была продать свободу за сохраненіе преимуществъ своего положенія [3]). Къ несчастію, партійная безразличность, въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствующая объ отсутствіи убѣжденій, совершенно ошибочно принималась нѣкоторое время согражданами Каппони, какъ доказательство его преданности общенароднымъ интересамъ.

Свое политическое profession de foi Каппони выразилъ въ блестящей рѣчи, произнесенной имъ въ залѣ Верховнаго Совѣта сейчасъ же послѣ избранія. „Какъ наши тѣла, говорилъ онъ, такъ

---

[1]) Языкъ хроникеровъ того времени даетъ для опредѣленія демократической партіи термины «obstinati» (упорные), «adirati» (рьяные), «arrabbiati» (бѣшеные). Терминами этими обозначаются рѣшительность, непреклонность и неуступчивость вождей народной партіи въ дѣлѣ сохраненія свободы народа. Эти свойства флорентійскихъ демагоговъ позволяютъ употребить въ опредѣленіи послѣднихъ современный терминъ «радикалы».

[2]) E quantunque Niccolò Capponi si fosse mostro in quelli di contrario ai Medici, era stato nondimeno sempremai delli loro favoriti, ed inclinato per qualche successione a reggimento ristretto. *Pitti*, Ist. Fior., p. 144.

[3]) ... gli acerrimi difensori della libertà Arrabbiati, e li trafficanti di quella Ottimati s nominavano. *Pitti*, Ist. Fior., p. 153.

и государства могутъ болѣть и умирать отъ двоякаго рода причинъ: внутреннихъ и внѣшнихъ. Внутреннею причиною болѣзни тѣла является нарушеніе равновѣсія въ его отправленіяхъ, а государства— въ раздорахъ и несогласіяхъ между гражданами. Внѣшняя же причина болѣзни какъ того, такъ и другого заключается въ насиліи посредствомъ меча или огня. Въ томъ, что республика наша страдаетъ какъ внутренними, такъ и внѣшними недугами, никто не можетъ сомнѣваться. Каждый изъ насъ, а особенно тѣ, кто надѣленъ властью, какъ врачи болѣе близкіе и болѣе отвѣтственные передъ больнымъ, должны теперь приложить всѣ усилія и старанія къ тому, чтобы излѣчить государство отъ обѣихъ болѣзней. Для этого есть одно средство, одно лѣкарство—это согласіе... Хотите-ли вы, почтенные граждане, быть свободными? Будьте согласны! Желаете-ли вы, чтобы ваша республика жила долго и счастливо? Будьте единодушны! Заботитесь-ли вы о томъ, чтобы побѣдить враговъ своихъ и не быть побѣжденными ими? Побѣдите самихъ себя, оставьте вражду и раздоры!“ Далѣе онъ говоритъ, что всѣ усилія свои онъ направитъ къ тому, чтобы сначала объединить гражданъ Флоренціи, а потомъ охранять ихъ отъ внѣшнихъ враговъ [1]).

Изъ приведеннаго отрывка вступительной рѣчи Каппони можно заключить, что гонфалоніеръ полагалъ сліяніе партій единственно возможнымъ средствомъ спасти Флоренцію отъ внѣшнихъ опасностей и ставилъ это сліяніе главною цѣлью своей внутренней политики; но мы не должны обманываться относительно истиннаго смысла рѣчи гонфалоніера. Примиреніе разрозненныхъ и враждебныхъ элементовъ общества въ то время возможно было лишь въ виду ребромъ поставленнаго вопроса „быть или не быть“ Флорентійской республикѣ, вопроса одинаково животрепещущаго какъ для представителя аристократической партіи, такъ и демократической, и по своей широтѣ сглаживающаго исключительность партійныхъ интересовъ. Самая постановка такого вопроса требовала отъ человѣка недюженныхъ силъ и даже извѣстнаго героизма, чего не было у Каппони: широкая программа объединенія партій оказалась въ противорѣчіи съ узкой дѣятельностью гонфалоніера, какъ покровителя и защитника партіи паллески.

---

[1]) Рѣчь Каппони приведена у *Varchi*, v. I, p.p. 162—165.

Считая деморализацію Флорентійскаго общества одною изъ главныхъ причинъ гражданскихъ раздоровъ, а слѣдовательно и слабости государства, Каппони взялъ на себя рискованную роль исправителя общественной нравственности. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, дѣятельность Каппони носитъ мистическую окраску и стоитъ въ связи съ религіозными доктринами Савонаролы, послѣдователемъ котораго считался онъ. Какъ извѣстно, Савонарола проповѣдывалъ полнѣйшее самоотреченіе и предоставленіе себя на волю Промысла и училъ о возрожденіи Флоренціи послѣ многихъ тяжкихъ испытаній къ новой жизни сверхестественнымъ путемъ. Ученіе это встрѣтило въ свое время язвительныя насмѣшки со стороны такихъ трезвыхъ политическихъ умовъ, какъ Макіавелли, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось полнымъ достояніемъ суевѣрной массы народа. Слѣдовало бы ожидать, что Каппони, какъ государственный человѣкъ, подобно Макіавелли, взглянетъ на это ученіе съ точки зрѣнія его практической состоятельности; но, какъ ни странно, Каппони даже въ этомъ отношеніи оказался ниже пониманія своихъ задачъ, и въ то время, когда съ каждымъ днемъ усиливавшаяся опасность войны съ могучими противниками флорентійской конституціи требовала отъ гонфалоніера самыхъ энергичныхъ заботъ въ дѣлѣ организаціи военной обороны страны, всю свою дѣятельность онъ сосредоточиваетъ исключительно на слѣдующихъ мѣрахъ: закрываетъ городскія таверны и всѣ предосудительные дома, жестоко преслѣдуетъ лицъ, замѣченныхъ въ распутствѣ; исключаетъ изъ употребленія разнаго рода азартныя игры, регулируетъ цѣлымъ рядомъ узаконеній покрой платья всего населенія, а особенно публичныхъ женщинъ; запрещаетъ евреямъ заниматься ростовщичествомъ и предписываетъ имъ удаленіе изъ Флоренціи въ теченіе 15 дней со дня объявленія закона, религіозные диспуты разрѣшаетъ только лицамъ, имѣющимъ на то право по своему общественному положенію и т. д. [1]). Все остальное какъ бы предоставляется имъ на волю Провидѣнія! Въ связи съ этими постановленіями физіономія города значительно измѣняется подъ наплывомъ покровительствуемаго духовенства; монахи монастыря св. Марка, настоятелемъ котораго нѣкогда былъ Савонарола, получаютъ особенное значеніе въ государствѣ и вмѣшиваются въ дѣла правленія; граж-

[1]) *Varchi*, v. I, p.p. 184—185.

дане усердно посѣщаютъ церкви и особенно монастырь св. Марка; начинается періодъ торжественныхъ процессій по городу съ хоругвями и пѣніемъ божественныхъ гимновъ, при участіи всего населенія и всѣхъ магистратовъ республики [1]). Естественнымъ результатомъ насильственнаго водворенія нравственности среди распущеннаго общества было, какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, съ одной стороны, чрезмѣрное распространеніе во Флоренціи ханжества, съ другой,—скептическое отношеніе образованныхъ лицъ къ политическому смыслу и способностямъ гонфалоніера и, связанное съ такимъ отношеніемъ, обостреніе оппозиціи правительству.

Насколько Каппони далекъ былъ отъ интересовъ дѣйствительности, насколько его стремленіе примирить между собою враждебныя партіи, а особенно доставить партіи паллески обезпеченное положеніе въ государствѣ были фантастичны, всего лучше доказываетъ характеръ современнаго финансоваго управленія, которое было почти независимо отъ вліянія гонфалоніера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всецѣло отражало на себѣ господствующее направленіе интересовъ флорентійскаго общества, представителемъ которыхъ являлась партія радикаловъ. Никогда во Флоренціи система финансоваго террора не представляла такого убійственнаго орудія въ рукахъ господствующей партіи, какъ теперь, когда восторжествовавшій народъ рядомъ финансовыхъ мѣръ вымещалъ на загнанной партіи Медичи всѣ ея прежнія злоупотребленія въ своевольномъ распоряженіи общественнымъ хозяйствомъ. Начавши съ избранія экстренной комиссіи изъ 5 гражданъ (Sindici del comune), на обязанности которой лежали какъ ревизія государственныхъ финансовъ съ 1512 по 1527 годъ, отождествлявшихся въ теченіе этого времени съ частнымъ имуществомъ Медичи, такъ и взысканіе неуплаченныхъ суммъ съ найденныхъ должниковъ государства по истеченіи 15 дней со дня объявленія закона, въ продолженіе которыхъ должники могли апеллировать въ Синьорію, Коллегію XVI и Верховный Совѣтъ, гдѣ для удовлетворенія жалобы требовалось не менѣе двухъ третей голосовъ [2]), Верховный Совѣтъ, вслѣдъ за тѣмъ, разрѣшилъ цѣлый рядъ принудительныхъ займовъ, грозившихъ полнымъ разореніемъ партіи пал-

---

[1]) *Varchi*, v. I, p.p. 179—181.
[2]) *Varchi*, v. I, p.p. 181—182.

лески. Такъ, была избрана комиссія для взысканія съ гражданъ въ четыре мѣсяца (per modo di balzello) 80.000 флориновъ такимъ образомъ, чтобы на одно лицо приходилось не менѣе 6 флориновъ и не болѣе 300; въ произвольной раскладкѣ этой суммы оффиціалами вся тяжесть займа исключительно падала на членовъ партіи Медичи [1]). Затѣмъ Верховнымъ Совѣтомъ было избрано 20 гражданъ, изъ которыхъ каждый обязанъ былъ въ 8-ми дневный срокъ представить въ казначейство по 1500 флориновъ, подъ угрозой тяжкаго наказанія въ случаѣ неуплаты [2]). „Эта мѣра, говоритъ одинъ хроникеръ, совсѣмъ небывалая: никто не помнитъ и не читалъ, что бы наша община когда-нибудь прибѣгала къ подобнымъ мѣрамъ для добытія денегъ!“ [3]). На этихъ мѣрахъ, не взирая на протестъ Каппони, правительство не остановилось. Чѣмъ опаснѣе становилось положеніе республики среди наводнявшихъ Италію иноземныхъ войскъ, тѣмъ чаще практиковались эти принудительные займы, имѣвшіе цѣлью, съ одной стороны, добытіе средствъ для содержанія войскъ лиги, а съ другой,—полнѣйшее обезсиленіе ненавистной партіи [4]). Но увлеченіе политикой финансоваго террора, какъ всякая крайность, не прошло безнаказанно для республики: эта политика имѣла своимъ пагубнымъ слѣдствіемъ усиленную эмиграцію наиболѣе зажиточныхъ и производительныхъ элементовъ общества за границу и, вмѣстѣ съ свирѣпствовавшей тогда во Флоренціи чумой [5]), служила началомъ тѣхъ великихъ экономическихъ бѣдствій, которыя окончательно сокрушили могущество государства.

---

[1]) E sebbene in detto balzello si comprendevano tutti i cittadini le gravezze sopportanti, nondimeno agli amici de'Medici toccavano le poste e somme maggiori, nè avevano dove appellare o a chi ricorrere. *Varchi*, v. I, p. 183; *Nerli*, v. II, p.p. 54—55.

[2]) *Varchi*, v. I, p. 183.

[3]) *Nerli*, v. II, p. 55.

[4]) По *Варки* (v. II, p. 82) общую цифру расходовъ Флоренціи съ 1527 по 1530 г. составляютъ 1.419.500 флориновъ. Принимая во вниманіе опредѣляемый нашимъ историкомъ вѣсъ каждой сотни флориновъ въ 1 либру и считая либру почти равной русскому фунту (г. *Осокинъ*, въ своихъ «Зам. по эк. ист. Италіи», стр. 30, находитъ, что либра XIV в.=0,4895 франц. килогр.; а килограммъ, какъ извѣстно,=2,4419 рус. фунта), находимъ, что 1.419.500 фл. вѣсятъ около 14195 фун. золота. Сумма для того времени и для такого сравнительно незначительнаго государства, какимъ была Флоренція, колоссальная! По другимъ даннымъ, именно по сообщеніямъ *Сеньи* (Ist. Fior., p. 194), Флоренція съ 1527 по 1530 г. издержала 1.700.000 дукатовъ, причемъ одна лишь война ей обошлась въ 1.200.000 дук.

[5]) *Nerli*, v. II, p.p. 55, 56; *Varchi*, v. I, p. 282.

Впрочемъ, какъ противовѣсъ тѣмъ несправедливостямъ, которыя творились въ сферѣ финансоваго управленія, подъ исключительнымъ давленіемъ радикальной партіи, въ судебной организаціи произведено было важное измѣненіе, имѣвшее цѣлью оградить права гражданъ отъ пристрастія и крайностей партійнаго антагонизма. Высшій трибуналъ по уголовнымъ и политическимъ дѣламъ—Коллегія VIII, пользовавшаяся раньше грозною властью въ силу своихъ „sei fave“ и обыкновенно служившая орудіемъ господствующей партіи въ ея преслѣдованіяхъ побѣжденной, была низведена на степень слѣдственной комиссіи, а ея судебная юрисдикція перешла на новый трибуналъ *Совѣтъ 40* (Quarantia), состоявшій частью изъ избранныхъ по жребію членовъ Совѣта 80, частью—изъ извѣстнаго количества представителей всей флорентійской магистратуры. Порядокъ судопроизводства былъ таковъ: послѣ того, какъ извѣстная жалоба поступала въ Коллегію VIII, обвиняемаго заключали въ тюрьму и составляли обвинительный актъ, который представлялся секретаремъ Коллегіи VIII въ Совѣтъ 40; затѣмъ арестованнаго вводили въ залу Совѣта 40, допрашивали, нерѣдко при помощи пытки, послѣ чего ему предоставляли право защиты; затѣмъ онъ снова препровождался въ тюрьму, а члены суда, подъ присягой судить по совѣсти, писали на особыхъ билетахъ свои мнѣнія, оправдательныя или обвинительныя; въ послѣднемъ случаѣ писалось и то, какому наказанію долженъ быть подвергнутъ обвиняемый; наконецъ, сосчитывались мнѣнія, и, простымъ большинствомъ, обвиняемый или освобождался, или присуждался къ извѣстному наказанію, причемъ на рѣшеніе суда можно было апеллировать въ Верховный Совѣтъ [1]). Какъ бы ни казалось несовершеннымъ подобное судопроизводство съ точки зрѣнія современныхъ намъ юридическихъ понятій, оно было явленіемъ въ высшей степени прогрессивнымъ въ жизни республики, такъ какъ впервые за обвиненіемъ и защитой были признаны равныя права на существованіе и впервые составъ суда утратилъ характеръ партіи.

---

[1]) *Varchi*, v. I, p.p. 185—191; *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 161—165; *Nardi*, v. II, p.p. 137—138, n. 1; *Giannotti*, Opere politiche e letterarie, v. I, p.p. 41—42. Тщетная попытка установленія этого трибунала сдѣлана была еще при Пьеро Содерини, т. е. до 1512 г. (*Pitti*, p. 162). Установленіе суда 40 и апелляціи на его рѣшенія въ Верховный Совѣтъ, какъ мѣра демократическая, вызвала со стороны знати реакцію, выразившуюся въ подчиненіи юрисдикціи Синьоріи, Коллегіи VIII и Коллегіи X всѣхъ чрезвычайныхъ политическихъ преступленій, чѣмъ, конечно, ограничивалось значеніе Quarantia (*Pitti*, p. 165).

Этими фактами исчерпываются въ сущности всѣ важнѣйшія событія внутренней жизни Флоренціи въ первый гонфалоніератъ Каппони.

Переходя къ характеристикѣ внѣшней политической дѣятельности Каппони, которая обусловливалась, съ одной стороны, безграничной вѣрой его во всемогущество Габсбургскаго дома и невѣріемъ въ политическое значеніе Франціи [1]), съ другой—желаніемъ сохранить въ неприкосновенности всѣ преимущества флорентійской знати, въ рядахъ которой стоялъ онъ самъ, считаемъ нужнымъ воспроизвести въ общихъ чертахъ картину политическихъ отношеній того времени. Римскія дѣла были тогда главнымъ узловымъ центромъ, гдѣ сходились и переплетались между собою нити политическихъ отношеній не только Италіи, но и всей Европы. Плѣнъ папы, будучи уже самъ по себѣ событіемъ первостепенной важности, живо затрогивалъ интересы всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ государствъ Европы и неминуемо долженъ былъ раздѣлить ихъ на два враждебныхъ лагеря. Подчиненіе себѣ верховнаго главы католической церкви сообщало Карлу V громадную силу и вѣсъ въ глазахъ всего европейскаго общества. Съ другой стороны, чрезмѣрное усиленіе императора и униженіе папы не могло не вызвать противодѣйствія со стороны другихъ заинтересованныхъ государствъ. Такъ, Генрихъ VIII, дѣйствовавшій раньше заодно съ Карломъ V, считаетъ теперь нужнымъ вступить въ союзъ съ Франціей для освобожденія папы изъ плѣна и ослабленія императорскаго авторитета. Этотъ союзъ послужилъ началомъ образованія въ Италіи новой оборонительной лиги, въ составъ которой скоро вошли Венеція и Феррара [1]). Для Флоренціи участіе въ лигѣ, имѣвшей цѣлью ослабить значеніе императора и освободить папу изъ унизительнаго положенія, представлялось дѣломъ обоюдоострымъ, заставлявшимъ ее нѣкоторое время колебаться въ своихъ отношеніяхъ къ лигѣ. Какъ городъ искони гвельфскій и преданный католицизму, Флоренція не могла равнодушно относиться

---

[1]) Cotesta maestà con le parole mostra di non volere abbandonar le cose d' Italia, e di far grandi preparazioni. D'altra parte i fatti non corrispondono alle parole, e verificasi anche in questo il detto: spiritus quidem promptus est, caro autem infirma. *Lettera di Niccolo Capponi*, въ сборникѣ документовъ *Assedio di Firenze*, ed. Albèri, p. 229. *Pitti*, Ist. Fior., p. 146.

[1]) *Guicciardini*, Delle Istor. d' Italia, v. VII, l. XVIII, p.p. 62—78; *Varchi*, v. I, p. 237. Съ плѣномъ папы, лига, образованная въ 1526 г., пришла въ упадокъ.

къ униженію враждебнымъ ей императоромъ главы католической церкви; но въ то же время при видѣ бѣдствій, которыя претерпѣвалъ ея заклятый врагъ Климентъ VII, какъ Медичи, республика испытывала нѣчто въ родѣ чувства удовлетворенія личной мести. Однако, надо было выбирать одно изъ двухъ: имперію или лигу, такъ какъ третьяго выбора не было, и большинство флорентійцевъ, понимая, что, принявъ сторону Карла V, они еще болѣе усилили бы своего древняго врага—императора и тѣмъ самымъ возбудили бы противъ себя своихъ исконныхъ друзей Францію и Венецію, которыми надо было очень дорожить, стало склоняться на сторону лиги, участіе въ которой еще не дѣлало ихъ солидарными съ Климентомъ, какъ Медичи. Еще 27 мая въ Совѣтѣ 80 происходили шумные дебаты о томъ, держаться ли союза съ имперіей, или съ лигой? Каппони, искусно доказывавшій необходимость союза съ Карломъ V, встрѣтилъ въ лицѣ Т. Содерини яраго противника этого союза. На сторонѣ Содерини оказалось общественное мнѣніе, и 22 іюня 1527 г., несмотря на всѣ противодѣйствія Каппони, договоръ съ лигой былъ подписанъ [1]); къ арміи лиги, направлявшейся на югъ подъ начальствомъ генерала Лотрека, флорентійцы присоединили свои Черные Банды [2]). Армія лиги, содержавшаяся исключительно на средства итальянскихъ лигеровъ и не поддерживаемая Франциском I, дѣйствовала вяло и приходила въ постепенный упадокъ [3]). Положеніе же римскаго первосвященника, уже долгое время томившагося въ плѣну и потерявшаго всякую вѣру въ помощь лиги и Франциска I, становилось настолько печальнымъ, что папа принужденъ былъ вступить въ личные переговоры съ непріятелемъ относительно своего освобожденія [4]). Имперскіе генералы, испытывавшіе сильный недостатокъ въ

---

[1]) *Varchi*, v. I, p.p. 148—157.

[2]) *Nardi*, v. II, p. 137; *Varchi*, v. I, p.p. 201—202; *Guicciardini*, Delle Ist. d' It., v. VII, p. 82.

[3]) *Guicciardini*, Delle Ist. d' Italia, v. VII, p.p. 100—101; 116—129; 134—138; *Varchi*, v. I, p. 263.

[4]) Cum enim tot jam menses tantam acerbitatem una cum venerabilibus Fratribus nostris perpessi, nullum malis nostris finem, aut alterius liberationis spem propìnquam, parteque alia nostrarum rerum omnium, praecipueque divini honoris et religionis excidium et ruinam cerneremus; nec singulare tuum studium ac voluntas ad nos vi liberandos proficere posse viderentur, quin in dies magis res nostra deteriores et condiciones acerbiores fierent, descendimus necessario ad eas condiciones, quas a nobis illa cui jam obsisti nullo pacto poterat necessitas extorsit. Lettera di Clemente VII a Francesco Primo (*Documenti di Storia Italiana*, v. I; № CLVI, p. 280).

деньгахъ, необходимыхъ имъ для уплаты жалованья войску, рѣшили воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ папы, и въ предложенныхъ ему условіяхъ выкупа обнаружили неслыханную алчность: Климентъ VII не могъ купить себѣ свободы дешевле $358153^1/_2$ скуди, уплата коихъ была раздѣлена на 5 сроковъ, въ теченіе почти 4-хъ мѣсяцевъ [1]).

Несмотря на тяжесть условій, 26 ноября 1527 г. между папой и генералами состоялось соглашеніе, и Климентъ VII простился на бумагѣ съ огромнымъ состояніемъ [2]). Но возбудивъ алчность испанцевъ и ослабивъ этимъ договоромъ бдительность своихъ караульщиковъ, „Его Святѣйшество“ предпочелъ искать болѣе дешевыя средства для освобожденія своей особы отъ неудобствъ продолжительнаго плѣна. Въ глухую ночь, съ 7 на 8 декабря, папа, перемѣнивъ свои облаченія на платье простого торговца, бѣжалъ изъ Рима въ Орвіето, куда и прибылъ 10 декабря, безъ особыхъ приключеній [3]). Оторопѣвшіе и обманутые въ своихъ ожиданіяхъ испанцы не преслѣдовали, однако, папу, а бросились грабить предоставленное на произволъ судьбы населеніе города Рима съ свойственною имъ кровожадностью.

Освобожденіе папы изъ плѣна посредствомъ бѣгства служило толчкомъ къ образованію новыхъ политическихъ отношеній въ Европѣ и къ новымъ осложненіямъ флорентійской политики. Климентъ VII, убѣдившись цѣною горькаго опыта въ полной несостоятельности своего союза съ Франціей и въ важности соглашенія съ императоромъ, всячески стремится теперь примириться съ послѣднимъ. Съ своей стороны и Карлъ V не прочь былъ подать руку папѣ, сознавая, что дальнѣйшее самоволіе, допущенное имъ въ распоряженіи особой Его Святѣйшества не могло бы пройти для него безнаказанно, а содѣйствіе, на которое онъ могъ разсчитывать со стороны папы въ случаѣ примиренія съ нимъ, было бы далеко не безполезно для его итальянскихъ дѣлъ. Результатомъ этихъ соображеній было начало пе-

---

[1]) Capitoli per la liberazione di Clemente VII, convenuti fra esso e i capitani dell' armata di Carlo V, 26 Novembre 1527 (*Documenti di Storia Italiana*, v. I, № CLIV, p.p. 273—278)

[2]) Ibidem.

[3]) *Guicciardini*, Delle Ist. d' Italia, v. VII, p.p. 98—99; *Varchi*, v. I, p. 261; *Pitti*, Ist. Fior., p. 149.

реговоровъ между папой и императоромъ [1]). Что касается французскаго короля, то и онъ стоялъ на пути къ примиренію съ императоромъ. Утомленный продолжительной и безуспѣшной борьбой съ Карломъ V изъ за Италіи, напоминавшею шахматный турниръ, въ которомъ двумъ игрокамъ—монархамъ принадлежала активная роль рѣшителей судебъ страны, тогда какъ составныя ея части являлись въ рукахъ игроковъ болѣе или менѣе пассивными фигурами, различавшимися между собою по своему относительному значенію. Францискъ, хотя и продолжалъ обнадеживать своихъ итальянскихъ друзей въ помощи и даже принялъ нѣкоторое участіе въ лигѣ для освобожденія папы, однако, замѣтно охладѣвалъ къ дѣламъ полуострова, обращая главное вниманіе на средства возвратить своихъ сыновей изъ Мадрида, гдѣ они находились въ качествѣ заложниковъ со времени освобожденія короля изъ плѣна [2]). Такимъ образомъ, интересы трехъ величайшихъ государей Европы, изъ которыхъ двумъ пришлось раньше побывать въ плѣну у третьяго, настолько теперь сближались между собой, что примиреніе между соперниками являлось лишь вопросомъ очень не долгаго времени. Что Флоренція могла ожидать отъ этого примиренія? Она этого еще не знала и не могла знать, такъ какъ до послѣдняго дня была ослѣплена вѣрою во Францію, которая, какъ оказалось послѣ, измѣнически покинула ее въ рѣшительную минуту.

Слухи о переговорахъ между Климентомъ VII и Карломъ V заставляли флорентійцевъ опасаться возможности соединенія двухъ сильныхъ враговъ противъ свободы республики. Совѣтъ 80 былъ центромъ, гдѣ высказывались и сталкивались противорѣчивыя политическія мнѣнія гражданъ. Меньшинство, съ Каппони во главѣ, настаивало на отправленіи пословъ къ императору съ цѣлью предупредить соглашеніе между папой и Карломъ V, могущее имѣть для Флоренціи гибельные результаты. Т. Содерини, А. Строцци и Б. Кардуччи, стоявшіе во главѣ большинства, каждой рѣчи Каппони про-

---

[1]) *Guicciardini*, Delle istorie d' Italia, v. VII, p.p. 97, 113, 114; *Varchi*, v. I, p.p. 259—261, 315.

[2]) Per conseguire... il desiderio extremo che ha di recuperare i suoi figluoli. *Relationi della Pratica* (consulte e pratiche, 74). Classe II, dist. V, f° 52. *Неизданные документы*, списанные съ оригиналовъ, хранящихся въ Archivio di Firenze, проф. И. В. Лучицкимъ и предоставленные имъ въ наше пользованіе.

тивоставляли другую, гдѣ доказывалась неблаговидность договора съ Карломъ V послѣ заключенія союза съ враждебной императору лигой. Оппозиціи удалось помѣшать отправленію пословъ, которые, однако, по настоянію Каппони уже были избраны. Въ обществѣ стали распространяться слухи о тайныхъ отношеніяхъ между гонфалоніеромъ и папой, и мало по малу утверждалось мнѣніе, что Каппони, подъ видомъ желанія смягчить Климента и примириться съ императоромъ, стремится довести народъ до крайности, поставить его во враждебное отношеніе къ лигѣ и Франціи и, не заручившись помощью со стороны императора, заставить республику вновь подчиняться папѣ, а слѣдовательно и Медичи [1]). Подъ вліяніемъ этихъ подозрѣній, а особенно слуховъ о сношеніяхъ Каппони съ папой, было запрещено гонфалоніеру безъ участія Пратики вступать въ какія бы то ни было сношенія съ иностранными державами [2]). Мало того: подъ предлогомъ охраны дворца Синьоріи, надъ Каппони былъ поставленъ караулъ изъ вооруженныхъ выборныхъ гражданъ подъ начальствомъ одного изъ членовъ Коллегіи XII [3]). До такой степени народъ опасался возможности переговоровъ съ ненавистнымъ папою! А ненависть къ папѣ все увеличивалась и находила выраженіе въ такихъ, напримѣръ, фактахъ: однажды утромъ толпа юношей ворвалась въ церковь „della Nunziata“ и съ возгласомъ: „что нужно здѣсь этимъ папамъ?“ сбросила и разбила въ дребезги стоявшія тамъ статуи Льва X и Климента VII; то же было сдѣлано и въ другихъ церквахъ, причемъ магистраты не только не воспротивились такого рода поступкамъ, но вскорѣ и Коллегія VIII отдала приказъ снять гербы Медичи со всѣхъ городскихъ и загородныхъ зданій [4]). Кромѣ того, племянницу Климента VII, Екатерину Медичи, потомъ королеву Франціи, флорентійцы заточили въ монастырь Мурате [5]). Все это въ совокупности ожесточало папу противъ его согражданъ и возбуждало въ немъ чувство мести, особенно послѣ его неудачныхъ попытокъ уладить мирнымъ образомъ дѣло со своими согражданами, имѣвшихъ

---

[1]) *Varchi*, v. I, p.p. 238, 262, 263, 264.

[2]) *Varchi*, v. I, p. 386.

[3]) *Varchi*, v. I, p. 264; *Nerli*, v. II, p. 58; *Nardi*, v. II, p. 138.

[4]) *Varchi*, v. I, p p. 256—258; *Nerli*, v. II, p.p. 56—57; *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 148—149.

[5]) *Nardi*, v. II, p.p. 196—197; *Varchi*, v. I, p.p. 343—344.

мѣсто въ началѣ 1528 г.: такъ, одинъ изъ пословъ папы вовсе не былъ принятъ флорентійцами, а другой получилъ отвѣтъ, что ни папа флорентійцамъ, ни флорентійцы папѣ ничѣмъ не могутъ быть полезны [1]).

При такихъ обстоятельствахъ оканчивался годичный срокъ службы Каппони и приближалось время новыхъ выборовъ. Каппони ясно видѣлъ, насколько подорванъ его кредитъ въ обществѣ, и тѣмъ не менѣе не хотѣлъ отказаться отъ попытки вторично сдѣлаться гонфалоніеромъ съ тѣмъ, чтобы продолжать свою политику въ прежнемъ направленіи. Чтобы вернуть себѣ утраченную популярность, Каппони прибѣгъ къ слѣдующему оригинальному средству, разсчитанному на впечатлительность народа: онъ провозгласилъ Іисуса Христа королемъ Флоренціи, желая показать этимъ, что никакого иного владыки надъ Флоренціей, кромѣ Христа, онъ не признаетъ и что въ примѣрѣ великаго Учителя онъ видитъ санкцію для своихъ мѣръ, направленныхъ къ объединенію партій, подъему нравственности и сохраненію мира. Въ залѣ Верховнаго Совѣта возлѣ извѣстной надписи Савонаролы, Каппони велѣлъ прибить двѣ мраморныя таблицы, гдѣ было написано: Jesus Christus rex Florentini populi S. P. decreto electus [2]).

Мѣра эта, несмотря на ироническія замѣчанія, вызванныя ею со стороны демократовъ, имѣла полный успѣхъ: оппозиція противъ Каппони утратила свой острый характеръ, число его сторонниковъ возросло, радикалы потерпѣли ущербъ въ своей популярности, и при новыхъ выборахъ на постъ гонфалоніера, происходившихъ въ концѣ іюня 1528 г., большинство голосовъ снова оказалось на сторонѣ Каппони [3])...

---

[1]) «il papa ha fatto in modo, che noi non potemo aiutar lui, nè egli noi». *Varchi*, v. I, p.p. 267—268.

[2]) *Segni*, Ist. Fior., p. 46; текстъ этой надписи варіируется у *Segni*, Vita di N. Capponi, p. 273, и у *Varchi*, v. I, p. 267; *Pitti* (Ist. Fior., p. 152) по поводу избранія І. Христа иронически замѣчаетъ: e fabbricò sopra la porta del Palagio le insegne e nome di Cristo, come Re particolare del popolo F.: propostolo però e vinto prima, con qualque voto contrario, nel Consiglio Maggiore. Ed altre cose molte secondo quella doctrina ogni di ordinava, con lodi non poche dei divoti del Frate; quantunque non vi mancassero sottilissimi interpreti:—che il gonfaloniere avesse proposto a' Fiorentini cotanto re dell' universo Rettore, non per circoscriverlo, ma per conseguire al governo della republica il suo vicariato.

[3]) *Varchi*, v. I, p.p. 319—320; *Nerli*, v. II, p.p. 60—64; *Patti*, Ist. Fior., p.p. 152—153.

Если въ первый годъ своего гонфалоніерата Каппони имѣлъ значительное число сторонниковъ во всѣхъ слояхъ флорентійскаго общества, благодаря умѣренному характеру своей политики, то во второй годъ, рѣшившись во что бы то ни стало добиться примиренія съ папой, хотя бы путемъ нарушенія государственныхъ законовъ, онъ долженъ былъ не только лишиться всякой опоры въ общественномъ мнѣніи, но и подвергнуться формальному осужденію.

Съ 8 декабря 1527 г. до первыхъ чиселъ октября 1528 г.[1]), т. е. около 10 мѣсяцевъ, Климентъ VII велъ скитальческую жизнь, пока опредѣлившіяся между нимъ и германскимъ императоромъ отношенія не позволили ему возвратиться въ Римъ. Въ теченіе всего этого времени, до возвращенія въ Римъ, онъ ни на минуту не терялъ изъ виду положенія дѣлъ республики и дѣятельно велъ секретныя сношенія съ своими приверженцами во Флоренціи, надѣясь при ихъ содѣйствіи усилить въ городѣ распри, которыя облегчили бы путь къ возстановленію въ республикѣ господства Медичи. Письменно и устно папа расточалъ похвалы оптиматамъ за ихъ умѣнье приладиться къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ народное возстаніе въ 1527 г., и поощрялъ аристократическую партію въ тайномъ стремленіи ея возстановить прежній режимъ, одинаково выгодный какъ для папы, такъ и для его сторонниковъ во Флоренціи. При этомъ Климентъ прибавлялъ, что переворотъ 16-го мая допущенъ Богомъ для общей пользы: скандалъ этотъ (quello scandalo) уяснилъ папѣ многія ошибки, совершенныя его министрами при старомъ режимѣ, и просвѣтилъ разумъ Его Святѣйшества относительно того, какъ должно дѣйствовать въ будущемъ для удовлетворенія интересовъ „его дорогихъ согражданъ“ [2]). Рѣчи эти оказывали свое воздѣйствіе на флорентійскій нобилитетъ, возбуждая въ немъ желаніе произвести переворотъ въ пользу стараго порядка, и встрѣчали со стороны гонфалоніера благосклонное вниманіе [2]). Мало по

---

[1]) *Varchi*, v. II, p. 353.

[2]) Con più segreti consigli e pratiche intratteneva i suoi fautori a Firenze, lodandoli di somma prudenza, per essersi saputi, in quel tumulto popolare, accomodare a' tempi, riserbandosi alle occasione che verranno, per giovare e a loro ed a lui reintegrandosi nello stato primiero, asservando, che quello scandalo era stato permesso da Dio per benefizio comune: conciossiachè egli avesse ben compreso molti errori fatti da suoi ministri in quel governo, e perciò illuminato come per l'avvenire procedere convenisse ottimamente con li suoi cari cittadini. *Pitti*, Ist. Fior., p. 150.

[3]) *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 150—151.

малу образовался интимный кружокъ сторонниковъ Климента VII во Флоренціи, собиравшихся по ночамъ другъ у друга, яко бы на правахъ родства и близкаго знакомства, на самомъ же дѣлѣ для обсужденія различныхъ предложеній папы и совмѣстныхъ дѣйствій въ духѣ папскихъ и собственныхъ интересовъ. Н. Каппони, Ф. Веттори, Ф. Гвиччардини и М. Строцци были главными членами этого кружка, дѣйствовавшаго съ величайшею осторожностью изъ опасенія возбудить подозрѣнія со стороны вождей оппозиціонной партіи въ предательствѣ [1]). То было ядро папскаго вліянія во Флоренціи, изъ котораго Климентъ VII надѣялся скоро вырастить свое неограниченное господство надъ республикой. По возвращеніи въ Римъ папа, при посредствѣ римскихъ негоціантовъ, обращается къ флорентійцамъ съ заявленіемъ, что, будучи весь проникнутъ чувствомъ нѣжной привязанности и любви къ своей отчизнѣ, онъ ничего отъ нея не желаетъ больше, кромѣ признанія его своимъ папой и возстановленія во Флоренціи его родственниковъ съ ихъ имуществомъ и правами. Сторонники Климента, въ томъ числѣ и Каппони, ухватились за это заявленіе и, съ свойственнымъ имъ лицемѣріемъ, стали толковать въ правительственныхъ сферахъ, что для избѣжанія угрожающей государству гибели странно было бы отказывать папѣ въ такихъ ничтожныхъ съ его стороны требованіяхъ (quelle cose minime ch'ei chiedeva)! [2]) Но представители демократической партіи, внимательно слѣдившіе за поведеніемъ оптиматовъ и прекрасно понимавшіе ихъ тайные планы, встрѣтили это предложеніе съ страшнымъ негодованіемъ. Въ отвѣтъ на всѣ доводы оптиматовъ въ пользу примиренія съ папой, Балдассаре Кардуччи говорилъ между прочимъ: „разыскивая для своихъ цѣлей среди васъ дурныхъ гражданъ, папа, вѣроятно, никогда не предполагалъ найти ихъ столь дурными, какими нашелъ!... Неужели не свѣжо въ памяти преданіе о печальномъ примѣрѣ возвращенія Медичи въ 1512 г.?... О, ужасъ! волосы становятся дыбомъ и кровь стынетъ въ жилахъ при одной мысли о всякомъ возвращеніи Медичи!“ [4]).

---

[1]) *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 145, 153.

[2]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 154.

[3]) Gelosi di quella libertà... comminciarono ad osservare sottilmente i modi e li progressi del gonfaloniere. *Pitti*, Ist. Fior., p. 144.

[4]) quandochè ricercandovi, per fare i fatti suoi, d'una mano di cattivi cittadini, ve li ha ritrovati peggiori ch' ei non avrebbe stimato giammai... Aimè! non è men fresco che doloroso

Несмотря на такой энергическій протестъ со стороны важнѣйшихъ демократовъ противъ соглашенія съ папой, Каппони не только не прекращалъ сношеній съ Климентомъ VII, но даже рѣшился наиболѣе опасныхъ противниковъ своей политики подъ различными предлогами удалить изъ Флоренціи. Такъ, напр., Б. Кардуччи, назначенный противъ желанія посломъ въ Парижъ, долженъ былъ оставить городъ, такъ какъ отказъ отъ назначенія безъ особыхъ уважительныхъ причинъ, разсмотрѣніе которыхъ поручалось Синьоріи, угрожалъ ему огромнымъ денежнымъ штрафомъ [1]). Но и удаленіе такихъ лицъ, какъ Б. Кардуччи, не успокоило Каппони. Дворцовая гвардія, предназначенная для тайнаго надзора за дѣйствіями гонфалоніера, служила предметомъ сильныхъ опасеній для Каппонни на счетъ личной безопасности. Чтобы парализовать возможныя со стороны гвардіи насилія, по иниціативѣ гонфалоніера, 6-го ноября 1528 г. былъ изданъ законъ о возстановленіи гражданской милиціи, существовавшей до 1512 г. Мѣра эта должна была отнять отъ радикальной партіи исключительное право ношенія оружія и предоставить это право въ равной степени и членамъ партіи Каппони [2]). Свой законопроектъ гонфалоніеръ мотивировалъ желаніемъ дать народу средство защищать, въ случаѣ надобности, свободу съ оружіемъ въ рукахъ. Законъ предписывалъ всѣмъ податнымъ гражданамъ, какъ „beneficiati“, такъ и „non beneficiati“, въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ, отбываніе воинской повинности по гонфалонамъ, подъ начальствомъ членовъ Коллегіи XII и Коллегіи XVI. Высшее управленіе флорентійской милиціей поручено было новому магистрату—*Коллегіи IX* (i Nove della Milizia) [3]). Нѣсколько позже изданія этого закона главное начальство надъ милиціей, численность которой простиралась отъ 3000 до 4000 человѣкъ [4]), возложено было на присланнаго Франциском I кондоттьера Стефано Колонна [5]). Установленіе милиціи встрѣтило сильное негодованіе со стороны демократовъ, утверждав-

---

esempio della tornata loro nel 1512... Aimè! i capelli mi s'arricciano, il sangue mi s'agghiada, nel risguardare d'ogni torno. *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 155—156.

[1]) *Nardi*, v. II, p. 141; *Pitti*, Ist. Fior., p. 166.

[2]) *Varchi*, v. I, p.p. 357—358; *Segni*, Vita di N. C., p.p. 286—287.

[3]) *Provvisione della Milizia e Ordinanza del Pop. Fior.*, Archiv. St. It., t. I, p. p. 396—398.

[4]) *Nardi*, v. II, p. 138; *Varchi*, v. I, p. 382; *Segni*, Vita di N. C., p. 290.

[5]) *Nardi*, v. II, p. 138; *Varchi*, v. II, p. 102.

шихъ, что мѣра эта можетъ служить гонфалоніеру средствомъ для возстановленія тираніи Медичи во Флоренціи, но никакъ не для защиты народныхъ правъ. Якопо Аламанни, одинъ изъ крайнихъ приверженцевъ демократіи, пытался возбудить народъ противъ созданія милиціи краснорѣчивымъ для флорентійца возгласомъ: „popolo, popolo, libertà!“ Однако, онъ сейчасъ же былъ арестованъ и чрезвычайнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни; приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ тотъ же день, и голова Аламанни была выставлена народу напоказъ. Вожди радикальной партіи, несмотря на всѣ свои усилія, не могли спасти товарища отъ казни, что́ до извѣстной степени ослабило ихъ популярность, усиливъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсъ правительственной партіи [1]). Мотивы, которыми руководился Каппони при изданіи закона о милиціи, и обстоятельства, сопровождавшія проведеніе этого закона, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, насколько рѣзокъ былъ характеръ политической дѣятельности Каппони второго года и насколько узокъ былъ его политическій взглядъ вообще, видѣвшій въ народномъ ополченіи лишь средство обезпечить себя отъ дѣйствій враждебной партіи. Но фактъ установленія милиціи, хотя и возникъ въ силу постороннихъ соображеній, долженъ былъ имѣть впослѣдствіи важное военное значеніе, такъ какъ граждане съ этихъ поръ образуютъ постоянное, дисциплинированное и всегда готовое къ защитѣ ополченіе.

Учрежденіе гражданской милиціи, какъ гарантіи личности и политики Каппони противъ враждебной ему партіи, казнь юнаго энтузіаста Якопо Аламанни, дѣятельно протестовавшаго противъ этой недемократической мѣры, и, наконецъ, продолженіе тайныхъ сношеній Каппони съ Климентомъ VII,—являлись такими фактами, которые не могли не усилить оппозиціоннаго движенія общества противъ правительственной партіи. Появленіе политическихъ памфлетовъ, осуждавшихъ дѣйствія гонфалоніера, и образованіе оппозиціонныхъ клубовъ являлись естественными результатами крутой политики Каппони и служили отвѣтомъ общества на дѣйствія гонфалоніера, не согласовавшіяся съ желаніями большинства гражданъ. Особенно интересна въ этомъ отношеніи дѣятельность молодого флорентійскаго ученаго

---

[1]) *Nardi*, v. II, p. 140; *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 160—161; *Varchi*, v. I, p.p. 357—361; *Segni*, Vita di N. C., p.p. 288—289; *Nerli*, v. II, p.p. 65—73.

Пьерфилиппо Пандольфини, отличавшагося большими познаніями въ области греческой и римской литературы, преданностью свободнымъ демократическимъ учрежденіямъ, глубокою ненавистью къ Медичи, какъ олицетворенію тиранніи, пылкимъ краснорѣчіемъ и безпощаднымъ остроуміемъ [1]). Даровитый ученый, съ свойственною ему живостью, написалъ трактатъ, подъ названіемъ „Разсужденіе о качествахъ, необходимыхъ для гонфалоніера", имѣвшій характеръ политическаго памфлета. Въ этой брошюрѣ, напечатанной въ Сіенѣ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, которые разбрасывались потомъ по улицамъ Флоренціи, авторъ осуждалъ не только приверженцевъ Медичи, но и всѣхъ тѣхъ, кто не былъ противъ нихъ. Указывая на плоды прежняго рабства и на прелесть (la dolcezza) свободы, Пандольфини порицалъ дѣйствія Каппони и убѣждалъ общество избрать гонфалоніеромъ такого человѣка, который бы ненавидѣлъ тирановъ, умѣлъ управлять народомъ, упрочивалъ законы, наказывалъ враговъ конституціи, защищалъ честныхъ гражданъ, и мысли котораго исключительно были бы направлены къ интересамъ общественнаго блага. При этомъ указывалось на Балдассаре Кардуччи, какъ на лицо, наиболѣе достойное и подходящее къ занятію поста гонфалоніера. Книга Пандольфини имѣла полный успѣхъ со стороны общества и съ жадностью перечитывалась, но не долго: Каппони налагаетъ запретъ на эту книгу, какъ опасную для государственнаго порядка, и устанавливаетъ штрафъ на каждаго, у кого найдено было бы сочиненіе Пандольфини. Этими стѣсненіями свободы слова Каппони ничего не достигаетъ, кромѣ еще большаго возбужденія общественнаго мнѣнія противъ себя и своей политики [2]).

Другимъ характернымъ фактомъ, иллюстрирующимъ отношенія партій и политику Каппони, служитъ учрежденіе флорентійскою молодежью клуба „Вѣрныхъ" (La compagnia de' Fedeli). Въ составъ этого клуба входили самые здоровые элементы общества, именно небогатые, образованные молодые люди, хорошаго поведенія, ненавистные гонфалоніеру и его партіи энтузіасты флорентійской демократіи. Согласно уставу клуба, члены его еженедѣльно должны были собираться вмѣстѣ для незатѣйливыхъ обѣдовъ, служившихъ сред-

---

[1]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 168.
[2]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 172; *Varchi*, v. I, p. 318.

ствомъ для духовнаго единенія Вѣрныхъ. Задачей этого клуба было вліять на молодежь, приписанную къ милиціи, въ духѣ преданности интересамъ народной свободы, и не позволять милиціонерамъ служить орудіемъ политики Каппони. Съ этою цѣлью Вѣрные устраивали публичныя собранія въ главныхъ церквахъ каждаго изъ четырехъ кварталовъ города и въ произносимыхъ тамъ рѣчахъ открыто обсуждали общественные вопросы. Наиболѣе дѣятельными и видными членами клуба были: Пьерфилиппо Пандольфини, Джіованни Рингіадори, Батиста дель Бене и др. [1]). Разумѣется, для Каппони и его единомышленниковъ дѣятельность Вѣрныхъ была крайне нежелательна, и правящая партія не прочь была возбудить политическій процессъ противъ главныхъ дѣятелей клуба, по обвиненію ихъ Коллегіей VIII въ нелегальныхъ сходкахъ и мятежномъ направленіи противъ существующаго порядка [2]). Но такъ какъ при слѣдствіи не оказалось никакихъ сколько-нибудь основательныхъ уликъ противъ призванныхъ къ отвѣту, такъ какъ Пандольфини, Рингіадори и дель Бене, обстоятельно охарактеризовавъ задачи и дѣятельность своего клуба, доказали, что не врагами государственнаго порядка являются они, а самыми ревностными защитниками, и такъ какъ при допросѣ обнаружено было, что въ числѣ членовъ клуба состоятъ братъ и сынъ Каппони. то во избѣжаніе скандала, грозившаго правительству возбужденіемъ этого процесса, всѣхъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Пандольфини, личности крайне непріятной гонфалоніеру, отпустили[3]). Литературная и политическая дѣятельность Пандольфини, казавшаяся Каппони чрезвычайно опасною для выполненія имъ своихъ задачъ, побудила правительство начать противъ этого ученаго особый процессъ. За отсутсвіемъ данныхъ мы не знаемъ, чѣмъ окончился этотъ процессъ, но не можемъ удержаться отъ того, чтобы не привести здѣсь же отрывка того обвинительнаго акта, который былъ составленъ Коллегіей VIII противъ Пандольфини и копію котораго находимъ у цитируемаго нами историка Питти [4]): „Пьерфилиппо Пандольфини, котораго вы имѣете предъ собою, какъ главу извѣстнаго сообщества Fedeli,—говорилось въ обвинительной рѣчи,—самый безпокойный, злонамѣренный и мя-

---

[1]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 168; *Varchi*, v. I, p. 384.
[2]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 169.
[3]) *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 169—170.
[4]) *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 170—172.

тежный человѣкъ въ этомъ городѣ. Своею порочностью, хитростью и подстрекательствомъ, подъ видомъ благихъ намѣреній, онъ увлекъ въ названное сообщество многихъ благородныхъ юношей, не вѣдавшихъ о его преступности и злокозненности. Различными средствами онъ заискиваетъ расположенія у этихъ юношей, чтобы потомъ, когда сочтетъ удобнымъ, ввести ихъ въ свои преступные замыслы. Никогда и ни о чемъ иномъ онъ не помышлялъ, какъ только о злодѣяніяхъ [1]), и подъ предлогомъ единенія въ интересахъ защиты свободы и существующаго порядка, ничего иного онъ не имѣлъ въ виду, кромѣ смущенія и возбужденія умовъ, чтобы учинять безпорядки и бунты и, среди нихъ, грабить дома гражданъ для обогащенія себя и своихъ соумышленниковъ; словомъ, это такой человѣкъ, который никогда не можетъ подчиниться общественнымъ установленіямъ. Пьерфилиппо тароватъ кричать съ каѳедры противъ тирана и взывать къ сохраненію свободы; но поступки его противорѣчатъ словамъ. Развѣ созываніе этихъ сходокъ и противузаконное обсужденіе общественныхъ дѣлъ въ тайныхъ мѣстахъ не есть величайшая тиранія? Развѣ нежеланіе подчиняться постановленіямъ магистратовъ и публичное поношеніе ихъ—не та же тиранія? И какой поступокъ можетъ быть названъ болѣе тираническимъ, какъ недозволительное описаніе имъ въ своемъ сочиненіи общественныхъ дѣлъ?“ Кажется, достаточно приведеннаго отрывка обличительной рѣчи, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о нелицепріятіи судей этого ученаго. Пандольфини, говоритъ Питти, съ замѣчательнымъ остроуміемъ отклонялъ отъ себя всѣ взводимыя на него обвиненія, обращая ихъ на самихъ обвинителей и замѣчая, между прочимъ, что не наказаніями платятъ людямъ, трактующимъ въ своихъ сочиненіяхъ общественные вопросы, а наградами, и что только тиранамъ свойственно преслѣдовать свободомыслящихъ писателей [2]).

Предвидя возможность войны съ папой, военные магистраты, подъ вліяніемъ демократической партіи, предприняли рядъ мѣръ для организаціи наемной арміи, которая охраняла бы подвластную республикѣ территорію отъ возможныхъ вторженій со стороны непріятельскихъ войскъ. Съ этою цѣлью, назначенный главноуправляющимъ военныхъ

---

[1]) Egli non ha mai pensato altro che cattivi effetti, *ibidem*, p. 170.

[2]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 172.

дѣлъ Флоренціи (commessario di tutte le genti fiorent.) Рафаэлло Джиролами былъ командированъ въ пограничные города Ареццо и Картону для вербовки солдатъ [1]). Нанято было на флорентійскую службу нѣсколько кондоттьеровъ, въ томъ числѣ и сынъ Альфонса д'Эсте, герцога Феррарскаго, донъ Эрколе, который, впрочемъ, нѣсколько позже отказался отъ найма [2]); его замѣнилъ Малатеста Балльони, подданный Церкви, находившійся до того времени на папской службѣ [3]). Кромѣ того, начатъ былъ рядъ фортификаціонныхъ сооруженій, завѣдываніе которыми возложено было на Микель Анджело Буонарроти, предложившаго свой геній къ услугамъ родного города, въ трудныя для него времена. Для успѣшнаго хода работъ многія зданія Флоренціи подвергались полному уничтоженію или же разбирались, какъ матеріалъ, на городскія укрѣпленія, причемъ владѣльцы этихъ зданій, такъ же какъ и земель, на которыхъ воздвигались бастіоны, считались кредиторами государства и получала по 5% въ годъ, согласно оцѣнкѣ отчужденнаго имущества, произведенной Коллегіей IX и утвержденной Синьоріей и Коллегіей XVI [4]).

Но въ то время, какъ вниманіе флорентійцевъ было поглощено приготовленіями къ войнѣ, Каппони думалъ только о томъ, какъ бы избѣжать ея, и съ этой цѣлью продолжалъ вести тайные переговоры съ Климентомъ VII [5]) при посредствѣ своего друга Якопо Сальвіати, находившагося тогда въ Римѣ [6]). Хотя переписка между Каппони и Сальвіати скрывалась въ строгой тайнѣ, сношенія эти были извѣстны многимъ гражданамъ, которымъ для обвиненія гонфалоніера въ предательствѣ не доставало только прямыхъ уликъ. Переписка эта продолжалась до 15-го апрѣля 1529 г., когда въ числѣ членовъ Синьоріи оказался одинъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ представителей

---

[1]) *Varchi*, v. I, p.p. 389—390.

[2]) *Documenti di Storia Italiana*, v. II, № CCXXXIX, p.p. 117—118; *Varchi*, v. I, p.p. 361—364; *Segni*, Vita di N. C., p. 299.

[3]) *Varchi*, v. I, p.p. 390—392.

[4]) *Varchi*, v. I, p. 389; *Nardi*, v. II, p. 141.

[5]) Per tener fermo il papa, che non avesse causa, per necessità di aderire alle cose imperiali, alle quali se egli aderisse darebbe loro tanto animo e favore ch' io ci vedrei poco riparo Perchè avendo gl' imperiali a devozione loro Siena e Genova, aggiungendosi il favore del papa, o saranno di subito vittoriosi, o noi ci avremo a difendere con tanta spesa che presto ci stracche-ranno, facendo loro la guerra con manco danari che non facciamo noi. «*Assedio di Firenze*», ed. Albèri, Let. di N. Cap. p. 229.

[6]) *Nerli*, v. II, p.p. 64—65.

радикальной партіи, Якопо Герарди, зорко слѣдившій за каждымъ шагомъ гонфалоніера. Каппони въ то время получилъ изъ Рима шифрованное письмо, съ объясненіемъ на обратной его сторонѣ условныхъ значковъ и безъ подписи фамиліи отправителя; въ письмѣ этомъ сообщалось о переговорахъ римскихъ друзей гонфалоніера съ папой и выражено было желаніе, чтобы Каппони тайно выслалъ своего сына Піеро въ предмѣстье г. Рима для личнаго свиданія съ повѣреннымъ Никколо, такъ какъ письменно нельзя сказать всего того, что можетъ быть сообщено въ личной бесѣдѣ [1]). Проходя черезъ залу или столовую дворца Синьоріи, Каппони нечаянно уронилъ письмо, которое было найдено синьоромъ Якопо Герарди; послѣдній поспѣшилъ снять съ него нѣсколько копій, разослалъ ихъ по городу и, въ присутствіи членовъ Синьоріи, прочиталъ письмо, заключивъ его словами: „Теперь вы сами убѣдились въ качествѣ намѣреній того человѣка, котораго вы привыкли считать за честнаго гражданина и друга свободы. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о клеветѣ: передъ нами ясное свидѣтельство измѣны. Неужели же послѣ этого мы будемъ медлить съ принятіемъ мѣръ для предотвращенія ея?“ Вѣсть объ открытіи компрометирующаго письма съ быстротою молніи разнеслась по городу и привела народъ въ неописываемое волненіе. Раздавались крики: „это явное предательство!“ (questo esser tradimento manifesto). Толпа вооруженныхъ гражданъ, съ Данте Кастильоне во главѣ, ворвалась въ залу Синьоріи и требовала, чтобы Каппони, находившійся тогда въ своей камерѣ, былъ выброшенъ изъ окна. Нѣкоторые изъ синьоровъ, расположенные къ гонфалоніеру, удалились изъ залы, чѣмъ нарушили необходимое для смертнаго приговора количество голосовъ (sei fave). Остальные рѣшили передать дѣло на разсмотрѣніе Пратики и Совѣта 80, подвергнувъ Каппони и его сына предварительному аресту. Пратика и Совѣтъ 80 постановили прежде всего лишить Каппони гонфалоніерата и немедленно приступить къ избранію новаго гонфалоніера съ тѣмъ, чтобы власть послѣдняго продолжалась въ теченіе 8 мѣсяцевъ, отъ 1 мая 1529 г. до декабря того же года

---

[1]) Письмо это дошло до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ: одну находимъ у *P. Jovius*, Hist. sui temp. l. XXVII (t. 2, p.p. 192—193); другую у *Varchi*, v. I, p.p. 395—396; третью у *Piero Bigazzi*, Miscellanea Storica (Fir. 1840), въ примѣчаніяхъ къ p. 396, v. I исторіи Варки и къ p.p. 149—150, v. II исторіи Нарди. Поименованныя редакціи письма разнятся другъ отъ друга лишь въ незначительныхъ подробностяхъ.

включительно; а уже послѣ избранія гонфалоніера предать Каппони суду всѣхъ главныхъ магистратовъ Флоренціи. Эти постановленія были утверждены Верховнымъ Совѣтомъ [1]).

Вліяніе общественнаго настроенія, обусловленнаго крайне непріязненными отношеніями большинства флорентійскаго населенія къ Каппони и его политикѣ, непосредственно сказалось на результатахъ выборовъ на постъ гонфалоніера, происходившихъ тотчасъ же послѣ низложенія Каппони. При избраніи новаго гонфалоніера прежнія голосовыя отношенія совершенно измѣнились: лица, имѣвшія въ предшествовавшіе выборы половину голосовъ, получили теперь не болѣе трети; въ числѣ шести кандидатовъ, получившихъ большинство голосовъ въ первую баллотировку настоящихъ выборовъ, явились совершенно новые граждане: Уберто де'Нобили, Сколаіо Спини, Рафаэлло Джиролами, Андреуоло Никколини, Бартоло Тедальди и Франческо Кардуччи. Послѣдній былъ избранъ гонфалоніеромъ [2]). Очевидно, оппозиція одержала полную побѣду надъ правительственной партіей и должна была дать иное направленіе политикѣ государства.

Главными вождями оппозиціи, какъ говорилось раньше, являлись, по преимуществу, побили, какъ Т. Содерини, А. Строцци и др., тогда какъ прочія лица, входившія въ составъ оппозиціи и составлявшія большинство флорентійскихъ гражданъ, принадлежали къ среднимъ и низшимъ классамъ общества. Нобили, соединившіеся съ ними во имя общихъ принциповъ свободы, имѣли, между прочимъ, въ виду проведеніе при ихъ содѣйствіи своей кандидатуры на постъ гонфалоніера. Но опытъ Каппони, лучшаго представителя флорентійскаго нобилитета, служилъ вѣскимъ предостереженіемъ народу противъ избранія гонфалоніеромъ лица изъ этого сословія, и большинство склонилось къ мысли избрать гонфалоніера изъ своей среды [3]). Наиболѣе выдающеюся личностью въ рядахъ оппозиціи, личностью

---

[1]) *Varchi*, v. I, p.p. 396—400; *Pitti*, Ist. Fior,, p.p. 173—176; *Nardi*, v. II, p.p. 148—150; *Segni*, Vita di N. C., p.p. 310—316; *Nerli*, v. II, p p. 74—77.

[2]) *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 176—177; *Nardi*, v. II, p. 151; *Varchi*, v. I, p. 400; *Nerli*, v. II, p. 78.

[3]) non avendo auto in quell' elezione (т. е. Ф. Кардуччи) favore alcuno Tom. Soderini, uè Alfonso Strozzi, nè alcuno cittadino di più pregio. Perchè il popolo, inospettito delle contese de' grandi, si ridusse allora e nel tempo futuro a eleggere per li magistrati cittadini mediocri, o manco. *Segni*, Ist. Fior., p. 93.

лучше другихъ понимавшею несостоятельность политики Каппони и смѣлѣе всѣхъ выражавшею свой протестъ и ненависть по отношенію къ гонфалоніеру [1]), былъ Франческо Кардуччи, который пользовался огромною популярностью, благодаря возвышенному характеру своего ума и сердца, а также благодаря прекрасной репутаціи своего родственника Балдассаре [2]), дававшей народу основаніе относиться къ имени Кардуччи съ большимъ уваженіемъ. Принадлежа къ наиболѣе здоровой части флорентійскаго общества, именно къ средней буржуазіи [3]), которая болѣе другихъ сохранила въ себѣ духъ независимости, благодаря трудовой и умѣренной жизни, будучи по природѣ личностью необыкновенно честной, даровитой и страстной и являясь по своему образованію и опыту преимущественно человѣкомъ дѣла, а не слова [4]),—Франческо Кардуччи представлялъ существенныя черты отличія отъ характера Каппони и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединялъ необходимыя качества для того, чтобы съ твердостью и достоинствомъ управлять политическою жизнью Флоренціи въ рѣшительныя для нея минуты [5]) Тѣмъ не менѣе, избраніе Кардуччи гонфалоніеромъ было крайне неожиданно для флорентійской знати и вызвало съ ея стороны сильное раздраженіе, отразившееся на многихъ характеристикахъ этого лица, принадлежащихъ современнымъ ему хроникерамъ [6]).

---

[1]) Ristringendosi adunque Tommaso ed Alfonso Strozzi più con quelli, che manifestamente odiavano il gonfaloniere, e che in tutte le amministrazioni della republica discordavano da lui, che erano Bernardo da Castiglione e Francesco Carducci. *Segni*, Ist. Fior., p. 76.

[2]) ..... favorendolo assai la grazia universale che aveva messer Baldassare. *Pitti*, Ist. Fior., p. 177.

[3]) ...*Uomo quantunque in bassa fortuna vissuto*, che aveva in quelli due anni dato non poco saggio dell' affezione e valor suo. *Pitti*, Ist. Fior., p. 177.

[4]) *Varchi*, v. I, p. 416; v. II, p. 165.

[5]) Fu però costui reputato uomo giusto e intero. *Nardi*, v. II, p. 151.

[6]) Такія лица, какъ Нерли, Сеньи, Джіаннотти, Гвиччардини, служащія отголоскомъ того, что говорилось о Кардуччи членами аристократической партіи, совершенно отказываютъ Кардуччи въ какихъ бы то ни было достоинствахъ, видя въ немъ необузданную натуру, не подчиняющуюся въ своихъ дѣйствіяхъ никакой руководящей идеѣ. Гораздо безпристрастнѣе въ этомъ случаѣ являются Питти, Варки и Нарди. Вообще, какъ по отношеніи къ Каппони, такъ и по отношеніи къ Кардуччи источниками нашими далеко нельзя пользоваться безусловно: нужно прежде всего уяснить себѣ тотъ уголъ зрѣнія хроникера, подъ которымъ сообщенъ данный фактъ, и, такимъ образомъ, опредѣлить относительную достовѣрность послѣдняго. Вотъ, напримѣръ, что говорятъ о Кардуччи Джіаннотти и Сеньи: Successe poi F. Carducci, il quale, per farsi maggior favore, fece l'oppossito di quello che aveva fatto N. Capponi, e ritorno al modo di procedere osservato da Piero Soderini. Ma non servò in quello nè modestia, nè civiltà alcuna: e consentì che alcuni Collegi dicessero nelle pratiche cose che erano degne d' essere dette nel più vil luogo della città più tosto che nel Palagio: e venne a quello il suo ardimento, che gli bastò l'animo a con-

Оптиматы не могли примириться съ мыслью о предпочтеніи, которое сдѣлалъ народъ передъ ними человѣку бѣдному и незнатному, и сильно сожалѣли объ отставкѣ Каппони [1]).

Относительно прошлаго Кардуччи источники наши сохранили немного свѣдѣній, которыя сводятся къ слѣдующему: подобно большинству своихъ согражданъ, Кардуччи занимался торговлею; принимая участіе въ торговыхъ предпріятіяхъ средней руки, онъ пріобрѣлъ репутацію опытнаго и честнаго дѣльца, позволявшую нѣкоторымъ торговымъ домамъ довѣрять ему веденіе своихъ дѣлъ. Вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, нисколько не зависѣвшихъ отъ Кардуччи, въ двухъ случаяхъ, за отсутствіемъ необходимаго количества денегъ въ торговой компаніи, гдѣ онъ велъ дѣла, ему пришлось отказать въ уплатѣ по векселямъ, предъявленнымъ на имя данной компаніи, вслѣдствіе чего послѣдняя потеряла кредитъ [2]). Политическіе враги Кардуччи, поспѣшившіе разузнать всю предшествующую его жизнь, не преминули воспользоваться этимъ случаемъ изъ жизни гонфалоніера, чтобы злостно подшутить надъ нимъ: „Какъ бы онъ не привелъ къ банкротству и народную свободу: вѣдь она ввѣрена ему!“ [3]) замѣтилъ одинъ изъ сторонниковъ Каппони, какъ бы желая сказать этимъ, что все, довѣряемое Кардуччи имѣетъ одну судьбу—банкротство. Но знать, свысока относившаяся къ Кардуччи и считавшая его неспособнымъ къ политикѣ, забывала, что, до избранія гонфалоніеромъ, Кардуччи съ достоинствомъ занималъ рядъ высшихъ и отвѣтственныхъ должностей республики: такъ, въ ноябрѣ 1527 г. онъ былъ избранъ членомъ Синьоріи [4]); въ декабрѣ того же года—членомъ Коллегіи X [5]); въ іюнѣ 1528 г.—посломъ въ Сіену [6]).

---

sentire o adoperare che nella guerra alcune case di privati da privati fusseno arse (*Gian.*, v. I, p. 123). E per mancare di lettere e di facoltà e d' ogn' altra qualità, fuorchè d'essere stimato un popolano buono (*Segni*, Vita di N. C., p. 317).

[1]) Questa inaspettata elezione.... fu cagione che i grandi si sdegnassero, e spezialmente Tommaso e Alfonso, a' quali pareva strano, che uno il quale non era nè antico molto, nè nobile, e appena verso loro conosciuto, fosse stato loro preposto... onde pentiti d'aver tolto quel grado a N. Capponi per metterlo nella persona di F. Carducci, *Varchi*, v. I, p. 400.

[2]) *Nardi*, v. II, p. 151; *Segni*, Ist. Fior., p. 93.

[3]) «che libertà fallirebbe, essendosi commessa alla fede sua». *Segni*, Ist. Fior., p. 93.

[4]) *Varchi*, v. I, p. 251.

[5]) *Varchi*, v. I, p. 262.

[6]) *Varchi*, v. I, p. 324.

Какъ по происхожденію, такъ и по убѣжденіямъ Кардуччи былъ истинный демократъ. Въ рѣчи, произнесенной въ день своего избранія, Кардуччи говорилъ, что уступая многимъ въ древности и знатности происхожденія, онъ никому не уступитъ въ горячей преданности своей отчизнѣ, что истинно свободнымъ государствомъ онъ считаетъ то, въ которомъ всѣмъ гражданамъ въ равной степени доступны политическія права, гдѣ люди цѣнятся не по случайнымъ признакамъ, каковы богатство и родовитость, а по свойствамъ духа и личнымъ заслугамъ. Но, исповѣдывая такого рода демократическіе принципы, Кардучи далекъ былъ отъ мысли предоставить кормило правленія невѣжественной толпѣ. „Дѣломъ Бога, говорилъ онъ, было избавить нашъ городъ отъ тираніи, вопреки желаніямъ многихъ, дѣломъ же Бога будетъ удержать его и отъ произвола толпы“. Кардуччи не скрывалъ отъ себя всѣхъ трудностей современнаго ему положенія республики и сложности задачъ, выпадавшихъ на долю гонфалоніера того времени. Сравнивая въ той же рѣчи государство съ кораблемъ, а себя съ кормчимъ этого корабля, онъ выражалъ твердую увѣренность справиться, при помощи Бога и содѣйствіи гражданъ, со всѣми трудностями, которыя встрѣтятся на пути, и „привести свой корабль если не въ гавань, то, по крайней мѣрѣ, въ безопасную бухту“ [1]).

Общій характеръ политической дѣятельности Кардуччи представляетъ полную противоположность дѣятельности Каппони. Если послѣдній былъ носителемъ интересовъ небольшой, безпринципной и эгоистической фракціи флорентійскаго общества, то Кардуччи является настоящимъ представителемъ требованій и принциповъ всего мыслящаго флорентійскаго демоса [2]), и если дѣятельность Каппони отличалась робостью, неувѣренностью и уступчивостью въ ту и другую сторону, то въ каждомъ дѣйствіи Кардуччи проглядываетъ твердая увѣренность въ цѣлесообразности всей его политической системы и героическая рѣшимость неуклонно преодолѣвать всѣ трудности, встрѣчающіяся на пути проведенія ея въ дѣло. Сейчасъ же по вступленіи

---

[1]) Рѣчь Кардуччи приведена у *Varchi*, v. I, p.p. 416—418.

[2]) Даже *Nerli*, несмотря на свое враждебное отношеніе къ Кардуччи, готовъ признать, что послѣдній дѣйствовалъ con tutti largamente trattenendosi (v. II, p.p. 87—88), хотя и старается освѣтить этотъ фактъ не въ пользу Кардуччи.

въ отправленіе своихъ государственныхъ обязанностей, Кардуччи цѣлымъ рядомъ дѣйствій доказалъ обществу, что бразды правленія находятся въ рукахъ твердаго и рѣшительнаго человѣка; что во главѣ государства стоитъ лицо, ставящее высшею цѣлью своей политики не покровительство демократамъ за исповѣдованіе ими угодныхъ гонфалоніеру убѣжденій и не преслѣдованіе членовъ аристократической партіи за неугодный ему образъ мыслей, а защиту флорентійской конституціи отъ внѣшняго и внутренняго врага и предоставленіе членамъ всѣхъ партій возможности въ равной степени осуществлять свои политическія права. Когда Каппони былъ заключенъ во дворецъ Синьоріи и возмущенный народъ порывался туда въ намѣреніи совершить надъ заключеннымъ кровавый самосудъ, Кардуччи усиленіемъ дворцовой стражи и угрозой смертной казни тому, кто двинется съ мѣста противъ Каппони, сдѣлалъ положеніе послѣдняго безопаснымъ [1]). Когда оптиматы, лишившись опоры въ лицѣ Каппони, почувствовали себя беззащитными передъ лицомъ народа и совершенно упали духомъ, Кардуччи ободряетъ ихъ увѣреніями въ полной безопасности и обѣщаніями не дѣлать никакихъ различій между ними и другими гражданами [2]). Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ издаетъ законъ о прощеніи всѣхъ гражданъ, дѣйствовавшихъ раньше въ пользу Медичи и во вредъ народу [3]). Стремясь смягчить взаимныя отношенія партій, объединить флорентійское гражданство передъ лицомъ внѣшняго врага, и воодушевить народъ къ защитѣ свободы, Кардуччи издаетъ рядъ законовъ, по которымъ подтверждался обѣтъ подчиненія Христу, предписывались полное забвеніе частныхъ обидъ и всеобщій миръ среди гражданъ (причемъ не принесшій клятвы этому закону лишался права участія въ Верховномъ Совѣтѣ) [4]), устанавливался рядъ гражданскихъ праздниковъ: 9 ноября—principio della salute (въ память изгнанія Медичи въ 1494 г.), 16 мая—ricuperata libertà (въ память переворота 1527 г.) и 9 февраля праздникъ избранія Христа королемъ Флоренціи [5]) (1528 г.) и т. д. Приведенные факты свидѣтельствуютъ, что Кардуччи стоялъ выше партійнаго анта-

---

[1]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 177.
[2]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 181.
[3]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 182,
[4]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 183.
[5]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 184.

тонизма; но это не мѣшало ему быть безпощаднымъ по отношеніи къ тѣмъ, кто являлся врагомъ общественнаго порядка и безопасности; такъ, напримѣръ, когда было обнаружено, что нѣкоторые изъ флорентійцевъ, несмотря на урокъ Каппони, продолжаютъ тайно сноситься съ Климентомъ VII, то, по иниціативѣ Кардуччи, была образована слѣдственная комиссія изъ 6 представителей флорентійской магистратуры (двое—отъ Синьоріи, двое—отъ Коллегіи X и двое—отъ Коллегіи XVI и XII), на обязанности которыхъ лежало назвать наиболѣе подозрительныхъ гражданъ и подвергнуть ихъ суду. Такихъ оказалось 19 человѣкъ, въ томъ числѣ Оттавіано и Лоренцо Медичи, часто цитируемый нами историкъ Филиппо Нерли, Принцивалле, Франческо и Джисмондо Стуфа, Донато Ридольфи, Заноби Аччіайуоли и другіе, которые 13 октября 1529 г., по обнаруженіи вины, были заключены въ тюрьму и оставались въ ней по 10 августа 1530 г. [1]). Нѣсколько дней спустя послѣ вступленія Кардуччи въ должность гонфалоніера, именно 19 апрѣля 1529 г., подъ его предсѣдательствомъ, надъ Каппони былъ снаряженъ судъ, членами котораго были всѣ главные магистраты Флоренціи [2]). Благопріятная для Каппони реакція въ настроеніи судей, произведенная избраніемъ въ гонфалоніеры человѣка незнатнаго происхожденія, неутомимая агитація друзей Каппони передъ судьями его и, наконецъ, блестящая рѣчь Каппони, произнесенная имъ въ свою защиту, гдѣ резюмировалась вся его политическая дѣятельность и доказывалось, что преданность его интересамъ отечества не могла допустить иного образа дѣйствій, чѣмъ тотъ, который онъ избралъ для предотвращенія гибельной для Флоренціи войны съ папой,—все въ совокупности способствовало тому, что судьи Каппони отнеслись къ нему гораздо мягче, чѣмъ слѣдовало ожидать: двумя третями голосовъ онъ былъ оправданъ, подъ условіемъ не переходить въ теченіе извѣстнаго времени предѣловъ флорентійскаго доминіума, въ обезпеченіе чего съ Каппони потребовано было 30000 флориновъ [3]). Роль Кардуччи въ этомъ процессѣ остается для насъ неизвѣстною; но умалчиваніе о

---

[1]) *Varchi*, v. II, p. 136.

[2]) *Giannotti*, op. cit., v. II, p.p. 399—400, Let. a P. F. Portinari.

[3]) *Varchi*, v. I, p.p. 403—414; *Segni*, Vita di N. C., p. 321; *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 177—178.

ней со стороны нашихъ источниковъ, въ большинствѣ враждебныхъ къ Кардуччи, позволяетъ думать, что онъ держалъ себя и здѣсь съ свойственнымъ ему тактомъ.

Основнымъ принципомъ внѣшней политической дѣятельности Кардуччи служило опять-таки противоположное воззрѣніямъ Каппони убѣжденіе, что Флоренція ни подъ какимъ видомъ не должна вступать въ соглашеніе съ той стороной, съ которой сошелся папа [1]). Приверженность къ Франціи и враждебное отношеніе къ имперіи, которая близка была къ договору съ Климентомъ VII, являлись логическими слѣдствіями этого убѣжденія. Здѣсь, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, Кардуччи обнаружилъ безусловное благородство духа, гнушавшагося постыдныхъ сдѣлокъ въ пользу враговъ свободы, для удержанія обезпеченнаго положенія въ обществѣ [2]). „Свободу, говорилъ онъ, должно цѣнить дороже золота и самой жизни, такъ какъ нельзя назвать истинно живымъ того человѣка, который находится подъ игомъ другого, а особенно того, который подчиненъ произволу свирѣпыхъ и несправедливыхъ тирановъ“ [3]). Въ этихъ словахъ передъ нами весь Кардуччи съ его возвышенною натурою, съ его благородными стремленіями, съ его горячею преданностью народной свободѣ и глубокимъ пониманіемъ нравственно разрушающаго вліянія тиранніи на гражданское общество, наносящей удары всякому честному порыву, всякому проявленію свободной личности, пока въ послѣдней не будетъ уничтожена самая тѣнь самобытности и возможности протеста. Для Кардуччи, такимъ образомъ, свобода являлась не пустымъ звукомъ, какъ для многихъ изъ его согражданъ, подвергшихся нравственному растлѣнію, а чѣмъ то реальнымъ, болѣе даже реальнымъ, нежели сама жизнь съ ея преходящими благами. Мы нарочно отмѣ-

---

[1]) Però non volevano convenire in quella parte, dove il papa conveniva, in modo alcuno. *Nerli*, v. II, p. 85.

[2]) La città nostra (e lo dirò pure benchè con lacrime) è tutta divisa, e di tal natura è divisa e corotta ed affezionata alle parti, che quelli ancor, che son tenuti buon cittadini, vi debbono esser sospetti. Perchè si trovano di molti che veggendo le rovine che conseguiscono le guerre, gli affani che patiscono le genti basse, vengono in compassione, e par loro giusto per misericordia di tanti mali, rimettere in compromesso la libertà; riputando con disutile consiglio e dannoso a' buoni, esser meglio salvarsi con condizioni vituperose, che mantenendo l'onestà e l'onore perdere la roba e gli comodi loro. A' quali si potrebbe rispondere, che essi sono in grand' errore, e molto lontani dal dovere: conciossiacosachè nelli aversi casi e periculosi la virtù vera si esperimenti,

чаемъ эти черты воззрѣній гонфалоніера на свободу и тиранію, такъ какъ ими, въ связи съ дѣятельностью Ферруччи, опредѣлялся героическій характеръ дальнѣйшихъ событій флорентійской исторіи.

Продолжавшаяся какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Италіи борьба между лигой и войсками Карла V, въ силу разсмотрѣнныхъ нами раньше причинъ съ каждымъ днемъ теряла свою интенсивность. Франція и Венеція—дѣятельныя прежде участницы лиги—пользуясь различными предлогами, уклонялись теперь отъ издержекъ на содержаніе союзныхъ войскъ, предоставляя Флоренціи одной нести всѣ военные расходы [1]) и не переставая, однако, обнадеживать ее обѣщаніями на несомнѣнную поддержку въ будущемъ [2]). Но въ то самое время, какъ венеціанскій резидентъ во Флоренціи Карло Капелло, разсыпался передъ ея правительствомъ въ увѣреніяхъ неразрывности интересовъ между Венеціей и Флоренціей [3]), а Францискъ I увѣрялъ флорентійскаго посла въ Парижѣ Балдассаре Кардуччи, что никогда не покинетъ союзной республики, считая интересы ея и Франціи тождественными [4]),—въ то самое время Венеція, не желая связывать своей судьбы съ судьбой демократической республики, положеніе которой казалось ей безвыходнымъ, подумывала о частномъ соглашеніи съ императоромъ, а французскій король при посредствѣ Луизы Савойской, Маргариты Австрійской и Генриха VIII уже вступилъ въ мирные переговоры съ Карломъ V [5]). Очевидно, ни для Венеціи, ни для Франціи обѣщанія не имѣли никакой нравственно обязательной силы. Флоренція оказывалась все болѣе одинокой передъ лицомъ

---

e la libertà si debbe apprezzare più che l'oro e molto più che la vita stessa: non si potendo chiamare veramente vivo, chi sta sotto l'arbitrio d'altri, e tanto più chi sta sotto l'arbitrio di crudi tiranni ed ingiusti. *Segni*, Ist. Fior., p.p. 152—154.

[1]) noi che siamo in legha et spendiamo uno thesoro, ci par strano in tanti nostri bisogni non esser accomodati. *Documenti di Storia Italiana*, v. II, № CCXIII, p. 80.

[2]) *Relazioni degli Ambasciatori Veneti*, ser. II, v. I, Let. №№ IV, V, VI, IX, XVI, XIX. E qui il proposto de' signori disse: «il bisogno è di sorte che le buone parole non bastano; gli effetti son necessarj» (Let. № XXX).

[3]) Io non ho mancato di confermarli nel proposito di non fidarsi di Cessare, ma porre ogni loro speranza nella pronta difensione, attestando loro l'animo della Serenità Vostra non essere meno inclinato al beneficio ed alla sicurtà delle cose loro che delle sue proprie. *Rel. d. Amb. Ven.*, L. № XXII. E mi sforzai... di dimostrar loro che come la rovina loro non poteva procedere se non dalla composiziòne con Cesare. L. № XXX.

[4]) «non vi abbandonerò: noi siamo una cosa istessa». *Rel. d. Amb. Ven.*, № X.

[5]) *Rel. d. Amb. Ven.*, Let. №№ VI, X, XII, XXIV.

врага, между тѣмъ какъ врагъ становился все опаснѣе, благодаря интимнымъ отношеніямъ, устанавливавшимся между нимъ и всесильнымъ императоромъ. Наконецъ, наступило время, когда запутанныя отношенія между главными политическими силами европейскаго континента готовы были къ развязкѣ.

Лѣтомъ 1529 г. заключены были два роковыхъ для Флоренціи трактата, приведшихъ ее къ героическому рѣшенію самостоятельно отстаивать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ противъ цѣлаго міра, если можно назвать такъ союзъ Рима, Имперіи и Франціи. 29 іюня этого года, въ Барселонѣ легаты Климента VII заключили съ Карломъ V договоръ, по которому: 1) Папа и императоръ обязывались другъ передъ другомъ во взаимной помощи при возстановленіи областей, принадлежащихъ каждому изъ нихъ въ Италіи; 2) папа обѣщалъ императору свободный пропускъ войскъ черезъ свои земли; 3) императоръ обѣщалъ папѣ возстановленіе дома Медичи во Флоренціи и возвращеніе земель отнятыхъ у папы венеціанцами и герцогомъ Феррарскимъ; 4) папа и императоръ для болѣе обстоятельнаго обсужденія дѣлъ, касавшихся каждаго изъ нихъ, обязывались сойтись въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ папа долженъ былъ короновать Карла V императорской короной [1]). Кромѣ того, еще до заключенія трактата, императоръ обѣщалъ выдать свою дочь замужъ за Александра Медичи по установленіи тираніи послѣдняго во Флоренціи [2]). Третій пунктъ Барселонскаго трактата, безъ сомнѣнія, являлся для папы важнѣйшимъ: Климентъ VII, опираясь на содѣйствіе Карла V, могъ теперь смѣло разсчитывать на удачный исходъ своихъ предпріятій противъ непокорной республики, имѣвшихъ цѣлью возстановить въ ней господства Медичи.

Не менѣе тяжкимъ ударомъ для флорентійской политики являлся договоръ 5 августа 1529 г., заключенный между Карломъ V и Францискомъ I въ г. Камбре и гласившій что, по уплатѣ Францискомъ I за освобожденіе его сыновей изъ заложничества двухъ милліоновъ

---

[1]) Текстъ этого трактата помѣщенъ у *Dumont*, Corps diplomatique du droit de gens, t. VIII, p. 1. et sq.; пользуемся выдержками трактата въ примѣч. I къ стр. 146, 2 т. исторіи Нарди.

[2]) Io Imperatore ho promesso al Papa di reintegrare quello bastardello della tyrannide di questa città et gli ho promesso quella sua figlia per donna, laquale ha havuto già due altrimariti. *Rel. d. Prat.*, f° 52.

скуди въ пользу императора, оба государя обязуются имѣть общихъ враговъ и союзниковъ [1]). Правда, въ этомъ трактатѣ оговорено было, что флорентійцы и венеціанцы, если хотятъ быть включенными въ договоръ, должны въ 4-хъ мѣсячный срокъ покончить свои счеты съ императоромъ [2]); но эта оговорка была не болѣе, какъ позолота пилюли, сдѣланная Франциском̀ъ по отношенію къ союзнымъ республикамъ съ цѣлью придать своему поступку болѣе благовидный характеръ. О соглашеніи между Франциском̀ъ I и Карломъ V флорентійское общество долго не имѣло свѣдѣній. Впрочемъ, и узнававши о Камбрейскомъ соглашеніи, народная масса не потеряла вѣры во Францію, считая это соглашеніе не болѣе, какъ маневромъ со стороны Франциска I, сдѣланнымъ въ видахъ возвращенія своихъ сыновей изъ Мадрида, послѣ чего король яко-бы долженъ снова явиться союзникомъ Флоренціи!

Оба разсмотрѣнныхъ нами трактата свидѣтельствуютъ, между прочимъ, о намѣреніи Карла V возможно скорѣе покончить съ дѣлами Италіи, которыя теперь отступали на задній планъ въ политикѣ императора въ виду новыхъ его заботъ и предпріятій, вызывавшихся, съ одной стороны, нападеніями турокъ на владѣнія Габсбургскаго дома, съ другой,—усиленіемъ протестантскаго движенія въ Германіи. Согласно одной изъ статей Барселонскаго трактата, Карлъ V долженъ былъ прибыть въ Италію для личныхъ переговоровъ съ папой и коронованія. Все итальянское общество находилось въ тревожномъ ожиданіи прибытія императора, которое должно было оказать рѣшающее вліяніе на дѣла страны. Наконецъ, 12 августа 1529 г. на галерѣ Андрея д'Оріа въ Геную прибылъ Карлъ V, гдѣ его ожидала торжественная встрѣча посольствъ отъ всѣхъ государствъ Италіи, кромѣ Флоренціи [3]). Сопровождавшій императора изъ Барселоны флорентіецъ Луиджи Аламанни поспѣшилъ заявить Карлу, что послы къ нему отъ Флоренціи уже избраны и на дняхъ должны прибыть. Заявленіе это было встрѣчено императоромъ милостиво [4]).

---

1) См. примѣч. I къ стр. 156, 2 т. исторіи Нарди.

2) *Varchi*, v. II, p. 7.

3) *Rel. d. Amb. Ven.*, Let. № XXXIX.

4) avendo sua maestà da lui saputo la creazione degli oratori di questa repubblica ad incontrarla ed onorarla, ne aveva mostrato non piccolo piacere, *ibidem*.

Съ точки зрѣнія большинства флорентійскихъ гражданъ, не отправить посольства къ Карлу V значило для нихъ непосредственно навлечь на себя гнѣвъ и мщеніе со стороны этого государя [1]); съ другой стороны, отправленіе посольства, какъ выполненіе долга вѣжливости по отношенію къ императору, нисколько не должно было нарушить дружественныхъ отношеній, существовавшихъ между Франціей и Флоренціей [2]), тѣмъ болѣе, что Францискъ позволилъ себѣ самостоятельно вступить въ переговоры съ Карломъ, слухи о которыхъ становились во Флоренціи все настойчивѣе [3]). Тѣмъ не менѣе флорентійцы медлили съ отправленіемъ посольства къ императору, и виновникомъ этого опаснаго замедленія являлся никто иной, какъ тотъ самый человѣкъ, который раньше побудилъ флорентійцевъ послать свои Черныя Банды противъ Неаполя и тѣмъ самымъ поставилъ республику въ фактически враждебное отношеніе къ Карду V [4]). Примирившись съ императоромъ, Франциск I не хотѣлъ отказаться отъ своей политической „игры въ Италію“ и надѣялся воспользоваться Флоренціей, какъ пѣшкой противъ Карла V. Не сообщая союзной республикѣ объ истинномъ значеніи Камбрейскихъ переговоровъ, король поручилъ своему послу въ Италіи, Граммону (или, какъ называли его флорентійцы, Тарбесу), всячески противодѣйствовать отправленію флорентійцами посольства къ императору [5]). Появленіе и интриги Граммона во Флоренціи, съ одной стороны, и отсутствіе вѣстей изъ

---

[1]) è necessario rompere questo ghiaccio et farcegli incontro perchè se saremo più obstinati, trovandosi il fuoco più viccino: ci sarà poco remedio et haremo da dolerej di noj medesimi. *Relationi della Pratica*, f° 51.

[2]) Havendoci naturalmente pochi amicj sia come si voglia ad me (A. F. Albizzi) non pare che questa dimostrazione del mandare ad intrattenere lo Imperatore habere ad offendere la Francia. *Rel. d. Prat.*, f° 53.

[3]) Еще 19 іюля по предложенію гонфалоніера обсуждался въ засѣданіи Пратики вопросъ о томъ, что можно ожидать отъ Камбрейскихъ переговоровъ для Флоренціи и какъ должно держать себя въ виду ихъ по отношенію къ Франциску и Карлу. *Rel. d. Prat.*, f.f. 45—55.

[4]) Restarono i Fiorentini abbandonati non solamente da tutti i potentati d'Italia loro compagni, ma dal Re Cristianissimo, loro protettore, ancora, per servigio del quale si erano provocati agramente nell' assedio di Napoli l' imperadore Carlo V. *Pitti*, Ist. Fior., p. 1. *Relationi d. Pratica*, f.f. 68—72.

[5]) E monsignore di Tarbes... cominciò a esclamare e farne il romore grande, dicendo che il suo re, benchè avesse fatta la pace, aveva l'animo alla guerra, e dando, secondo l'alterigia franzese, speranza che, se non mancassino d'animo, ma persistessino in non voler cedere, che il suo re era uomo per cavargli d'ogn' impaccio; ma che l'aver mandato gli ambasciadori era segno e argomento di tutto il contrario. *Varchi*, v. II, p. 30.

Франціи отъ Балдассаре Кардуччи, съ другой, — были причиной колебанія флорентійцевъ относительно отправленія посольства. Въ засѣданіяхъ Пратики 13, 15, 17 августа происходили оживленныя пренія о томъ, посылать ли пословъ къ императору, или нѣтъ, и если посылать, то давать ли имъ какія-либо полномочія, или не давать? Большинство стояло за отправленіе посольства; но одни, какъ Лоренцо Сеньи, держались мнѣнія, что полномочій не слѣдуетъ давать до тѣхъ поръ, пока не будутъ получены новыя вѣсти изъ Франціи, которыя могутъ оказать иное вліяніе на положеніе дѣлъ [1]); другіе, какъ А. Строцци, А. Ф. Альбицци, напротивъ, требовали немедленнаго отправленія пословъ съ самыми неограниченными полномочіями во всемъ, что не касается возвращенія Медичи во Флоренціи и измѣненія ея конституціи [2]), и настаивали на томъ, чтобы послы выразили свою радость по поводу пріѣзда императора, оправдали передъ нимъ поведеніе флорентійцевъ, просили защиты свободы и доминіума Флоренціи, предложили ему уплату какой угодно контрибуціи въ ближайшій срокъ [3]) и, въ то же время, не только не вступали въ сношенія съ папскими легатами въ Генуѣ, но при каждомъ удобномъ случаѣ выказывали бы свою полную непримиримость къ папѣ [4]). Послами, наконецъ, были избраны Т. Содерини, Р. Джиролами, М. Строцци и Н. Каппони [5]), съ полномочіями согласиться съ императоромъ во всемъ, кромѣ возстановленія тираніи. Составъ посольства изъ лицъ различныхъ партій долженъ былъ знаменовать единодушіе флорентійскаго гражданства передъ лицомъ внѣшняго врага свободы [6]). Послы были отправлены 16 августа съ предписаніемъ двигаться медленно, чтобы, въ случаѣ полученія письма отъ Б. Кардуччи, ихъ можно было нагнать и дать новыя инструкціи [7]). 20 августа было получено письмо отъ Б. Кар-

---

1) Che non si incalchi molte cose nella instructione potendo ogni hora venir lettere di Francia che potrebbono fare variar le cose. *Rel. d. Prat.*, f. 65.

2) Che lo stato non habbia ad esser alterato, che non si alteri cosa alcuna nel dominio etc. *Rel. d. Prat.* f° 65.

3) *Rel. d. Prat.*, f.f. 64, 65, 73.

4) Che si taccia ogni demonstratione che la città tiene inimicitia col papa; che si prohibisca expressamente alli oratori che non si domestichino col cardinale de' Medici. *Rel. d. Prat.*, f° 65.

4) *Varchi*, v. II, 25.

5) *Pitti*, Ist. Fior., p. 185.

6) Mandarli subito et farli che procedino ad lento passo. *Rel. d. Pratica*, f° 71.

дуччи, отправленное во Флоренцію въ день заключенія Камбрейскаго трактата [1]). Флорентійцы окончательно убѣдились изъ этого письма въ вѣроломствѣ Франциска I и отдали приказъ посламъ спѣшить въ Геную. 24 августа послы уже были на мѣстѣ назначенія. Генуэзскій дожъ Андрей д'Оріа замѣтилъ имъ при встрѣчѣ: „вы поздно пришли" (tardi veniste), однако, помогъ имъ получить аудіенцію у императора въ тотъ же день. На рѣчи, произнесенныя послами, Карлъ V отвѣчалъ, что послѣ соглашенія, происшедшаго между нимъ и папой, онъ ничего не можетъ сдѣлать для флорентійцевъ безъ согласія Климента VII, и совѣтовалъ посламъ обратиться съ своимъ ходатайствомъ непосредственно къ послѣднему[2]). Въ ожиданіи полученія изъ Флоренціи дальнѣйшихъ инструкцій, послы оставались въ Генуѣ до 30 августа. Въ этотъ день Карлъ V выѣхалъ изъ Генуи въ Піаченцу; за нимъ послѣдовали и флорентійскіе послы, но новой аудіенціи имъ не удалось добиться отъ императора [3])...

Послѣ извѣстія о неудачѣ посольства къ императору городомъ овладѣло отчаянное и вмѣстѣ съ тѣмъ героическое настроеніе. Синьоры заявили венеціанскому послу, что теперь вся надежда ихъ возложена на Венецію. „Что касается насъ, говорили они, то для защиты нашей отчизны мы готовы жертвовать всѣмъ, не только своимъ достояніемъ, но и жизнью, и даже мы—старики, съ оружіемъ въ рукахъ, будемъ сражаться на стѣнахъ города за свободу" [4]). Въ залѣ Верховнаго Совѣта раздалась могучая и страстная рѣчь гонфалоніера. „Народъ Флоренціи! говорилъ Франческо Кардуччи: воп-

---

[1]) Вотъ въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ Балдассаре Кардуччи извѣщаетъ свое правительство о Камбр. трактатѣ: Io non posso senza infinito dispiacer d'animo significare l'empia ed inumana determinazione di questa maestà e suoi agenti in questo trattato di pace, stretto contro mille promesse e giuramenti del non concludere cosa alcuna senza la partecipazione degli oratori degli aderenti e collegati... E nondimeno senza farne alcuno di noi partecipe, questa mattina hanno pubblicato la composizione e pace con gran solennità ed altre dimostrazioni d'allegrezza, senza includere alcuno... Talchè sarà una perpetua memoria alla città nostra e a tutta Italia quanto sia da prestar fede alle loro collegazioni, promesse, e giuramenti.. *Lettera di B. Carducci* ambasciatore fiorentino in Francia ai Dieci di libertà e pace della rep. fior. Da S. Quintino alli 5 d'Agosto 1529 (въ сбор. Albèri, p. 261). Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на обыкновенную скорость сообщеній между Флоренціей и важнѣйшими центрами ея политики: въ Геную и Римъ путь совершался въ 5—6 дней; въ Неаполь въ 11—12 д.; въ Миланъ въ 10—12 д.; въ Парижъ въ 22 д.; въ Брюгѣ въ 25 д.; въ Лондонъ въ 30 д. *Perrens*, Hist. di Flor., t. III, p. 239.

[2]) *Segni*, Vita di N. C., p.p. 333—334; *Varchi*, v. II, p.p. 25—27.

[3]) *Rel. d. Amb. Ven.*, L. № XLIV. На возвратномъ пути Каппони умеръ (*Segni*, ib., *Varchi*, v. II, p. 28).

[4]) *Rel. d. Amb. Ven.*, L. № XLI.

росъ, для рѣшенія котораго собрались вы здѣсь въ такомъ огромномъ количествѣ, по своей важности и серьезности, не имѣлъ и не будетъ имѣть себѣ равнаго. Дѣло идетъ не о расширеніи или сокращеніи вашего владычества, не объ уплатѣ контрибуціи, не о заключеніи мира или перемирія съ близкимъ или дальнимъ государствомъ. Нѣтъ! Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, угодно ли вамъ мирно возвратиться въ то рабское состояніе, въ которомъ пребывали вы въ теченіе 15 лѣтъ, или, наоборотъ, желаете отстаивать ту свободу, которую пріобрѣли недавно, скорѣе благодаря милости Божьей, чѣмъ по волѣ людей? Вы—государь этой республики, вы свободны и разумны. Я—лишь слуга вашъ, и мнѣ не надлежитъ разсуждать о тѣхъ доводахъ, которые можно представить за и противъ вашего рѣшенія и которые давно уже обсуждаются въ частныхъ собраніяхъ, въ домашнихъ кружкахъ и на площадяхъ Флоренціи: это было бы и лишне, и скучно. Вы собрались здѣсь для свободной подачи голосовъ. Рѣшеніе большинства будетъ приведено въ исполненіе. Итакъ, посмотримъ, какое рѣшеніе примете вы“...[1]).

Среди всеобщаго воодушевленія происходило голосованіе народа о томъ, защищать ли свободу, или сдаться на волю папы. По очереди подходили къ Франческо Кардуччи депутаты отъ различныхъ коллегій и гонфалоніеры народныхъ дружинъ, сообщая о результатахъ голосованія. „Мы единодушно и единогласно рѣшили защищаться; мы пожертвуемъ всѣмъ своимъ достояніемъ, не пожалѣемъ своихъ дѣтей, но не отдадимся на волю того человѣка, который никогда не заслуживалъ довѣрія“, заявилъ депутатъ отъ Коллегіи XII, Симонъ Гонди [2]). То же рѣшеніе было выражено и другими магистратами [3]). „Они желаютъ защищаться и готовы скорѣе умереть свободными, чѣмъ влачить рабское существованіе“, одинъ за другимъ заявляли гонфалоніеры, отбиравшіе голоса у гражданъ по гонфалонамъ [4]). Изъ 16 гонфалоновъ Флоренціи, за исключеніемъ одного,

---

[1]) *Pitti*, Ist. Fior., p.p. 189—190; *Rel. d. Pratica*, f° 101.

[2]) Tutto inteso unitamente et viva voce sono resoluti di defendersi et metter la roba et i figluoli, et non si dare ad discretione di chi non ha mai havuto fede alcuna. *Rel. d. Pratica*, f° 101.

[3]) *Rel. d. Pratica*, f° 101.

[4]) Pregono che si prepari alla difesa et offeronsi et vogliono più presto morir liberi che viver in servitù. *Rel. d. Pratica*, f° 103.

„del Drago Verde“, рѣшившаго подчиниться папѣ [1]), всѣ 15 согласились скорѣе положить жизнь въ борьбѣ съ папой, чѣмъ пожертвовать свободой [2]). Рѣшеніе флорентійскаго гражданства Франческо Кардуччи привѣтствовалъ восторженными похвалами, обѣщая вложить всю душу свою въ защиту общаго дѣла [3]).

И дѣйствительно: все, чѣмъ сильна была Флоренція, употреблено было на дѣло обороны отъ смертельнаго врага республики, Климента VII. Денегъ не щадили: онѣ лились рѣкой. Къ налоговому обложенію, по настоянію Франческо Кардуччи, было привлечено и духовенство, несмотря на протестъ и увѣренія служителей церкви, что папа, подъ страхомъ отлученія и лишенія бенефицій, запретилъ имъ платить государству налоги [4]). Кромѣ того, въ Верховномъ Совѣтѣ было постановлено продать церковныя имущества и владѣнія цеховъ, находившіяся какъ внутри города, такъ и за предѣлами его [5]). Въ защиту закона о продажѣ церковныхъ имуществъ гражданинъ Ламберто Камби произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ: „Я всегда преклонялся и буду преклоняться передъ папой, какъ главой и княземъ римской церкви и христіанской религіи; но я смертельно ненавижу и всегда буду ненавидить Юлія Медичи, какъ врага нашей прекрасной и невинной отчизны ... Если мы, свѣтскіе, для спасенія нашей отчизны жертвуемъ частнымъ и общественнымъ имуществомъ, то почему же и духовныя лица не обязаны сдѣлать того же для своей общины?“ [6]) Таково было настроеніе большинства флорентійскихъ гражданъ. Неудивительно послѣ этого, что дѣло обороны быстро подвигалось впередъ. Пратика постановила уничтожить всѣ предмѣстья города, которыя могли бы послужить прикрытіемъ для врага: нужды не было, что среди загородныхъ зданій были перлы художественныхъ произведеній въ стилѣ Возрожденія: все было принесено въ жертву защитѣ свободы, и роскошныя виллы Медичи не

---

[1]) Si risolvono che si confidi nel papa, confidati che per esser papa cittadino fiorentino farà con questo che ci liberi dal sacco. *Rel. d. Pratica*, f° 104.

[2]) *Rel. d. Pratica*, f.f. 102, 103, 104; *Pitti*, Ist. Fior., p. 190.

[3]) *Pitti*, Ist. Fior., p. 190.

[4]) Alche havevano risposto essere... loro prohibito da Sua Santità el pagare sotto pena di excomunicatione et di perdere li beneficij loro. *Rel. d. Prat.*, f° 19.

[5]) *Rel. d. Amb. Ven.*, L. № LIX; *Varchi*, v. II, p. 102.

[6]) *Varchi*, v. II, p.p. 102—109.

были пощажены [1]). Съ каждымъ днемъ увеличивалась наемная армія республики, состоявшая изъ отрядовъ крупныхъ и мелкихъ кондоттьеровъ. Принимались всевозможныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить цѣлостность флорентійскихъ владѣній и предотвратить возможность отпаденія отъ столицы ея пригородовъ, которые, подъ вліяніемъ тяжелой зависимости отъ Флоренціи и агитаціи папскихъ клевретовъ, склонны были въ спорѣ между папой и республикой стать на сторонѣ перваго [2]). Военные комиссары, назначаемые правительствомъ въ пригороды съ неограниченными полномочіями, переводили неблагонадежныхъ обывателей съ одного мѣста на другое, гдѣ пребываніе ихъ не представило бы опасности для внутренняго спокойствія государства [3]); отъ городовъ, извѣстныхъ своею непокорностью, требовали заложниками наиболѣе вліятельныхъ лицъ [4]); въ крѣпости страны вводили гарнизоны; со всѣхъ сторонъ свозили съѣстные припасы и боевые снаряды и снабжали ими склады Флоренціи и другихъ городовъ [5]). Главное вниманіе обращалось правительствомъ на укрѣпленіе южныхъ границъ Тосканы, такъ какъ въ силу естественныхъ условій онѣ наиболѣе доступны были непріятельскому вторженію, и, притомъ, самое вторженіе ожидалось только съ этой стороны.

Итакъ, все было готово къ войнѣ. Но противники медлятъ вступить въ борьбу и какъ бы еще чего то выжидаютъ. Покинутая Франціей, не поддерживаемая ни однимъ государствомъ Европы, окруженная врагами въ лицѣ своихъ подданныхъ, ослабленная борьбою партій и экономическими бѣдствіями, не должна ли Флоренція—думалъ, вѣроятно, папа—при одной мысли о столкновеніи съ двумя суверенами Европы, прійти въ ужасъ и съ мольбою о пощадѣ пре-

---

[1]) *Rel. d. Amb. Ven.*, L. №№ XXXII, XXXIII, XLIX; *Varchi*, v. II, p. 130; *Nerli*, v. II, p. 109.

[2]) Consideriamo come si truovj Pisa, Arezzo, Cortona, Volterra, Montepulciano et forse delle altre terre et delli altrj luoghi: e quali tuctj per diversi respecti sarà difficile tenere fermj, accostandosi uno inimico tanto potente. Al quale per natura la maggior parte di loro è inclinata oltra di quello dolcissimo desiderio della libertà che per esserne in ciascheduna di queste terre .. offerendosi loro tale occasione laquale mala dispositione potrà facilmente augmentare il papa trovandosi quasi in ciascheduna di queste terre suoi partigiani. *Rel. d. Prat.*, f° 51.

[3]) *Rel. d. Prat.*, f° 42.

[4]) *Rel. d. Prat.*, f°. 43.

[5]) *Rel. d. Amb. Ven.*, L. №№ XXV, XXII, XXXII, XXXIX, XLIV, LIV etc.

доставить рѣшеніе своей участи милосердію врага? Отчего же въ такомъ случаѣ флорентійцы медлятъ съ принесеніемъ ему повинной? Или надѣются, что, тронутый ихъ рѣшимостью до послѣдней крайности отстаивать свободу, онъ безъ борьбы уступитъ имъ то, что досталось его предкамъ путемъ продолжительныхъ и тяжкихъ усилій? Папа могъ допустить все, что угодно, только не серьезность намѣреній флорентійскихъ гражданъ бороться противъ него и Карла V. Такой дерзости и такого безумія онъ не ожидалъ отъ нихъ! Съ другой стороны, и флорентійцы еще не были увѣрены въ томъ, что у Юлія Медичи, возсѣдающаго на престолѣ апостола Петра хватитъ духа обрушиться съ такой страшной силой на родной городъ; еще не были увѣрены въ невозможности вступить въ какое-нибудь соглашеніе съ Карломъ V и еще сомнѣвались относительно прочности союза между папой и императоромъ, этими двумя стихійными силами, „непримиримыми между собой, какъ огонь и вода“ [1]).

Такое настроеніе противниковъ, было причиной замедленія военныхъ дѣйствій. Въ теченіи сентября и октября 1529 г. между враждебными сторонами ведутся дипломатическіе переговоры, флорентійцами—съ цѣлью избѣжать угрожавшей имъ опасности; папой—съ цѣлью добиться возстановленія во Флоренціи Медичи съ ихъ прежнимъ значеніемъ. Чтобы скорѣе достигнуть желаемаго, папа отдаетъ приказъ принцу Оранскому, генералу Карла V, явившемуся съ своей арміей къ услугамъ Климента VII, вступить на Тосканскую территорію. Но оба противника равно оказываются непреклонными и приходятъ, наконецъ, къ убѣжденію, что вопросъ о флорентійской свободѣ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ при помощи меча. Дипломатія тогда уступаетъ мѣсто рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіемъ, начинается знаменитая осада Флоренціи, а съ нею—и героическая дѣятельность Франческо Ферруччи.

В. Пискорскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Et chi considera bene l'odio antico et naturale che è stato et sarà sempre fra li pontefici et li imperatori, chi considera anchora diligentemente le offese che l'uno ha ricevuto da l'altro scambievolmente.... sarà ben certo che glie tanto possibile sieno compatibili questi due principj insieme, non altremente che sia l'acqua et il fuoco. *Rel. d. Prat.*, f° 52.

РУССКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Профессора Д. Тальберга.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Судопроизводство.

ГЛАВА I.

О судопроизводствѣ вообще [1]).

§ 151. Уголовное судопроизводство есть совокупность формъ или правилъ, которыми должны руководствоваться суды въ дѣятельности ихъ, направленной къ изысканію, изобличенію и наказанію

---

[1]) *И. Я. Фойницкій*, Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I, Спб., 1884, § 98, стр. 301—303; § 144, стр. 481—490; *А. Чебышевъ-Дмитріевъ*, Русское уголовное судопроизводство, Спб., 1875, стр. 250—268; *Н. Неклюдовъ*, Руководство для мировыхъ судей, Спб., 1872, т. I, стр. 68—110; *П. В. Макалинскій*, Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, Спб., 1890 (3-е изд.), ч. I, стр. 172—245; *Н. Буцковскій*, Основанія кассаціонной практики по вопросамъ преюдиціальнымъ (предсудимымъ), Спб., 1872; *Постовскій*, Разграниченіе подсудности уголов. и гражд., Журн. гражд. и угол. права, 1876 г., кн. I; *А. фонъ-Резона*, О ст. 27 устава уголов. суд., тамъ же, 1890, кн. 5; *И. Я. Фойницкій*, О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ, Спб. 1884; *С. Хрулевъ*, Вознагражденіе потерпѣвшихъ по судебной ошибкѣ. Юридич. Вѣстн., 1888 г., № 8; *Zacharia*, Handbuch des deutschen Strafprocess, 1860, Bd. 2., §§ 82—86, S. 81—115; *Geyer*, Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafprocessrecht, Leipzig, 1880, § 107, S. 444—445; §§ 111—112, S. 456—458; §§ 118—120, S. 476—483; *Ullmann*, Lehrbuch des Oesterreichischer Strafprocessrechts, 1882, § 70, 343—344; §§ 75, 76, S. 369—374; *Bruch*, Ueber die präjudicielle Wirkung des rechtskräftigen Criminalurtheils auf die connexe Civilsache, 1875; *Hoffmann*, Traité théorique et pratique de questions prejudicielles, Paris, 1865; *F. Hélie*, Traité de l'instruction criminelle, 1865, t. II, №№ 824—853, p. 346—386; t. VI, №№ 2660—2699, p. 323—381; *Garraud*, Précis de droit criminel, Paris, 1885, p. 811—830.

виновнаго. Производство уголовнаго суда состоитъ изъ дѣйствій сторонъ (уголовный искъ, гражданскій искъ и защита) и суда, дѣятельность котораго обыкновенно подраздѣляется на предварительное слѣдствіе, подготовительныя къ суду распоряженія, главное производство или судебное слѣдствіе и пересмотръ дѣла, но въ общемъ—дѣятельность суда и сторонъ выражается главнымъ образомъ въ собраніи, установленіи и оцѣнкѣ доказательствъ, а потому ученіе о доказательствахъ занимаетъ весьма важное и вполнѣ самостоятельное мѣсто въ системѣ процесса. Въ виду изложеннаго—въ уголовномъ судопроизводствѣ слѣдуетъ различать слѣдующія части: 1) уголовный искъ, имѣющій цѣлью наказаніе виновнаго; 2) гражданскій искъ, имѣющій цѣлью вознагражденіе потерпѣвшаго за вредъ и убытки, причиненные ему преступнымъ дѣяніемъ; 3) защита; 4) доказательства, и 5) движеніе процесса съ момента его зарожденія до конца, т. е. когда судебное рѣшеніе вошло въ законную силу и подлежитъ исполненію. Всѣ эти части подлежатъ нашему разсмотрѣнію въ дальнѣйшемъ изложеніи, за исключеніемъ вопроса о защитѣ, изложеннаго выше (§§ 143—150).

Дѣйствующій у насъ Уставъ уголовнаго судопроизводства заключаетъ въ себѣ: „*общія положенія*“, въ которыхъ устанавливаются понятія уголовнаго и гражданскаго исковъ (ст. 2—7), опредѣляются мѣры обезпеченія противъ незаконныхъ арестовъ (ст. 1, 8—11), правила судебнаго толкованія (ст. 12—13) и личной отвѣтственности (ст. 15), способы прекращенія уголовнаго преслѣдованія и его послѣдствія (ст. 16—20), положенія о силѣ судебнаго рѣшенія и возобновленіи уголовныхъ дѣлъ (ст. 21—26), понятіе предсудимости (ст. 27), правила о взаимныхъ отношеніяхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и, наконецъ, устанавливается право оправданнаго рѣшеніемъ судебнаго мѣста на вознагражденіе за вредъ и убытки (ст. 32), и слѣдующія *четыре книги*: I. порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ (ст. 33—199); II. порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ (ст. 200—999), который въ свою очередь подраздѣляется на шесть раздѣловъ: о подсудности, о предварительномъ слѣдствіи, о порядкѣ преданія суду, о производствѣ въ окружныхъ судахъ, о порядкѣ обжалованія рѣшеній общихъ судебныхъ установленій и объ исполненіи судебныхъ рѣшеній; III. изъятія изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства по дѣламъ, связаннымъ съ участіемъ духовнаго вѣдомства, по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ должности, по преступленіямъ и проступкамъ, относящимся до разныхъ частей административнаго управленія, и по дѣламъ смѣшанной подсудности военной и гражданской (ст. 1001—1254), и IV. порядокъ производства въ Кавказскомъ краѣ, губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа и прибалтійскихъ (ст. 1255—1338).

§ 152. Судопроизводство должно быть въ видѣ общаго правила отправляемо на единомъ государственномъ языкѣ; требованіе это, помимо политическихъ соображеній, вызывается соображеніями практическаго удобства. При отсутствіи единства языка въ судебной

дѣятельности, судьи должны были бы знать не одинъ, а нѣсколько языковъ и мѣстныхъ нарѣчій, чѣмъ въ значительной степени съузился бы кругъ лицъ, могущихъ быть судьями; независимо отъ этого, разнообразіе въ судебномъ языкѣ внесло бы величайшее осложненіе въ производство дѣлъ и прямымъ своимъ послѣдствіемъ имѣло бы усиленіе письменности въ процессѣ [1]). Въ нашихъ судахъ обязателенъ русскій языкъ за нѣкоторыми изъятіями, особо указанными въ законѣ; изъятія эти слѣдующія: 1. въ гминныхъ судахъ Варшавскаго судебнаго округа допускается употребленіе того языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, но приговоры, рѣшенія, постановленія, опредѣленія суда и вообще всѣ письменные акты, исходящіе отъ суда, должны быть изложены на русскомъ языкѣ (учр. судебн. устан., ст. 464, примѣч.); 2. въ судопроизводствѣ судебныхъ мѣстъ прибалтійскихъ губ. дозволяется употреблять мѣстный языкъ, а именно: а) въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, но только въ *словесныхъ* просьбахъ, жалобахъ и изъясненіяхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ [2]); б) въ прошеніяхъ и жалобахъ содержащихся подъ стражею, а также въ жалобахъ и объявленіяхъ о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія (у. у. с., ст. 297, п. I; ст. 298, 299, 301 и 306) [3]); в) въ волостныхъ и верхнихъ крестьянскихъ судахъ; но, допуская въ производствѣ этихъ судовъ употребленіе того изъ нарѣчій (латышскаго, эстонскаго или шведскаго), на которомъ говоритъ большинство мѣстнаго населенія, законъ предписываетъ излагать рѣшенія и приговоры верхнихъ крестьянскихъ судовъ въ окончательной формѣ, а также кассаціонныя и частныя жалобы только на русскомъ языкѣ [4]).

Изъ требованія единства судебнаго языка вытекаетъ необходимость перевода всѣхъ „актовъ, документовъ и другихъ бумагъ“ въ

---

[1]) *И. Я. Фойницкій*, тамъ же, § 98, стр. 301 — 303; В. Д. *Спасовичъ*, О языкѣ въ области судопроизводства, см. Сочиненія его, Спб. 1890, стр. 293—321; *Переходовецъ*, О малорусскомъ языкѣ въ судѣ, Юрид. Вѣст. 1881, кн. 3; *Юркевичъ*, Польскій языкъ въ учрежденіяхъ Варшавскаго судебнаго округа, тамъ же, 1882 г., кн. 9.; *Geger*, ibid., §§ 111—112, S. 456—458.

[2]) Собр. узак. и расп. прав. за 1889 г., № 70, стр. 673. Положеніе о преобразованіи судебной части въ прибалтійскихъ губ. 9 Іюля 1889 г., ст. 2, примѣч., п. а.

[3]) Тамъ же, ст. 2, примѣч., п. б.

[4]) Тамъ же; Положеніе 9 Іюля 1889 г. о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ прибалтійскихъ губ., ст. 17, 24, 30 и 31; 39 и 41.

тѣхъ случаяхъ, когда они изложены на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, и приглашенія переводчика при допросахъ обвиняемаго и свидѣтелей, не знающихъ русскаго языка. Для переводовъ „актовъ, документовъ и другихъ бумагъ“ съ иностранныхъ языковъ при окружныхъ судахъ, гдѣ это признано будетъ нужнымъ министромъ юстиціи, состоятъ особые *присяжные переводчики* (у. с. у., ст. 421 — 429); при производствѣ предварительнаго слѣдствія допускается закономъ приглашеніе лицъ, знающихъ языкъ, на которомъ объясняются обвиняемый или свидѣтели (у. у. с., ст. 410 и 450), а въ Кавказскомъ краѣ при каждомъ изъ судебныхъ слѣдователей для производства слѣдствія по болѣе важнымъ дѣламъ состоитъ по одному переводчику (у. с. у., ст. 449); равнымъ образомъ, подобные переводчики состоятъ при каждомъ изъ участковыхъ мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ, а также при окружныхъ судахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ [1]). Во время приготовительныхъ къ суду дѣйствій въ окружныхъ судахъ, если кто либо изъ подсудимыхъ или свидѣтелей не понимаетъ по-русски, предсѣдатель суда назначаетъ къ судебному слѣдствію переводчика изъ лицъ, имѣющихъ качества достовѣрныхъ свидѣтелей (у. у. с., ст. 579); на судебномъ слѣдствіи переводчики и толмачи приводятся къ присягѣ тѣмъ же порядкомъ, какъ и свидѣтели, и могутъ быть отводимы сторонами (ст. 730 и 731).

§ 153. Уголовныя дѣла могутъ находиться между собою во *внѣшнемъ* или *внутреннемъ* отношеніяхъ. Внѣшнее отношеніе существуетъ между всѣми дѣлами, которыя входятъ въ кругъ вѣдомства однихъ и тѣхъ же судовъ или чиновъ прокуратуры; въ силу этихъ отношеній, при возникновеніи всякаго рода коллизій, общимъ правиломъ признается, что болѣе важныя дѣла предшествуютъ менѣе важнымъ, такъ, напр., уголовное дѣло, связанное съ арестомъ обвиняемаго, имѣетъ предпочтеніе передъ тѣмъ, по которому обвиняемый находится на свободѣ и т. д. Внутреннее отношеніе между уголовными дѣлами бываетъ или *субъективнаго* свойства, когда различныя дѣла касаются одного и

---

[1]) Положеніе о преобразованіи судебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ 9 Іюля 1889 г., собр. узак. за 1889 г., № 78, ст. 673; законъ объ учрежденіи присяжныхъ переводчиковъ при Ревельскомъ, Митавскомъ и Либавскомъ окружныхъ судахъ, собр. узак. за 1890 г., №№ 77 и 78.

того же лица (стеченіе преступниковъ), или чисто *объективнаго*, когда общность дѣлъ, внутренняя связь между ними выражается не въ лицахъ, а въ самомъ дѣлѣ; это объективное отношеніе уголовныхъ дѣлъ бываетъ тамъ, гдѣ въ одномъ и томъ же преступленіи участвуютъ нѣсколько лицъ, какъ соучастники преступленія, а затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько дѣлъ имѣютъ общее основаніе въ одномъ и томъ же фактѣ. Особенно важными представляются случаи, когда одно дѣло зависитъ отъ другаго, т. е. когда предметомъ одного дѣла служитъ такое правоотношеніе, установленіе и разрѣшеніе котораго составляетъ необходимое условіе для разрѣшенія другаго дѣла. Это условіе можетъ касаться или матеріальнаго права, напр. по вопросу о существованіи брака по дѣламъ о прелюбодѣяніи, или можетъ быть чисто процессуальнаго свойства, напр. когда въ производствѣ дѣла возникаетъ вопросъ о правахъ лица, выступающаго обвинителемъ.

§ 154. Тѣ вопросы, отъ предварительнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ разрѣшеніе извѣстнаго дѣла, называются предсудимыми, или преюдиціальными, въ томъ смыслѣ, что они должны быть прежде рѣшены; въ уголовномъ процессѣ *предсудимыми*, или *преюдиціальными*, называются всѣ вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ установленіе законнаго состава преступленія, напр. вопросы о законности брака по дѣламъ о прелюбодѣяніи, о свойствѣ несостоятельности по дѣламъ о злостномъ банкротствѣ, о правѣ собственности по дѣламъ о завладѣніи недвижимымъ имуществомъ и т. д. Отъ предсудимыхъ, или преюдиціальныхъ, вопросовъ (questions préjudicielles) въ указанномъ смыслѣ слѣдуетъ отличать, такъ назыв., предварительные вопросы (question préalable), которые рѣшаются самимъ уголовнымъ судомъ и вовсе не касаются сущности дѣла, а требуютъ предварительнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія для выясненія побочныхъ, второстепенныхъ обстоятельствъ, напр. обстоятельствъ, вліяющихъ лишь на мѣру опредѣленнаго въ законѣ наказанія, или обстоятельствъ, погашающихъ уголовное преслѣдованіе (давность, помилованіе и т. д.) [1].

---

[1]) *F. Hélie*, ibid., t. II, № 825, p. 346—347; *Garraud*, ibid., p. 810—811; *И. Я. Фойницкій*, тамъ же, стр. 484.

Въ римскомъ правѣ принято было общимъ правиломъ, что судъ, вѣдающій уголовныя или гражданскія дѣла, можетъ разсматривать всѣ случайные вопросы, соприкасающіеся съ искомъ; извѣстно, что рѣшеніе вопросовъ о владѣніи, правѣ собственности и святости брака признавалось преюдиціальнымъ по дѣламъ о violentiae, crimen plagii и crimen raptus [1]). Въ современной доктринѣ и положительномъ законодательствѣ господствуетъ то воззрѣніе, что судья иска есть судья и всѣхъ вопросовъ, возникающихъ по дѣлу (le juge de l'action est juge de l'exeption), а потому уголовный судъ, призванный рѣшить вопросъ о виновности, вправѣ войти въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ составъ извѣстнаго преступленія, хотя бы возникшій при этомъ вопросъ и лежалъ внѣ его компетентности [2]); основаніемъ этого воззрѣнія служитъ то соображеніе, что уголовный судъ по существу его задачи не можетъ быть связанъ презумпціями и фикціями гражданскаго суда, который въ рѣшеніяхъ своихъ довольствуется установленіемъ лишь формальной правды (см. выше, § 6). Наиболѣе послѣдовательно проведено это воззрѣніе въ германскомъ Уставѣ уголовнаго судопроизводства, по которому рѣшенія гражданскаго суда не обязательны для уголовнаго, и уголовный судъ имѣетъ право рѣшать по правиламъ уголовнаго судопроизводства всѣ вопросы гражданскаго права, насколько они обусловливаютъ наказуемость дѣянія, но можетъ, по своему усмотрѣнію, пріостановить производство, назначивъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ срокъ для предъявленія иска въ гражданскомъ судѣ, или отложить судебное разбирательство до рѣшенія этого суда (§ 261). Въ австрійскомъ Уставѣ дѣйствуетъ то же правило о правѣ уголовнаго суда разсматривать и рѣшать непосредственно предсудимые вопросы гражданскаго права, за исключеніемъ лишь одного случая, а именно—когда при судебномъ разбирательствѣ возникаетъ вопросъ о дѣйствительности брака, который всегда подлежитъ предваритель-

---

[1]) *Binding*, Grundriss des deutschen Strafprocessrechts, Leipzig, 1886, § 68, S. 90; *F. Hélie*, ibid., t. II, № 829, p. 351; t. VI, № 2661, p. 325.

[2]) *F. Hélie*, ibid., t. VI, №№ 2661—2664, p. 326—333; *Garraud*, ibid, p. 811—812; *Geyer*, ibid., § 120, S. 480—481; *Ullmann*, ibid., § 75, S. 369—370. *Contra*: *Zacharia*, ibid , t. II, § 84, S. 95—96. По мнѣнію послѣдняго, только чрезмѣрное расширеніе слѣдственнаго принципа и ложное предположеніе о томъ, что матеріальная правда должна распространяться и на вопросы гражданскаго права, могли создать въ теоріи общаго права столь неправильное ученіе.

ному разрѣшенію гражданскаго суда (§§ 5 и 371). Въ французскомъ законодательствѣ и судебной практикѣ преюдиціальными вопросами признаются вопросы *о состояніи,* о правѣ собственности на недвижимое имущество и свойствѣ несостоятельности; изъ этихъ вопросовъ только предсудимость перваго имѣетъ своимъ основаніемъ прямое указаніе закона, остальные—установлены практикой и юриспруденціей [1]).

§ 155. Понятіе предсудимости въ дѣйствующемъ законодательствѣ опредѣляется въ ст. 27 и 1014 Устава; по ст. 27: „если опредѣленіе преступности дѣянія зависитъ отъ опредѣленія въ установленномъ порядкѣ правъ состоянія, или собственности на недвижимое имущество, или же свойства несостоятельности обвиняемаго, то преслѣдованіе уголовнымъ судомъ не возбуждается, а возбужденное пріостанавливается до разрѣшенія спорнаго предмета судомъ гражданскимъ", а по ст. 1014 „дѣла о вступленіи въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства или свойства... поступаютъ къ уголовному суду по окончаніи надъ виновнымъ суда духовнаго". Изъ текста приведенныхъ статей явствуетъ, что для наличности понятія предсудимости необходимы слѣдующія условія: *во первыхъ*—вопросы, возникающіе при возбужденіи дѣла или во время производства его, должны быть такого свойства, чтобы ими опредѣлялся законный составъ преступнаго дѣянія, преступность извѣстнаго дѣйствія, напр. вопросъ о свойствѣ несостоятельности по дѣламъ о злостномъ банкротствѣ или о законности брака по дѣламъ о прелюбодѣяніи и т. д. [2]); *во вторыхъ*—уголовное преслѣдованіе не возбуждается, а начатое дѣло пріостанавливается впредь до рѣшенія преюдиціальнаго вопроса *судомъ*—гражданскимъ или духовнымъ; поэтому, вопросы, подлежащіе рѣшенію не судебныхъ, а административныхъ учрежденій, не подходятъ подъ понятіе предсудимыхъ вопросовъ [3]); *въ третьихъ*—предсудимыми признаются только вопросы

---

[1]) Code civil, Art. 326 и 327; *F. Hélie*, ibid., t. VI, № 2669, p. 337—338; *Garraud*, ibid., p. 820—822, *И. Я. Фойницкій*, тамъ же, стр. 484—485.

[2]) *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 173; *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, стр. 68, 77; *А. фонъ-Резонъ*, тамъ же, стр. 6, 57.

[3]) Нѣкоторые изъ нашихъ криминалистовъ и Сенатъ совершенно неосновательно допускаютъ предсудимость по вопросамъ, подлежащимъ разрѣшенію не судебныхъ, а административныхъ учрежденій; такъ, по мнѣнію г. Неклюдова, обнаруженіе по дѣлу о растратѣ того обсто-

о правахъ состоянія, свойствѣ несостоятельности и *правѣ собственности на недвижимое имущество*, а потому—всѣ прочіе вопросы, не указанные въ ст. 27, исключаютъ понятіе предсудимости и должны быть разрѣшаемы уголовнымъ судомъ.

Подъ правами состоянія законъ понимаетъ съ одной стороны: права, соединенныя съ принадлежностью къ одному изъ государственныхъ сословій, а также пріобрѣтенныя происхожденіемъ, воспитаніемъ и службою, съ другой—права семейственныя и вообще основанныя на связяхъ родства или свойства. Изъ всѣхъ правъ состоянія только права семейственныя могутъ служить основаніемъ для предсудимыхъ вопросовъ въ смыслѣ ст. 27 Устава, такъ какъ принадлежность къ тому или другому сословію опредѣляется законами о состояніяхъ (свод. зак., т. IX) и удостовѣряется не судебнымъ рѣшеніемъ, а свидѣтельствомъ различныхъ административныхъ учрежденій, напр. дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ и т. д. Предсудимые вопросы семейственнаго права, связанные съ бракомъ или рожденіемъ, могутъ возникать въ производствѣ суда по дѣламъ объ отказѣ родителямъ въ пособіи (ст. 143 уст. о нак.), когда обвиняемый заявляетъ, что онъ незаконный сынъ обвинителя, по дѣламъ о жестокомъ обращеніи между супругами (ст. 1583) и прелюбодѣяніи (ст. 1585), когда обвиняемый отрицаетъ самый фактъ брака, объ упорномъ неповиновеніи родительской власти (ст. 1592) и вступленіи въ бракъ безъ согласія родителей (ст. 1566),

---

ятельства, что растрата совершена по должности, составляетъ будто преюдиціальный вопросъ, подлежащій обсужденію начальства обвиняемаго (стр. 71—72); въ сущности—здѣсь нѣтъ понятія предсудимости, такъ какъ фактъ растраты по должности не опредѣляетъ вовсе состава преступленія, а измѣняетъ лишь квалификацію его и порядокъ производства дѣла, и подлежитъ разрѣшенію не судебнаго мѣста, а административнаго учрежденія. Равнымъ образомъ, неправильно мнѣніе г. Чебышева-Дмитріева и Сената, признающихъ преюдиціальные вопросы по нарушеніямъ устава путей сообщенія, по дѣламъ о преступленіяхъ должности и т. д. См. *Чебышевъ-Дмитріевъ*, стр. 266—268; к. р. 1870/196, 1871/569; принявъ это мнѣніе, пришлось бы признавать предсудимымъ вопросомъ всякую справку въ производствѣ уголовнаго дѣла. Сравн. *И. Я. Фойницкій*, тамъ же, стр. 482—483. Наиболѣе правильная постановка вопроса въ статьѣ г. фонъ-Резона; почтенный авторъ совершенно основательно ограничиваетъ понятіе предсудимости только тѣми вопросами, которые подлежатъ вѣдѣнію *судебныхъ мѣстъ*. Съ однимъ нельзя согласиться; вопреки прямому смыслу ст. 1014, по которой дѣла о дѣйствительности и законности брака поступаютъ въ уголовный судъ послѣ окончанія надъ виновными суда духовнаго, авторъ безусловно отрицаетъ предсудимость по вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію духовнаго суда. Тамъ же, стр. 18—19. Того же, неправильнаго, на мой взглядъ, мнѣнія держится г. *Макалинскій*, тамъ же, стр. 176—177.

когда обвиняемый отрицаетъ фактъ родительской власти, и т. д. Одни изъ предсудимыхъ вопросовъ семейственнаго права подлежатъ разрѣшенію гражданскаго суда, а именно: вопросы о правахъ, связанныхъ съ существованіемъ законнаго брака, о законности рожденія и о дѣйствительности брака между раскольниками (ст. 1337, 1346 и 1356[1] уст. гр. суд.); другіе—духовному суду, а именно: вопросы о вступленіи въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства или свойства, о бракѣ христіанъ съ нехристіанами, о вступленіи въ четвертый бракъ православныхъ (ст. 1014 у. у. с.). По дѣламъ о многобрачіи лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія (ст. 1534 и слѣд. улож.) и о кровосмѣшеніи (ст. 1593 и слѣд.) отъ духовнаго суда требуются только свѣдѣнія о совершеніи брака при существованіи другаго (ст. 1013 у. у. с.), а потому по дѣламъ этимъ не можетъ имѣть примѣненія ст. 27 Устава, и возникающій въ производствѣ уголовнаго суда вопросъ брачнаго права не можетъ быть признанъ предсудимымъ [1]).

Вопросы о правѣ собственности на *недвижимое* имущество возникаютъ въ случаяхъ продажи или аренды одного и того же недвижимаго имущества по формальнымъ актамъ двумъ разнымъ лицамъ [2]), порубки лѣса, когда обвиняемый доказываетъ формальнымъ актомъ свое право собственности на спорный лѣсъ [3]), или когда возникаетъ вопросъ о правѣ общей собственности нѣсколькихъ лицъ [4]), въ случаяхъ продажи на сносъ однимъ изъ совладѣльцевъ дома, находящагося въ общемъ владѣніи [5]), и т. д. Вопросы, о которыхъ упоминается въ ст. 27 Устава, обнимаютъ собою не только вопросы о полномъ правѣ собственности на недвижимое имущество, но и о правѣ собственности въ его составныхъ частяхъ, т. е. вопросы владѣнія, пользованія и распоряженія [6]). Несостоятельность по дѣйствующему праву бываетъ или несчастная, или неосторожная, или злостная, но изъ всѣхъ этихъ видовъ только *злостная* несостоятельность или злонамѣренное банкротство составляетъ наказуемое дѣяніе. Свой-

---

[1]) *А. фонъ-Резонъ*, тамъ же, стр. 21.
[2]) К. р. 1869/245; 1870/424; 1873/264.
[3]) К. р. 1869/36; 1870/146.
[4]) К. р. 1869/261, по д. Влѣзкова.
[5]) К. р. 1867/468, по д. Маричева.
[6]) К. р. 1869/361; 1870/44; 1870/424; 1871/1485; 1874/542.

ство несостоятельности опредѣляется постановленіемъ общаго собранія кредиторовъ несостоятельнаго должника, и постановленіе это утверждается коммерческимъ или окружнымъ судомъ; въ виду этого, уголовное преслѣдованіе по дѣламъ о злостномъ банкротствѣ не можетъ быть возбуждено прежде признанія свойства несостоятельности въ установленномъ гражданскими законами порядкѣ. При установленіи свойства несостоятельности, когда несостоятельный должникъ признанъ злостнымъ банкротомъ, фактическая сторона дѣла исчерпана, и задача уголовнаго суда сводится лишь къ разрѣшенію вопроса—о вмѣненіи и наказаніи виновнаго по закону [1]).

Сенатская практика значительно расширяетъ понятіе предсудимости по дѣйствующему праву; кромѣ вопросовъ о правахъ состоянія, свойствѣ несостоятельности и правѣ собственности на недвижимое имущество, прямо указанныхъ въ законѣ, Сенатъ признаетъ предсудимыми вопросы о правѣ собственности на *движимое* имущество, основанномъ на формальномъ письменномъ актѣ [2]), и вообще всѣ вопросы гражданскаго права, истекающіе изъ такихъ договоровъ и обязательствъ, которые должны быть по закону облечены въ письменную форму и не могутъ по сему быть доказываемы показаніями свидѣтелей [3]); по мнѣнію Сената, рѣшеніе гражданскаго суда должно предшествовать уголовному приговору во всѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительность и свойство дѣянія, въ которомъ предполагается преступленіе, зависятъ отъ опредѣленія силы и значенія документовъ, установленныхъ закономъ и оспариваемыхъ одною изъ сторонъ [4]). Основаніемъ таковой сенатской практики послужили слѣдующія соображенія: *во первыхъ*—необходимость сохранить для вопросовъ гражданскаго права установленные для нихъ способы доказыванія; *во вторыхъ*—то обстоятельство, что изъ общаго правила, по которому уголовнымъ порядкомъ производится лишь судебное преслѣдованіе преступленій или проступковъ (у. у. с., ст. I), а всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства (у. гр. суд., ст. 1, 4, 29 и 202), законъ положительно устанавливаетъ лишь одно изъятіе—для исковъ, вытекающихъ изъ наказуемаго дѣянія; во всѣхъ прочихъ случаяхъ судъ уголовный не компетентенъ въ разсмотрѣніи вопросовъ гражданскаго права [5]). Правда, въ законѣ указаны только три вопроса, подлежащіе предварительному разрѣшенію гражданскаго суда (ст. 27), но въ уставахъ нѣтъ безусловнаго запрещенія уголовному суду разсматривать и прочіе вопросы гражданскаго права, возникающіе въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, что вытекаетъ изъ общаго правила о разграниченіи подсуд-

---

[1]) *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 250—251; *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, стр. 112—113.

[2]) К. р. 1868/388; 1869/299; 1869 259; 1869/321; 1869/2001; 1870/164; 1870/1494; 1871/998; 1872/585; 1872/1587; 1875/255 и др.

[3]) К. р. 1868/770, 1869/653, 1871/1071.

[4]) К. р. 1868/338, 1868/946, 1869/299, 1869/342, 1869/580, 1871/1189 и др.

[5]) *Н. Буцковскій*, тамъ же, стр. 29, 42 и др. Названный авторъ, въ качествѣ сенатора, на первыхъ порахъ по введеніи судебной реформы, положилъ начало существующей кассаціонной практикѣ и пытается теоретически её обосновать.

ностей и разума относящихся сюда постановленій о существѣ и характерѣ гражданскаго и уголовнаго судовъ [1]).

Сенатская практика по преюдиціальнымъ вопросамъ крайне неправильна; благодаря ей, вполнѣ ясный и опредѣленный смыслъ ст. 27 Устава затемненъ, и самый вопросъ о предсудимости въ дѣйствующемъ правѣ сталъ однимъ изъ наиболѣе сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ судебной практики. Въ ст. 27 Устава устанавливается *изъятіе* изъ того основнаго правила, по которому уголовный судъ, призванный къ рѣшенію вопроса о виновности, обязанъ непосредственно изслѣдовать всѣ вопросы, возникающіе въ производствѣ дѣла, а потому статья эта, вопреки мнѣнію Сената, ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ *расширительнаго* толкованія; таково основное правило судебнаго толкованія. То соображеніе Сената, что законъ нашъ допускаетъ лишь одно изъятіе изъ общаго правила о разграниченіи подсудностей, а именно — относительно исковъ, вытекающихъ изъ наказуемаго дѣянія, не выдерживаетъ критики, и самъ Сенатъ разбиваетъ это свое положеніе, допуская разсмотрѣніе въ уголовномъ судѣ вопросовъ гражданскаго права во всѣхъ случаяхъ, когда права сторонъ не основаны на письменныхъ актахъ и могутъ быть доказаны свидѣтельскими показаніями. Независимо отъ этого, начало разграниченія подсудностей не имѣетъ того абсолютнаго значенія, которое соединяетъ съ этимъ понятіемъ Сенатъ, и мы видимъ, что въ новѣйшемъ процессуальномъ законодательствѣ уголовный судъ признается компетентнымъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ гражданскаго права, возникающихъ въ производствѣ дѣла. Законъ, ограничивая понятіе предсудимости вопросами о правахъ состоянія, свойствѣ несостоятельности и правѣ собственности на недвижимое имущество, очевидно, имѣлъ въ виду, что всѣ прочіе вопросы гражданскаго права, особенно—вопросы о правѣ собственности на *движимое* имущество, настолько несложны, что могутъ легко быть разсмотрѣны и разрѣшены непосредственно уголовнымъ судомъ, тѣмъ болѣе, что судья, изслѣдуя вопросъ гражданскаго права, напр. сущность и силу договора или недѣйствительность письменнаго акта, удостовѣряющаго права собственности на движимую вещь, изслѣдуетъ тѣмъ самымъ одну изъ составныхъ частей подлежащаго его сужденію преступнаго дѣянія [2]). Въ интересахъ правосудія и возстановленія истиннаго смысла закона, слѣдуетъ желать, чтобы Сенатъ отказался отъ установленной имъ практики по предсудимымъ вопросамъ, или чтобы изданъ былъ законъ, положившій предѣлъ той путаницѣ, которая существуетъ у насъ по этимъ вопросамъ [3]).

---

[1]) Общія соображенія Сената наиболѣе подробно изложены въ рѣшеніяхъ за 1868 г. по д. Постовскаго (388) и Зонта (770). См. также *Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 251.

[2]) *F. Hélie*, ibid., t. VI, № 2662, p. 327; *Garraud*, ibid., p. 327. Французская судебная практика, основанная на родственномъ съ нашимъ законѣ, исключаетъ изъ понятія предсудимости вопросы о правѣ собственности на *движимое* имущество, безотносительно къ тому, основано-ли это право на формальномъ, письменномъ актѣ или нѣтъ; вопросы эти, по справедливому замѣчанію Фостена Эли, настолько просты и несложны, что уголовный судъ имѣетъ всѣ данныя для ихъ рѣшенія. Между тѣмъ, вопросы эти возникаютъ весьма часто въ производствѣ уголовнаго дѣла, и обращеніе ихъ всякій разъ въ гражданскій судъ вызвало бы большія затрудненія въ отправленіи правосудія. См. *F. Hélie*, ibid., № 2694, p. 372—373; *Garraud*; ibid., p. 822.

[3]) Сенатская практика вызываетъ весьма рѣзкія и серьезныя возраженія въ нашей литературѣ. „Подобное расширеніе Сенатомъ яснаго текста ст. 27“, замѣчаетъ г. Неклюдовъ: „представляется противнымъ точному разуму закона, нарушаетъ одно изъ самыхъ коренныхъ началъ, такъ сказать, душу судебныхъ уставовъ, обращаетъ гражданскіе суды въ судебныхъ слѣдователей по дѣламъ уголовнымъ, вводитъ подъ маскою права въ уголовный процессъ отмѣненную систему формальныхъ доказательствъ, ослабляетъ силу уголовной репрессіи и привело Сенатъ къ такимъ противорѣчивымъ рѣшеніямъ, что онъ самъ не въ состояніи выйти изъ ихъ лабиринта.“ *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, стр. 69; см. также *И. Я. Фойницкій*, тамъ же, стр. 488—489; *А. фонъ-Резонъ*, тамъ же, стр. 2, 54.

§ 156. Разрѣшеніе предсудимаго вопроса всегда должно предшествовать уголовному преслѣдованію или рѣшенію уголовнаго суда; отсюда, предсудимые вопросы раздѣляются на вопросы, препятствующіе начатію уголовнаго иска (questions préjudicielles à l'action), и вопросы, препятствующіе постановленію уголовнаго приговора (questions préjudicielles au jugement). Законъ нашъ, воспрещая въ виду предсудимаго вопроса не только рѣшать уголовное дѣло, но и возбуждать уголовное преслѣдованіе, повидимому, признаетъ отчасти это дѣленіе; такъ — вопросы о свойствѣ несостоятельности и брачнаго права объусловливаютъ собою начатіе дѣла, такъ какъ уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено, пока не будетъ установлено свойство несостоятельности, или не состоится приговоръ духовнаго суда (ст. 1014), другіе предсудимые вопросы, напр. о правѣ собственности или законности рожденія, могутъ быть возбуждены во время производства дѣла, которое въ такомъ случаѣ пріостанавливается до разрѣшенія вопроса гражданскимъ судомъ.

Постановленія дѣйствующаго права вовсе не опредѣляютъ порядка возбужденія предсудимыхъ вопросовъ и разрѣшенія ихъ, а потому—правила, которыми должны руководствоваться судьи въ настоящемъ случаѣ, могутъ быть установлены только путемъ судебной практики и общихъ теоретическихъ соображеній; правила эти слѣдующія: 1. общее положеніе то, что судъ не возбуждаетъ по своей иниціативѣ, помимо заявленій сторонъ, предсудимыхъ вопросовъ, въ силу извѣстнаго правила: *ultra petitia non est judicandum* [1]); во всякомъ случаѣ, если даже и допустить право уголовнаго суда возбуждать эти вопросы, разрѣшеніе ихъ въ порядкѣ гражданскаго суда можетъ быть только по иску заинтересованной стороны (ст. 4 уст. гр. суд.); если стороны во время производства дѣла не заявляютъ спора по одному изъ указанныхъ въ ст. 27 вопросовъ, то судъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, долженъ постановить оправдательный при-

---

[1]) По мнѣнію И. Я. Фойницкаго (стр. 486), исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ случаи подсудности предсудимаго вопроса духовному суду, когда уголовный судъ имѣетъ право передачи, а г. фонъ-Резонъ (стр. 62—64) полагаетъ, что уголовный судъ можетъ возбуждать ex officio только вопросы о свойствѣ несостоятельности и о правахъ состоянія. Оба мнѣнія, кажется, основаны на недоразумѣніи; дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ указанныхъ вопросовъ не можетъ возникнуть во время производства дѣла, такъ какъ самое дѣло не можетъ быть начато, пока не будетъ опредѣлено свойство несостоятельности, или не состоится рѣшеніе духовнаго суда.

говоръ за отсутствіемъ въ дѣйствіяхъ обвиняемаго признаковъ преступнаго дѣянія (ст. 771); 2. уголовный судъ долженъ изслѣдовать — насколько заявленіе сторонъ относительно предсудимости заслуживаетъ вниманія, и не имѣетъ ли оно цѣлью затянуть дѣло, одного голословнаго заявленія стороны, очевидно, недостаточно въ настоящемъ случаѣ [1]); 3. признавъ, что въ дѣлѣ имѣется предсудимый вопросъ, отъ предварительнаго разрѣшенія котораго зависитъ опредѣленіе преступности дѣянія, судъ долженъ пріостановить производство уголовнаго дѣла и предоставить заинтересованной сторонѣ срокъ для предъявленія иска въ гражданскій судъ; въ случаѣ пропуска этого срока, дѣло должно получить дальнѣйшее движеніе въ уголовномъ порядкѣ, а заявленіе стороны о предсудимости должно быть признано или неоспореннымъ, или недоказаннымъ [2]); 4. въ производствѣ мировыхъ судей, а также городскихъ судей и земскихъ начальниковъ, предсудимый вопросъ гражданскаго права долженъ быть разсмотрѣнъ отдѣльно отъ уголовнаго дѣла, въ порядкѣ гражданскаго суда [3]).

§ 157. Изъ понятія предсудимости вытекаетъ начало взаимной обязательности рѣшеній гражданскаго и уголовнаго судовъ. Окончательное рѣшеніе гражданскаго суда признается обязательнымъ для уголовнаго, насколько оно касается „дѣйствительности и свойства событія или дѣянія“ (ст. 29), а окончательное рѣшеніе уголовнаго

---

[1]) К. р. 1869/753, 1871/104.

[2]) *А. фонъ-Резонъ*, тамъ же, стр. 68—69. По германскому уставу уголовный судъ, при наличности предсудимаго вопроса, имѣетъ право назначить сторонѣ срокъ для предъявленія иска въ гражданскій судъ, при чемъ пропускъ этого срока имѣетъ своимъ послѣдствіемъ продолженіе уголовнаго дѣла. Въ нашемъ уставѣ нѣтъ никакого указанія на право суда назначить сторонамъ срокъ, и въ этомъ нельзя не видѣть весьма существеннаго пробѣла дѣйствующаго законодательства; „нельзя себѣ представить“, замѣчаетъ г. фонъ-Резонъ: „положеніе болѣе безпомощное и смѣшное, чѣмъ положеніе обвинителя и потерпѣвшаго, которому судъ объявляетъ, что возбужденное имъ дѣло прекращено (?) и можетъ быть возобновлено, когда обвиняемому угодно будетъ устранить препятствіе къ его собственному преслѣдованію“. Помимо изложенныхъ соображеній, уголовный судъ не можетъ оставаться пассивнымъ въ производствѣ дѣла и ставить исходъ его отъ усмотрѣнія той или другой стороны. Хотя въ законѣ и нѣтъ указаній относительно права суда, при наличности предсудимаго вопроса, назначать срокъ для предъявленія иска, но практика подобнаго рода не встрѣчаетъ препятствій, тѣмъ болѣе, что Сенатъ (по гражд. департ.) призналъ неизбѣжность назначенія срока, въ видахъ удостовѣренія въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ сторонъ, и безъ прямаго предписанія объ этомъ закона. Рѣш. гражд. кассац. деп. Сената за 1882, № 141.

[3]) К. р. 1870, № 571.

суда, въ свою очередь, обязательно для гражданскаго „по вопросамъ: совершилось ли преступленіе, было-ли оно дѣяніемъ подсудимаго, и какого свойства эти дѣянія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда гражданскія послѣдствія дѣянія, бывшаго предметомъ уголовнаго суда, разсматриваются судомъ гражданскимъ“ (ст. 30). Изъ текста приведенныхъ статей видно, что для взаимной обязательности рѣшеній гражданскаго и уголовнаго судовъ необходимы нижеслѣдующія условія: *во-первыхъ* — начало это, eo ipso, предполагаетъ тѣсную внутреннюю связь между дѣлами, которая выражается въ тождествѣ предмета, лица и основаній дѣла; *во-вторыхъ* — рѣшеніе должно быть окончательное, вошедшее въ законную силу, т. е. не подлежащее пересмотру ни въ апелляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкѣ [1]); *въ-третьихъ*—рѣшеніе гражданскаго суда для уголовнаго и наоборотъ обязательно только въ предѣлахъ чисто *фактическихъ обстоятельствъ* дѣла, такъ — рѣшеніе гражданскаго суда обязательно „относительно дѣйствительности и свойства событія или дѣянія“, а рѣшеніе уголовнаго суда лишь по вопросамъ: совершилось ли событіе преступленія, было-ли оно дѣяніемъ подсудимаго, и какого свойства это дѣяніе; *въ-четвертыхъ* — такъ какъ гражданскій судъ не компетентенъ въ разрѣшеніи вопроса о виновности, то всякое заключеніе его, насколько оно касается этого вопроса, не обязательно для уголовнаго суда; на этомъ основаніи, послѣдній не можетъ быть стѣсненъ заключеніемъ гражданскаго суда о томъ, что онъ не усматриваетъ въ дѣйствіяхъ извѣстныхъ лицъ признаковъ преступленія [2]), и въ правѣ повѣрять признанныя гражданскимъ судомъ обстоятельства, по сколько ими опредѣляется отвѣтственность обвиняемаго [3]).

Взаимная обязательность рѣшеній гражданскаго и уголовнаго судовъ не ограничивается только случаями, означенными въ ст. 27, и распространяется вообще на всѣ вопросы, рѣшенные гражданскимъ судомъ, насколько они касаются уголовнаго дѣла [4]); ни въ са-

---

[1]) К. р. 1876, №№ 97 и 291.

[2]) К. р. 1871/1468, 1874/626 и 1875/196. Равнымъ образомъ, Сенатъ совершенно основательно нашелъ, что признаніе гражданскимъ судомъ преступности факта не обусловливаетъ собою непремѣннаго признанія виновности и примѣненія карательнаго права. К. р. 1871/1790, по д. Казарипова

[3]) К. р. 25 октября 1873, по д. Гуляева.

[4]) К. р. за 1869, №№ 429, 467 и 880. *Contra*: *Н. Неклюдовъ*. тамъ же, стр. 113 — 114.

момъ законѣ, ни въ мотивахъ къ нему нѣтъ никакихъ указаній къ толкованію ст. 29 и 30 Устава въ ограничительномъ смыслѣ.

§ 158. Отправленіе уголовнаго правосудія почти неизбѣжно связано съ ошибками; явленіе это, наблюдаемое въ судебной лѣтописи всѣхъ временъ и странъ, лежитъ въ природѣ человѣка, объясняется несовершенствомъ средствъ, которыми онъ располагаетъ при отысканіи истины, и присущимъ человѣческому уму свойствомъ заблуждаться, даже при самомъ добросовѣстномъ и внимательномъ отношеніи къ дѣлу [1]). Errare humanum est. Всякая судебная ошибка, особенно, когда невинно-осужденный уже понесъ наказаніе, съ одной стороны, причиняетъ человѣку цѣлый рядъ страданій и лишеній, нерѣдко совершенно разрушаетъ его экономическое благосостояніе, съ другой — подрываетъ авторитетъ судебной власти въ общественномъ мнѣніи. Въ правѣ-ли государство отнестись безучастно къ жертвамъ судебныхъ ошибокъ? Конечно, нѣтъ; государство, по существу его задачи служить интересамъ правды и справедливости въ области правосудія и охранять достоинство судебной власти, обязано по возможности стремиться къ тому, чтобы исправить или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько ослабить печальныя послѣдствія произошедшей судебной ошибки; задача эта можетъ быть достигнута: *во-первыхъ*—правильною организаціею института возобновленія дѣлъ и *во-вторыхъ* — вознагражденіемъ потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки. Вознагражденіе это можетъ быть *идеальное*, когда, въ видахъ возстановленія чести и добраго имени неправильно привлеченнаго къ суду, судъ торжественно объявляетъ его невиновнымъ и немедленно освобождаетъ отъ всѣхъ послѣдствій его судимости, и *матеріальное*, выражающееся въ возмѣщеніи того имущественнаго

---

1) О судебныхъ ошибкахъ см. *Ткачева*, Сборникъ судебныхъ ошибокъ, и газету «Новости» за 1882 г., № 144. Историческою извѣстностью пользуется дѣло Каласа, обвиненнаго и казненнаго за совершенное будто бы имъ убійство своего сына, протестанта, желавшаго перейти въ католичество; въ этомъ процессѣ принималъ дѣятельное участіе Вольтеръ въ качествѣ защитника невиннаго. См. любопытныя подробности этого процесса у Ткачева и въ соч. *Eduard'a Hertz'a*, Voltaire und die französishe Strafrechtspflege im 18 Jahrhundert. Ein Beitrag zur Geschichte des Aufklärungszeitalters. Stuttgart, 1887. За послѣднее время, громкую извѣстность получили—во Франціи дѣло *Борра*, невинно-осужденнаго и едва не казненнаго за убійство фермера Пради, и у насъ, въ Россіи, дѣло начальника Бѣлопольской почтово-телеграфной конторы *Пономарева*, невинно осужденнаго 18 декабря 1889 года Харьковской судебной палатой за похищеніе двухъ должностныхъ пакетовъ на сумму въ 10000 рублей. См. Юридич. Лѣтопись, 1890 г., Апрѣль.

вреда, который причиненъ потерпѣвшему отъ судебной ошибки. Затѣмъ, по объему своему, матеріальное вознагражденіе можетъ распространяться только на невинно-осужденныхъ и пострадавшихъ отъ наказанія или вообще на всѣхъ тѣхъ, кто потерпѣлъ вредъ и убытки отъ неправильнаго привлеченія къ суду, напр. на подвергнувшихся болѣе или менѣе продолжительному предварительному лишенію свободы и т. д.

Мысль о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки впервые высказана была Пуффендорфомъ, но съ особенною силою идея эта выдвинута была въ концѣ 18 в., когда защитниками ея выступили: Бриссо-де-Варвиль и Пасторе во Франціи, Филанджіери въ Италіи и Бентамъ въ Англіи. „Когда", замѣчаетъ послѣдній: „невинный задержанъ, лишенъ свободы, покрытъ позоромъ подозрѣнія, осужденъ ко всѣмъ мукамъ судебнаго разбирательства и продолжительнаго узничества, то не только въ его интересахъ, но въ интересахъ самого государственнаго правосудія слѣдуетъ желать, что-бы онъ получилъ вознагражденіе. Желательно-ли, чтобы зло, причиненное учрежденною для преслѣдованія зла юстиціею, оставалось неискупленнымъ?"

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія вопросъ о вознагражденіи невинно-привлеченныхъ къ суду въ теченіе долгаго времени почти былъ забытъ и вновь поднятъ въ литературѣ германскимъ криминалистомъ Гейнце [1]); затѣмъ, вопросъ этотъ сталъ предметомъ обсужденія на трехъ съѣздахъ германскихъ юристовъ (въ 1873, 1874 и 1876 гг.) и въ литературѣ [2]). Въ послѣдней высказаны были различныя воззрѣнія на вопросъ; по мнѣнію однихъ, вознагражденіе за подслѣдственное содержаніе невинно къ суду привлеченныхъ имѣетъ своимъ основаніемъ тѣ же соображенія, которыя положены въ основаніе экспропріаціи имущества (Гейеръ, Жакъ), или вознагражденія свидѣтелей (Вальбергъ), или зачета времени подслѣдственнаго задержанія въ наказаніе при постановленіи обвинительнаго приговора (Гейнце); по мнѣнію другихъ, болѣе правильному и распространенному, вознагражденіе невинно привлеченныхъ къ суду не можетъ быть строго юридически обосновано (Шварце) и вызывается сообра-

---

[1]) *Heinze*, Das Recht der Untersuchungshaft, Leipzig, 1865.

[2]) Указанія на иностранную литературу см. у *И. Я. Фойницкаго*, О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ, Спб. 1884 г.

женіями гуманности, человѣколюбія (Шварце, Фойницкій, Хрулевъ) [1]). „По печальной неизбѣжности", замѣчаетъ И. Я. Фойницкій, „человѣческое правосудіе направляетъ нерѣдко свои мѣры и противъ невинныхъ, торжественно затѣмъ оправдываемыхъ." „Для общества съ высшей культурой оправданіе пострадавшаго при слѣдствіи означаетъ несправедливое, незаслуженное страданіе, возбуждающее къ невинно понесшему его наше сочувствіе. Въ нашемъ представленіи возникаетъ идея, что судъ, причинивъ такое страданіе, сталъ факторомъ несправедливости, что искупить её необходимо, въ виду моральныхъ интересовъ самого правосудія."

§ 159. Въ положительномъ законодательствѣ институтъ вознагражденія потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки имѣетъ весьма ограниченное примѣненіе. Первый опытъ практическаго осуществленія идеи подобнаго вознагражденія относится къ концу прошлаго столѣтія, а именно—въ тосканскомъ Уложеніи 1786 г., подъ непосредственнымъ вліяніемъ Филанджіери, установлены были правила объ особой кассѣ для возмѣщенія убытковъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, и подсудимыхъ, *оправданныхъ* судомъ, при чемъ какъ самое вознагражденіе, такъ равно и размѣръ его предоставлены были усмотрѣнію суда въ каждомъ частномъ случаѣ, но кодексъ этотъ не долго существовалъ и вскорѣ замѣненъ былъ другимъ, въ которомъ вовсе не упоминается о вознагражденіи оправданныхъ судомъ. Въ *Англіи*, въ 1808 году, внесенъ былъ въ палату общинъ билль о вмѣненіи суду въ обязанность въ случаяхъ оправдательнаго приговора ставить и разрѣшать вопросъ о вознагражденіи *оправданнаго*, но проектъ этотъ не встрѣтилъ сочувствія въ палатѣ и взятъ былъ авторомъ его обратно. Во *Франціи*, при обсужденіи нынѣ дѣйствующаго Устава, предполагалось ввести государственное вознагражденіе *невинно-осужденныхъ*, но предложеніе это было отклонено изъ опасенія, чтобы мѣра эта не имѣла бы послѣдствіемъ вознагражденія всѣхъ оправданныхъ подсудимыхъ, а частью потому, что самый принципъ юридической отвѣтственности государства за вредъ, произошедшій отъ судебной ошибки, признанъ былъ спорнымъ. Въ той же мѣрѣ

---

[1]) Среди французскихъ современныхъ юристовъ, за немногими исключеніями (напр. Бонневиль-де-Маржанси), идея вознагражденія потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки не пользуется сочувствіемъ. *F. Hélie*, ibid., t. VIII, № 4054, p. 540—542; *Garraud*, ibid., p. 651.

неудачнымъ было предположеніе установить вознагражденіе *невинно-осужденныхъ* при обсужденіи проекта Уложенія въ Португаліи въ 1861 г. Изъ германскихъ законодательствъ только въ вюртембергскомъ Уставѣ установлено было государственное вознагражденіе; согласно этому уставу, „осужденному, невинность котораго доказана, выдается изъ казны вознагражденіе за вредъ, невинно имъ понесенный, при чемъ казна имѣетъ право требовать возврата уплаченнаго съ виновныхъ въ неправильномъ осужденіи должностныхъ лицъ“ (art. 484, abs. 2). Въ новыхъ австрійскомъ (§ 360) и германскомъ (§ 411) Уставахъ говорится только о правѣ оправданнаго требовать, чтобы оправдательный приговоръ былъ напечатанъ, т. е. допускается, такъ назыв., идеальное вознагражденіе [1]). Изъ всѣхъ европейскихъ законодательствъ только въ Швейцаріи практикуется государственное вознагражденіе невинно привлеченныхъ къ суду.

§ 160. По дѣйствующему законодательству, „возстановленіе чести и правъ невинно осужденныхъ допускается во всякое время, несмотря ни на протеченіе давности, ни на смерть осужденнаго“ (ст. 26); затѣмъ, законъ предписываетъ „немедленно“ освобождать обвиняемаго въ случаяхъ оправдательнаго приговора (ст. 819 и 958), а при возобновленіи дѣла „немедленно“ пріостанавливать дальнѣйшее дѣйствіе приговора и облегчать осужденнаго во всемъ, что не препятствуетъ къ явкѣ его въ судъ (ст. 938). Изложеннымъ ограничиваются постановленія Устава относительно, такъ назыв., идеальнаго вознагражденія. Матеріальное вознагражденіе допускается въ нашемъ законодательствѣ только въ случаяхъ *оправданія* (ст. 32 и 780) [2]); оправданному подсудимому, по ст. 780 Устава, дозволяется просить вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные ему неосновательно-

---

[1]) За послѣднее время въ Австріи и Германіи было нѣсколько попытокъ болѣе широкой постановки разсматриваемаго вопроса. Въ Австріи правительственный законопроектъ «о возмѣщеніи невинно-осужденныхъ, но, впослѣдствіи, оправданныхъ» былъ принятъ въ принципѣ палатою въ 1884 году, но возвращенъ былъ обратно для исправленій, вслѣдствіе высказанныхъ въ палатѣ господъ опасеній, что вознагражденіе оправданныхъ по суду можетъ быть слишкомъ обременительнымъ для казны; въ Германіи, законопроектъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки дважды былъ вносимъ въ рейхстагъ—въ 1882 г. (депутатами Филипсомъ и Ленцманомъ) и 1888 г. (деп. Мюнкелемъ и Ринтелемъ), но безъ результата. См. Bulletin de la Société de législation comparée, 1888. Avril, p. 400; Юридич. Лѣт., 1890, кн. 3.

[2]) К. р. 1875/660, по д. Вегульянскаго. Противнаго мнѣнія И. Я. Фойницкій, тамъ же стр. 15—16.

нымъ привлеченіемъ къ суду. Постановленіе это, вопреки существующему въ судебной практикѣ мнѣнію, распространяется, очевидно, на всѣ случаи оправданія какъ въ обыкновенномъ порядкѣ судебнаго разбирательства, такъ равно и въ порядкѣ возобновленія дѣлъ, когда осужденный, вслѣдствіе обнаруженной и доказанной судебной ошибки, объявляется свободнымъ отъ суда и наказанія. Нашему законодательству неизвѣстно понятіе государственнаго вознагражденія потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки за счетъ государственнаго казначейства [1]); отвѣтственными за вредъ, причиненный неправильнымъ и неосновательнымъ привлеченіемъ къ суду, признаются только частныя или должностныя лица, но не государство само по себѣ. Изъ частныхъ лицъ—доносители, т. е. лица, не потерпѣвшія отъ преступленія, а только заявившія о немъ, отвѣчаютъ во всякомъ случаѣ за вредъ и убытокъ, причиненные неосновательнымъ привлеченіемъ обвиняемаго къ суду (ст. 781); лица же потерпѣвшія несутъ отвѣтственность только при *недобросовѣстномъ* обвиненіи, когда будетъ доказано на судѣ, что они искажали обстоятельства дѣла, дѣлали ложныя показанія, подговаривали къ тому другихъ и вообще употребляли какія либо незаконныя или предосудительныя средства для обвиненія извѣстнаго лица (ст. 782). Должностныя лица, въ томъ числѣ судебные слѣдователи и чины прокуратуры, могутъ быть привлечены къ имущественной отвѣтственности по иску оправданнаго, но опять таки только въ томъ случаѣ, „если можетъ быть доказано, что они дѣйствовали пристрастно, притѣснительно, безъ законнаго повода или основанія, или же вообще недобросовѣстно“ (ст. 783); иски въ подобныхъ случаяхъ предъявляются и производятся въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства (уст. гражд. суд., ст. 1316—1336). Такимъ образомъ, вознагражденіе неправильно привлеченныхъ къ суду, по нашему закону, допускается относительно частныхъ лицъ только въ случаяхъ неосновательнаго доноса

---

[1]) Въ старой судебной практикѣ извѣстенъ лишь одинъ случай вознагражденія невинно-осужденныхъ изъ государственнаго казначейства, а именно—дворовые люди Шепелюхинъ, Лобановъ и Лягушкинъ и однодворецъ Борзенковъ, осужденные въ 1819 г. въ каторжныя работы по обвиненію въ убійствѣ дворянки Маріи Алтуховой, впослѣдствіи, въ 1823 г., по возобновленіи дѣла, признаны были невинно-осужденными и получили изъ государственнаго казначейства по *двѣ тысячи рублей* вознагражденія. См. Журн. Мин. Юстиціи за 1862 г., Авг.; *С. Хрулевъ*, тамъ же, стр. 509—510. Съ наибольшею подробностью дѣло это изложено въ статьѣ г. Танкова „Ширковское дѣло“, Историч. Вѣстникъ за іюль 1890 г., стр. 115—134.

и недобросовѣстнаго обвиненія, а относительно должностныхъ лицъ— въ случаяхъ прямаго злоупотребленія по службѣ.

§ 161. Вопросъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки сравнительно новый и имѣетъ за собою крайне ограниченный опытъ; этимъ объясняется до извѣстной степени слабость его теоретической разработки. Въ законодательствахъ этотъ вопросъ едва, можно сказать, намѣченъ, въ частности, постановленія дѣйствующаго права крайне недостаточны. *Во-первыхъ*, по Уставу оправданному не предоставлено права требовать напечатанія оправдательнаго о немъ приговора; этотъ весьма существенный пробѣлъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ законодателя, что съ введеніемъ гласности устраняется будто необходимость публикаціи оправдательнаго приговора, такъ какъ каждый обвиняемый лично можетъ объ этомъ позаботиться. Соображеніе это неубѣдительно; гласность судопроизводства не освобождаетъ государство отъ обязанности принять всѣ мѣры къ возстановленію чести оправданнаго или невинно осужденнаго и въ частности, по собственной иниціативѣ или по просьбѣ пострадавшаго отъ судебной ошибки, публиковать оправдательный приговоръ. Этотъ актъ, облеченый авторитетомъ правительственной власти, служитъ въ законодательствахъ, гдѣ онъ установленъ, выраженіемъ, такъ назыв., идеальнаго вознагражденія, котораго по справедливости въ правѣ ожидать и требовать потерпѣвшій отъ судебной ошибки. *Во-вторыхъ*, ограничивая матеріальное вознагражденіе только случаями оправданія обвиняемаго, нашъ законъ вовсе не касается неправильно привлеченныхъ къ суду; между тѣмъ, не рѣдко предварительное заключеніе по совершенно неосновательному и ошибочному подозрѣнію причиняетъ не меньше лишеній и страданій частному лицу, чѣмъ въ случаяхъ оправданія, даже больше, если принять во вниманіе, что заключенный подъ стражу и освобожденный затѣмъ отъ слѣдствія и суда часто бываетъ лишенъ того нравственнаго удовлетворенія, которое заключается въ полномъ оправданіи, и остается на долгое время какъ бы „въ подозрѣніи“, такъ какъ онъ не оправданъ, а только освобожденъ отъ слѣдствія, быть можетъ, по недостатку уликъ. Достоинство судебной власти требуетъ матеріальнаго вознагражденія и въ тѣхъ случаяхъ, когда неосновательное привлеченіе къ суду въ связи съ лишеніемъ свободы извѣстнаго лица подтверждается обвинительнымъ приговоромъ другаго. *Въ-третьихъ*,

въ нашемъ законодательствѣ предусматриваются случаи неправильнаго обвиненія по винѣ частныхъ или должностныхъ лицъ, и совершенно упущена изъ вниманія возможность такой судебной ошибки, которая произошла при полной добросовѣстности лицъ, участвующихъ въ производствѣ дѣла, въ силу несчастнаго стеченія обстоятельствъ и несовершенства средствъ для распознаванія истины. Если въ первомъ случаѣ частныя и должностныя лица должны нести отвѣтственность за вредъ и убытки, причиненные неосновательнымъ, соединеннымъ съ злоупотребленіемъ по службѣ или недобросовѣстнымъ привлеченіемъ невиннаго къ суду, то во второмъ случаѣ—задача государства вознаградить матеріально пострадавшихъ отъ судебной ошибки; виноватыхъ нѣтъ, но отъ этого не легче тѣмъ, кому пришлось потерпѣть отъ несовершенствъ человѣческаго правосудія. Мысль о вознагражденіи оправданнаго въ томъ случаѣ, когда „въ неправильномъ преслѣдованіи его никто не можетъ быть признанъ виновнымъ“, высказана была при обсужденіи Судебныхъ Уставовъ, но не встрѣтила сочувствія у большинства редакціонной комиссіи, по мнѣнію котораго, „вознагражденіе такихъ подсудимыхъ должно быть предметомъ не государственныхъ расходовъ, но общественной благотворительности“ [1]). Съ мнѣніемъ этимъ нельзя согласиться; исправленіе погрѣшностей уголовнаго правосудія, отправляемаго именемъ государства, не можетъ быть дѣломъ частной или общественной благотворительности, которая и безъ этого имѣетъ свой весьма обширный кругъ дѣятельности.

Но какъ ни симпатична сама по себѣ идея государственнаго вознагражденія потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки, постановка этого института требуетъ большой осторожности, чтобы не впасть въ крайность и не ввести государство въ непроизводительныя и излишнія затраты за счетъ общаго экономическаго благосостоянія народа. Матеріальное вознагражденіе, по нашему мнѣнію, должно быть выдаваемо не всѣмъ потерпѣвшимъ, а только тѣмъ изъ нихъ, невинность которыхъ вполнѣ установлена и доказана на судѣ и при

---

[1]) Одинъ изъ членовъ комиссіи, высказавшійся за вознагражденіе невинно привлеченныхъ къ уголовному суду посредствомъ общественной благотворительности, сенаторъ Буцковскій, пожертвовалъ для этой цѣли капиталъ; примѣру его въ послѣднее время послѣдовалъ г. Яневичъ-Яневскій. См. Юридич. Лѣт. 1890 г., кн. 3.

томъ не иначе, какъ по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ. Затѣмъ выдачу вознагражденія и размѣръ его слѣдуетъ поставить въ полную зависимость отъ усмотрѣнія суда, который долженъ руководствоваться въ этомъ случаѣ общими правилами, установленными въ гражданскихъ законахъ о вознагражденіи за вредъ и убытки. При такой постановкѣ, институтъ государственнаго вознагражденія потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки едва-ли можетъ вызвать серьезныя возраженія и будетъ вполнѣ соотвѣтствовать задачѣ государства въ области уголовнаго правосудія.

ГЛАВА II.

Уголовное преслѣдованіе или уголовный искъ [1]).

§ 162. Уголовнымъ искомъ называется полномочіе государства, а въ извѣстныхъ случаяхъ и частныхъ лицъ требовать судебнымъ порядкомъ преслѣдованія и наказанія виновныхъ въ преступномъ дѣяніи. Первоначально, въ древнѣйшій періодъ народной жизни, уголовный искъ вовсе не различался отъ гражданскаго, имѣющаго своею задачею признаніе или возстановленіе нарушеннаго права, и только путемъ медленнаго процесса, подъ вліяніемъ всё болѣе и болѣе укрѣпляющагося въ обществѣ сознанія публичнаго характера преступнаго дѣянія, вырабатывается самостоятельное понятіе уголовнаго обвиненія. Въ основаніи послѣдняго лежитъ требованіе наказанія, а потому—понятіе это возникаетъ въ исторіи процесса въ ту пору народной жизни, когда частная месть вымираетъ, и потерпѣвшій ищетъ удовлетворенія за обиду въ наказаніи, какъ общест-

---

[1]) *Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 95—103, 181—268; *И. Я. Фойницкій*, тамъ же, §§ 26—29, стр. 67—76; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, ч. I, стр. 36 и слѣд.; *А. Квачевскій*, Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій, ч. I, С.-Пб. 1866; *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, стр. 241—280; *Zacharia*, ibid., Bd. II, §§ 70—76, S. 24—52; *Geyer*, ibid., §§ 173—174, S. 625—629; §§ 251—257, S. 852—870; *Dochow*, въ Handbuch des deutschen Strafprozessrechts, herausg. von Holtzendorff, zweiter Band, Berlin, 1879. S. 351—374; *Ullmann*, ibid., §§ 59—62, S. 291—305; § 71, S. 345—352; *Glaser*, Das princip der Strafverfolgung въ его „Kleine Schriften über Strafrecht und Strafprocess", zweite Aufl., Wien. 1883, S. 523—538,—Handbuch des Strafprocesses, zweitez Band, Leipzig, 1885, §§ 62—65, S. 1—76; *Janka*, Staatliches Klagmonopol oder subsidiaires Strafklagrecht. Erl., 1879; *Menzel*, Die Privatklage nach dem Reichprocessrecht, Erl., 1881; *F. Hélie*, ibid., tt. I и II; *Garraud*, ibid., p. 435—450, 468—502 и 520—550; *M. Mangin*, Traité de l'action publique et de l'action civil en matiére criminell, Paris, 1876, tt. I и II; *Le-Sellyer*, Traité de l'exercice et de l'extinction des actions publique et privée, Paris, 1874, tt. I и II.

венномъ институтѣ; съ этой стороны система композицій или денежныхъ взысканій, представляя собою переходъ отъ эпохи частной мести къ періоду общественныхъ наказаній, имѣетъ большое значеніе въ процессѣ образованія и развитія уголовнаго обвиненія.

Въ исторіи, какъ это указано выше, извѣстны три формы уголовнаго иска: *частное обвиненіе*, *народное* и *публичное*. Частное обвиненіе составляетъ почти исключительную форму уголовнаго преслѣдованія въ древности; при существованіи частно-правнаго взгляда на преступное дѣяніе, какъ личную обиду, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія зависѣло всегда отъ усмотрѣнія потерпѣвшаго, который осуществлялъ свое право въ обще-исковомъ или состязательномъ порядкѣ. Затѣмъ, съ развитіемъ общественныхъ отношеній и образованіемъ сильной государственной власти, вырабатываются двѣ другія формы обвиненія: народное обвиненіе, когда каждый гражданинъ имѣлъ право возбудить уголовное преслѣдованіе противъ нарушителей закона, и публичное обвиненіе, возбуждаемое по почину общественной власти (ex officio), независимо отъ воли потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія. Народное обвиненіе, вѣрное по идеѣ охраненія каждымъ гражданиномъ общественнаго порядка, не можетъ, какъ это указалъ опытъ римлянъ, долго существовать, вслѣдствіе своей практической несостоятельности; эта форма мыслима только при особыхъ благопріятныхъ условіяхъ политической и общественной жизни народа, когда въ массѣ достаточно развиты чувство гражданственности и сознаніе общественныхъ интересовъ. Безъ этихъ условій, народное обвиненіе влечетъ за собой во многихъ случаяхъ безнаказанность преступленій и цѣлый рядъ злоупотребленій [1]). Несравненно болѣе жизненнымъ и разумнымъ институтомъ является публичное обвиненіе, которое первоначально существуетъ на ряду съ частнымъ обвиненіемъ и народнымъ, а затѣмъ, постепенно, становится господствующею и почти исключительною формой уголовнаго преслѣдованія.

Первыми зачатками публичнаго обвиненія въ исторіи каждаго

---

[1]) Изъ современныхъ законодательствъ только въ Англіи, благодаря особо благопріятнымъ историческимъ условіямъ государственнаго и общественнаго строя этой страны, удержалась эта форма обвиненія, но только по маловажнымъ дѣламъ и то, кажется, очень рѣдко примѣняется на практикѣ. По этому вопросу см. *А. Зачинскаго*, О началѣ государственнаго обвиненія (вступит. лекція), Ярославль, 1887.

народа были: *поличное* (mefait notoire et apert, delit flagrant, handhafte oder frische That) и народная молва (infamatio) [1]); при существованіи поличнаго и народной молвы, обличавшей извѣстное лицо въ совершеніи преступленія, обвиненіе могло быть возбуждено *ex officio*. Съ развитіемъ слѣдственнаго процесса число преступленій, преслѣдуемыхъ по иниціативѣ общественной власти, быстро увеличивается, и однимъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ уголовнаго преслѣдованія становится *донесеніе* (denunciatio), которое имѣло въ XIV—XV вв., напр. во Франціи, то же значеніе, что и поличное, т. е. eo ipso открывало слѣдствіе по дѣлу [2]); сфера частнаго обвиненія все болѣе и болѣе съуживается, и участіе потерпѣвшаго въ уголовныхъ дѣлахъ ограничивается большею частью ролью свидѣтеля, а въ нѣкоторыхъ законодательствахъ за нимъ осталось лишь право иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Крайнее развитіе, въ сущности, правильной идеи преслѣдованія преступленій *ex officio*, во имя высшихъ общественныхъ интересовъ, привело къ установленію во многихъ законодательствахъ текущаго столѣтія, по примѣру французскаго Устава, такъ назыв., монополіи государственнаго или публичнаго обвиненія, въ силу которой прокуратура получила исключительное право уголовнаго преслѣдованія, но въ послѣднее время подобная монополія признана вредною, и въ позднѣйшемъ процессуальномъ законодательствѣ обнаруживается стремленіе ограничить её расширеніемъ сферы частнаго обвиненія (Privatanklage, Sybsidiäranklage и Nebenklage), которое въ составляетъ необходимое дополненіе публичнаго обвиненія и служитъ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ контроля надъ дѣятельностью публичныхъ обвинителей.

Оба иска, публичный и частный, имѣютъ своимъ предметомъ наказаніе виновнаго; въ первомъ искѣ—истцомъ является государство, и выдвигаются общественные интересы, во второмъ—истцомъ

---

[1]) Въ римскомъ правѣ съ поличнымъ соединялись особыя права потерпѣвшаго относительно самосуда или личной расправы и наказанія виновнаго; но въ позднѣйшемъ правѣ furtum manifestum, по мнѣнію Цахарія, не давало особыхъ правъ потерпѣвшему. Въ каноническомъ правѣ поличное служило поводомъ для уголовнаго преслѣдованія ex officio; особенное значеніе оно имѣло въ древне-германскомъ правѣ. *Zacharia*, ibid., § 75, S. 44—46.

[2]) *F. Hélie*, ibid., t. I, №№ 415—416, p. 487—490; *Глазеръ*, Руководство, стр. 47, 61—62 и слѣд.

выступаетъ потерпѣвшій, который преслѣдуетъ главнымъ образомъ частные интересы, но различіе это не имѣетъ существеннаго значенія: частное лицо, преслѣдуя виновнаго, руководствуется до извѣстной степени естественнымъ чувствомъ личнаго раздраженія, желаніемъ достигнуть путемъ наказанія виновнаго извѣстнаго удовлетворенія за причиненную ему обиду или страданіе, но въ конечномъ результатѣ онъ стремится къ осуществленію той же задачи, къ выполненію которой призвано государство, а именно—къ изобличенію и наказанію виновнаго. Въ современномъ законодательствѣ публичное обвиненіе составляетъ общее правило, частное обвиненіе допускается въ видѣ исключенія, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Различіе между этими исками основано на внутренней природѣ извѣстныхъ преступленій; каждое законодательство, по своему, смотря по воззрѣніямъ данной эпохи, опредѣляетъ, какія изъ преступленій требуютъ абсолютно наказанія, а какія—лишь условно, по требованію заинтересованной стороны. Среди дѣяній, запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія, существуетъ цѣлый рядъ правонарушеній, затрогивающихъ болѣе частные, чѣмъ общественные интересы, преслѣдованіе которыхъ ex officio, всегда и во всѣхъ случаяхъ, нерѣдко можетъ причинить потерпѣвшему или его семьѣ больше вреда, чѣмъ самое преступленіе; въ виду этого, законодательство допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ частное обвиненіе. Въ частности, основаніемъ для выдѣленія частнаго обвиненія выставляютъ, съ одной стороны—маловажность преступнаго дѣянія съ общественной точки зрѣнія, съ другой—невозможность, въ большинствѣ случаевъ, изобличенія подсудимаго безъ активнаго участія потерпѣвшаго [1]).

Въ римскомъ правѣ существовало значительное число частныхъ преступленій, допускавшихъ преслѣдованіе въ исковомъ порядкѣ; особенно институтъ *delicta privata* развитъ былъ въ республиканскій періодъ. Впослѣдствіи, потерпѣвшій получилъ право преслѣдовать delicta privata по своему усмотрѣнію, гражданскимъ или уголовнымъ порядкомъ [2]).

Изъ современныхъ законодательствъ—французское вовсе не знаетъ частнаго обвиненія, какъ особой формы уголовнаго иска; хотя для возбужденія уголовнаго преслѣдованія по нѣкоторымъ дѣламъ, по французскому закону, требуется жалоба потерпѣвшаго, какъ необходимое условіе для начатія дѣла, но подачею жалобы и

---

[1]) Обзоръ мнѣній по этому вопросу см. *А. фонъ Резонъ*, О преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго, С.-Пб. 1883, стр. 32—52.

[2]) *Geib*, Lehrbuch des deutshen Strafrechts Bd. I, S. 64—69, 98—106; *Binding*, Grundriss zur Vorlesungen über gemeines deutsches Strafrecht, s. 10.

ограничивается роль потерпѣвшаго въ производствѣ дѣла [1]). Наиболѣе широко поставлено частное обвиненіе въ новѣйшихъ процессуальныхъ Уставахъ—австрійскомъ 1873, германскомъ 1877 и норвежскомъ 1887 г.

По дѣйствующему австрійскому Уставу, потерпѣвшій, кромѣ права иска въ качествѣ гражданскаго истца, пользуется еще правомъ предъявлять самостоятельно *частное обвиненіе* (Privatanklage) по всѣмъ дѣламъ, возбуждаемымъ по закону не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго (§§ 2 и 46), и, такъ назыв., *субсидіарное* или *замѣняющее обвиненіе* (Subsidiäranklage) въ тѣхъ случаяхъ, когда публичный обвинитель возвратитъ потерпѣвшему его заявленіе и отклонитъ судебное преслѣдованіе или, возбудивъ дѣло, прекратитъ его, о чемъ онъ обязанъ въ трехдневный срокъ извѣстить потерпѣвшаго. Въ обоихъ случаяхъ потерпѣвшій можетъ самостоятельно возбудить преслѣдованіе и продолжать начатое дѣло, при чемъ вполнѣ замѣняетъ собою публичнаго обвинителя, вступаетъ во всѣ его права по производству дѣла (§§ 48 и 50). По желанію частнаго обвинителя (Privatankläger), прокуратура можетъ принять на себя защиту его интересовъ (§ 48). Нѣсколько иная постановка вопроса о частномъ обвиненіи въ германскомъ Уставѣ, который различаетъ: *частное обвиненіе* (Privatklage) въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или принципіальное частное обвиненіе, когда потерпѣвшій предъявляетъ и ведетъ уголовный искъ совершенно самостоятельно (§§ 414—435), и *присоединяющееся или допомяющее обвиненіе* (Nebenklage), когда потерпѣвшій является какъ бы пособникомъ публичнаго обвинителя, присоединяется къ дѣлу, начатому ex officio (§§ 435—446). Частное обвиненіе допускается въ случаяхъ оскорбленія и тѣлеснаго поврежденія (герм. Уложеніе, §§ 125—194, 232), а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ оскорбленія должностныхъ лицъ [2]). Прокуратура имѣетъ право возбудить публичное обвиненіе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію въ частномъ порядкѣ, если этого требуютъ публичные интересы (§ 416); равнымъ образомъ, прокуроръ можетъ принять участіе въ дѣлѣ, во всякомъ его положеніи, до вступленія рѣшенія въ законную силу. Въ обоихъ случаяхъ, частный обвинитель становится въ положеніе присоединяющагося обвинителя (§ 417). Присоединеніе къ публичному обвиненію (Nebenklage) допускается, по германскому Уставу, въ слѣдующихъ случаяхъ: *во-первыхъ*—во всѣхъ случаяхъ частнаго обвиненія, когда дѣло начинается и ведется публичнымъ обвиненіемъ (§ 435, Abs. I); *во-вторыхъ*—въ случаяхъ публичнаго обвиненія по судебному опредѣленію, вслѣдствіе жалобы потерпѣвшаго на отказъ прокуратуры возбудить уголовное преслѣдованіе или прекращенія ею начатаго уже дѣла (§§ 170, 435 Abs. 2), и *въ-третьихъ*—въ случаяхъ требованія потерпѣвшимъ штрафа (Busse) въ видѣ имущественнаго удовлетворенія за обиду, по дѣламъ о заочномъ оскорбленіи, клеветѣ и тѣлоповрежденіи (§§ 186, 187 и 231). При обсужденіи проекта германскаго Устава существовало предположеніе установить, по примѣру австрійскаго Устава, субсидіарное обвиненіе, но при окончательномъ обсужденіи проекта предположеніе это было отклонено, и взамѣнъ этой формы обвиненія монополія государственнаго обвиненія ограничена было предоставленіемъ потерпѣвшему отъ преступленія, въ случаяхъ посягательствъ, направленныхъ противъ жизни, здоровья, свободы, личнаго состоянія и правъ собственности, права просить судъ постановить обязательное для прокуратуры опредѣленіе о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія (§ 435, Abs. 2).

---

[1]) Къ числу преступныхъ дѣяній, преслѣдуемыхъ не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, относятся: прелюбодѣяніе, похищеніе женщинъ чрезъ обольщеніе, диффамація и клевета, проступки противъ правилъ объ охотѣ и рыбной ловлѣ на чужой землѣ и контрафакція произведеній промышленности. *Garraud*, ibid., № 383, p. 488; *А. фонъ-Резонъ*, тамъ же, стр. 19—21.

[2]) *Geyer*, ibid., § 251, S. 854—855.

Такимъ образомъ, оба названные проекта проводятъ одно и то же общее начало, ограничивающее, съ одной стороны, монополію публичнаго обвиненія и расширяющее, съ другой стороны, сферу участія потерпѣвшаго въ уголовныхъ дѣлахъ.

То же начало проводится и въ новомъ норвежскомъ Уставѣ 1 іюля 1887 года; въ случаѣ отказа прокуратуры отъ обвиненія, потерпѣвшій или его наслѣдники имѣютъ право принять на себя уголовное преслѣдованіе (§§ 9 , 279), при чемъ они пользуются всѣми правами публичнаго обвинителя съ нѣкоторыми лишь ограниченіями, вытекающими изъ частнаго характера обвиненія (§§ 427—429). Дѣла, которыя по дѣйствующимъ въ Норвегіи уголовнымъ законамъ могутъ быть возбуждаемы только по жалобѣ потерпѣвшаго, разсматриваются уголовнымъ судомъ по правиламъ состязательнаго процесса (§§ 429—432).

§ 163. Въ нашемъ древнемъ правѣ, особенно въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, существовало значительное число преступленій, которыя преслѣдовались не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, и многія уголовныя дѣла, какъ указано выше (§ 41), вѣдались судомъ, т. е. исковымъ порядкомъ; со времени Петра В., подъ вліяніемъ иноземныхъ порядковъ, кругъ частныхъ преступленій все болѣе и болѣе съуживается, и по Своду Законовъ къ числу ихъ отнесены были только обиды, да полицейскіе проступки крестьянъ противъ помѣщиковъ; по дѣламъ объ обидахъ допускалось примиреніе: „если кто съ кѣмъ въ обидѣ помирится, то иска нѣтъ“ [1]). Проектъ Уложенія 1845 года возвратился къ системѣ стараго права и значительно расширилъ число дѣяній, преслѣдуемыхъ по частной жалобѣ; редакторы Уложенія, исходя изъ той мысли, что, кромѣ обидъ, „есть и другіе преступленія или проступки такого рода, которые не иначе могутъ подлежать вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда, какъ вслѣдствіе жалобы, обиженнымъ или оскорбленнымъ чрезъ то противозаконное дѣяніе частнымъ лицомъ принесенной“, „признали нужнымъ превратить частное, въ ст. 416 Свода Законовъ уголовныхъ внесенное, правило въ общее“ [2]). Постановленія Судебныхъ Уставовъ представляютъ дальнѣйшее развитіе частнаго обвиненія въ отечественномъ законодательствѣ (ст. 2—5; ст. 18 и 19 м. у.). Въ то время, когда повсюду на Западѣ господствовала, подъ вліяніемъ французскихъ судебныхъ по-

---

[1]) Сводъ зак., т. XV, ч. I, изд. 1832, ст. 416; ст. 375 и слѣд.; ст. 655, 657, и 658; ст. 394.

[2]) Проектъ уложенія о наказаніяхъ уголов. и исправит. 1844 г., С.-Пб. 1871, мотивы ст. 162, стр. 47. По справедливому замѣчанію г. фонъ-Резона, уложеніемъ 1846 г. признается болѣе неоффиціальныхъ преступленій, чѣмъ въ какомъ либо изъ иностранныхъ законодательствъ. Тамъ же, стр. 38.

рядковъ, монополія публичнаго обвиненія, составители Судебныхъ Уставовъ высказались въ принципѣ противъ нея; „возбужденіе уголовныхъ дѣлъ, по словамъ ихъ, не должно зависѣть исключительно отъ одного прокурора; предоставленіе ему подобнаго права не только стѣснило бы лица, которымъ законъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, даетъ право преслѣдовать виновныхъ (напр. по личнымъ оскорбленіямъ), но даже, при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ и недостаточныхъ еще средствахъ сообщенія, повело бы во многихъ случаяхъ къ безнаказанности, потому что, во время переписки о начатіи преслѣдованія, могли бы изгладиться или быть сокрыты слѣды и доказательства преступленія“ [1]).

Въ дѣйствующемъ правѣ существуютъ три формы уголовнаго иска: *публичное обвиненіе*, *частное* и *публично-частное* (ст. 2—5). Первое имѣетъ мѣсто во всѣхъ, такъ назыв., публичныхъ преступленіяхъ, которыя наносятъ вредъ не только частнымъ лицамъ, но и обществу, его безопасности и благосостоянію; сущность публичнаго обвиненія выражается въ томъ, что уголовное преслѣдованіе возбуждается, по выраженію закона, „*должностными лицами*“, т. е. по обязанности службы, независимо отъ воли потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія. *Частное обвиненіе* составляетъ, наоборотъ, такую форму уголовнаго иска, путемъ которой не только возбужденіе уголовнаго преслѣдованія и обличеніе виновнаго на судѣ, но и прекращеніе дѣла вполнѣ и всецѣло зависитъ отъ потерпѣвшаго, безъ всякаго участія „должностныхъ лицъ“, т. е. публичныхъ обвинителей; послѣдніе, по словамъ составителей Судебныхъ Уставовъ, „не могутъ и не должны возбуждать производство уголовныхъ исковъ, касающихся главнымъ образомъ интересовъ частнаго лица и имѣющихъ въ этомъ лицѣ самаго надежнаго цѣнителя своего дѣла, облеченнаго, по закону, полною властью какъ преслѣдованія, такъ и прекращенія уголовнаго иска посредствомъ примиренія“ [2]). Частное обвиненіе въ указанномъ смыслѣ допускается во всѣхъ маловажныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя, по свойству своему, болѣе касаются частныхъ, нежели общественныхъ интересовъ и подлежатъ большею частью вѣдѣнію мировыхъ судебныхъ установленій (ст. 3; ст. 18 и 19 м.

---

[1]) Судебн. Уст., изд. госуд. канц., ч. II, стр. 27.

[2]) Суд. Уставы, тамъ же, стр. 28, мотивы къ ст. 5.

у.). Число, такъ назыв., частныхъ преступленій въ нашемъ законодательство весьма значительно; къ нимъ, между прочимъ, относятся: оскорбленіе чести (1534 уложенія; ст. 130—138 м. у.), клевета (ст. 1539 уложенія), насилія и угрозы (ст. 1545—1548 уложенія; ст. 139—140 м. у.), самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ и поврежденіе его (ст. 1625 улож.; ст. 145—153 м. у.), захватъ поземельной собственности безъ насилія (ст. 1605 улож.), нанесеніе *легкихъ* ранъ и увѣчій, побоевъ или иного повреждения (ст. 1496, 1533 улож.; ст. 129 м. у.), отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни средствъ (ст. 143 м. у.), кража, мошенничество и присвоеніе чужаго движимаго имущества между родителями и дѣтьми (ст. 1654, 1675 улож.; ст. 19 м. у.), упорное неповиновеніе родительской власти, развратная жизнь и другіе пороки (ст. 1592), причиненіе ранъ, увѣчій и тяжелыхъ побоевъ и иныхъ истязаній между супругами (ст. 1496, прим, 2. улож.), обольщеніе незамужней женщины (ст. 1532), прелюбодѣяніе (ст. 1585), похищеніе замужней женщины съ ея согласія (ст. 1582) и т. д. [1]). *Публично-частное* обвиненіе установлено для, такъ называемыхъ, публично-частныхъ преступленій, къ числу которыхъ относятся: растлѣніе (ст. 1523—1524 улож.), изнасилованіе (ст. 1525—1526, 2528), похищеніе женщины съ преступною цѣлью (ст. 1529—1530), преступныя дѣянія, направленныя противъ брачнаго союза (ст. 1549—1551) и оскорбленіе въ печати присутственныхъ мѣстъ, установленій и долж-

---

[1]) Болѣе подробный перечень преступленій, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія см. въ статьѣ *г. Арефы*, Частныя и частно-общественныя проступленія по русскому праву, Журн. гражд. и уголовн. права, 1878 г., № кн. 4. См. также, *П. В. Макалинскій* тамъ же, стр. 36—43; *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, т. I, стр. 5—6, 53—55; *А. Квачевскій*, тамъ же, ч. I, стр. 182—185, 193. Въ новомъ финляндскомъ уголовномъ уложеніи 19 декабря 1889 г. многія преступленія преслѣдуются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго; къ числу ихъ относятся: воспрепятствованіе прислугѣ или кому либо изъ домочадцевъ быть на богослуженіи (гл. 10, § 6); изнасилованіе и растлѣніе (глава 20, § 7); нарушеніе спокойствія (гл. 24, § 5); большая часть преступленій противъ свободы другаго, насилія и угрозы (гл. 25, §§ 4—8, 12—13, 14); дѣла о клеветахъ и оскорбленіяхъ (гл. 27, § 8); самовольное пользованіе чужими угодіями, а также недозволенная охота и рыбная ловля, если преступленіями этими нарушено только частное право, и если въ нихъ не заключается воровства или мелкой кражи (гл. 33, § 16); поврежденіе имущества, если имъ „нарушено только частное право“ (гл. 35, § 4); недобросовѣстность и корыстолюбіе при заключеніи имущественной сдѣлки (гл. 38, 39); преступная несостоятельность (гл. 39, § 7) и др. См. Сборникъ постановленій Великаго княжества Финляндскаго, 1889, № 39.

ностныхъ лицъ (ст. 1039, 1040 улож.; ст. 1213 [5] у. у. с.) [1]). Всѣ эти преступленія, въ сущности, представляютъ не менѣе важныя посягательства, какъ и преступленія публичныя; нарушая коренныя условія общежитія, они въ той же мѣрѣ грозятъ общественной безопасности и благосостоянію, но въ то же время дѣянія этого рода затрогиваютъ столь чувствительныя стороны человѣческой жизни, что преслѣдованіе ихъ общественною властью, помимо воли потерпѣвшаго, принесло бы больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ оно сопровождалось бы гнетущими нравственными послѣдствіями для потерпѣвшаго, и личность послѣдняго потерпѣла бы больше, нежели личность обидчика. Въ виду этого, законъ нашъ предпочитаетъ, въ интересахъ обиженнаго, возможность полной безнаказанности виновнаго и ставитъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія въ зависимость отъ усмотрѣнія потерпѣвшаго (ст. 5); но затѣмъ—обличеніе виновнаго на судѣ составляетъ уже исключительно предметъ дѣятельности прокурора, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ публичныхъ преступленіяхъ, и возникшее разъ дѣло не можетъ быть прекращено путемъ примиренія сторонъ. Такимъ образомъ, публично-частное обвиненіе, совмѣщая въ себѣ особенности публичнаго и частнаго исковъ, занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между этими главными формами уголовнаго преслѣдованія; оно является настолько частнымъ, насколько возбужденіе дѣла зависитъ отъ воли потерпѣвшаго, и настолько публичнымъ, насколько дальнѣйшая судьба дѣла зависитъ отъ прокуратуры и суда.

§ 164. Привлеченіе кого либо къ слѣдствію по обвиненію въ въ совершеніи того или другаго преступнаго дѣянія затрогиваетъ не рѣдко самые дорогіе и существенные интересы частныхъ лицъ, а потому, по господствующему воззрѣнію, этотъ весьма важный актъ судебной дѣятельности можетъ имѣть мѣсто только при наличности законныхъ поводовъ или основаній (ст. 262). По Своду Законовъ, допускалось привлеченіе къ слѣдствію „въ такомъ лишь случаѣ,

---

[1]) Къ числу публично-частныхъ преступленій Сенатъ относитъ и незаконное сожительство (ст. 994 улож.). К. р. 1868/694; 1870/1653; 1874/507 и Рѣш. общ. собр. касс. и перв. деп. Сената, 1879/58. См. *В. Волжинъ*, О противозаконномъ сожитіи, Юр. В., 1890 г., кн. 4 стр. 647, 649. Противоположное воззрѣніе высказываетъ г. *фонъ-Резонъ*, О подсудности дѣлъ, возбужденныхъ по 2 ч. 994 ст. уложенія, Жур. гр. и уг. права, 1875, кн. 5.

когда улика въ преступленіи основана на обстоятельствахъ, „возбуждающихъ сильное подозрѣніе“ [1]), но такъ какъ нигдѣ въ законѣ не было опредѣлено, какія именно обстоятельства слѣдуетъ признавать возбуждающими сильное подозрѣваніе, то на практикѣ привлеченіе къ слѣдствію всегда зависѣло отъ произвола слѣдователя или прокурора [2]). Составители Судебныхъ Уставовъ признали необходимымъ установить большую точность и опредѣленность въ настоящемъ случаѣ; съ этою цѣлью въ Уставѣ опредѣлены: *во-первыхъ*, условія, при которыхъ судебное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено, и *во-вторыхъ*—поводы или основанія, при наличности коихъ преслѣдованіе можетъ, а въ иныхъ случаяхъ обязательно должно быть возбуждено. Уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено въ случаяхъ: a) смерти, b) истеченія давности, c) помилованія и d) примиренія потерпѣвшаго съ обидчикомъ по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія (ст. 16). Таковы отрицательныя условія для начатія уголовныхъ дѣлъ, указанныя въ законѣ; кромѣ нихъ, въ судебной практикѣ возможны и другія причины, устраняющія уголовное преслѣдованіе, напр. малолѣтство учинившаго преступное дѣяніе, наличность оправдательнаго вошедшаго въ законную силу приговора по тому же преступленію (res judicata) и др. Законными поводами для привлеченія къ слѣдствію служатъ: 1) жалоба потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка, 2) возбужденіе уголовнаго преслѣдованія прокуроромъ или его товарищемъ, 3) сообщенія полицейскихъ и другихъ административныхъ властей, 4) объявленія частныхъ лицъ или доносъ (denunciatio), 5) явка съ повинною и 6) непосредственное усмотрѣніе судьи, имѣющее, впрочемъ, весьма ограниченное примѣненіе въ производствѣ общихъ судебныхъ мѣстъ [3]). Процессуальное значеніе указанныхъ поводовъ или основаній для начатія уголовныхъ дѣлъ, какъ это будетъ указано ниже, различно; здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что жалоба потерпѣвшаго составляетъ обязательный поводъ по всѣмъ вообще дѣламъ, а по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвине-

---

[1]) Сводъ Зак., т. XV, 2 кн., ст. 5 и Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 г., ст. 33.

[2]) Суд. уст., изд. госуд. канц., ч. II, стр. 131.

[3]) У. у. с., ст. 42; 297, 301—312; Высоч. утвержд. Правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ 29 декабря 1889, ст. 169.

нія, исключительный поводъ. За исключеніемъ жалобы потерпѣвшаго, всѣ прочіе поводы или основанія уголовнаго иска относятся къ преступныхъ дѣяніямъ, преслѣдуемымъ ex officio, по почину публичнаго обвинителя.

§ 165. Изложенное относительно основаній уголовнаго иска отчасти опредѣляетъ кругъ лицъ, имѣющихъ право иска. *Нормальнымъ органомъ публичнаго обвиненія* по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, *является прокуратура;* возбужденіе уголовнаго преслѣдованія и обличеніе обвиняемаго на судѣ составляетъ прямую задачу этаго института (ст. 4). Прокуроры и ихъ товарищи имѣютъ широкое право возбуждать дѣла, „какъ по доходящимъ до нихъ свѣдѣніямъ, такъ и по непосредственно ими усмотрѣннымъ преступленіямъ или признакамъ преступныхъ дѣяній“ (ст. 311, 314), при чемъ предложеніе лицъ прокурорскаго надзора о начатіи слѣдствія, какъ это будетъ указано ниже, безусловно обязательно для судебныхъ слѣдователей. Кромѣ прокуроровъ и ихъ товарищей, уголовныя дѣла возбуждаютъ по обязанности службы (ex officio) слѣдующія лица и учрежденія: a) *мировые судьи*, *земскіе начальники и городскіе судьи* „но непосредственно ими усмотрѣннымъ преступнымъ дѣяніямъ, подлежащимъ преслѣдованію независимо отъ жалобы частныхъ лицъ (ст. 42, п. 3; прав. о земск. нач., ст. 169, п. 3); b) *судебные слѣдователи* въ томъ случаѣ, „когда застигнутъ совершающееся или только-что совершившееся преступное дѣяніе“ (ст. 297, п. 5, 313); c) *полиція и другія административныя власти* по дѣламъ о преступникахъ, подлежащихъ вѣдѣнію мировыхъ учрежденій, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей (ст. 3, 42, п. 2, 49 и 146; прав. о земск. нач., ст. 169., п. 2, 176 и 181, п. 1); d) *духовное начальство* по дѣламъ о совращеніи отъ православія или отступленія отъ вѣры христіанской (ст. 1006 и 1007); e) *начальствующія лица и учрежденія* по преступленіямъ должности (ст. 1085, 1087, 1097 и 1101); f) *казенныя* и *административныя учрежденія* и *лица* по дѣламъ о нарушеніи интересовъ казеннаго управленія и правилъ общественнаго благоустройства и благочинія (ст. 1129, 1216^{1} и 1216^{2}), и g) *главное управленіе по дѣламъ печати* и *цензурные комитеты* по дѣламъ о нарушеніяхъ постановленій о печати (ст. 1213^{5}).

Въ случаяхъ преступныхъ дѣяній, преслѣдуемыхъ въ по-

рядкѣ частнаго или публично-частнаго обвиненія, право уголовнаго иска принадлежитъ *исключительно* потерпѣвшему, т. е. такому лицу, личныя и имущественныя права котораго нарушены преступнымъ дѣяніемъ, или на право котораго оно непосредствено было направлено. Понятіе „потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка“ въ законѣ отождествляется съ понятіемъ „обиженнаго“ или оскорбленнаго (ст. 20 м. у.). Законодательство наше не устанавливаетъ какихъ либо ограниченій относительно права иска въ случаяхъ частныхъ и публично-частныхъ преступленій; всякое лицо, потерпѣвшее отъ преступнаго дѣянія, имѣетъ совершенно самостоятельное право иска, при чемъ малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, а также супруги могутъ лично обращаться съ жалобою въ судъ [1]); для подачи подобной жалобы не требуется согласія ихъ законныхъ представителей (ст. 1523, 1524 и прим. къ ст. 1532 улож. ст. 18 м. у.), которые могутъ на общемъ основаніи подавать жалобы за находящихся подъ ихъ опекой, но не иначе, какъ съ ихъ согласія [2]). Правило это имѣетъ своимъ основаніемъ то вполнѣ правильное соображеніе, что оскорбленіе или обида, которая преимущественно преслѣдуется въ частныхъ и публично-частныхъ преступленіяхъ, настолько индивидуальное чувство и тѣсно связано съ опредѣленною личностью, что не можетъ быть отдѣлено отъ нея и передано другому лицу.

§ 166. Въ производствѣ общихъ судебныхъ мѣстъ публичное обвиненіе составляетъ общее правило, частное—изъятіе (ст. 4 и 5); болѣе широкое примѣненіе частное обвиненіе имѣетъ въ производствѣ мировыхъ учрежденій, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей.

Возбуждая уголовное преслѣдованіе и обличая виновныхъ, чины прокурорскаго надзора обязаны руководствоваться закономъ и инте-

---

[1]) К. р. 1869/780, 1869/2026, 1870/116, 1870/464, 1870/1035, 1871/1463; *П. Макалинскій*, тамъ же ч. II, стр. 218; *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, стр. 249—250. Contra: *Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 232—233. Оспаривая мнѣніе г. Неклюдова, Чебышевъ-Дмитріевъ замѣчаетъ, что „при неопредѣленности закона, судъ (при разрѣшеніи вопроса о правѣ несовершеннолѣтнихъ возбуждать уголовное преслѣдованіе) поступитъ вполнѣ правильно, если будетъ сообразоваться съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ“. Ту же мысль высказываетъ и г. фонъ-Резонъ, который усматриваетъ большой недостатокъ нашихъ уголовныхъ законовъ въ предоставленіи несовершеннолѣтнимъ права самостоятельнаго иска въ уголовномъ судѣ. Тамъ же, стр 131—132, 137—138.

[2]) Г. фонъ-Резонъ, вопреки мнѣнію гг. Неклюдова (стр. 251) и Чебышева-Дмитріева (стр. 234), признаетъ право иска не только за мужемъ, но и за женою въ случаяхъ частныхъ и публично-частныхъ преступленій. Тамъ же, стр. 147.

ресами государства въ отправленіи правосудія, они „не должны", по выраженію закона: „требовать начатія слѣдствія безъ достаточныхъ къ тому основаній" (ст. 312). Въ качествѣ публичныхъ обвинителей, прокуроры и ихъ товарищи сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ свѣдѣнія о совершившихся и открытыхъ преступныхъ дѣяніяхъ (ст. 250, 251[1], 263, 314 и др.), получаютъ сообщенія отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ о возбуждаемыхъ ими преслѣдованіяхъ (ст. 278[1]) [1]), имѣютъ ближайшее наблюденіе за производствомъ розыска (ст. 250, 255, 261[3], 261[8] и 279) и предварительнаго слѣдствія (ст. 263, 278—287, 288[1], 296 и 309); затѣмъ, по заключеніи слѣдствія, они получаютъ всё слѣдственное производство для дальнѣйшаго движенія его (ст. 478), разсматриваютъ его, насколько дѣло подлежитъ вѣдѣнію прокурорской власти, произведено-ли оно съ надлежащею полнотою и какое слѣдуетъ дать ему направленіе (ст. 510), даютъ заключеніе о преданіи суду въ формѣ обвинительнаго акта (ст. 519) или прекращеніи или пріостановкѣ дѣла (ст. 523, 529); на судебномъ слѣдствіи прокуроръ пользуется правомъ представлять, въ подтвержденіе своихъ показаній, доказательства, отводить по законнымъ причинамъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, предлагать имъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, вопросы, дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему на судѣ, и опровергать доводы противной стороны (ст. 630), а по заключеніи слѣдствія онъ участвуетъ въ заключительныхъ преніяхъ (ст. 736, п. I, 737 — 740) и даетъ заключеніе относительно примѣненія наказанія и другихъ послѣдствій признанной присяжными виновности подсудимаго (ст. 820). Въ порядкѣ обжалованія прокуроры и ихъ товарищи подаютъ апелляціонные и кассаціонные протесты (ст. 853, 855, 858 и 906). Полиція, въ качествѣ органа публичнаго обвиненія въ производствѣ мировыхъ учрежденій, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, пользуется всѣми правами стороны въ процессѣ, но право ея приносить апелляціонныя жалобы ограничивается дѣлами о нарушеніяхъ правилъ благоустройства и благочинія; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ полиція, признавъ нужнымъ принести отзывъ на приговоръ, обязана представить о томъ мѣстному товарищу прокурора, который можетъ

---

[1]) Законъ 7 іюля 1889 г. Собр. узак. 1889, № 674, ст. VI.

или сообщить отзывъ по принадлежности, или отказаться отъ права обжалованія, увѣдомивъ о томъ мироваго судью, или земскаго начальника, или городскаго судью (ст. 146; прав. о земск. нач., ст. 219) [1]).

Производство дѣлъ, подлежащихъ судебному разбирательству *въ частномъ порядкѣ*, имѣетъ строго-состязательный характеръ; дѣла эти, по словамъ составителей Судебныхъ Уставовъ, „близко подходятъ къ дѣламъ гражданскимъ и подлежатъ болѣе или менѣе порядку, для гражданскихъ дѣлъ установленному“ [2]). Состязательный характеръ судопроизводства по этимъ дѣламъ выражается въ томъ, что потерпѣвшій можетъ по своему усмотрѣнію возбудить дѣло или отказаться отъ принадлежащаго ему права иска (ст. 5, 543, п. 3); равнымъ образомъ, онъ вправѣ раздѣлить свой искъ, т. е. преслѣдовать нѣкоторыхъ изъ виновныхъ или заявить требованіе лишь въ извѣстной части возможнаго обвиненія [3]), и прекратить дѣло во всякомъ положеніи дѣла. Подавая жалобу, частный обвинитель обязанъ означить въ ней противозаконное дѣяніе, въ которомъ онъ обвиняетъ извѣстное лицо, и представить доказательства, подтверждающія его жалобу (ст. 46, 302); затѣмъ, судъ рѣшаетъ дѣло только на основаніи доказательствъ, представленныхъ сторонами, и, въ силу состязательнаго характера производства, никакихъ мѣръ къ собранію доказательствъ не принимаетъ (ст. 104). По дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, жалоба потерпѣвшаго отъ частнаго преступленія, по производствѣ по ней надлежащаго дознанія, а равно нетерпящихъ отлагательства слѣдственныхъ дѣйствій, передается мировому судьѣ для склоненія, по ст. 35 Устава, сторонъ къ миру. Если примиреніе состоится, дѣло оканчивается у мироваго судьи; въ противномъ случаѣ, онъ обязанъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ, т. е.

---

[1]) Законъ 8 дек. 1886 г. объ измѣненіи ст. 146 У. у. с.; Собр. узак. и расп. прав. 1887, № 64, ст. I.

[2]) Суд. Уст., изд. госуд. канц. ч. II, стр. 28 и 67—68.

[3]) Въ нашемъ уставѣ, по примѣру французскаго code d'instruct. crim., не упоминается вовсе о дѣлимости жалобы потерпѣвшаго, но на практикѣ и въ литературѣ дѣлимость иска въ частныхъ преступленіяхъ допускается. См. Чебышевъ-Дмитріевъ, тамъ же, стр. 132; *Макалинскій*, тамъ же, стр. 134; К. р. 1869/418, 1870/486. Въ германскомъ уставѣ принято противоположное правило, а именно — потерпѣвшій не вправѣ изъять изъ преслѣдованія произвольно одного изъ виновныхъ (§ 63). См. *А. ф. Резонъ*, тамъ же, стр. 123—125.

передать его судебному слѣдователю или окружному суду (ст. 117) [1]). Во время предварительнаго слѣдствія частный обвинитель пользуется довольно широкими правами, такъ: ему предоставлятся выставлять своихъ свидѣтелей, присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, предлагать, съ разрѣшенія судебнаго слѣдователя, вопросы обвиняемому и свидѣтелямъ, представлять, въ подкрѣпленіе своего иска, доказательства. требовать на свой счетъ выдачи копій со всѣхъ протоколовъ и постановленій (ст. 304, 316, 359, 475 и 509) [2]), просить о принятіи мѣръ къ обезпеченію отыскиваемаго имъ вознагражденія (ст. 305), получать увѣдомленіе объ окончаніи слѣдствія и данномъ ему направленіи (ст. 478) и, наконецъ, приносить жалобы на слѣдственныя дѣйствія (ст. 491) [3]). Въ дальнѣйшемъ производствѣ, жалоба частнаго обвинителя замѣняетъ собою

---

[1]) О примирительномъ, по ст. 35 устава, разбирательствѣ см. *Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 136—139; *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, стр. 162—163; судеб. уст. изд. госуд. канц., ч. II, мотивы къ ст. 543, стр. 206; Рѣшенія общ. собр. 1-го и кассац. деп. Сената за 1880 г., № 10; по поводу этого рѣшенія замѣтка *Лонгинова*, Журн. гражд. и угол. права, 1883, кн. 2; *А. Рудановскій*, О дѣлахъ, возникающихъ по частной жалобѣ, Юр. В., 1885, кн. 9; *В. Волжинъ*, Уголовно-частный порядокъ преслѣдованія, тамъ же, 1889, кн. 10. По мнѣнію послѣдняго изъ названныхъ авторовъ—дѣла, кончающіяся примиреніемъ, должны начинаться у мировыхъ судей; съ этимъ нельзя согласиться. Прежде всего, подобный порядокъ не согласенъ съ уставомъ и мотивами къ нему; независимо отъ этого, начатіе подобныхъ дѣлъ непосредственно у мироваго судьи представляется невозможнымъ, такъ какъ потерпѣвшій, подающій жалобу о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, не можетъ обращаться къ судьѣ, компетенція котораго ограничивается по закону лишь склоненіемъ сторонъ къ миру, и который не можетъ удовлетворить просьбы потерпѣвшаго по существу.

[2]) Ст. 304 устава не совсѣмъ удачно редактирована; нѣкоторая общность и неопредѣленность выраженія: *„принесшій жалобу“* дала поводъ къ различнымъ ея толкованіямъ. Подъ „принесшимъ жалобу“, очевидно, слѣдуетъ понимать только тѣхъ потерпѣвшихъ, которые являются частными обвинителями или гражданскимъ истцомъ; всякое лицо, потерпѣвшее отъ преступнаго дѣянія, можетъ принести жалобу, по ст. 42, п. 1 и 297, п. 1 устава, но далеко не всякое изъ нихъ пользуется правами, означенными въ ст. 304. Выводъ этотъ вытекаетъ изъ мотивовъ къ ст. 308 и сопоставленія статьи 304 съ ст. 273, а также 316, 259, 448 и 491, въ которыхъ идетъ рѣчь объ *„участвующихъ въ дѣлѣ лицахъ“*. Принесшій же жалобу, который не можетъ быть по свойству дѣла частнымъ обвинителемъ или не желаетъ быть гражданскимъ истцомъ, никакого участія въ дѣлѣ не можетъ принимать; въ противномъ случаѣ, подобное лицо принимало бы участіе въ дѣлѣ, не имѣя предмета иска, безъ опредѣленной цѣли. *А. Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 432 и слѣд.; *В. Волжинъ*, тамъ же, стр. 279—300; *П. Макалинскій*, тамъ же, стр. 229—231; *Contra*: *А. Квачевскій*, тамъ же, стр. 181; г. *Кесселъ* въ Юридич. Вѣстн. 1882, іюнь; *И. Щегловитовъ*, Участіе потерпѣвшаго отъ преступленія въ уголовномъ преслѣдованіи, Юр. В. 1888, кн. 9, стр. 113—114.

[3]) О производствѣ слѣдствія по дѣламъ уголовно-частнаго обвиненія см. статью *И. Щегловитова*, Вопросы текущей слѣдственной практики, Жур. гражд. и угол. права, 1890, кн. 6, стр. 43—57.

обвинительный актъ прокурора (ст. 526, 527, 556 и 678); во врємя приготовительныхъ къ суду распоряженій частный обвинитель имѣетъ право разсматривать въ канцеляріи суда подлинное дѣло и выписывать изъ него всѣ нужныя ему свѣдѣнія (ст. 570 и 571), онъ можетъ просить о вызовѣ свидѣтелей (ст. 547—548) и вызывается къ судебному слѣдствію повѣстками (ст. 581), но личное присутствіе частнаго обвинителя не требуется, и онъ можетъ вмѣсто себя прислать повѣреннаго (ст. 585). На судебномъ слѣдствіи частный обвинитель пользуется всѣми правами, предоставленными прокурору, и вполнѣ замѣняетъ послѣдняго, такъ: ему предоставляется представлять, въ подтвержденіе своихъ показаній, доказательства, отводить по законнымъ причинамъ присяжныхъ засѣдателей, а также свидѣтелей и свѣдущихъ людей, предлагать послѣднимъ вопросы, дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему на судѣ, опровергать доводы противной стороны (ст. 630 и 656), участвовать въ заключительныхъ преніяхъ (ст. 736, п. 1) и давать, вмѣсто прокурора, заключеніе о наказаніи и его послѣдствіяхъ (ст. 820). Въ порядкѣ обжалованія неокончательныхъ судебныхъ приговоровъ частный обвинитель пользуется тѣми же правами, какія предоставлены закономъ прокурору или частному обвинителю (ст. 145, 173, 857 и 906).

Изъ изложеннаго видно, что производство по дѣламъ, подлежащимъ разбирательству въ порядкѣ частнаго примиренія, почти не различается отъ таковаго по дѣламъ, вчинаемымъ по почину общественной власти (ex officio). Замѣняя собою прокурора, частный обвинитель пользуется въ теченіе всего процесса полною самостоятельностью и всѣми правами стороны; правда, на предварительномъ слѣдствіи права его нѣсколько уже правъ прокурора и его товарища, такъ—онъ не имѣетъ права, подобно имъ, *требовать* принятія тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, относящихся къ преслѣдованію преступленія и собранію доказательствъ (ст. 281—282), или принятія той или другой мѣры пресѣченія уклоняться отъ слѣдствія и суда (ст. 283 и др.) и т. д., но преимущества публичныхъ обвинителей въ настоящемъ случаѣ объясняются тѣмъ, что они являются представителями публичной власти, преслѣдуютъ преступленія во имя высшихъ, болѣе важныхъ интересовъ общества, которые сами по себѣ всегда должны имѣть преимущество предъ частными интересами;

къ тому же частный обвинитель, взамѣнъ особыхъ правъ прокурора, можетъ, по закону, обжаловать въ установленномъ порядкѣ всякое слѣдственное дѣйствіе (ст. 491). Чины прокуратуры не принимаютъ никакого участія въ дѣлахъ, производящихся въ порядкѣ частнаго обвиненія, такъ—они не получаютъ обычнаго для другихъ дѣлъ сообщенія о начатіи дѣла (ст. 263) и устраняются отъ участія въ докладѣ предварительнаго слѣдствія судебной палатѣ (ст. 540); все отношеніе прокуратуры къ дѣламъ этого рода выражается въ томъ, что слѣдствіе, возбужденное жалобою частнаго обвинителя, представляется ей для удостовѣренія—не заключаетъ ли въ себѣ дѣло преступленія, подлежащаго преслѣдованію прокурорскою властью (ст. 479 и 511).

§ 167. Уголовное преслѣдованіе, однажды возбужденное уполномоченными на то лицами и учрежденіями, можетъ быть прекращено или по фактическимъ обстоятельствамъ, напр. за отсутствіемъ въ изслѣдуемомъ дѣяніи признаковъ преступленія или необходимыхъ для вмѣненія условій (сумасшествіе, малолѣтство до 10 л. и т. д.), вслѣдствіе необнаруженія виновнаго, недостаточности собранныхъ доказательствъ и т. д., или по извѣстнымъ указаннымъ въ законѣ причинамъ, а именно: смерти обвиняемаго, давности, помилованія и примиренія (ст. 16; ст. 156 — 164 улож.; ст. 21 и 22 м. у.). *Смерть* обвиняемаго, въ силу начала личной отвѣтственности, прекращаетъ вполнѣ судебное преслѣдованіе; обстоятельство это должно быть удостовѣрено надлежащею выпискою изъ метрическихъ книгъ на точномъ основаніи существующихъ на этотъ счетъ въ IX т. Свода Зак. узаконеній. Изъ трехъ извѣстныхъ въ нашемъ законодательствѣ видовъ *давности* только необнаруженіе виновнаго и нехожденіе частнаго обвинителя въ теченіе извѣстнаго времени по дѣлу прекращаютъ уголовное преслѣдованіе; что касается давности преступнаго дѣянія, когда въ теченіе извѣстнаго срока со времени его совершенія не было никакого слѣдственнаго о немъ производства, то это обстоятельство можетъ имѣть значеніе исключительно по вопросу о начатіи уголовнаго дѣла. Для прекращенія уголовнаго преслѣдованія вслѣдствіе *помилованія* необходимо, чтобы въ Высочайшемъ указѣ или общемъ милостивомъ манифестѣ точно было указано пространство дѣйствія помилованія, т. е. опредѣлено было, какія именно дѣянія подлежатъ дѣйствію помилованія (улож., ст. 165—167).

Примиреніе обвиняемаго съ обиженнымъ прекращаетъ уголовное преслѣдованіе исключительно по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія; во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, какъ въ преступленіяхъ публичныхъ, такъ и въ публично-частныхъ, обстоятельство это не имѣетъ никакого процессуальнаго значенія, остается безъ всякаго вліянія на ходъ правосудія. Примиреніе или отказъ въ продолженіи иска есть *односторонній* актъ воли потерпѣвшаго [1]) и можетъ быть выраженъ или въ формѣ заявленія о томъ обвинителя, или неявкой его къ судебному резбирательству (ст. 135 и 593); неявка частнаго обвинителя ни лично, ни чрезъ повѣреннаго, безъ уважительной причины, признается закономъ равносильной отказу отъ уголовнаго преслѣдованія [2]). Правомъ примиренія пользуется, по выраженію закона, *„принесшій жалобу“* (ст. 157, 159), а потому дѣло, возбужденное жалобою малолѣтняго, не можетъ быть прекращено, безъ особаго полномочія, его опекуномъ и наоборотъ. Имѣя широкое, неограниченное право примиренія, частный обвинитель, тѣмъ не менѣе, не можетъ просить о смягченіи наказанія, такъ какъ опредѣленіе размѣра наказанія составляетъ функцію суда; если законъ и допускаетъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ смягченіе наказанія по просьбѣ родителей (ст. 1591 и 1592 улож.), то въ этомъ слѣдуетъ видѣть лишь исключеніе изъ общаго правила, вызванное особыми отношеніями участвующихъ въ дѣлѣ лицъ [3]).

---

[1]) К. р. 1868/81; 1868/458; *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, стр. 46 и 48; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, ч. I, стр. 131—134; *А. фонъ-Резонъ*, тамъ же, стр. 212—213. Иного мнѣнія г. *Чебышевъ-Дмитріевъ* и г. *Харламовъ*, Уголовно-частный порядокъ прослѣдованія, Юр. В. 1889, кн. 10, стр. 274—275, „Если обвиненіе поднято“, замѣчаетъ г. Чебышевъ-Дмитріевъ: „то прекращеніе его уже не зависитъ отъ одной воли обвинителя; обвиняемый получаетъ право на то, чтобы подвергнуться судебному разбирательству и быть по суду оправданнымъ, а не прощеннымъ.“ Тамъ-же, стр 131. Сенатъ по д. Минделькерна (1880/36) измѣнилъ раньше высказанное имъ по этому вопросу мнѣніе и высказалъ ту мысль, что „отказъ отъ уголовнаго иска частнаго обвинителя по явкѣ его на судъ можетъ служить основаніемъ къ прекращенію дѣла лишь при условіи согласія на то обвиняемаго, т. е. требуется настоящее примиреніе, какъ двухсторонній фактъ“. Мнѣніе это противорѣчитъ природѣ частнаго иска и закону, который признаетъ за потерпѣвшимъ право отказаться отъ иска простою неявкой въ судъ; что касается обвиняемаго, то интересы его въ настоящемъ случаѣ достаточно ограждены закономъ, который предоставляетъ право всякому, неправильно привлеченному къ суду, преслѣдовать обвинителя за клевету.

[2]) Суд. уст., изд. госуд. канц., ч. II, мотивы къ ст. 135, стр. 75.

[3]) *Лохвицкій*, Курсъ русскаго уголовнаго права, С.-Пб. 1871, стр. 282; *Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 132—133; *А. фонъ-Резонъ*, стр. 224—225. „Примиреніе есть полный недробимый актъ“, замѣчаетъ г. Лохвицкій: „иначе это не примиреніе, а милостивое смягченіе наказанія, которое давать можетъ только судъ.“

По ст. 157 Уложенія, приговоръ и наказаніе отмѣняются, если принесшій жалобу примирится съ виновнымъ *прежде исполненія приговора*; изъ этого видно, что, по нашему законодательству, частный обвинитель сохраняетъ право примиренія не только въ теченіе всего производства дѣла, но и послѣ судебнаго приговора до отбытія осужденнымъ наказанія вполнѣ, когда приговоръ уже исполненъ, и прощеніе вины не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій [1]). Примиреніе, оффиціально заявленное частнымъ обвинителемъ, окончательно прекращаетъ уголовное преслѣдованіе, при чемъ, если мировая состоялась по обоюдному соглашенію и на извѣстныхъ условіяхъ, то несоблюденіе ихъ обвиняемымъ можетъ дать поводъ только для иска въ гражданскомъ судѣ [2]).

Въ числѣ причинъ, прекращающихъ уголовное преслѣдованіе, не указана вовсе *смерть частнаго обвинителя*; между тѣмъ, это обстоятельство фактически прекращаетъ преслѣдованіе, такъ какъ уголовный судъ не разсматриваетъ дѣлъ, возбуждаемыхъ по частной жалобѣ и подлежащихъ прекращенію въ порядкѣ частнаго примиренія, въ отсутствіи обвинителя и въ случаѣ неявки его обязанъ прекратить дѣло. Но въ случаѣ, если смерть обвинителя послѣдовала послѣ вступленія приговора въ законную силу, послѣдній, вслѣдствіе этого, не можетъ быть отмѣненъ и долженъ быть исполненъ на общемъ основаніи, по которому всякое судебное рѣшеніе, при отсутствіи причины, отмѣняющей его дѣйствіе, подлежитъ исполненію [3]).

---

[1]) Чебышевъ-Дмитріевъ, тамъ же, стр. 126, 131—132; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 135 и слѣд.; *А. Квачевскій*, тамъ же, стр. 346. Contra: *А. фонъ-Резонъ* (стр. 225), по мнѣнію котораго выраженіе ст. 157 уложенія „прежде исполненія приговора“ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что примиреніе можетъ быть только „до начала исполненія“.

[2]) К. р. 1868/162.

[3]) *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 139—140. Какъ ни ясно само по себѣ положеніе, по которому смерть частнаго обвинителя фактически прекращаетъ возбужденное имъ уголовное преслѣдованіе, въ судебной практикѣ нашей и литературѣ существуетъ противное мнѣніе, отрицающее указанное значеніе за смертью частнаго обвинителя. К. р. 1871/1455, 1876/48, 1878/18 и 1880/16; *В. Волжинъ*, Жалобы и протесты по судебнымъ уставамъ и въ практикѣ. Журн. гр. и уг. права, 1887, кн. 9; *И. Щегловитовъ*, Уголовно-частный порядокъ преслѣдованія, Юр. В. 1889, кн. 5, стр. 78—79. Принявъ это мнѣніе, естественно является вопросъ—кто же, въ случаѣ смерти частнаго обвинителя, будетъ преслѣдовать и обвинять обвиняемаго? Г. Щегловитовъ возлагаетъ эту обязанность на прокурора, но почтенный авторъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что смерть частнаго обвинителя составляетъ случайное обстоятельство, которое нисколько не измѣняетъ природу частныхъ преступленій и частнаго характера производства по этимъ дѣламъ; участіе же лицъ прокурорскаго надзора въ этихъ дѣлахъ безусловно воспрещено закономъ (ст. 263, 479, 511 и 540).

§ 168. Уголовное дѣло можетъ быть прекращено только судомъ; ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ ни могутъ собственною властью прекратить дѣло (ст. 277, 518, 524) [1]). Когда судебный слѣдователь не находитъ по какой либо причинѣ основаній продолжать слѣдствіе, то, пріостановивъ производство, испрашиваетъ, чрезъ прокурора, разрѣшеніе окружнаго суда на прекращеніе слѣдствія (ст. 277) [2]); равнымъ образомъ, прокуроръ заключеніе свое о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія предлагаетъ окружному суду или судебной палатѣ, смотря по тому—влечетъ ли извѣстное преступное дѣяніе лишеніе или ограниченіе правъ состоянія или нѣтъ (ст. 518 и 529). Въ случаѣ несогласія окружнаго суда съ представленіемъ судебнаго слѣдователя или заключеніемъ прокурора о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія, дѣло переносится на разрѣшеніе судебной палаты, которая является вообще высшею судебною инстанціею по всѣмъ вопросамъ о прекращеніи уголовныхъ дѣлъ; такъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда судебная палата получитъ свѣдѣнія о томъ, что уголовное преслѣдованіе неправильно прекращено окружнымъ судомъ, судебная палата можетъ потребовать къ своему разсмотрѣнію прекращенное дѣло (ст. 529) [1]). Въ законѣ не указано—можетъ ли палата, разсмотрѣвъ дѣло, вновь его возбудить, но слѣдуетъ думать, что палата не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ въ числѣ случаевъ, когда допускается возобновленіе однажды прекращенныхъ дѣлъ, вовсе не указанъ случай, когда палата признаетъ, что окружной судъ неправильно прекратилъ дѣло (ст. 542).

Д. Тальбергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[1]) *И. Денисьевъ*, Прекращеніе слѣдствія по ст. 277 у. у. с., Журн. гр. и уг. права 1875, кн. 2; Z. О прекращеніи слѣдствія, Юр. В. 1883, кн. 12; *И. Щегловитовъ*, О прекращеніи уголовнаго прослѣдованія, Журн. гр. и уг. права, 1887, кн. 10.

[2]) По толкованію Сената, слѣдствія по дѣламъ частнаго обвиненія могутъ быть направлены по ст. 277 только по отсутствію въ взводимомъ обвиненіи признаковъ преступленія, *но не по недостатку уликъ*. Рѣш. общ. собр. кассац. деп. Сената 11 февраля 1880 г., за № 10. Мнѣніе это неправильно; принявъ его, мы должны допустить возможность того, что частный обвинитель по произволу, безъ всякихъ уликъ, можетъ посадить обвиняемаго на скамью подсудимыхъ. См. *И. Щегловитовъ*, Вопросы текущей слѣдственной практики, тамъ же, стр. 55 и слѣд.

§ 25. *(Продолженіе).* Международно-правовое опредѣленіе границы Россійской Имперіи.

Нижеслѣдующее изложеніе „источниковъ“ права русскихъ государственныхъ границъ слѣдуетъ послѣдовательному протяженію линіи этихъ границъ, отъ сѣверной оконечности западной границы: по западной границѣ, по всей южной границѣ, въ Европѣ и Азіи, и на востокѣ.

I. **(113).** Граница Россіи на западѣ съ *Норвегіею* и *Швеціею* — опредѣлена:

1. Конвенціею, заключ. между Россіею и Норвегіею 2. V. 26, о границахъ ихъ владѣній въ Лапландіи (II. 13).

Граница составляетъ весьма извилистую линію; она заключаетъ въ себѣ:

а. старую границу отъ 1751 г. между Швеціею (по области Финляндіи) и Норвегіею, отъ начала рѣчки Куокима, между горами Кольта-пахта и Куокима-пахта (близъ источниковъ рѣки Конгамэ-эльфъ) до Колмизойве-Макадіеста, т. е., до мѣста „старой границы“ между Россіею и Норвегіею (II. 13; 1), которою

б. граница продолжаетъ идти до Гелзоміо, на рѣкѣ Пасвигъ;

в. рѣкою Пасвигъ новая граница идетъ до церкви Бориса и Глѣба, отсюда — на юго-востокъ и къ источникамъ р. Якобсъ-эльфъ, а по ней до самаго устья въ морѣ, близъ Якобсвиг'а.

Въ 1826 г. подлежала опредѣленію и установленію на мѣстѣ граница подъ лит. (*б.* и *в.*) (II. 14; 4). Граница подъ лит. *а.* оставалась „неприкосновенною“; къ Россіи, поэтому, перешла обязательность договора о разграниченіи между Даніей и Швеціей, относительно шведско-норвежской границы отъ 1751 г. Этотъ договоръ намъ извѣстенъ по сборнику *Wenck'*а Codex (corpus) juris g. r. (*15*, A. a.), T. II, стр. 598—682. „Возстановленіе“ границы по линіи „между королевствомъ Норвежскимъ и Россійскою Имперіею“, по случаю заростанія и поврежденій оной граничной черты, было предпринято въ 1846 г.; коммиссія составила „подробный отчетъ“ о своихъ работахъ. Этотъ отчетъ, а также и карта и описаніе границы 1826 г. (II. 16; 11) не обнародованы и вообще не напечатаны. О новой картѣ и описаніи границы, по случаю работъ коммиссіи въ 1846 г., вовсе не говорится. II. 16; п. 6. (*130,* въ концѣ).

2. Мирнымъ договоромъ, закл. между Россіею и Швеціею въ 1809 г., (II. 3; 4);

Актомъ разграниченія, заключ. между Россіею и Швеціею въ Торнео, 8. XI. 10, (II. 8);

Конвенціею, заключ., 5. I. 21, между ними же, о размѣнѣ смѣшанныхъ недвижимыхъ имуществъ на островахъ смежныхъ рѣкъ, (II. 11. *c.* II. 4, 5).

Описаніе и карта границы, на этихъ основаніяхъ составленныя, не обнародованы.

Характеръ границы противъ Норвегіи:

Старая граница по трак. 1751 г. (*c.* п. 1, лит. *a*) проведена—на протяженіи около $^2/_3$ всей границы—по лѣсамъ и лугамъ; значительная часть границы слѣдуетъ по р. Тана-эльфъ. Межа отмѣчена на мѣстѣ каменными столбами и „промежуточными знаками“. (Wenck. II, 664-72).

„Старая русско-норвежская граница“ (*c.* п. 1, лит. *б.*) проведена между погостами по горамъ (II. 13; 2);

большая часть новой границы 1826 г. (*c.* п. 1, лит. *в.*) слѣдуетъ по р. Пасвигъ, потомъ сухимъ путемъ и наконецъ по рѣкѣ Якобсъ-эльфъ.

Характеръ границы противъ Швеціи, (II. 8; 1): вся граница проведена сначала, на небольшомъ протяженіи, по озерамъ и рѣчкамъ, а потомъ болѣе 400 верстъ по рѣкамъ Кіонгемэ, Муоніо и Торнео, до Ботническаго залива. Граница близъ устья рѣки Торнео оставляетъ городъ Торнео за Россіею.

Отъ впаденія р. Торнео въ море граница обоихъ государствъ слѣдуетъ по серединѣ Ботническаго залива, черезъ средину Кваркена и до залива Аландсъ-гафъ. Аландскіе острова и острова Сингельскеръ суть южные пункты границы и остаются за Россіею. Здѣсь граница между обоими государствами прекращается и переходитъ въ открытое море. II. 9; 1, 1.—*C.* ниже о территоріальныхъ и береговыхъ водахъ.

II. **(114).** Граница Россіи на западѣ съ *Пруссіей* опредѣлена:

1. отъ Балтійскаго моря, у Полангена, до р. Нѣмана

Демаркаціоннымъ актомъ, заключ. между Россіею и Пруссіею, 21. VI. 1796 (II. 187; 6), и

Подробнымъ означеніемъ границъ, на основаніи этого демаркац. акта, отъ 2. VIII. 1796 (II. 188; 7).

Послѣ Тильзитскаго міра 1807 г. и образованія герцогства Варшавскаго и, потомъ, присоединенія этого герцогства къ Россіи, въ 1815 г., отъ границы 1796 г., раздѣлявшей Россію и Пруссію: начиная отъ р. Буга, по Нѣману, и отъ Юрбурга до Полангена у моря—осталась въ силѣ только послѣдняя часть ея: отъ Юрбурга до Полангена, которая составляетъ прежнюю границу между Пруссіей и Самогиціей. II. 188; 6;

2. отъ Юрбурга (на Нѣманѣ) до границы области бывшаго вольнаго города Кракова,

на основаніи „Главнаго акта Вѣнскаго конгресса“ (II. 51; 2) и „трактатовъ“ между Россіею съ Пруссіею и Австріею, „относительно Польши“, 21. IV. 15, (II. 72; 1), и согласно разграниченію, совершенному на мѣстѣ въ 1808 г. между Пруссіею и герцогствомъ Варшавскимъ (II. 191; 10. 407; 2) — за небольшимъ отступленіемъ около Торна, въ пользу Пруссіи (II. 165; § 6)—

α. Демаркаціоннымъ трактатомъ, 8. XII. 37, объ окончательномъ опредѣленіи границы между царствомъ Польскимъ и восточною половиною провинціи „Восточная Пруссія“, отъ р. Нѣмана до впаденія р. Винцента' въ рѣку Писсекъ. II. 407. 408; 21-22. 407; 19;

β. Дополнительными статьями къ демаркац. трактату 1837 г. (*с. α*), отъ 20. XI. 39 г., объ окончательномъ опредѣленіи продолженія границы между Царствомъ Польскимъ и западною половиною провинціи Восточная Пруссія, до селеній (польскаго) Бернаты' и (прусскаго) Нейгофъ. II. 409. *с.* II. 164; 1;

γ. Демаркаціоннымъ актомъ 12. IV. 23 г., о границѣ между Царствомъ Польскимъ съ одной стороны и Западною Пруссіею (и Познанью, *с.* lit. *δ.*) съ другой стороны. II. 164-8.

δ. Дополнительными статьями 26. III. 43 г. исправлена граница между Царствомъ Польскимъ и прусской провинціей „великимъ герцогствомъ Познанскимъ“ (*с.* lit. *γ.*), (II. 160; п. 1), установленная въ 1823 г. (II. 409-10); для нея составлены „новая“ описательная табель и карты,—дѣйствіе старыхъ (1823 г.) упразднено. II. 410; 8.

Далѣе граница съ Пруссіей опредѣлена:

ε. *Окончательнымъ трактатомъ* о разграниченіи Царства Польскаго съ прусской провинціей „герцогство (II. 169; 3) Силезія“, 20. II. 1835, (II. 169);

Актомъ разграниченія (топографическимъ описаніемъ и установленіемъ границы на мѣстѣ) между Царствомъ Польскимъ и герцогствомъ Силезіей, 1. XII. 36 г. (II. 181); и

Конвенціею 23. X. 65, о канализаціи рѣки Бринница' и объ измѣненіи границы для этой цѣли, между столбами 173—176, на польско-силезской граничной линіи. II. 196.

Характеръ границы противъ Пруссіи:

На огромномъ протяженіи противъ Восточной Пруссіи (*с.* п. 1 и п. 2, лит. α и β), граница, за немногими и незначительными исключеніями, гдѣ она пользуется ручьями и—въ трехъ мѣстахъ—на короткихъ разстояніяхъ, малыми рѣками—сухопутная (или территоріальная); она проведена, по общему правилу, согласно межамъ частныхъ владеній и селеній (*с.* II. 407; 3, а также II. 408; 26).

Большую часть границы противъ Западной Пруссіи (*с.* п. 2, лит. γ) составляетъ рѣчная линія—рѣкъ: Солдава, Писса, Древенца и Тончин'*а*. II. 164-5.

Сѣверная часть (половина) границы Царства Польскаго противъ Познани идетъ по сухопутнымъ межамъ и пересѣкаетъ нѣкоторыя озера (II. 166). Южную часть этой границы составляетъ рѣка Просна, (II. 167-8); она „отходитъ“ отъ русла Просны—не надолго—въ одномъ мѣстѣ (II. 167, 6).

Граница противъ Силезіи, на большей части своей линіи, пользуется (съ сѣвера на югъ) рѣками: Просна (II. 169; 3-173; 16), Лисварта (II. 173; 21-174; 23), Бринница (I. 176; 32-178; 44) и Черная Пшемза (II. 184; столбъ 209—стр. 185). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ граничная линія удаляется, на небольшомъ пространствѣ, отъ рѣки.

Вся граничная линія между Россіею и Пруссіей, не исключая и ея рѣчныхъ частей, отмѣчена (попарно сооруженными) „пограничными столбами“ и „промежуточными знаками“. Отъ Юрбурга до Полангена граница между столбами размежевана, кромѣ того, сплошнымъ рвомъ. II. 188; 8. 191, § 4.

Ш. (**115**). Граница Россіи на западѣ съ *Австріей* опредѣлена:

1. Окончательнымъ *демаркаціоннымъ актомъ области бывшаго города Кракова*, заключ. между Россіей, Австріей и Пруссіей въ 1818 г., для протяженія русской границы: отъ окончанія польско-силезской границы до Волицы' на Вислѣ. II. 131. Въ 1846 г. эта область была присоединена къ Австріи (II. 123; 1); граница въ отношеніи Россіи осталась безъ измѣненій, и пограничный актъ 1818 г. продолжаетъ понынѣ дѣйствовать между Россіей и Австріей;

2, *Демаркаціонною конвенціею* о границѣ между Царствомъ Польскимъ и Галиціею, отъ деревень (польск.) Морчи и (австр.) Колко до р. Буга, 14, XII. 26 (II. 134-6), и

актомъ возобновленія границы между Галиціей и Польшей, на протяженіи отъ р. Вислы до р. Буга, 25. VIII. 45, (II. 139-40);

3. Окончат. *демаркац. актомъ*, 28. VI. 29, о границѣ на протяженіи отъ р. Буга до р. Прута. II. 141-43;

4. Декларацією, 24. X. 71, о регулированіи теченія рр. Вислы и Сан'*а*. I. 135.

с. I. 140; § 7: объ измѣненіи границы по случаю этого регулированія (v. II. 138; 5, 5 и II. 131; 6).

Характеръ границы:

Половина всей граничной линіи приходится на рѣкахъ: отъ Неполомица до Завихоста на Вислѣ (II. 134), на короткихъ разстояніяхъ на Сан'*ѣ* (II. 135, § 5), Бугѣ (II. 141, § 5), Стырѣ (II. 142, § 1); болѣе продолжительно на Збруч'*ѣ* (II. 142, § 4) и нѣкоторое разстояніе на Днѣстрѣ (II. 143, § 2).

Прочія части границы сухопутныя или „территоріальныя". (II. 142, § 1), но нерѣдко прерываются, на незначительныхъ разстояніяхъ, многочисленными въ этой нагорной мѣстности, ручьями. II. 141-2.

Вся граничная линія обозначена столбами и промежуточными между ними знаками, а между Вислой и Бугомъ еще и изборожденной полосой земли. II. 140; 2. Сухопутная линія, по общему правилу, слѣдуетъ по межамъ частныхъ владѣній, расположенныхъ по обѣ стороны государственной *границы*.

IV. (**116**). Граница Россіи на западѣ съ *Румыніей* опредѣлена:

1. 3-й статьей *Адріанопольскаго трактата* Россіи съ Турціей, 2. IX. 29, (I. 279);

2. 45 и 46-ою статьями Берлинскаго трактата, 1. VII. 78, (I. 302-3).

Граница—рѣчная: по Пруту, (Дунаю), руслу Килійскаго рукава р. Дуная и устью Стараго Стамбула (I. 302; 45).

V. **(117).** *Черное море* есть „море открытое для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ". I. 293; 3. Граница Россіи на немъ опредѣляется по общимъ правиламъ объ открытомъ морѣ.

VI. (118). Граница Россіи на югѣ съ Турціей опредѣлена:

1. Берлинскимъ трактатомъ, 1. VII. 78, ст. 58 (I. 303-4);

2. Парижскимъ трактатомъ, 18. III. 56, ст. 30, (I, 289); и

3. Демаркаціоннымъ Протоколомъ м. коммиссіи, 28. IV. 58, (I. 289; 30), объ установленіи границы на мѣстѣ. Часть граничной линіи по п. 3: отъ горы Дибац'*а* на востокъ (*R* I. 20; 18, § 5), продолжаетъ дѣйствовать и послѣ 1878 г. (I. 304; 58). Объ установленіи граничной линіи на мѣстѣ, на основаніи 58-й ст. Берлинскаго трактата 1878 г., не было особо условлено, но и затѣмъ ничего не сдѣлалось извѣстнымъ *(с. 112)*. Граница преимущественно нагорная; рѣчная линія совсѣмъ незначительная.

Въ 1858 г., планомъ и картою м. коммиссіи, были удостовѣрены и подтверждены пограничные столбы, которыми и до того времени была отмѣчена межа на азіатской границѣ между Россіей и Турціей. *R* I. 15; 483, 1 (§ 3). 20; 14; 18.

VII. **(119).** Граница Россіи съ *Персіей* опредѣлена:

1. Туркменчайскимъ мирнымъ договоромъ, 10. II. 28, ст. 4 (I. 373-4), отъ турецкой границы до впаденія р. Астара' въ Каспійское море. Граница владѣній Россіи и Персіи на Каспійскомъ морѣ не опредѣлена и не установлена. I. 374; (конецъ). 375; 8. 383; 1;

2. на востокъ отъ Каспійскаго моря, отъ залива Гасанъ-Кули и по р. Атрек'*у* до Люфтабад'*а*,

Конвенціей 9. XII. 81;

точное означеніе границы на мѣстѣ, съ установкой пограничныхъ знаковъ для линіи по п. 2, предусмотрѣно статьей 2-й этой конвенціи (I. 384); для линіи подъ п. 1 такого уговора не было. Во всякомъ случаѣ, ни по п. 1, ни по п. 2, не были обнародованы акты объ установленіи границы Россіи съ Персіею на мѣстѣ (*с. 112*).

Новыя пріобрѣтенія Россіи въ Средней Азіи 1884-5 гг. удлинили

граничную линію Россіи съ Персіей до Серахс'*а*, и на югъ, по теченію рѣкъ, до Зюльфагар'*а*. Между Россіей и Персіей объ этой линіи, остающейся на прежней границѣ Персіи, новаго условія объ удостовѣреніи границы пока еще не было заключено.

Характеръ границы: вся граничная линія между Россіей и Персіей, кромѣ незначительныхъ частей, составляется горами и рѣками.

VIII. **(120).** Граница Россіи съ *Афганистаномъ*, на всемъ пространствѣ отъ Зюльфагар'*а*, на р. Гери-рудъ, до Коинлы, на р. Аму-Дарьѣ, опредѣляется, отъ запада къ востоку, *соглашеніемъ* между Россіею и Великобританіею, 1887 г. (II. 400-6).

Линія границы раздѣлена на четыре части:

1-ая: отъ Зюльфагара до Ислим'*а* приблизительно (II. 403; § 10—405; § 1);

2-ая: отъ этого мѣста, дальше до р. Мургабъ и по ея тальвегу на сѣверъ, три мили выше форта Меручакъ (II. 401; п. II);

3-ья: отсюда, дальше до пункта на большой дорогѣ изъ Андхой въ Дукчи, близъ Султанъ-Робат'*а* (II. 405-6).;

4-ая: далѣе до р. Аму-Дарьи (II. 402; § 2).

Первая и третья части окончательно установлены (II 401; п. I), согласно условленному „описанію“ границы (II. 403-6), т. е., во всѣхъ деталяхъ;

часть вторая опредѣлена окончательно относительно „тригонометрическихъ пунктовъ“, и указаны мѣста близъ столбовъ;

для *четвертой части* указаны главные проходные пункты граничной линіи, безъ опредѣленія мѣста для столбовъ.

„Описаніе“ границы на частяхъ 2 и 4-й „можетъ быть дополнено послѣ (при?) проведенія границы на мѣстѣ“. II. 401; п. I.

При выполненіи границы на мѣстѣ коммиссарами, кромѣ условленныхъ для 1, 2 и 3-ей частей границы столбовъ отъ № 1—65, были поставлены необходимые промежуточные столбы на выдающихся пунктахъ. II. 402; § 3. 403; п. VI.—Граница была установлена на мѣстѣ къ 6. I. 1888 г. Ежегодн. М. Инос. дѣлъ. XXVII. 553.

Граница отчасти рѣчная, а преимущественно нагорная.

IX. **(121).** Граница Россіи съ *Бухарой* на Аму-Дарьѣ (*123*), вслѣдствіе пріобрѣтеній Россіей новыхъ владѣній въ Средней Азіи

въ 1884 г., значительно удлинилась, а именно: отъ крайняго пункта границы Россіи съ Афганистаномъ (*120;* 4-я часть), внизъ по теченію Аму-Дарьи, до границы съ Хивой, на 40-мъ градусѣ сѣв. широты, близъ Кобаклы'.

Какое-либо условіе объ этой границѣ съ Бухарой—цѣлости территорій которой эти пріобрѣтенія не должны были касаться—нѣ сдѣлалось извѣстнымъ.

Andrée, Handatlas, Supplement 1886 г., стр. 20, означаетъ *всю* границу Бухары на Аму-Дарьѣ распространяющеюся также на узкую полосу территоріи на лѣвомъ берегу этой рѣки *v.* I. 455; 3—4.

X. **(122)**. Прямая граница Россіи съ *Хивой* (с. *83*), на югѣ этого ханства (по 40-му градусу сѣв. широты), создана завоеваніями въ Ахалтекинской области и присоединеніемъ Мерва къ Россіи. (Droysen, Allg. histor. Handatlas, 1886 г., стр. 71).

Какой либо демаркаціонный актъ объ этой границѣ неизвѣстенъ.

Условіе мира Россіи съ Хивой отъ 1873 г. не опредѣляетъ граничной линіи обѣихъ странъ на всемъ протяженіи западной границы Хивы, I. 451, 2.—*C.* Droysen, ib.

Незначительную границу ханства на сѣверѣ образуетъ берегъ Аральскаго моря. Восточную границу ханства противъ Россіи составляетъ р. Аму-Дарья до Мешекли'. I. 451; 2. 455; 1, 2.

XI. **(123)**. Сѣверная граница *Бухары* съ Россіей опредѣлена:

1. договоромъ генерала Кауфмана I съ Бухарскимъ эмиромъ, объ уступкѣ нѣкоторой части пріобрѣтеній Россіи отъ Хивы, въ 1873 г. (I, 451; 2. 452; 4), въ пользу Бухары, (I. 455; 1, 2), т. е. участка отъ Кукертли' черезъ Мешекли и—на востокъ—до прежняго соединенія границъ Россіи, Хивы и Бухары;

2. дальше—*старою границею* между Россіей и Бухарой, о которой упоминается въ томъ же договорѣ, т. е., старою границею Бухары на сѣверѣ, до которой дошли завоеванія Россіи въ 1868 г.; о новомъ опредѣленіи ея между обѣими странами ничего не сдѣлалось извѣстнымъ. (I. 455; 1);

3. въ 1876 г., съ присоединеніемъ Кокандскаго ханства—Ферганской области—къ Россіи, западная половина южной границы Коканда противъ Бухары сдѣлалась русско-бухарской границей. О повѣркѣ этой линіи новыми сосѣдами намъ не извѣстно. *C.* I. 404; 9, 2.

Граница по большей части нагорная.

XII. **(124)**. Восточная половина южной границы Ферганской области выходитъ на Памирское плато. Эта граничная черта не опредѣлена никакимъ договоромъ.

XIII. **(125)**. Граница Россіи съ *Китаемъ*:

1. Восточная граница Ферганской области противъ Китайскаго владѣнія Кашгар'а—остается,

по 9-й статьѣ договора Россіи съ Китаемъ отъ 1881 г.,

прежнею (I. 405; 9). Она должна была быть осмотрѣна на мѣстѣ и (подобно прочимъ частямъ линіи русско-китайской границы, I. 404, 9) отмѣчена „граничными знаками" (ib.).

Объ исполненіи этого условія и о подтверждающихъ его актахъ еще не сдѣлалось извѣстнымъ.

2. Дальше—отъ Кокандскихъ владѣній, граница между Россіей и Китаемъ до маяка, называемаго Шабинъ-Дабагъ, опредѣляется (на основаніи 9-й ст. (Путятинскаго) Тянь-цзинскаго договора Россіи съ Китаемъ, 1858 г., I. 392):

„*Дополнительнымъ* (т. наз., Игнатьевскимъ) *договоромъ* 1860 г., ст. 2. (I. 395), и

Протоколомъ, съ картою и описаніемъ демаркаціонной коммиссіи, подпис. въ 1864 г. (I. 395-6; 3. 404; 7-8); труды этой коммиссіи не обнародованы.

2. а. Нѣкоторыя части границы по настоящему п. 2-му измѣнены: договоромъ 1881 г., ст. 7-ю (въ Илійской области), и ст. 8-ою (на востокѣ отъ озера Зайсана). I. 404.

3. Граница отъ маяка Шабинъ-Дабагъ до Кяхты (I. 388; § 2) и далѣе, до р. Аргуни (I. 387-8), опредѣлена договоромъ Россіи съ Китаемъ, 1727 г.,

4 Граница отъ р. Аргуни: по р. Амуру и Уссури и до Японскаго моря, опредѣлена окончательно тѣмъ же (*с.* выше п. *2*) дополнительнымъ договоромъ 1860 г. (I. 394; 1).

XIV. **(126)**. Границу Россіи съ *Кореей* составляетъ, по договору Россіи съ Китаемъ, рѣка Ту-мынь-цзянъ. I. 395; § 1. II. 578; VII. Въ Andrée, Handatlas, Suppl., 1886 г., стр. 19, оба берега устья этой рѣки показаны русскими владѣніями.

XV. (**127**). Разграниченіе острововъ между Россіей и *Японіей* опредѣлена *договоромъ* обоихъ государствъ, о взаимномъ обмѣнѣ островами, 1875 г. Къ Россіи перешелъ весь островъ Сахалинъ (или Крафто), къ Японіи перешла вся гряда 18 Курильскихъ острововъ. I. 431; 1-2.

XVI. (**128**). Граница Россіи съ *Съверо-Американскими соединенными штатами*,

въ Беринговомъ проливѣ и Беринговомъ морѣ,

опредѣлена договоромъ обоихъ государствъ, 18. IV. 67, объ уступкѣ Россійскихъ сѣверо-американскихъ колоній Сѣв. Ам. соедин. штатамъ. II. 25; 1, § 5.—*c.* II. 30; § 1.

§ 26.—β. *(Продолженіе)*. Способы установленія сухопутной граничной линіи территоріи государства.

129. Въ этихъ способахъ должно различать:

a. назначеніе и установленіе союзныхъ пунктовъ граничной линіи, отъ которыхъ и черезъ которые пролегаетъ черта сухопутной (или территоріальной) границы; и

б. означеніе и установленіе самой граничной черты между этими „союзными пунктами“.

a. Союзными пунктами могутъ быть назначаемы:

α. существующіе на самой границѣ выдающіеся и прочно съ землею соединенные предметы естественнаго или искусственнаго происхожденія; постоянными примѣрами таковыхъ встрѣчаются во множествѣ м. договоровъ о границахъ между государствами:

холмы, вершины горъ, оконечности холмовъ, скалы, выступы, ущелья рѣки, мысы, камни, устья рѣкъ и ихъ притоковъ; колодцы, мосты, плотины, маяки, церкви и заводы (фабрики), другія строенія, развалины строеній (руины); *c.* I. 374. 383-4. 387-8. 394-5. 451; 2. II. 3; 5, 3. 8-9. 13. 135, § 6. 143, § 4. 401-6; изгибы дорогъ (II. 140; 6);

оконечные или узловые пункты граничной линіи съ другимъ государствомъ (I. 304; 58. (395; 2). 455, 1. II. 8; 1. 134, § 4. 134; 1, 2. 143, § 4. 178; 44);

извѣстныя точки пресѣченія градусовъ географической широты и долготы (на морѣ и въ мало населенныхъ и мало изслѣдованныхъ мѣстностяхъ). II. 25; 1, 5. 401-2.—*c. 132.*

β. Союзными пунктами могутъ быть сооружаемы особые „знаки“; это дѣлается посредствомъ сооруженія деревянныхъ столбовъ или— на границѣ съ Норвегіей — (каменныхъ) колоннъ. Установленіе такихъ пограничныхъ столбовъ (и, въ рѣдкихъ случаяхъ, колоннъ) имѣетъ главное значеніе на практикѣ; *v.* объ этомъ:

II. 14; 4. (17, § 2). 11; 6 (граница съ Норвегіей и Швеціей);

II. 190. 407; 2. 408; 21-3. 409; 2. 410; 3. 164, § 4-7. 168, § 3. 168; 3. (169; 3. 178; 45. 196; 4). 181; 54 (граница съ Пруссіею);

II. 131; 1. 136; 3. 145; 4 (граница съ Австріей);

R I. 20; 15.—*c.* I. 289; 30. 304; 58 (граница съ Турціей въ Малой Азіи).

Договоръ о границѣ съ Персіей, на западъ отъ Каспійскаго моря (I. 374; 4), *не* предусматриваетъ проведенія границы на мѣстѣ посредствомъ столбовъ; для границы на востокъ отъ Каспійскаго моря (I. 384; 2) оно предусмотрѣно; *c. 119.*

II. 401-2 (граница съ Афганистаномъ).

I. 404; 9. 395; 1, 7 (граница съ Китаемъ).

Для вполнѣ опредѣленнаго означенія „точки“, гдѣ проходитъ черта границы, требуется означеніе этой точки на самомъ пунктѣ, или въ непосредственной близости отъ него. Такъ. образомъ въ результатѣ, въ большинствѣ случаевъ—упомянутые подъ lit. α „союзные пункты“ имѣютъ только предварительное и вспомогательное значеніе:

ими отчасти опредѣляются направленія граничной линіи, до опредѣленія и установленія ея на мѣстѣ (*112*),

а при установленіи границы на мѣстѣ, равно какъ и при опредѣленіи ея въ подробностяхъ: описаніе границы, опредѣляя мѣстонахожденіе столбовъ (и колоннъ), пользуется, для указанія ихъ мѣстоположенія, опредѣленіемъ ихъ отношенія къ такимъ „союзнымъ пунктамъ“ (объясненнымъ подъ lit. α).

Въ случаѣ разрушенія, по какимъ либо причинамъ, знаковъ границы, они могутъ быть съ точностью возстановляемы, согласно топографическому описанію м. договора о ихъ мѣстонахожденіи; *c.* II. 72; 38. 74; 41.

130. (ad α, β). Особо устанавливаемые пограничные знаки, обыкновенно, двухъ родовъ:

1. основные—это т. наз. пограничные столбы, и
2. промежуточные (marques intermédiaires) знаки.

Пограничные „столбы“ (и колонны) ставятся на главныхъ поворотахъ границы; они обыкновенно снабжены гербами пограничныхъ (разграничиваемыхъ) государствъ, о чемъ особо условлено въ нѣкоторыхъ договорахъ о границахъ Россіи съ Пруссіей и Австріей. II. 188; 8 (*с.* 191; 10 съ 408; 22, и 409; 2). 410; 3. 132; 1, 3. 137; 3. (*с.* 140, § 1).

„Промежуточные (или посредничающіе) знаки“ (II. 11; 6: „иные порубежные знаки“) ставятся: или—и это ихъ главное назначеніе—на промежуточныхъ поворотахъ граничной линіи (II. 407; 2. 409; 2. 410; 3. 181; 56. 139; *пп.* 4 и 2. 402; II, 3), „вездѣ гдѣ окажется необходимымъ“; или—просто—для облегченія распознать на мѣстѣ направленіе прямой линіи границы, между далеко отстоящими столбами (и знаками). II. 410; 5. Wenck, codex j. g. r., II. 664-5.

На промежуточныхъ знакахъ *не* изображаются гербы.

„Столбы“ (и колонны) ставятся:

или въ *одинъ рядъ*;

или *попарно, въ два ряда,* по одному съ каждой изъ обѣихъ сторонъ—такъ оно на всей границѣ Россіи съ Пруссіей и Австріей (II. 189; п. 2, в. 408; 22. 409; 2. 410; 3. 131; 1. 136; 3. 140; 1), въ такомъ видѣ, что между поставленными одинъ противъ другаго столбами оставляется незначительный промежутокъ территоріи. Размѣръ ширины этого промежутка иногда опредѣленъ, напр., въ 10 аршинъ (II. 191, § 5): отъ Полангена до Юрбурга, на границѣ съ Пруссіей; въ 6 футовъ (II. 410; 5): на границѣ съ Познанью; въ 4 вѣнскихъ туаза (II. 132; 1, 4—„по меньшей мѣрѣ“;—II, 136; 3. 145; 4. *с.* 140; 4): на границѣ съ Австріей. Между Швеціей и Норвегіей (*с.* выше *113*) было въ 1751 г. (Wenck, codex j. gen. rec. II. 661; 9) условлено, чтобы въ лѣсныхъ участкахъ границы, для ея обозначенія, вырубалась полоса въ 16 локтей (т. е. 12 арш.) ширины: а именно съ каждой стороны до черты границы по 8 локтей.

По серединѣ этой промежуточной полосы пролегаетъ граничная линія, до которой съ обѣихъ сторонъ и простираются территоріи смежныхъ государствъ;

т. е., ни общаго владѣнія, ни нейтральной полосы эта окраина территорій обѣихъ сосѣднихъ государствъ *не* составляетъ.

Промежуточные („иные“) рубежные знаки — очевидно — также ставятся всегда попарно, когда основные „столбы“ поставлены попарно; *с.* II. 168; 2, 2. 408; 22.

При попарной системѣ рубежныхъ столбовъ, съ каждой изъ сторонъ весь рядъ столбовъ помѣщается на территоріи той же стороны, и столбы снабжены гербомъ того государства. Но иногда въ договорахъ особо оговорено, чтобы постановка рубежныхъ столбовъ и знаковъ и возобновленіе ихъ совершались только въ совмѣстномъ присутствіи компетентныхъ лицъ съ обѣихъ сторонъ. II. 408; 23.

Хозяйственное пользованіе лугомъ, пастбищемъ, полемъ и огородомъ, на пограничной полосѣ между столбами, каждою стороною до середины промежуточной полосы не возбраняется; во избѣжаніе сомнѣній — иногда это особо удостовѣряется (II. 137; 4). Но правило это само собою подразумѣется, если не положено особаго ограниченія, которое можетъ быть или общее, или частное, въ какомъ либо одномъ отношеніи; такъ:

лѣсные участки на такой полосѣ, кажется—всегда, согласно договорамъ, вырубаются (II. 16; п. 6. 140; 2, 2); содержаніе ихъ отъ заростанія лежитъ на обязанности каждой стороны до своей межи. Но, и вообще, обязанность — охранять рубежную полосу между столбами отъ заростанія лѣсомъ или кустарникомъ — относится ко всѣмъ ея частямъ (*с.* и II. 408; 23).

Тамъ, гдѣ граничную черту повсемѣстно означаетъ ровъ (или канава), по самому положенію дѣла—способы пользованія граничной полосой фактически ограничены.

Но и сверхъ всего этого, государства, благодаря ихъ таможеннымъ интересамъ, сами вынуждены, и сверхъ прямыхъ договорныхъ соглашеній и иныхъ м.-п-хъ обязательствъ, налагать на жителей пограничной полосы ограниченія въ пользованіи ихъ земельною собственностью, прилегающею къ межѣ государства. Въ 1826—27 гг. послѣдовали „Выс. утв. положенія комитета министровъ“ о томъ, чтобы: на границѣ съ Австріей и Пруссіей, между рубежной линіей—или берегами пограничныхъ рѣкъ—съ одной стороны, и постройками съ другой: былъ оставляемъ свободный проѣздъ (для таможенной стражи); и „чтобы правило: оставлять черту границы свободною—наблюдаемо было и относительно пашень и огородовъ“. II. 198.

Способъ: отмѣчать на мѣстѣ границу между государствами столбами, примѣняется, какъ постоянное правило, и на рѣчныхъ участкахъ границы Россіи съ Пруссіей и Австріей (о рѣчной границѣ противъ Швеціи *с.* II. 4, § 4). Столбы поставлены также попарно, одинъ противъ другаго—на противоположныхъ берегахъ рѣки,—какъ кажется, главнымъ образомъ, противъ: изгибовъ теченія рѣки населенныхъ пунктовъ и начальныхъ точекъ межи частныхъ и общинныхъ владѣній (II. 182. 185. 136; 3. 134-5).—Между Россіей и Австріей на Вислѣ поставлены 123 пары столбовъ (II. 134), на Бугѣ 35 паръ (II. 141), на Збручѣ №№ 670—1029 (II. 142).

Промежуточные пограничные знаки, имѣя второстепенное и вспомогательное значеніе, ставятся за отсутствіемъ ясной естественной границы, вездѣ, гдѣ въ этомъ можетъ оказаться надобность (*с.* и II. 403; II), а поэтому они иногда прямо признаются излишними на берегахъ рѣкъ и вдоль хребтовъ горъ. II. 410; 5.

Строй, форма и размѣръ пограничныхъ столбовъ и знаковъ въ договорахъ и демаркаціонныхъ актахъ почти никогда не опредѣляются; обыкновенно, при попарной системѣ „столбовъ“, особо постановляется, что они должны быть снабжены гербомъ той стороны, съ которой они стоятъ. *с.* стр. 114, *п.* 2. На границѣ съ Познанью опредѣлены договоромъ 1843 г.: форма и размѣръ „пограничныхъ знаковъ“ (II. 410; 5). О цвѣтѣ столбовъ *с. II.* 410; 3.

Самое подробное соглашеніе о строѣ, формѣ и величинѣ основныхъ и промежуточныхъ пограничныхъ „столбовъ“ было условлено въ пограничномъ договорѣ Норвегіи съ Швеціей, 1751 г. (Wenck, codex j. g. rec., II. 667; 18). *с.* выше *113 в.* „Большіе“ и „промежуточные“ пограничные знаки здѣсь обязательно каменные. Большіе были поставлены: каждый не больше, какъ на разстояніи одной мили отъ предыдущаго, и во всякомъ случаѣ—на всѣхъ поворотахъ граничной линіи, хотя бы разстоянія между ними и были короче мили (Wenck. II. 668; 19. 672; 24), *да такъ,* чтобы сосѣдніе столбы были видны одинъ другому (ib. 664; 14).

Въ частности: 1. *большіе пограничные знаки* нормальнаго типа сооружались изъ камня слѣдующимъ образомъ: смотря по мѣстности, въ основаніи, на грунтѣ, подъ столбомъ, отмѣчались направленія граничн. линіи по обѣ стороны отъ столба: или вырѣзкой соотвѣтственныхъ чертъ просто на каменномъ грунтѣ, или на особомъ

плоскомъ большомъ камнѣ, или же и на деревѣ, или укладкой этихъ чертъ мелкимъ камнемъ (ib. 667; 18. 671; 21).—Столбъ сооружался круглой формы, изъ камня: трехъ локтей вышины и 9 локтей въ объемѣ. Это т. наз. „серединный камень“. Вокругъ его были поставлены 4 камня: 2 т. наз. „указателя“ и 2 т. наз. „свидѣтеля“. Поэтому эти столбы называются „пятикаменными знаками“. Указатели—это „передовые (заостренные) камни“, указывающіе направленіе граничной линіи по обѣ стороны отъ столба (ib. 669; 20); свидѣтели (съ круглымъ хребтомъ) „удостовѣряютъ“ направленіе указателей (ib. 671; 21). Кромѣ того, въ 30 локтяхъ по обѣ стороны отъ каждаго „большаго“ столба, на линіи границы, въ землю было уложено по одному камню, который ясно показываетъ черту границы (ib. 669; 20. 673; 24). На столбѣ вырѣзаны (выше) корона и (ниже) имя короля шведскаго на той сторонѣ, которая обращена къ Швеціи, а корона и имя короля датскаго и норвежскаго—на той сторонѣ, которая обращена къ Норвегіи; подъ королевскимъ именемъ, на каждой сторонѣ, обозначены, посредствомъ вырѣзки на камнѣ, годъ сооруженія столба и его номеръ по порядку;

2. за недостаткомъ каменнаго матеріала въ должномъ количествѣ для сооруженія каменныхъ пограничныхъ столбовъ нормальнаго типа, было позволено воздвигать вышину „середиинаго камня“ большаго пограничнаго столба въ 1 локоть надъ землею, но его слѣдовало запустить на $1^1/_2$ локтя въ землю; прочіе же четыре камня должны были быть такой величины, чтобы одинъ человѣкъ не могъ ихъ сдвинуть съ мѣста (ib. 670-71);

3. на особо упомянутомъ участкѣ (ib. 672; 23. 665; 16) ставились только одни „серединные столбы“, 9-ти локтей въ объемѣ и полутора локтей вышины;

4. *промежуточные пограничные знаки* также каменные; серединный камень имѣетъ въ объемѣ также 9 локтей, его вышина установлена въ $2^1/_4$—$2^1/_2$ локтей; къ нему же придѣланы, въ общемъ порядкѣ, два (передовые) указателя, (но безъ боковыхъ свидѣтелей). На серединномъ камнѣ высѣчены только годъ сооруженія и номеръ столба (ib. 671-2; 22), безъ герба. *с.* стр. 114, (§ 4).

Значительная часть этой шведско-норвежской границы 1751 г. впослѣдствіи принята Россіею, какъ граница между Финляндіей и Норвегіей (Хр. II. 13; 1); о какомъ либо измѣненіи пограничныхъ

столбовъ на этой граничной линіи не имѣется свѣдѣній; *c.* и II. 17; *n.* 6. Повѣрка исправнаго состоянія пограничныхъ знаковъ и расчистка лѣсной полосы на границѣ по договору 1751 г. были положены черезъ каждые 10 лѣтъ. (Wenck. II. 674; 27. *c.* Хр. II. 16; *n.* 6).—*113, а и в* (§ 2).

130. а. „Столбы“ обозначаются послѣдовательной нумераціей: или на всей границѣ одного государства противъ другаго (II. 132-3. 401-2), или, что болѣе обыкновенно, съ раздѣленіемъ ея на нѣсколько участковъ (II. 134 и 141. 168; 2. 182. 190. 407—10). „Промежуточные знаки“ имѣютъ или отдѣльную, также сквозную, нумерацію, отъ начала до конца даннаго участка граничной черты (II. 408; 22. 409; 2. 410; 3), или особо обозначаются между двумя столбами номеромъ (стоящаго выше на линіи) ближайшаго столба, съ присоединеніемъ послѣдовательнаго ряда буквъ алфавита. (140; 1, 3. 168; 2, 2. *c.* 410; 3. v. 181; 56).

б. **(131).** Самая территоріальная черта рубежной линіи между пограничными столбами и знаками, проходя: или по серединѣ между попарными столбами, или черезъ пункты нахожденія общихъ столбовъ (или колоннъ), обозначается въ различныхъ пунктахъ: либо

α. существующими межами частныхъ владѣній, селеній и городовъ, расположенныхъ у государств. границы, и дорогами (*n.* 140; 4); либо

β. естественными раздѣленіями частей земной поверхности: хребтомъ горы и водораздѣломъ; (въ совершенно исключительныхъ случаяхъ граничная черта между сосѣдними государствами слѣдуетъ не по серединѣ или руслу рѣки, гдѣ она есть, а по одному берегу ея, оставляя всю рѣку во владѣніи другой стороны. II. 167; § 3); либо

γ. прямыми линіями: или между пограничными столбами, или серединами линій, соединяющихъ попарно поставленне столбы.

(Въ обоихъ случаяхъ, α. и β, граничная черта территорій можетъ быть кривою линіею, слѣдуя поворотамъ землемѣрной межи, или естественной границы; но и въ этихъ случаяхъ установленіе граничной линіи очевидно всегда добивается такой разстановки пограничныхъ столбовъ и промежуточныхъ знаковъ, чтобы граничная линія пролегала, сколько возможно, прямыми линіями между ними);

δ. одинъ изъ самыхъ явныхъ признаковъ территоріальной пограничной черты, раздѣляющей смежныя территоріи: ровъ, на всемъ протяженіи граничной линіи,—рѣдко употребляется. Примѣры въ прак-

тикѣ Россіи: 1. между Юрбургомъ и Полангеномъ, и 2. между Бугомъ и Вислою. (II. 191, 371. 140; 2). Прорубъ граничной полосы въ смежныхъ лѣсахъ составляетъ общее правило. *с.* стр. 115, § 5.

132. Астрономическое означеніе „территоріальной“ границы градусами, минутами и секундами, вообще, между европейскими государствами не имѣетъ значенія; оно употребительно относительно мало изслѣдованныхъ или даже неизвѣстныхъ областей земной поверхности, или для означенія границы въ степи,— обыкновенно тамъ, куда еще не ступала человѣческая нога. II. 401-2.

§ 27.—β. (*Продолженіе*). Границы государства на рѣкахъ.

133. Еще въ самомъ исходѣ XVIII вѣка, на Раштадскомъ конгрессѣ, возникло правило, опредѣлять въ трактатахъ граничную черту между государствами—на судоходныхъ частяхъ рѣкъ—по *тальвегу*, мѣсту русла рѣки—(„по руслу“); а на несудоходныхъ рѣкахъ сохранилось прежнее правило, опредѣлявшее границу на смежныхъ рѣкахъ—*на серединѣ рѣки*.

Еще въ договорѣ о границахъ между Россіей и Пруссіей, въ 1796 г., (и относительно р. Нѣмана) принято правило о границѣ государствъ на серединѣ судоходныхъ рѣкъ, раздѣляющихъ территоріи двухъ государствъ. По договору Россіи съ Швеціей, 1809 г., въ силѣ *правило о границѣ по тальвегу рѣки*. (II. 8-9). Вѣнскіе трактаты 1815 г. получили особое значеніе для распространенія этого послѣдняго правила; оно обусловливалось и, главнымъ образомъ, новымъ стремленіемъ: установить, насколько возможно, больше обезпеченную и облегченную „свободу судоходства“ на пограничныхъ рѣкахъ для различныхъ *флаговъ*. I. 148; 108-9.

Середина рѣки считалась естественнымъ раздѣломъ того придатка къ сушѣ, который составляетъ прилегающее къ ней рѣчное пространство. Завладѣніе этой береговой сушой совершалось, въ дѣйствительности, всегда лишь до берега рѣки, (если оно не переходило за рѣку). Первоначально рѣка, кажется, даже и считалась общимъ владѣніемъ между сосѣдними территоріями — отъ этого сохранились отголоски въ такихъ постановленіяхъ, какъ: „рѣка N раздѣляетъ владѣлія обѣихъ сторонъ“, безъ означенія, въ какомъ мѣстѣ должна на рѣкѣ проходить граничная линія обѣихъ территорій. Wenck,

codex j. g. r., II. 621; и потомъ лишь установился обычай считать рѣку раздѣленною пополамъ между противоположными берегами. Послѣднее и больше соотвѣтствовало потребностямъ территоріальнаго верховенства суверенnаго государства.

134. XIX столѣтіе провозгласило принципъ свободы судоходства на „международныхъ рѣкахъ"; европейскія и американскія государства приняли это начало. (*24*, 4). Вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣло особое значеніе русло рѣки, какъ линія границы между противоположными берегами. Но и кромѣ того, русло рѣки правильнѣе раздѣляетъ выгоды рѣки на обѣ стороны, чѣмъ ея середина. Наконецъ, для распознаваемости границы, пришлось бы середину рѣки, по положенію обыкновеннаго уровня воды, отмѣчать пограничными знаками, часто подновлять таковые и переставлять ихъ, при измѣненіи береговъ рѣки. Русло же рѣки легко распознаваемо; оно имѣетъ надежнаго указателя—по руслу совершается все судоходство внизъ по теченію рѣки.

Эти условія въ экономическомъ пользованіи рѣкою и техническія трудности искусственно отмѣчать границы прибрежныхъ государствъ надъ серединою рѣки: содѣйствовали распространенію правила: что границу государствъ на судоходной части смежной между ними рѣки составляетъ русло рѣки.

Такое правило, разумѣется, обязательно прежде всего только тамъ, гдѣ оно установлено м. договорами или иными взаимно обязательными титулами. Безъ такихъ основаній можно презумировать дѣйствіе этого правила только при извѣстныхъ достаточныхъ данныхъ.

Такая достаточно мотивированная презумція можетъ быть, въ м. отношеніяхъ Россіи, принята:

на р. Прутѣ, на всей западной границѣ между Россіей и Румыніей; и

на р. Тана-элфъ, между Россіею и Норвегіею.

α. Трактатомъ 1812 г. (ст. 4. *c.* I. 277) середина *р. Прута* была признана границею между Россіею и Турціей. Тогда еще не установилось правило о рѣчной границѣ по руслу рѣки. Въ 1878 г. р. Прутъ сдѣлалась границею Россіи съ „сувер. государствомъ" Румыніей, и тогда, относительно нижней части Прута, куда опять распространилось русское владычество, „русло р. Прута" было при-

знано за граничную черту между обоими государствами на рѣкѣ. Это соглашеніе (I. 302; 45) заставляетъ заключить, что и на прочей части рѣки Прута Россія и Румынія свою границу почитаютъ по руслу рѣки, въ особенности послѣ распространенія, тремя береговыми владѣтелями р. Прута, принципа свободы м. судоходства, въ 1866 г., и на эту рѣку. I. 142; 1. Еще соглашеніе 1872 г., о пунктѣ соединенія обоюдныхъ желѣзныхъ дорогъ на срединѣ рѣки Прута (I. 131. Протоколъ), формально примыкаетъ къ буквѣ 4-й ст. трактата 1812 г. (*с.* I. 277), но такое опредѣленіе о пунктѣ соединенія путей объясняется здѣсь, прежде всего, постановленіемъ: (какъ и слѣдовало быть) о равныхъ расходахъ обѣихъ сторонъ на постройку и содержаніе моста. I. 130; 7, 3.

β. *Тана-эльфъ* подтвержденъ границею между Швеціей-Финляндіей и Норвегіей въ 1751 г. (Wenck, codex j. g. rec.; II. 621; 1). По бывшему тогда правилу, чертою границы и на р. Тана предполагалась середина рѣки. Въ 1809 г. Тана-эльфъ сдѣлался границею между Норвегіею и Россіею. (II. 13; 1). Договорами Россіи съ Швеціею-Норвегіею о границахъ въ XIX в., вездѣ признано русло рѣки чертою границы на пограничныхъ рѣкахъ. Такое правило, поэтому, слѣдуетъ и распространить на р. Тана-эльфъ.

135. Общая сложность рѣчной граничной черты Россіи, кромѣ множества ручьевъ, очень значительная, какъ въ Европѣ такъ и въ Азіи. Она вся установилась въ 19 вѣкѣ. На епропейской границѣ въ ней господствуетъ, совершенно опредѣленнымъ образомъ, правило тальвега—фарватера—русла; на азіатской границѣ это правило еще не формулировано вполнѣ ясно.

α. Русло рѣки признано граничной линіей

на рѣкахъ: Пасвигъ и Якобсъ-эльфъ (II. 13; 2, 4); Кіонгеме, Муоніо и Торнео (II. 8—9): между Россіею и Швеціей-Норвегіей;

на рѣкахъ: Лепона, Зенапа и Ширвента (II. 408; 20): между Россіей и прусс. провинціей „Восточная Пруссія“;

какъ общее правило, на рѣкахъ: разграничивающихъ провинціи Западную Пруссію и Познань отъ Россіи (II. 160; 2). Но демаркаціонный актъ для этого участка русско-прусской границы, отъ 1823 г., подтверждаетъ, въ деталяхъ, границу по руслу рѣкъ только относительно р. Просны (II. 167, § 4). *с.* II. 409—10.

Р. Варта на границѣ съ Россіей оставлена обоими берегами въ Пруссіи. II. 167; § 3.

Далѣе, русло рѣки признано за черту государственной границы

на рѣкахъ: Просна (II. 169; 3), Лисварта (II. 173; 21), Бринница (II. 176; 34) и Пшемза (II. 185, столбъ 213): между Россіею и прусской провинціей Силезія;

на рѣкахъ: Вислѣ, Танев'ѣ (II. 185), Санъ (II. 136; 2), Бугѣ (II. 143; 2, a), Стырѣ (II. 144; 2, b), Збручъ (ib., c), Днѣстрѣ (II. 144; 2, d);

на рѣкахъ: Прутѣ (*c. 134. α*) и Дунаѣ, по Килійскому рукаву: между Россіей и Румыніей (I. 302; 45. *c.* о рукавѣ Стараго Стамбула ib.);

въ Азіи—

на рѣкахъ: Кушкъ (II. 401; II) и Мургабъ (II. 402; II): на границѣ съ Афганистаномъ.

β. На рѣкахъ: Араксъ (I. 373; 4) и Астара (I. 374; 4): между Россіей и Персіей, въ Малой Азіи—границей названъ lit (ложе) этихъ рѣкъ; на рѣкахъ: Атрекъ, Чандыръ и Сумбаръ: на русско-персидской границѣ, на востокъ отъ Каспійскаго моря,—cours этихъ рѣкъ (I. 383-4. Русс. оффиц. переводъ называетъ lit и cours русломъ);

также и на рѣкѣ Хоргосъ (I. 404 § 7), въ Илійскомъ краѣ, и на р. Амурѣ, между Россіей и Китаемъ—cours этихъ рѣкъ; а

на Уссури и Сунгари, между Россіей и Китаемъ (I. 394; 1),—просто rivière. *Cours* можетъ и означать русло—тальвегъ.

На рѣкѣ Аму-Дарья, между Россіей и Хивой, не указано никакой особой черты границы (I. 451; 2), что объясняется исключительными правами Россіи на этомъ участкѣ рѣки. I. 452; 5-7.

Объ отношеніи Россіи къ р. Аму-Дарья отъ Коинлы до Кейкли и Кабакли—*v. 121.*

136. Общее опредѣленіе границы государствъ на смежной рѣкѣ *по руслу рѣки* подразумѣваетъ, что и на тѣхъ частяхъ рѣки, которыя разъединяются на нѣсколько рукавовъ, равно въ устьяхъ съ нѣсколькими рукавами — за границу принимается рукавъ съ главнымъ русломъ (с. II. 162, *прот.* 1817 г.). Это само собою подразумѣвается, какъ послѣдствіе основнаго правила о границѣ на рѣкѣ по руслу. Рѣки, протекающія по равнинамъ (въ Европѣ ихъ не мало), представляютъ благопріятныя условія для такого множества рукавовъ на всемъ своемъ протяженіи и у устья рѣки (напр., р. Дунай).

Но нерѣдко, или для устраненія споровъ о значеніи различныхъ рукавовъ, какъ главныхъ или неглавныхъ (что можетъ быть), или для округленія границъ на рѣкѣ, по чертѣ частныхъ владѣній островами, согласно дѣйствующему положенію, — на частяхъ рѣки съ множествомъ рукавовъ, граница означается на какомъ либо опредѣленномъ изъ нихъ. Имѣется не мало примѣровъ, что въ интересахъ округленія границы по межѣ частныхъ владѣній островами, граница, вопреки общему правилу (II. 160; 2.), означается по второстепенному (во время заключенія договора о границѣ) рукаву.

Таковые примѣры мы встрѣчаемъ,

между Царствомъ Польскимъ и Пруссіею, на рѣкахъ:

Просна (II. 167 (§ 5). 170; 8. 171; 10. 172; 13 и 15);

Лисварта (II. 173; 21. 174; 23);

Бринница (II. 176; 33 до стр. 178, ст. 44.—*с.* II. 185);

(*с.* также о рѣкѣ *Тончинъ* II. 160; 3. 165, §§ 5-7);

между Россіей и Швеціей — на рѣкѣ *Торнео* (II. 8. 9; 2, 2);

между Россіей и Хивой—на р. *Аму-Дарья* (I. 451; 2).

На р. *Дунаѣ* установлены границею между Россіею и Румыніею: просто русло Килійскаго рукава и, далѣе, *устье Стараго Стамбула* (I. 302; 45. *v.* 303; 46. *c.* 166; 3); это устье самая южная вѣтвь дельты Килійскаго рукава. Вопросъ о чертѣ границы Россіи на Дунаѣ, отъ впаденія въ него Прута до начала Килійскаго рукава, въ Берлинскомъ трактатѣ прямо не разрѣшенъ (*с.* I. 303; 47); и дополнительнаго соглашенія не было. Приходится презумировать граничную черту по главному тальвегу рѣки, согласно съ I. 302; 45.

137. *1.* При впаденіи притока въ другую рѣку — въ такомъ мѣстѣ, гдѣ образующійся черезъ это уголъ составляетъ границу одного государства противъ другаго (или другихъ), обѣ линіи межи сходятся: или въ точкѣ соединенія обоихъ руслъ, или при соединеніи русла (или середины) главной рѣки съ линіей, проведенной отъ середины устья притока подъ прямой уголъ къ руслу (или серединѣ) главной рѣки: смотря по тому, по какому изъ двухъ правилъ опредѣлена черта рѣчной границы на данныхъ рѣкахъ договорами. Эти положенія особо не затронуты м. соглашеніями, но они слѣдуютъ изъ прочихъ необходимыхъ принциповъ и опредѣленій о границѣ на рѣкахъ.

2. Вступленіе территоріальной или сухопутной границы государствъ въ рѣку должно слѣдовать прямой линіи, проведенной отъ

точки соприкосновенія территоріальной границы съ берегомъ рѣки — къ тому пункту русла, гдѣ линія русла и проведенная съ суши линія, при соединеніи, образуютъ прямой уголъ. Въ подлежащихъ случаяхъ, линія русла рѣки замѣняется серединой рѣки.

Эти правила, очевидно, не возбуждаютъ на практикѣ затрудненій, — договоры ихъ не касаются.

3. Пересѣкающая просто рѣку граница слѣдуетъ по „прямой линіи“ между оконечными пунктами сухопутной границы на обоихъ берегахъ рѣки. Иногда это и особо оговорено. II. 165, § 5.

Но, строго говоря, по общему правилу, пересѣкающей прямо рѣку границы уже нѣтъ тамъ, гдѣ названные выше, въ *н. 137;* 2, прямые углы на линіи русла, въ отношеніи оконечныхъ пунктовъ территоріальной границы на обоихъ берегахъ рѣки, пришлись бы по обѣ стороны пересѣкающей рѣку „прямой линіи“.

138. Граница на рѣкѣ опредѣляетъ черту дѣйствія территоріальнаго верховенства береговыхъ государствъ. И въ предѣлахъ этой черты дѣйствуетъ правило: quidquid est in territorio (т. е. и острова), est etiam de territorio. Поэтому и вновь образующіеся острова на смежной рѣкѣ слѣдуютъ къ той или другой сторонѣ рѣки, по принадлежности территоріальнаго верховенства. Эти правила неизбѣжны и сами собою обязательны. Правда, въ договорахъ не рѣдко объ нихъ и особо упоминается, но собственно говоря не для того, чтобы подтвердить ясный самъ по себѣ принципъ территоріальнаго верховенства до границы государства, а вслѣдствіе введенія новаго правила о разграниченіи владѣнія рѣкою по руслу, или же по причинѣ опредѣленныхъ исключеній изъ общаго принципа, относительно нѣкоторыхъ острововъ.

Изложенныя правила объ островахъ въ пограничныхъ рѣкахъ особо оговорены:

между Россіей и Швеціей: на рѣкахъ Торнео, Муоніо, Кіонгеме (II. 9; 1, 2);

между Россіей и Австріей: на рѣкахъ Вислѣ (II. 137; 5, 1), Санъ (II. 138; 6) и Днѣстрѣ (II. 144; 2, d).

На рѣкахъ: Бугѣ, Стырѣ, Збручъ (II. 143-4; 2, a-c) всѣ острова, бывшіе на нихъ уже до 1809 г., сохранены за Австріей.

На рѣкахъ Торнео, Муоніо и Кіонгеме (II. 11-12; 1) былъ впослѣдствіи (въ 1821 г.) условленъ, для необходимыхъ случаевъ, вза-

имный обмѣнъ нѣкоторыми островами, находящимися въ отношеніи пріобрѣтающей стороны—за чертой русла.

139. 1. Съ измѣненіемъ русла рѣки, соотвѣтственнымъ образомъ передвигается и граничная линія на смежной рѣкѣ, такъ какъ она всегда слѣдуетъ дѣйствующему руслу. Но государственное владѣніе наличными и пріобрѣтенными островами не измѣняется черезъ это; новое русло разграничиваетъ только права владѣнія будущими островами на рѣкѣ, которые возникнутъ при его дѣйствіи. Это правило было формально утверждено для рѣкъ: Рейнъ и По, въ 1814 и 1815 гг. (II. 45; 3, 5. 65; 95, 5). Оно особо оговорено (въ 1826 г.) между Россіей и Австріей на рѣкахъ Вислѣ и Санъ (II. 137-8; 5, 1 и 6); (въ 1829 г.) на рѣкахъ: Днѣстрѣ, Бугѣ, Стырѣ и Збручъ (II. 144: 3, 1).

2. Также и объ островахъ на смежныхъ рѣкахъ, согласно объясненнымъ правиламъ, составлялись на мѣстѣ карты и топографическія описанія, которыми въ точности опредѣляются границы верховенства надъ островами съ той и другой стороны. (Сдѣлано ли это относительно Килійскаго рукава на Дунаѣ между Россіей и Румыніей? *с.* I. 303; 47).

3. Хотя въ указанныхъ выше, подъ ном. *138* и *139*; 1, случаяхъ верховенство надъ островами и распространяется съ одного берега за черту русла—въ сферу другаго берега рѣки, но тѣмъ не менѣе, русло рѣки остается и въ этихъ случаяхъ границею государствъ, если не указаны ad hoc особыя уклоненія (*с. 136*). Такимъ образомъ, вышедшій за черту границы островъ есть „энклава“ на чужой территоріи; но она не представляетъ тѣхъ неудобствъ, которыя свойственны энклавамъ на сушѣ и заставляютъ избѣгать ихъ.

4. Новые (вновь образовавшіеся) острова между такими энклавами и берегомъ, которому онѣ подчинены, хотя бы онѣ и приходились за рубежной линіей этого берега на рѣкѣ,—въ иныхъ случаяхъ, договорами прямо причисляются къ этому берегу;

съ другой же стороны, острова, принадлежащіе одной сторонѣ, но затѣмъ соединившіеся съ противоположнымъ берегомъ, переходятъ въ составъ этого берега.

Оба правила приняты въ договорахъ между Россіей и Австріей на рѣкахъ: Вислѣ, Санъ (II. 137; 5, 2-3. 138; 6), Бугѣ, Стырѣ, Збручъ и Днѣстрѣ (II. 144; 3, 2-3).

5. При совершенномъ измѣненіи не только русла пограничной рѣки, но и ея ложа, государственная граница остается, по болѣе обычной практикѣ, на мѣстѣ прежняго (стараго) русла. Въ договорахъ Россіи мы этому не находимъ прямаго подтвержденія, но его всегда должно слѣдовать изъ права пріобрѣтеннаго владѣнія на этотъ участокъ, предметъ котораго не изчезъ по уходѣ ложа рѣки въ другомъ направленіи. Исключенія изъ этого общеобязательнаго правила должно, поэтому, особо оговорить.

Между Россіей и Австріей, на рѣкахъ: Вислѣ, Санъ, Бугѣ, Стырѣ, Збручъ (Подгорце) и Днѣстрѣ, принято за правило, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ ложа сихъ рѣкъ, гдѣ бы это ни случилось на границѣ, измѣняется также граница обоихъ государствъ, но, разумѣется, безъ нарушенія правъ частнаго владѣнія. II. 144; 3, 4.

140. Взаимность правъ обоихъ прибрежныхъ государствъ на сохраненіе существующей рѣчной границы, которая составляетъ ихъ совмѣстное право, обусловливаетъ и ихъ взаимную обязанность не предпринимать односторонне чего-либо для измѣненія черты ихъ рѣчной границы. Но прямое и точное опредѣленіе такого запрещенія интересовало государства, очевидно, только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такія измѣненія искусственными средствами были возможны. По этой причинѣ здѣсь, вообще, опредѣлялось, что возведеніе какихъ либо новыхъ сооруженій всякаго рода: съ береговъ на рѣку, или по ея теченію, также какъ и перестройки существующихъ—должны быть предварительно одобрены съ общаго согласія правительствъ обоихъ береговъ; и безъ этого они не допускаются, потому что отъ такихъ починокъ и построекъ иногда может произойти измѣненіе въ положеніи русла или береговъ рѣки, или острововъ на ней, и т. п.,

т. е., одностороннее нарушеніе общаго права разныхъ субъектовъ на одинъ и тотъ же предметъ.

На пограничныхъ рѣкахъ: между Россіей и Норвегіею и Швеціею и на рѣчной граничной чертѣ Россіи въ Азіи: такія постановленія встрѣчаются рѣдко. И они довольно нерѣшительны, или очень ограничены по предмету: на рѣкахъ Торнео и Муоніо, въ этомъ смыслѣ, упоминается только о заколахъ для рыбной ловли (II. 11; 5. I. 260; 9), и на р. Мургабъ (на границѣ съ Афганистаномъ) о постройкѣ плотины. II. 403; IV. *с.* также II. 578; VII. о р. Ту-мынь-цзянъ.

Гомеопатія—какъ медико-философская система въ ея прошломъ и въ настоящемъ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Побудительныхъ причинъ для появленія въ свѣтъ настоящаго критическаго очерка гомеопатіи нѣсколько. „*Новая* т. е. Ганеманновская школа, въ отличіе отъ старой, дряхлой школы Галеновской", какъ выражается д-ръ Бразоль, и въ публичныхъ лекціяхъ (*Бразоль*. Публичныя лекціи о гомеопатіи. С.-ПБ. 1888 г., л. 3, стр. 51 и особ. лекція 4-я. 1890) и въ общей прессѣ, (въ родѣ статей въ „Кіев. Словѣ"), старается доказать, что она единственная система въ медицинѣ, имѣющая право именоваться *научной*. Къ тому же она представляетъ такіе *баснословно благопріятные* результаты леченія болѣзней (см. *Гердъ*—„Сравнительные результаты аллопатическаго и гомеопатическаго способовъ леченія". С.-ПБ. 1884), какими не можетъ похвалиться ни одинъ терапевтическій методъ. Не смотря на эти два крупныя достоинства гомеопатіи, послѣдователи ея, то грозя, то умоляя, тщетно ищутъ признанія своей равноправности съ „дряхлой" сестрой: послѣдняя почти въ теченіе ста лѣтъ игнорируетъ притязанія гомеопатовъ и лишь изрѣдка снисходитъ до отвѣта на назойливыя и дерзкія выходки самозванной сестры.

Имѣетъ ли научная медицина право презрительно отмалчиваться и не внимать требованіямъ гомеопатіи? Если послушать гомеопатовъ—никакого. Д-ръ Бразоль, въ 3-й своей публичной лекціи о гомеопатіи (стр. 52), воспользовавшись неосторожными выраженіями

своихъ оппонентовъ (изъ которыхъ одинъ—неврачъ, а другой—прямо заявилъ, что онъ незнакомъ съ гомеопатіей), выводитъ изъ нихъ заключеніе, что „гомеопатія есть научная система, не противорѣчащая раціональной медицинѣ". „А если прослѣдить историческое развитіе этихъ сочувственныхъ идей, *соединяющихъ въ настоящее время* аллопатію и гомеопатію, то, продолжаетъ лекторъ, мы увидимъ, что пріоритетъ ихъ открытія, преподаванія и распространенія въ сознаніи врачей исходитъ изъ гомеопатической школы; и *прогрессъ* университетской медицины въ этомъ отношеніи состоитъ *въ сближеніи* съ гомеопатіею во взглядахъ на патологію и симптоматологію болѣзней, на принципы изслѣдованія лекарственныхъ веществъ, въ усвоеніи многихъ теоретическихъ и практическихъ истинъ, давно проповѣдуемыхъ въ школѣ гомеопатовъ, въ заимствованіи отъ нея многихъ драгоцѣнныхъ лекарствъ и назначеніи ихъ по закону подобія, хотя бы и безъ упоминанія источника, откуда они заимствуются, въ упрощеніи лекарственныхъ предписаній и въ уменьшеніи лекарственныхъ пріемовъ благоразумными и осторожными врачами". Правда, оппонентъ—неврачъ протестовалъ предъ аудиторіей г. Бразоля противъ произвольнаго толкованія его фразы. „Если я сказалъ, заявляетъ г. Гольдштейнъ, что немогъ отличить лекціи д-ра Бразоля отъ лекціи врача аллопата, то потому, что въ лекціи д-ра Бразоля *ничего гомеопатическаго не было*. Онъ излагалъ намъ то, что есть въ *любомъ* учебникѣ раціональной медицины и что заставляютъ знать каждаго студента 3-го курса". Д-ръ Бразоль съ изумительной находчивостью въ подстрочномъ примѣчаніи къ этимъ словамъ въ *напечатанной* своей лекціи (стр. 53), заявляетъ: „если бы это была правда, то можно было бы только порадоваться, что *ученіе гомеопатовъ даже проникло въ учебники раціональной медицины* и преподается студентамъ". Смыслъ и тенденція этого примѣчанія г. Бразоля, какъ и приведенной раньше выдержки изъ его лекціи, очевидны: лекторъ расчитываетъ убѣдить свою некомпетентную въ медицинѣ аудиторію и читателя его лекцій въ томъ, что раціональная медицина заимствуетъ отъ гомеопатовъ, теоретическія истины, лекарства, стремится къ сближенію съ ними на почвѣ патологіи, симптоматологіи и пр., и въ тоже время „ведетъ позорную борьбу противъ гомеопатіи". На сдѣланное мной по этому поводу замѣчаніе д-ръ *медиц.* г. Бразоль, въ своемъ

высшей степени грубомъ письмѣ („Кіев. Слово“ 1890. № 894), очень находчиво и съ полнымъ присутствіемъ духа отказывается отъ очевиднаго всѣмъ смысла упомянутаго тендеціознаго примѣчанія и притомъ въ такой *деликатной* формѣ: „но такъ какъ, къ сожалѣнію, это „неправда“ (т. е., что ученіе гомеопатовъ проникло въ учебники раціональной медицины и преподается студентамъ), то... недобросовѣстность проявляетъ опять таки г. Родзаевскій“. Положимъ, г. *ученый* гомеопатъ вынужденъ публично отказаться отъ своей тендеціозной неправды, но въ умахъ слушателей и читателей его зараждаетsя очень невыгодное и нелестное для раціональной медицины мнѣніе, что она полной горстью беретъ изъ гомеопатической сокровищницы ея истины и не сознается въ этомъ, мало того—ведетъ позорную борьбу противъ благодѣтельницы—гомеопатіи. „Изъ за чего“?! патетически восклицаетъ тотъ же невинный г. Бразоль. Какъ бы въ отвѣтъ на это, другая *анонимная* „невинность“ въ гомеопатическомъ лечебникѣ, разосланномъ православному духовенству въ этомъ году въ видѣ „безплатнаго приложенія къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ (С.-ПБ. 1890 г. 1—92 стр.) позволяетъ себѣ писать слѣдующее: „что ученіе Ганеманна не могло быть сразу принято на вѣру его товарищами по профессіи—это понятно само собой, но почему и онъ самъ и его теорія подверглись безпощадному преслѣдованію—это требуетъ поясненія. Ганеманнъ, послѣ попытки объясниться съ коллегами на мертвомъ языкѣ науки, вдругъ заговорилъ на всѣмъ доступномъ нѣмецкомъ языкѣ, другими словами—далъ возможность каждому войти въ оцѣнку несостоятельности старой теоріи, чего, конечно, приверженцы этой теоріи не могли ему простить. Кромѣ того, доступность предложеннаго имъ способа врачеванія и уменьшеніе стоимости лекарствъ неблагопріятно отзывалось на матеріальномъ положеніи врачей и аптекарей“ [1]).

---

[1]) Въ сущности это лишь слишкомъ грубая версія подобныхъ же увѣреній, распространявшихся во всѣ времена гомеопатами различныхъ оттѣнковъ. Гомеопатъ *Бижель* въ концѣ 30 гг., несмотря на обиліе въ его время *аллопатическихъ* популяризацій, въ своей «Homeopathie domestique» порѣшилъ, что аллопатическая популярная медицина совершенно невозможна и одна только гомеопатія можетъ быть и есть популярная медицина: «Il sait, à n'en pas douter, que la medicin [ancienne] est un art conjectural, et que dans le domaine de conjecture, une opinion en vaut une autre. Une nouvelle ére medical (l' homéopathie) s'est ouverte; l' obscurité a fait place à la lumière; a la conjecture a succédé la certitude» («Библ. для чтенія» 1838. XXX. Критика. 42).

При оцѣнкѣ значенія этой возмущающей инсинуаціи слѣдуетъ имѣть въ виду, что брошюра анонимнаго автора разсылается при органѣ высшаго духовнаго учрежденія, разсылается православному духовенству, очень вліятельному (при его близости къ народу) не только въ сферѣ духовныхъ, но и бытовыхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и въ леченіи народа. При всемъ своемъ образованіи и честности ни одинъ священникъ не можетъ провѣрить правдивости сказаннаго. Ему и въ голову не прійдетъ, что бы гонимый якобы за правду и безкорыстіе Гапеманнъ могъ торговать изобрѣтеннымъ имъ въ 1801 г. препаратомъ и продавать по *1 фридрихсдору* (ок. 20 р.с. по курсу!) *за унцъ* обыкновенную *буру*, подъ видомъ „Alkali-Pneum“ (*C. Koeppe's* Die Homöopathie Hahnemanns u. die der Neuzeit. Berlin. 1881. 27). Кто изъ читателей популярныхъ гомеопатическихъ лечебниковъ станетъ справляться и убѣждатся, что уже за долго до *Гапеманна* существовали многочисленныя медицинскія популяризаціи и домашніе лечебники на *различныхъ языкахъ*? Очень возможно, что инсинуирующій анонимный авторъ, какъ и другіе подобные ему, совершенно не знаютъ, что съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, вслѣдъ за Библіей и Псалмами, а также печатными сочиненіями Плинія и Цельса, появились, особенно многочисленныя въ Германіи, популярно-медицинскія сочиненія, какъ *Собраніе рецептовъ для бѣдныхъ* („Thesaurus pauperum“, составлено въ 1270 г., а издано въ 1476 г. въ нѣсколькихъ изданіяхъ); „*Ordnung der Gesundheit*“, Ausburg 1472 г.; „*Arzneibuch*“ Ортольда Баварскаго, Ausburg 1470 г.; „*Herbarius Moguntinus*“—популярный лечебникъ съ рисунками растеній, животныхъ, минераловъ. 1484 г.; „*Margarita medicinae*“—Вѣнскаго врача v. Vochenberg'a. Luigi Cornaro написалъ популярнымъ языкомъ свое знаменитое сочиненіе, переведенное на другіе языки—„*Discorso intorno alla vita sobria*“. Padova. 1558 г. Работы van Leeuwenhock'a изданы въ 1696 г. по голландски, также какъ „*Bibel der Natuuren*“ Swammerdam'a въ 1737 г. Duverney (1648—1730), Senac (1683—1770), знаменитый John Hunter, Sömmering, Fontana, бр. Robinson'ы—писали каждый на своемъ родномъ языкѣ. John Forthergill (о дифтеритѣ, невралгіи тройничнаго нерва), Cullen, Brown, Barthez—оставили сочиненія, писанныя не на латинскомъ, а на родномъ языкѣ. Знаменитый ревнитель популярно-медицинской литературы Simon André Tissot (1727—1797) издалъ рядъ сочиненій для на-

рода, какъ „Avis au peuple sur la sante“, „Avis au gens de lettres sur la sante“ и пр. Наконецъ Парацельсъ (1493—1541), выдающійся *противникъ* галеновской и арабской медицины, какъ извѣстно, читалъ лекціи и писалъ *только* на нѣмецкомъ языкѣ. Я не говорю о многочисленныхъ современныхъ намъ медицинскихъ популяризаціяхъ, въ родѣ соч. д-ра Бока, проф. Флоринскаго и пр. Однако всѣ эти авторы не вызвали ни ненависти, ни гоненій, обрушившихся на злосчастнаго Ганеманна и его послѣдователей.

Сами по себѣ эти факты не новы и не интересны. Но, встрѣчаясь въ каждой гомеопатической популяризаціи, усердно распространяемой по удешевленнымъ цѣнамъ или даромъ въ средѣ нашей интеллигенціи, въ духовенствѣ и въ земствѣ, они пріобрѣтаютъ значеніе общественнаго явленія. Не слѣдуетъ забывать, что наша гомеопатія, встрѣчая постоянно презрительное къ ней отношеніе въ средѣ образованныхъ раціональныхъ врачей, почти оставила ихъ въ покоѣ, хотя появленіе кого нибудь изъ нихъ въ своемъ лагерѣ торжествуетъ, какъ величайшую побѣду. За то самъ Ганеманнъ и его послѣдователи до нашихъ дней высоко цѣнили и цѣнятъ прозелитовъ, *вліятельныхъ* по своему общественному положенію или по капиталамъ и не щадили ни силъ, ни средствъ матеріальныхъ на уловленіе таковыхъ. Сознавая огромное значеніе печатнаго слова въ дѣлѣ пропаганды всякой идеи, гомеопатія стремится проводить и проводитъ свои тенденціи путемъ публичныхъ чтеній (въ родѣ чтеній д-ра Бразоля), изданіемъ отдѣльныхъ брошюръ (какъ напр. голенькія общія статистическія цифры г-на Герда, посвященныя „вниманію земскихъ дѣятелей“), помѣщеніемъ статей о гомеопатіи въ народныхъ календаряхъ (см. „Кіев. народный календарь за 1887 и 1888 г.г.), духовныхъ журналахъ (ст. г. Федоровскаго въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ за 1885 г. №№ 39—40), въ ежедневной прессѣ („Кіев. Слово“ №№ 827—851 [безъ конца], или № 1056). Существуютъ даже *романы* съ гомеопатическимъ направленіемъ: для примѣра можно указать на полныя „Сумерки“ г-жи Львовой въ „Русской рѣчи“ 1881 г. кн. V стр. 28, 30. Во всѣхъ случаяхъ гомеопаты не жалѣютъ при этомъ черныхъ красокъ, не скупятся взводить всевозможныя небылицы на врачей раціональной медицины и, само собой разумѣется, освѣщаютъ гомеопатію съ самой выгодной стороны. И распознаваніе

болѣзней у нихъ точнѣе, и теченіе этихъ болѣзней—короче, и процентъ смертности чуть ли не въ десятки разъ меньше аллопатическаго! При чрезвычайной дешевизнѣ ихъ лѣкарствъ [посуда за то очень дорога—по словамъ отчета гомеопатическаго общества въ С.-Петербургѣ—(„Новости“ 1884. 17 Апрѣля) „больной, заплатившій аптекѣ (гомеопатической) рубль, получалъ лекарства на $2^1/_2$ к. и на 20 к. коробокъ или посуды“], послѣднія и скорѣе, и прочнѣе и пріятнѣе излечиваютъ, чѣмъ такъ наз. аллопатическія средства. Даже операціи у гомеопатовъ производятся *болѣе нѣжнымъ образомъ*, какъ выражается въ своемъ циркулярѣ нѣкій Fastenrath по случаю открытія гомеопатической лечебницы въ одномъ Швейцарскомъ городкѣ (Correspondenzbl. f. Schweiwzer Aerzte, 1882. 1 Oct.). Характерна еще одна льгота, предоставляемая упомянутымъ сейчасъ циркуляромъ пацієнтамъ гомеопатовъ: совѣты, особенно по секретнымъ болѣзнямъ, даются нетолько *письменно*, *но и по телеграфу*. Впрочемъ, *письменные* совѣты въ ходу у гомеопатовъ вообще, какъ видно изъ отчетовъ С.-Петербургскаго общ. послѣд. гомеопатіи, и *не имѣютъ значенія* для точности *и индивидуализированія* діагноза a distance! Цѣлые ряды блестящихъ ученыхъ свидѣтельствуютъ о пользѣ благодѣтельной гомеопатіи и многіе даже выступаютъ въ рядахъ ея апологетовъ [1]), какъ Либихъ, Бутлеровъ, аб. Муанье, Допплеръ и пр., не говоря о Бруссэ, Труссо и др. Даже Гёте является ея защитникомъ, когда говоритъ вообще (!) объ упорствующихъ авторитетахъ науки. *Тысячи* врачей въ Америкѣ (гдѣ, къ слову сказать, научная медицина стоитъ очень низко [2]) и сотни ихъ въ Европѣ пользуютъ го-

---

[1]) Интересны пріемы вербовки ученыхъ въ ряды сторонниковъ гомеопатіи: одно время гомеопатическія газеты заявили, что извѣстный франц. ученый гигіенистъ и фармакологъ Fonssagrives, изучая холерную эпидемію въ Сеттѣ, убѣдился въ превосходствѣ гомеопатическаго леченія и открыто призналъ научность гомеопатіи. По этому поводу самъ Fonssagrives долженъ былъ заявить, что въ Сеттѣ онъ вовсе не былъ, не видѣлъ ни какихъ холерныхъ больныхъ и на гомеопатію смотритъ *по прежнему*, какъ на продуктъ заблужденія (Gazette hebdomadaire 1884 г. 24 Oct.).

[2]) Интересующіеся могутъ прочесть точный и обстоятельный „Report on Medical Education, Medical Colleges and the Regulation of the Practice of Medicine“ by *John M. Rauch*, изданный въ текущемъ году Санитарной Думой Иллинойса, и кратко реферированный въ Ньюіоркской „Medic. Monatschrift“ 1890, August. Печальная постановка преподаванія медицины въ существующихъ теперь 139 медицинскихъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады можетъ *до очевидности* разъяснить причину успѣха пропаганды гомеопатіи и плачевные результаты дѣятельности ея адептовъ въ этихъ государствахъ. „Для полученія степени доктора, кандидатъ

меопатіей, при чемъ въ Буда-Пештѣ и Тюбенгенѣ существуютъ гомеопатическія каѳедры, устроенныя распоряженіемъ свыше; [1]) *Сотни тысячъ* долларовъ, марокъ, фунтовъ стерлинговъ и проч. идутъ на пользу распространенія гомеопатіи и на вознагражденіе гомеопатовъ за лишеніе ихъ оффиціальнаго положенія въ качествѣ врачей и за то пренебреженіе, какимъ надѣляютъ ихъ *собратья* — аллопаты. Даже страховыя общества свидѣтельствуютъ о благодѣтельности гомеопатіи, дѣлая скидку при страхованіи жизни послѣдователя *гомеопатіи!*

Просматривая случайно какую нибудь изъ многочисленныхъ популярныхъ гомеопатическихъ брошюръ, въ которыхъ изъ году въ годъ помѣщаются *всѣ* подобнаго рода доказательства научности гомеопатіи и ея благодѣтельности, даже разсудительный и индифферентный интеллигентъ сбиваегся съ толку и подвергаетъ сомнѣнію не только компетенцію, но и добросовѣстность научнаго врача. Обращается сомнѣвающійся читатель за разъясненіемъ къ научной медицинѣ—она хранитъ глубокое презрительное молчаніе, или же

долженъ, прежде чѣмъ будетъ допущенъ къ экзамену, доказать, что ему покрайней мѣрѣ 21 годъ, что онъ слушалъ лекціи *двухъ* (!) профессоровъ Массачузетской медицинской коллегіи и что онъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ изучалъ и практиковалъ медицинское искусство подъ руководствомъ практическаго врача, имѣющаго законное позволеніе на практику“,—таковы несложныя требованія отъ доктора мед. въ коллегіи Горварда, по словамъ г-жи *Гиппо* („Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ“. С.П.Б. 1872). Полученный этимъ путемъ дипломъ даетъ право практики врачу и право выдавать свидѣтельства кандидатамъ на врача. При этомъ и у врачей и въ медицинскихъ коллегіяхъ допускается масса злоупотребленій, такъ что M. Jonh Rauch изъ вѣжливости „лишь не многія школы называетъ прямо мошенническими“. Такова характеристика медицины (и гомеопатіи) у нашихъ антиподовъ, гдѣ, по словамъ гомеопатическихъ брошюръ, *около 10,000* врачей—гомеопатовъ. Читатель, знающій сколько мытарствъ нужно пройти нашему врачу до полученія права практики въ теченіе $5^1/_2$ л. университетскаго курса, послѣ этого отнесется съ понятной осторожностью къ практическимъ и научнымъ познаніямъ американскихъ врачей, особенно познакомившись съ образцами возмутительно *невѣжественныхъ* отвѣтовъ, даваемыхъ этими *докторами* на экзаменахъ (The Philadelphia Med. and Surg. Reporter. 1890, ^{15}/III и ^{19}/IV) и не станетъ удивляться, что на родинѣ Эдиссона *гомеопатовъ считаютъ тысячами.*

[1]) Число лицъ, практикующихъ гомеопатію, по гомеопатическимъ источникамъ, правдивость которыхъ не поддается провѣркѣ, *изъ года въ годъ возрастаетъ.* По этому не безъинтересны цифры, взятыя нами изъ подробной сравнительной таблицы статистическаго бюро въ Баварскомъ королевствѣ, гдѣ, какъ извѣстно, ведется подробная и обстоятельная статистика по національностямъ, роду занятій и методу леченія съ одной стороны врачей, а съ другой—лицъ, «не аппробированныхъ», т. е. неимѣющихъ отъ государства разрѣшенія на право практики. Общее число лицъ послѣдней категоріи за годы 1878—82 (пятилѣтіе)=1611,8 обоего пола съ 1883—87 (пятилѣтіе)=1381,8. Въ томъ числѣ гомеопатовъ было въ пятилѣтіе $18^{78}/_{82}$—157,4, а въ годы $18^{83}/_{87}$—123,4 т. е. въ *послѣднее пятилѣтіе число гомеопатовъ на 34 ч. уменьшилось.* Münchener med. Wochenschrift. 1888, 12 Juni. № 24.

изрѣдка позволяетъ себѣ отмѣтить, и то въ спеціально-медицинской прессѣ, тотъ или другой неприглядный фактъ изъ дѣятельности гомеопатовъ.

Далѣе, гомеопаты очень рано и по достоинству оцѣнили значеніе корпорацій изъ лицъ, *чуждыхъ медицинѣ*, но воодушевляемыхъ желаніемъ принести посильную пользу страждущему человѣчеству. Объединяя на этой почвѣ людей самыхъ разнообразныхъ убѣжденій и общественнаго положенія, но преимущественно людей съ капиталомъ и значительнымъ вліяніемъ въ обществѣ, гомеопаты инкорпорируются въ „общества послѣдователей гомеопатіи“. Ставя своей *оффиціальной* задачей „устройство и содержаніе, на собственный счетъ, гомеопатическихъ больницъ съ постоянными кроватями и лечебницъ для приходящихъ больныхъ, въ видахъ оказанія медицинской помощи лицамъ всѣхъ званій за умѣренную плату, а бѣднымъ безплатно“ (Уставъ Кіевск. Общ. послѣдователей гомеопатіи § 1), „общества послѣдователей гомеопатіи“, въ лицѣ своихъ особенно фанатичныхъ и энергичныхъ членовъ, въ сущности преслѣдуютъ цѣли пропаганды. Высокопоставленныя лица разныхъ званій денежные тузы и благотворительныя барыни всегда фигурируютъ у нихъ въ качествѣ почетныхъ членовъ и являются предметомъ особенно нѣжнаго вниманія и заботливости гомеопатовъ, эксплуатирующихъ ихъ карманъ, положеніе и вліяніе на подчиненныхъ для своихъ цѣлей [1]). Чтобы не показаться голословнымъ, я приведу нѣсколько фактовъ. Въ 1879 г. французскіе клерикалы открыли сборъ пожертвованій въ церкви св. Филиппа для поддержки гомеопатическаго госпиталя, извѣстнаго подъ именемъ „госпиталя Ганеманна“ и находящагося подъ покровительствомъ парижскаго викарія Richard'а. Кле-

---

[1]) Нельзя не выразить искренняго сожалѣнія по поводу положенія, занятаго *одной* изъ нашихъ провинціальныхъ газетъ въ дѣлѣ пропаганды гомеопатіи. Печатаніе въ ней гомеопатическихъ статей и въ тоже время отказъ редакціи газеты *цѣликомъ* помѣстить адресованное нами письмо [въ которомъ между прочимъ выражалась просьба относительно напечатанія въ газетѣ, въ сокращеніи разумѣется, предлежащаго нашего критическаго очерка], служитъ доказательствомъ односторонникъ ультра-гомеопатическихъ тенденцій ея, имѣющихъ мало общаго «съ исканіемъ дорогой истины», какъ это старается утверждать редакторъ газеты. Печатаніе quasi — полемическихъ статей или списковъ разнаго рода *титулованныхъ* особъ, содѣйствующихъ учрежденію въ нашей провинціи гомеопатическихъ обществъ [см. «Кіев. Слово.» № 1077]—не всякому читателю покажется комичнымъ: найдутся лица, которымъ можетъ импонировать сочувствіе къ гомеопатіи *титулованныхъ* особъ или даже самаго редактора, на что, очевидно, расчитываетъ газетная замѣтка.

рикальная пресса съ своей стороны употребляла всѣ усилія для обезпеченія успѣха сбора (Lyon medical XXXII p. 549). Въ собраніи членовъ „Общ. послѣдователей гомеопатіи“ въ С.-Петербургѣ 3-го апрѣля 1883 г. членъ правленія г. Григорьевъ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ откровеніемъ: „кромѣ вещественныхъ и матеріальныхъ выраженій сочувствія къ общему намъ дѣлу, велика и особенно цѣнна масса *нравственнаго* содѣйствія, оказаннаго обществу многими почетными членами. Этому нравственному содѣйствію общество наше обязано не только своимъ юридическимъ существованіемъ, но и возможностью борьбы за свое существованіе—борьбы съ противодѣйствіемъ“ („Новости„ 1883, № 91). Въ отчетѣ тогоже общества отъ 15 апрѣля 1884 г. предсѣдатель заявилъ, что „главной заботой правленія было распространеніе гомеопатіи въ провинціи, для чего правленіе издало лечебникъ Руддока и старалось разсылать его, вмѣстѣ съ аптечками, жителямъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи“. Затѣмъ правленіе обратилось къ содѣйствію духовенства для распространенія свѣдѣній о гомеопатіи среди простаго класса жителей. Одинъ изъ епархіальныхъ архіереевъ (онъ же почетный членъ этого общества) „отнесся сочувственно къ обращенію правленія и предложилъ по епархіи сдѣлать вызовъ священникамъ, желающимъ получить отъ общества безплатно руководства, наставленія и лекарства. Правленіе пошло еще дальше и просило всѣ правленія желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ развѣсить на своихъ станціяхъ объявленія отъ общества, на что и получено почти отъ всѣхъ полное согласіе“ („Новости“ 17 апрѣля 1884 г. № 101). Отчетъ 31 марта 1885 г., констатируя фактъ, что на покупку и изданіе книгъ „израсходовано болѣе, чѣмъ выручено отъ продажи ихъ на 410 руб.“, продолжаетъ; „но правленіе смотритъ на изданіе книгъ, какъ на дѣло первостепенной важности. Книга не только пропагандируетъ ученіе гомеопатіи, но рекомендуетъ каждому мѣры, которыя необходимо принимать до прибытія врача или вслучаѣ, если врачей гомеопатовъ не имѣется, какъ, наприм., въ большинствѣ провинцій“ („Нов.“ 1 апр. 1885 г. № 85). „Восточное Обозрѣніе отъ 20 авг. 1887 г. со словъ „Нов. Врем.“ передаетъ, что „Тобольская епархіальная власть *предложила* подвѣдомственному ей духовенству запастись гомеопатическими аптечками“. Въ № 275 „Кіевлянина“ за 1889 г., со словъ „Врача“,

приводится документъ, свидѣтельствующій о неудачѣ одной изъ экскурсій въ земство дѣйствительнаго члена С.-Петербургскаго общества послѣдователей гомеопатіи—г. Н. Федоровскаго. Доблестный защитникъ гомеопатіи, хорошо знакомый съ громадными преимуществами гомеопатическаго способа леченія, „поставленный въ необходимость (sic!) отвѣтить Кіевскому медицинскому факультету особой брошюрой „На общій судъ“ (еще болѣе нелѣпой, чѣмъ всѣ подобнаго рода популярныя изданія), 24 іюля 1889 года заявляетъ Харьковской уѣздной земской управѣ, что вопросъ о гомеопатическомъ способѣ леченія,—какъ о единственномъ возможномъ въ земской медицинѣ по своей дешевизнѣ, безвредности, простотѣ и сравнительной дѣйствительности—„*настолько простъ*, что отказываться отъ обсужденія его *подъ предлогомъ некомпетентности*, нѣтъ никакого резона; тѣмъ болѣе (?!) было бы странно сдавать его на руки *совершенно некомпетентныхъ* въ гомеопатіи *врачей*, относящихся къ нему, къ тому же, весьма враждебно“. Харьковское земство оставило заявленіе г. полковника Федоровскаго „безъ послѣдствій„. Оригинальный документъ, подписанный полнымъ титуломъ знакомаго г. Кіеву [1]) полковника, можетъ служить образцемъ *послѣдовательности* гомеопатической логики, которая признаетъ *врачей* некомпетентными въ вопросахъ медицины и въ тоже время не видитъ резона *для земства* отказываться „подъ предлогомъ некомпетентности его“ отъ обсужденія этихъ „настолько простыхъ“ вопросовъ. Столько же логичной послѣдовательности проявляетъ г. Федоровскій, когда голословно утверждаетъ въ своей знаменитой брошюрѣ „На общій судъ„ (стр. 9), что „аллопаты (т. е. раціональные врачи) несравненно менѣе знакомы съ дѣйствіями лекарствъ да и не всегда знакомы и съ функціями отдѣльныхъ органовъ“ и въ тоже время увѣряетъ, что онъ (кажется, ротный командиръ), *неимѣющій нималѣйшаго понятія о медицинѣ*, „хорошо знакомъ съ громадными *преимуществами* гомеопатическаго леченія“ (разу-

[1]) Когда эта статья уже была готова къ печати, на 1-й стр. № 224, «Кіевлянина» за тек. г. появилось такого рода объявленіе: „Предсѣдатель Кіевскаго *гомеопатическаго* общества Н. Ф. Федоровскій принимаетъ въ *кадетскомъ корпусѣ* отъ 5—6 ч. по полудни ежедневно». Тенденція подобныхъ сама собою объявленій понятна.

мѣется, въ сравненіи съ раціональной медициной). При такой manie de grandeur, „что бы сказалъ г. Ф., замѣчаетъ „Врачъ“, если бы кому нибудь пришла странная мысль поручить обсужденіе вопросовъ, положимъ, хоть артиллерійскихъ или химическихъ, земскимъ собраніямъ, на томъ-де основаніи, что артиллеристы и химики *совершенно некомпетентны* въ артиллеріи и химіи“. Впрочемъ, нашлись земства, создавшія на основаніи подобныхъ *докладовъ* „вопросы“ и „запросы“. Но подумали ли хоть разъ почетные и дѣйствительные члены того или другаго гомеопатическаго общества, что ихъ вліяніе на подчиненныхъ, ихъ „масса нравственнаго содѣйствія“, ихъ капиталы идутъ не на дѣйствительную помощь страданіямъ ближняго, а на поддержаніе предпріятій и на изданіе брошюръ подобнаго рода „дѣятелей“, *интересы* которыхъ побуждаютъ ихъ „соблазнять единаго отъ малыхъ“?

Въ послѣднее время эти „дѣятели“ направили свои помыслы и вожделѣнія въ сторону, гдѣ имъ такъ часто приходилось испытывать осѣчку и встрѣчать „противодѣйствіе“. Я разумѣю молодыхъ врачей и студентовъ, которые, судя по отчету С.-Петербургскаго общества послѣдователей гомеопатіи за 1889 г., обратили на себя благосклонное вниманіе этого общества. Въ „открытомъ письмѣ“ Правленія, приложенномъ въ концѣ отчета читаемъ: „Наконецъ, нашимъ дѣломъ начинаютъ интересоваться молодые врачи. Мы приводимъ это обстоятельство послѣднимъ, но въ дѣйствительности оно имѣетъ первенствующее значеніе въ смыслѣ достиженія нашей основной цѣли—прочнаго водворенія гомеопатіи въ Россіи. Въ этихъ видахъ намъ не сомнѣнно слѣдуетъ, *во что бы то ни стало*, дать возможность молодымъ врачамъ ознакомиться съ гомеопатіею. Къ сожалѣнію, лечебница наша для этого недостаточна; на тѣ опыты, которые даютъ приходящіе больные, врачъ, незнакомый съ гомеопатіею, ни въ какомъ случаѣ положиться не можетъ,—они для него неубѣдительны. Для того, что бы врачъ, заинтересованный дѣломъ, могъ сознательно, съ твердымъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ гомеопатіи, отдаться изученію ея, *необходимо открыть каѳедру гомеопатіи* или устроить больницу съ постоянными кроватями. Самое лучшее устроить то и другое, къ чему общество и намѣрено стремиться“ (стр. 45—46). Нѣсколькими страницами раньше (33—34), въ докладѣ г. Сунди, напротивъ, выражается не двусмы-

сленная жалоба на недостатокъ врачей у гомеопатовъ: „къ сожалѣнію, врачей-гомеопатовъ у насъ еще очень мало и всѣ почти они заняты практикою въ Петербургѣ и Москвѣ, недостатокъ врачей-гомеопатовъ сильно ощущается въ нашихъ городахъ и селахъ, гдѣ въ послѣдніе годы гомеопатія стала быстро распространяться въ разныхъ слояхъ населенія. Мнѣ неоднократно приходилось въ послѣднее время, при разъѣздахъ моихъ по Россіи, слышать отъ многихъ моихъ знакомыхъ послѣдователей гомеопатіи, проживающихъ въ Екатеринодарѣ, Симбирскѣ и Одессѣ и другихъ городахъ нашего обширнаго отечества, жалобы на то, что въ этихъ городахъ нѣтъ врачей-гомеопатовъ. Наше общество, стараясь, по возможности, облегчить такое затруднительное положеніе пользующихся гомеопатическимъ способомъ леченія, *открыло у себя переписку съ больными*, возложивъ таковую на одного изъ своихъ врачей“. На стр. 45, въ „открытомъ письмѣ“ Правленія, читаемъ: „О нашемъ обществѣ и его дѣятельности знаютъ уже и на Кавказѣ и въ отдаленной Сибири, наши врачи безвозмездно даютъ въ годъ *болѣе тысячи заочныхъ письменныхъ совѣтовъ и наставленій*“.

Приведенныя сопоставленія и выдержки изъ контекста гомеопатическаго отчета за 1889 г. представляютъ значительный интересъ. Жалобы докладчика въ общемъ собраніи гомеопатическаго общества, г. Сунди, краснорѣчивѣе *голословныхъ* увѣреній „открытаго письма“ Правленія доказываютъ какъ мало интересуются гомеопатіей раціональные врачи, по крайней мѣрѣ, мало интересуются въ смыслѣ, желательномъ для гг. гомеопатовъ. Если вспомнить, сколько лишеній, зачастую и голодовокъ, терпятъ теперешніе молодые врачи и нерѣдко гибнутъ въ непосильной борьбѣ за существованіе въ то время, какъ *одна перемѣна клички* могла бы—если вѣрить гомеопатическимъ даннымъ—доставить имъ практику и безбѣдное существованіе, то ламентаціи г. Сунди,—какъ лучшій аттестатъ изъ устъ гомеопата, вынуждено свидѣтельствующаго о самоуваженіи и стойкости убѣжденій раціональныхъ врачей—служатъ сами посебѣ убѣдительнымъ аргументомъ противъ анонимныхъ гомеопатическихъ обвиненій врачей въ корыстолюбивыхъ мотивахъ преслѣдованія гомеопатіи. Въ самомъ дѣлѣ, удивительная вещь: жаждущихъ лечиться гомеопатіей въ обширныхъ концахъ нашего отечества—тьма, гомеопаты вынуждены давать тысячу заглазныхъ письменныхъ

совѣтовъ, за недостаткомъ дипломированныхъ медиковъ, а раціональные врачи, которыхъ гомеопаты ждутъ—не дождутся, не хотятъ къ нимъ идти. Несомнѣваясь ни на одну минуту, что то, или другое отношеніе врачей къ такъ называемой гомеопатіи имѣетъ огромное значеніе „для водворенія ея въ Россіи„, я совершенно не вѣрю въ цѣлесообразность мѣръ, предлагаемыхъ правленіемъ гомеопатическаго общества для привлеченія молодыхъ врачей въ ихъ лагерь. Сила гомеопатіи въ недостаточномъ, въ поверхностномъ знакомствѣ съ ней, лучшимъ доказательствомъ этого служатъ *титулованные* поборники ея. Открытіе гомеопатической каѳедры и клиники, гдѣ обстоятельно излагалась бы теорія гомеопатіи и строго проводилось бы леченіе по закону подобія, даже безотносительно къ величинѣ лекарственной дозы, докажетъ интересующимся врачамъ *полную научную несостоятельность* гомеопатіи, какъ въ томъ убѣдились сознательно и безсознательно, тайно и явно ученые адепты ея. Не предрѣшая вопроса, я полагаю, что къ этому заключенію прійдетъ всякій даже не врачъ, не поставившій себѣ въ великій трудъ ближайшее знакомство съ доктриной гомеопатіи *по ея источникамъ*.

Успѣхъ пропаганды въ Россіи, выражаемый въ отчетѣ С.-Петербургскаго общества послѣдователей гомеопатіи за 1889 годъ (за 8 лѣтъ) цифрой въ *600 членовъ* [1]) и *150* т. руб. сер. капитала, при тысячѣ „письменныхъ совѣтовъ и наставленій", если принять во вниманіе тѣ *усилія*, которыми достигнутъ подобный результатъ, мало можетъ интересовать врачей съ точки зрѣнія нарушенія матеріальныхъ интересовъ. Раціональные врачи смѣло и спокойно могли бы предоставить гомеопатамъ агитировать въ пользу своей доктрины и эксплуатировать легковѣріе и склонность къ чудесному нѣкоторыхъ богатыхъ и мало-мальски образованныхъ членовъ общества. Но когда центръ тяжести пропаганды переносится въ сферы, не обладающія способностью критической оцѣнки явленій общественной жизни, или же въ сферы, которыя, при своемъ вліяніи, могли бы нанести трудно поправимый вредъ не только медицинѣ раціональной, но и всякому разумному врачебному мѣропріятію,

---

[1]) Интересно, что въ статьѣ о гомеопатіи, помѣщенной въ „Кіевскомъ Народн. Календ. 1888 г. цитируется отчетъ «Спб. Общ. послѣдователей гомеопатіи», по которому уже въ 1886 г. число членовъ «*возросло до 700 человѣкъ*, среди которыхъ есть люди, имѣющіе высокое общественное и государственное положеніе». Слѣд., число ревнителей гомеопатіи къ 1889 г. *уменьшилось*

дискредитируя „врача„ въ глазахъ только что начинающаго осваиваться съ нимъ сельскаго населенія—тутъ неумѣстно молчаніе и высокомѣрное отношеніе къ гомеопатической пропагандѣ. Мнѣ кажется, долгъ врача, какъ гражданина и *спеціально*-образованнаго члена общества, обязываетъ его высказаться предъ обществомъ по поводу прямо подлежащихъ его компетенціи медицинскихъ вопросовъ. Но при теперешней постановкѣ изученія исторіи медицины въ нашихъ университетахъ, при *необязательности* этого предмета университетскаго курса, нашимъ студентамъ и молодымъ врачамъ, по неволѣ, приходится ограничиваться лишь общимъ, ex officio, изложеніемъ сущности гомеопатіи и самымъ необходимымъ критическимъ разборомъ ея положеній, болѣе же детальное знакомство съ ней, во всякомъ случаѣ не лишнее для будущихъ земскихъ и сельскихъ врачей, предоставляется желанію и усмотрѣнію каждаго изъ нихъ. Для этого ему необходимо копаться въ монографіяхъ и руководствахъ Исторіи медицины (къ слову сказать очень немногочисленныхъ на русскомъ языкѣ), на что приходится затрачивать не мало времени, труда и средствъ. О публикѣ нечего и говорить: она вовсе не имѣетъ сколько нибудь обстоятельнаго и безпристрастнаго критическаго разбора гомеопатической доктрины. Знакомство съ послѣдней и свои воззрѣнія на отношеніе ея къ научной медицинѣ публика *почти цѣликомъ* получаетъ изъ тенденціозныхъ, большею частью анонимныхъ, ультрагомеопатическихъ брошюръ и статей, которыми отовсюду аттакуется наша интеллигенція.

Вотъ почему, выполняя данное мной Обществу Кіевскихъ Врачей обѣщаніе (въ засѣданіи 14 декабря 1889 г.)—представить болѣе или менѣе подробный разборъ гомеопатическаго ученія—я имѣлъ главнымъ образомъ въ виду выяснить, на сколько гомеопатія *научна* и въ состояніи служить источникомъ „прогресса университетской медицины“, насколько преслѣдованіе или—что болѣе соотвѣтствуетъ фактамъ—*игнорированіе* ея врачами можетъ вытекать изъ нарушенія *матеріальныхъ* интересовъ врачебной корпораціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ очеркъ гомеопатіи предназначенъ служить косвеннымъ отвѣтомъ г. *д-ру* Бразолю, почтившему меня своимъ вниманіемъ въ его послѣдней лекціи „О положеніи гомеопатіи среди естественныхъ наукъ“. Если мой трудъ принесетъ хоть малую долю пользы молодымъ моимъ товарищамъ или кому нибудь изъ просвѣ-

щенной публики, я сочту выполненнымъ свой долгъ предъ обществомъ.

Порядокъ, котораго я буду придерживаться въ изложеніи своего изслѣдованія слѣдующій: послѣ краткаго историческаго очерка состоянія медицины до Ганеманна (1 гл.), гдѣ будутъ указаны условія, способствовавшія нарожденію гомеопатіи, я остановлюсь на разборѣ теоретическихъ, экспериментальныхъ (гомеопатическіе патогенезы) и клиническихъ доводовъ въ пользу *„закона подобія“* и *дѣйствія безконечно-малыхъ дозъ*—этихъ двухъ существенныхъ признаковъ, отличающихъ гомеопатію отъ другихъ *сектъ* въ медицинѣ.

Д. Родзаевскій.

Кіевъ. Октябрь 1890 г.

Безъ доктринъ и теорій всегда одинъ конецъ: сомнѣніе и съ нимъ бездѣйствіе либо грубость дѣйствія, выраженная ли въ формѣ факира или по эпикурейски. **Менделѣевъ.**

(3 Письмо о заводахъ).

Глава I.

Гомеопатическій способъ леченія впервые возвѣщенъ Ганеманномъ въ 1796 г. въ его сочиненіи—„Новый принципъ для изслѣдованія цѣлебныхъ свойствъ лекарствъ“ (Versuch üb. ein neues Prinzip zur Auffindung der Heilkräfte der Arzneisubstanzen. Hufeland's Journal. Bd. II. St. 3, S. 391).

Въ 1805 г., въ „*Опытной медицинѣ*“ (Heilkunde der Erfahrung—въ Hufeland's n. Journal 1805. Bd. XXII. St. 3) уже точно формулированы основныя положенія (Erfahrungssätze) новаго метода и сущность леченія по закону подобія, а въ 1810 г. введеніе въ „*Organon*“, катехизисисъ гомеопатіи, Ганеманнъ начинаетъ указаніемъ на нераціональность и полную неосновательность современной ему медицины съ ея основнымъ принципомъ—„лечи противоположное противоположнымъ“ (*contraria contrariis curentur*). И дальше продолжаетъ: „напротивъ—истина, *настоящій* методъ леченія, руководство къ которому я даю въ этомъ сочиненіи, заключается въ слѣдующемъ: чтобы лечить пріятно, скоро и прочно, выбирай лекарство, вызывающее болѣзнь подобную (ὅμοιον πάθος) той, какую оно должно излечивать (*similia similibus curentur*)! Этому гомеопатическому способу леченія *не училъ еще никто до сихъ поръ*“. Въ другомъ своемъ сочиненіи—„Reine Arzneimittellehre“ Zweite Aufl. Dresden. II, 10. Anmerk.—онъ еще рѣзче подчеркиваетъ послѣднюю мысль: „въ теченіе тысячелѣтій, насколько доступно исторіи,

никто не дошелъ до этого естественнаго источника познаванія *заранѣе* цѣлебной силы лекарствъ—до ихъ примѣненія въ болѣзни". Естественно, по этому, что послѣдователи гемеопатіи считаютъ Ганеманна недосягаемымъ гигантомъ — изслѣдователемъ, окружаютъ его ореоломъ „реформатора терапіи" и творца „новой" медицинской школы. Д-ръ Юзъ,—котораго гомеопатъ Гейвардъ признаетъ „всемірнымъ (!) авторитетомъ по Фармакологіи", сочиненія котораго, по словамъ другихъ гомеопатовъ, „отличаются свойствами заинтересовывать великими истинами гомеопатіи невѣрующихъ"—называетъ основателя гомеопатіи „Бэкономъ терапіи" [1]). Самъ Ганеманнъ охотно сравниваетъ себя и свою гомеопатію съ знаменитымъ *Гарвеемъ* и съ судьбой его великаго открытія кровеобращенія [2]). Современные намъ гомеопаты тоже не отличаются излишней скромностью, усиливаясь доказать публикѣ (насколько основательно и удачно—можно убѣдиться изъ приведеннаго раньше (въ предисловіи) отрывка публичной лекціи г. Бразоля), что гомеопатія служитъ источникомъ прогресса университетской медицины. Противопоставляя себя раціональной *гиппократической* школѣ подъ именемъ „*новой*" школы, послѣдователи Ганеманна увѣряютъ, что гомеопатія явилась какъ *протестъ* противъ догматизма и излишествъ медицины Гиппократа. Вотъ почему мнѣ кажется не безъинтересна будетъ краткая историческая справка о состояніи медицины *до-Ганеманна*.

Гиппократъ Косскій, великій врачъ древности, жившій почти за $4^1/_2$ вѣка до Р. Хр. основалъ въ медицинѣ то *научно-экспериментальное* направленіе, котораго она держится и теперь, не смотря на рядъ неблагопріятныхъ условій, встрѣтившихся на пути историческаго развитія этой науки до нашего времени. Почти всѣ отрасли медицины (этіологія, діагностика, хирургія съ гинекологіей, медицинская географія, діэтетика, терапія и пр.) берутъ свое свое начало въ Сборникѣ сочиненій Гиппократа Косскаго. Основное положеніе его медицины—„*природа—цѣлитель болѣзней*" (νούσων φύσιες ἰητροί) въ измѣненномъ видѣ служитъ девизомъ и современной раціональной медицины. Разсматривая болѣзнь какъ результатъ вліянія ненормальныхъ внѣшнихъ условій среды, *гиппократики* въ

---

[1]) *Юзъ*. Ганеманнъ какъ врачъ-философъ, пер. съ англ. С-пб. 1882, 9.
[2]) Reine Arzneimittellehre. 2 Aufl. Dresden. 1825. III, S. 99.

тоже время допускали, что природа можетъ ошибаться и потому необходимо терпѣливо наблюдать борьбу организма съ болѣзнью и энергично вмѣшиваться съ леченьемъ. Особенно важное значеніе они придавали діэтѣ. Въ основѣ леченія болѣзней въ школѣ Гиппократа стояло положеніе: „довѣрять прежде всего раньше испытанному“. Процессъ исцѣленія болѣзни понимался въ смыслѣ достиженія противоположнаго ей состоянія организма (τὰ ἐναντία τῶν ἐναντίων ἔστιν ἰήματα). Кровопусканіемъ гиппократики пользовались, кажется, довольно рѣдко, но основательно [1]). Количество лекарствъ не превышало 265 средствъ. Въ сборникѣ сочиненій Гиппократа даются въ высшей степени точныя картины болѣзненныхъ формъ и даже взглядъ на заразительность чахотки современенъ Гиппократу [2]). Гиппократики видятъ единственный путь для достиженія совершенства во врачебномъ искусствѣ въ тщательномъ *осмысленномъ* наблюденіи: „то, что достигается въ этомъ отношеніи *путемъ рефлексіи*, не имѣетъ ничего общаго съ медициной и принадлежитъ искусству литературнаго (письменнаго) изложенія (γραφικὴ). О трудахъ своихъ предшественниковъ, о положеніи котораго достигла современная имъ врачебная наука, гиппократики были очень высокаго мнѣнія, и заявляютъ, что медицина и въ будущемъ только тогда приблизится къ своей цѣли, когда не будетъ забывать проложеннаго ранѣе пути“. Они высоко цѣнятъ *нравственныя качества* врача и „съ негодованіемъ клемятъ жалкіе фокусы шарлатановъ; не менѣе они порицаютъ тѣхъ, которые стараются пріобрѣсти извѣстность *популярными лекціями*“ и „ссылками на поэтовъ и пустою шумихой словъ маскируютъ свое невѣжество“ (Гезеръ, стр. 47—48).

Отвергая фантазіи натурфилософіи, пытавшейся удержать господствующую роль въ рѣшеніи различныхъ теоретическихъ вопросовъ медицины, Гиппократъ въ то же время настоятельно рекомендуетъ врачу не ограничиваться только рефлексіей, простымъ наблюденіемъ даннаго явленія, но требуетъ, что бы онъ обсуждалъ его. Другими словами—въ сочетаніи опыта съ индукціей онъ даетъ медицинѣ точный и плодотворный методъ изслѣдованія, совершенно отличный отъ дедуктивнаго метода философіи и въ этомъ смыслѣ

---

[1]) *Гезеръ*. Основы исторіи медицины, пер. А. Дохмана. Казань. 1890, стр. 34.
[2]) *Ковнеръ*. Исторія медицины 1, 349.

Гиппократъ, по Цельсу, является первымъ замѣчательнымъ врачемъ древности, отдѣлившимъ философію отъ медицины (Гезеръ, 49). Значеніе Гиппократа съ этой точки зрѣнія огромно: за много вѣковъ до Бэкона онъ ясно сознавалъ, что медицина, и по задачѣ и по направленію своей дѣятельности resp. по методу изслѣдованія, діаметрально противоположна съ такъ называемой умозрительной философіей. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ не успѣлъ прочно вкорениться среди его ближайшихъ послѣдователей и данное имъ направленіе продержалось не долго: философія употребляетъ всѣ усилія, чтобы втиснуть медицину въ рамки своего *телеологическаго* воззрѣнія на устройство міра и *дедуктивнаго* метода наблюденія. Напоръ былъ такъ силенъ, что уже *сынъ Гиппократа,* Θессалъ, подпалъ вліянію *идеалистически-догматической* философіи Платона. „Едва, говоритъ Sprengel, открыли путь въ усовершенствованію благодѣтельнаго искусства, едва наблюденіе сдѣлалось прочной основой всякаго медицинскаго сужденія, какъ вслѣдствіе всеобщаго увлеченія діалектикой и умозрѣніями этотъ путь былъ снова оставленъ и вмѣсто вѣчныхъ истинъ природы, коимъ училъ Гиппократъ, стали преподавать безплодныя тонкости, а вмѣсто простыхъ правилъ его искусства—однѣ лишь пустыя гипотезы“ (Ковнеръ. 2, стр. 1—2).

Рядомъ съ этимъ отклоненіемъ медицины въ сторону догматизма умозрительной философіи, въ современной Гиппократу *Книдской* медицинской школѣ развивается направленіе, которое можно бы назвать *симптоматической* медициной, выродившейся потомъ въ *медицинскій эмпиризмъ*, имѣющій столь же мало общаго съ настоящей медициной, какъ и медико-философское направленіе ея. Врачи Книдской школы, какъ Эврифонъ, Ктезій и др. обращали особенное вниманіе на *мѣстныя измѣненія больныхъ* органовъ и рекомендовали при нихъ *мѣстныя средства*. Гиппократъ справедливо упрекалъ Книдскую школу въ томъ, что врачи ея „придавали слишкомъ много значенія *субъективнымъ ощущеніемъ* и *объясненіямъ* больныхъ, *объективныя же явленія болѣзни мало брали въ расчетъ*. Симптомы или отдѣльныя явленія они принимали за особенныя страданія и такъ какъ они не обладали достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, необходимыхъ для индукціи, то связь между отдѣльными явленіями и сущностью болѣзней, равно какъ и разница между *существенными* и *случайными* признаками оставались для нихъ неясными. Вотъ по-

чему у нихъ явилось *безчисленное* множество болѣзней, которыя они раздѣляютъ по областямъ тѣла“ (Ковнеръ. 1, 242). Извѣстнѣйшій изъ врачей Книдской школы былъ *Хризиппъ,* современникъ Аристотеля. Возставая противъ кровопусканія и слабительныхъ средствъ, Хризиппъ рекомендуетъ вмѣсто нихъ обвиваніе (перетяжку) членовъ, рвотныя и клистиры. Хризиппъ Книдскій былъ учителемъ извѣстнаго *александрійца Герофила* (ок. 300 г. до Р. Хр.), признававшаго, что каждая болѣзнь имѣетъ свое *специфическое* цѣлительное *средство.* Если болѣзнь неизлечима, то значитъ для нея не открыли еще соотвѣтствующаго specificum. Герофилъ очень любилъ *сложныя* лекарства. Другой, не менѣе извѣстный представитель Александрійской школы и противникъ Гиппократа—*Эразистратъ*, тоже отвергалъ слабительныя и кровопусканье и вмѣсто нихъ назначалъ голоданіе, ванны, клистиры, рвотныя, втиранія въ кожу, кровососныя банки и перевязываніе конечностей. Онъ вѣрилъ въ дѣйствіе *минимальныхъ дозъ* и рекомендовалъ прибавлять *3 капли вина къ питью при желчномъ и натужномъ поносѣ!* (Ковнеръ 2, 145).

Какъ извѣстно изъ той же *Книдской* школы вышелъ *Пирронъ* (380 л. до Р. Хр.), основатель *скептицизма* въ философіи. Онъ училъ считать достовѣрнымъ лишь то, что мы постигаемъ *чувственнымъ* опытомъ, изслѣдованіе сущности и причинъ вещей онъ считалъ излишнимъ. Философскій скептицизмъ не могъ не найти сочувствія и въ медицинѣ, гдѣ въ то время полновластно царила идеальная школа Платона съ ея діалектикой и догматизмомъ. Реакція противъ медицинскаго догматизма является въ лицѣ *эмпириковъ.* Основателемъ *эмпирической* школы считаютъ *Филина* (310—280 до Р. Хр.), ученика александрійца Герофила. Слѣдуя строго „Книдскому методу“ наблюденія, Филинъ училъ, что должно сомнѣваться въ могуществѣ разума и вѣрить только свидѣтельству *чувствъ.* Разсужденія въ медицинѣ не ведутъ ни къ чему и потому необходимо держаться одного только опыта. Теоріи Гиппократа объ элементахъ организма, о кризисахъ и критическихъ дняхъ, о сущности болѣзней и проч.—пустыя и излишнія гипотезы. Анатомія—не нужна. Вниманія заслуживаютъ только испытанныя лекарства, не входя въ разсужденія ни *о способѣ* ихъ дѣйствія, ни объ ихъ *свойствахъ*, ни о *ближайшей причинѣ* болѣзни (Ковнеръ. 2, 156). При живосѣченіяхъ невозможно чистое наблюденіе нормальнаго состоянія—по этому

эксперименты не имѣютъ смысла. Болѣзнь, по мнѣнію эмпириковъ, есть совпаденіе случайностей, которыя всегда обнаруживаются въ тѣлѣ одинаковымъ образомъ (*симптомы*). При леченіи же возможно присоединеніе новыхъ случайностей, которыя потребуютъ измѣненія способа леченія. Отсюда понятно изобрѣтеніе массы лекарствъ, ихъ частая мѣна у постели больнаго и употребленіе очень *сложныхъ* средствъ, такъ какъ эмпирики, вопреки Гиппократу, принимаютъ исцѣленіе болѣзни *одними лишь лекарственными средствами* (Ковнеръ, 151). *„Нѣтъ болѣзни и даже симптома, противъ которыхъ не старались бы открывать специфическаго средства!* (тамъ же 148). Такимъ образомъ эмпирики первые положила фундаментъ для той не лестной репутаціи *Фармакологіи*, благодаря которой эта важная отрасль прикладной медицины въ позднѣйшіе періоды и до нашего времени считалась складомъ ветоши, вмѣсто медицинскаго арсенала. При отсутствіи удовлетворительнаго метода и здравой критики въ изученіи и примѣненіи лекарствъ, имя послѣднихъ давалось безъ разбора и экскрементамъ насѣкомыхъ, и верблюжьему рогу, и химическимъ дѣятелямъ, и невиннымъ нейтральнымъ вещамъ въ родѣ, напр., гомеопатическаго графита или угля. Въ сравнительно недалекое отъ насъ время фармакологія при содѣйствіи химіи, физіологическаго эксперимента и клинической провѣрки занялась чисткой авгіевыхъ стойлъ эмпиризма и это, разумѣется, не могло не затормозить въ значительной степени ея прогрессъ.

Унаслѣдовавъ отъ *книдской* школы болѣе доступный толпѣ методъ, способный легче схватывать частности, чѣмъ общее, эмпирическая медицина быстро распространилась въ древнемъ мірѣ. Какъ доказываетъ вышеприведенныя основныя положенія, почти цѣликомъ принятыя впослѣдствіи Ганеманномъ, дѣятельность эмпириковъ преслѣдуетъ исключительно практическое направленіе и отличается ожесточенно полемическихъ характеромъ противъ школы Гиппократа: умышленно или по невѣденію они считаютъ послѣдняго повиннымъ въ догматизмѣ и теоретизированьи его заблуждавшихся послѣдователей, хотя отвѣтственносль тутъ всецѣло падаетъ, какъ мы видѣли, на идеальную философію Платона и на уклоненіе отъ указаннаго Гиппократомъ пути. Открывъ походъ противъ современной ему медицины, Ганеманнъ съ своей стороны не съумѣлъ во время и становиться: отвергая неосновательныя теоріи и безплодную

діалектику, онъ доходитъ до полнаго отрицанія научной медицины и поселяетъ въ своихъ послѣдователяхъ непримиримую вражду къ представителямъ послѣдней. Въ довершеніе сходства гомеопатіи съ древнимъ эмпиризмомъ, слѣдуетъ замѣтить, что эмпирики при распознаваніи и леченіи болѣзней рекомендуютъ руководствоваться 1) личнымъ наблюденіемъ, 2) анамнезомъ или наблюденіемъ другихъ и 3) аналогіей или *переходомъ отъ подобнаго* (ἡ ἀπὸ τοῦ ὁμίου μετάβασις), до извѣстной степени напоминающій „законъ подобія“ Ганеманна. Галенъ, въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ эмпириковъ, разъясняетъ какъ понимали послѣдніе *переходъ отъ подобнаго* (transitum de re simile ad similem): „пользующіеся имъ часто переносятъ пособія *отъ болѣзни* къ болѣзни подобной, *отъ мѣста*—къ мѣсту, а также *отъ лекарства* (auxilium), прежде испытаннаго, къ другому—подобному. Примѣры: отъ болѣзни—къ болѣзни, когда отъ рожи заключаютъ къ herpes; или отъ мѣста къ мѣсту, когда отъ руки заключаютъ къ ногѣ; или наконецъ отъ лекарства—къ лекарству, если при поносѣ отъ айвы переходятъ къ кизилю“ [1]). Такимъ образомъ эмпирики, какъ и гомеопаты, не вдаваясь въ ближайшее изученіе сущности лекарства, причины болѣзни и ихъ взаимныхъ отношеній, при назначеніи леченія ограничивались сходствомъ явленій, *внѣшнимъ подобіемъ*, съ той разницей, что эмпирики за объектъ сравненія избирали *лекарства* и отыскивали подобіе ихъ по мѣсту, болѣзни и внѣшнему виду, въ основѣ же „подобія“ Ганеманна лежитъ *внѣшнее сходство болѣзней* лекарственной и естественной.

Перенесенная на почву *римскую* медицина удерживаетъ характеръ александрійской школы: *Асклепіадъ*, современникъ Цицерона, выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ Гиппократа, и особенно его положенія, что „природа-цѣлитель болѣзней“; ему принадлежитъ изрѣченіе—„лечить прочно, скоро и пріятно“, (tuto, cito, et jucunde curare)—осуществленіе котораго Ганеманнъ приписываетъ своему методу леченія. Послѣдователи и пріемники Асклепіада, особенно *Темиссонъ*, основатель *методической школы*, стремившейся примирить крайности эмпиризма съ догматизмомъ, порвали окончательно связь съ Гиппо-

---

[1]) *Galeni* omnia quae exstant. Venetiis. MDLVI. Isagogici libri: „De subfiguratione empirica“ стр. 33, а также „De sectis ad eos qui introducuntur“ стр. 15—19.

кратовскимъ ученіемъ. Въ своей діагностикѣ методики старались познавать лишь *общее* состояніе тѣла и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его частей, именно выдѣленій. „Причина и даже мѣсто болѣзни (локализація) оставлены ими на второмъ планѣ, и именно поэтому методики, подобно эмпирикамъ, мало придаютъ значенія анатоміи“ (Гезеръ, 64). Отрицаніе *причинныхъ* показаній доходило иногда у методиковъ до того, что иные изъ нихъ даже при отравленіяхъ не заботились о выведеніи яда изъ организма, а только лечила вызванное имъ разстройство въ послѣднемъ („общность“). Методикъ *Θессалъ*, назвавшій себя въ надменной эпитафіи „побѣдителемъ врачей“ (Ἰατρονίκης), считалъ все сдѣланное до него въ медицинѣ, въ томъ числѣ и ученіе Гиппократа, не имѣющимъ значенія. Онъ брался въ *шесть* мѣсяцевъ научить всей медицинѣ окружавшую его постоянно толпу искателей приключеній изъ простонародья. Такимъ образомъ „обращеніе къ народу“ („corvertimus ad gentes!“ грозитъ съ значительнымъ *опозданіемъ* г. Юзъ въ предисловіи къ брошюрѣ гомеопата Гейварда) и попытка популяризаціи медицины, которыя такъ усердно практикуются гомеопатами, начиная съ Ганеманна и до послѣднихъ дней, далеко не новы и имѣетъ прецедентъ въ дряхлой старинѣ. Перенесеніе науки „на форумъ“, по видимому, не дало другихъ результатовъ, какъ только пониженіе уровня знанія въ средѣ врачей и низведеніе медицины на степень ремесла, подлежавшаго вѣденію рабовъ, которымъ гнушались свободные граждане Рима. Такъ не удачно окончилась попытка методиковъ, стремившихся *примирить* догматизмъ и эмпирію въ древней медицинѣ.

Римская медицина послѣ Р. Хр. удерживаетъ свой *практическій* характеръ и проявляетъ наклонность къ самостоятельности лишь въ области фармакологіи, остальныя же отрасли носятъ компиляторный и эклектическій характеръ. Впрочемъ, и самостоятельность въ области фармакологіи у римскихъ врачей не пошла далѣе примѣненія новыхъ грубо-эмпирическихъ средствъ и сочиненія безсмысленныхъ книгъ по рецептурѣ, не рѣдко даже въ стихахъ! До чего дошелъ упадокъ медицины подъ вліяніемъ римскаго сектантства, можно судить уже изъ возможности появленія и серьезнаго дебатированія, по видимому, страннаго для нашего времени вопроса: должна ли медицина разрабатываться эмпирически или научно. *Цельсъ* (25 г. до Р. Хр. и 45—50 по Р. Хр.), одинъ изъ образованнѣшихъ писа-

телей въ началѣ христіанской эры, высказывается за необходимость обоснованія медицины на принципахъ анатоміи, физіологіи и на изслѣдованіи *непосредственныхъ* причинъ болѣзней, при чемъ всѣ гипотетическія причины, хотя должны наводить врача на размышленіе, *но не должны вліять на его леченіе* (Гезеръ. 70). Необходимо знать, происходитъ ли болѣзнь отъ усталости, жажды, холода, жара, безсонницы, излишествъ въ напиткахъ, пищѣ и въ удовольствіяхъ, необходимо, кромѣ того, знать темпераментъ больнаго, характеръ и продолжительность заболѣванія, занятія (Ковнеръ. 2, 21). Но въ то же время, въ противоложность Гиппократу, ограничивавшему *кровопусканье* у стариковъ, дѣтей и беременныхъ женщинъ и неограниченному его примѣненію другими, Цельсъ счелъ необходимымъ точнѣе установить показанія къ нему, которыя онъ ставитъ скорѣе въ зависимость отъ общаго состоянія и природы болѣзни, нежели отъ возраста. „Ново не кровопусканіе, а ново то, что нѣтъ почти болѣзни, въ которой бы не слѣдовало пускать кровь“ (Ковнеръ, 224). Онъ совѣтуетъ производить его даже у больныхъ, которые едва въ состояніи его переносить, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ него нѣтъ никакой надежды на спасеніе, но только тогда, если того требуютъ окружающіе, приступить къ кровопусканію. При такихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ колебаться: *ибо лучше невѣрное средство, чѣмъ никакое.* („melius est anceps remedium, quam nullum„!). Кризисы и критическіе дни Гиппократа онъ отрицаетъ, подобно Асклепіаду. Фармакологія его чисто эмпирическая, свѣдѣнія объ анатоміи и физіологіи очень скудны. Выдающійся изъ римскихъ энциклопедистовъ фармакологъ *Діоскоридъ*, современникъ императоровъ Нерона и Веспассіана, далъ описаніе всей громадной массы эмпирическихъ средствъ изъ всѣхъ 3-хъ царствъ природы. У Галена и въ средніе вѣка описанія его пользовались высокимъ почетомъ.

Такимъ образомъ по Р. Хр. медицина носитъ эмпирическій или методическій, но въ общемъ *компиляторный* характеръ (эклектизмъ). Гиппократъ преданъ забвенію. Во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. является личность, которая дѣлаетъ вновь попытку примирить различныя между собой направленія въ медицинѣ—возвратить анатоміи и физіологіи утраченное ими мѣсто и въ то же время удержать пріобрѣтенія практической медицины, сдѣланныя въ школѣ александрійской и позже. Это былъ *Галенъ* (131 г. по Р. Хр.). Къ сожалѣнію, по-

пытка его была едва ли болѣе удачна, чѣмъ усилія методиковъ. Стремясь найти философскую связь между медициной—наукой и медициной—искусствомъ, онъ въ свою очередь подпадаетъ вліянію философіи Платона съ ея догматизмомъ, телеологій и діалектическими пріемами, которые онъ вноситъ не только въ современную ему медицину, но роковымъ образомъ продолжаетъ вліять на позднѣйшую и даже средневѣковую медицину, для которой онъ, совмѣстно съ превратно истолкованнымъ Аристотелемъ, служитъ непогрѣшимымъ авторитетомъ. Словомъ, Галенъ является типомъ *эклектика*, въ лицѣ котораго крайній догматизмъ страннымъ образомъ сочетался съ чисто экспериментальнымъ направленіемъ. Принципомъ, производящимъ исцѣленіе онъ, подобно Гиппократу, признаетъ природу (φύσις), которая дѣйствуетъ по *закону необходимости*, посредствомъ „притягивающихъ, измѣняющихъ и изгоняющихъ силъ“. Основныя положенія его терапіи состоятъ въ томъ, что 1) для сохраненія здоровья необходимо пользовать *подобное подобнымъ*, 2) для излеченія болѣзни надо пользовать *противоположное противоположнымъ*, 3) въ болѣзняхъ врачъ долженъ только помогать природѣ, ибо часто сама природа излечиваетъ (Гезеръ, 87—88). Въ числѣ важнѣйшихъ терапевтическихъ средствъ онъ примѣняетъ діэту, гимнастику, ванны, растиранія и кровоизвлеченія. Его теоріи необузданно господствуютъ въ ученіи о лекарствахъ. Уже и безъ того чрезъ-чуръ объемистый арсеналъ эмпирическихъ средствъ былъ еще болѣе значительно увеличенъ Галеномъ.

Носителями и распространителями догматизма и эклектизма Галена являются главнымъ образомъ сектанты религіозные (Несторіанцы), изгнанные изъ Византіи и нашедшіе себѣ пріютъ въ Месопотаміи и въ Персіи. Благодаря имъ, европейская медицина, преимущественно видоизмѣненная греческая, встрѣтилась здѣсь съ медициной восточныхъ народовъ (особенно Индусовъ и Персовъ) и, послѣ дальнѣйшей переработки, снова вернулась въ Европу съ арабскими завоевателями. *Арабскіе врачи* культивировали преимущественно *практическую* медицину и особенно содѣйствовали развитію фармакологіи. Остальные отдѣлы медицины въ *эклектической* по свой сущности школѣ Арабовъ мало подвинулись въ своемъ развитіи: анатомія и физіологія, благодаря принятымъ у нихъ телеологическимъ воззрѣніямъ Галена и религіознымъ установленіямъ, воспрещавшимъ при-

косновеніе къ трупу и вивесекціи, не могли прогрессировать. Хирургія и акушерство тоже были заброшены у арабскихъ писателей—врачей.

Такимъ образомъ стремленіе популяризировать медицину и слѣпая борьба противъ Гиппократа въ римскихъ школахъ повлекли за собой реакцію въ видѣ *эклектизма* (Галенъ и Арабы), это въ свою очередь привело медицину, при цѣломъ рядѣ неблагопріятныхъ условій, въ то печальное состояніе, въ какомъ она прибываетъ въ теченіе среднихъ вѣковъ до самаго *возрожденія* античнаго искусства и науки. Да оно и понятно. Эклектизмъ, состоявшій въ заимствованіи *отовсюду* по немножку и въ толкованіи мнѣній и изрѣченій различныхъ *догматизированныхъ* авторитетовъ, уже самъ по себѣ исключалъ возможность нарожденія *самостоятельныхъ* теорій, этихъ необходимыхъ, по словамъ проф. Менделѣева, двигателей прогресса науки. Къ этому необходимо прибавить постоянное вмѣшательство церкви, которая ко времени паденія Западной римской имперіи, по выраженію проф. *Вундерлиха*, „была болѣе, чѣмъ тормозящимъ авторитетомъ“ [1]), затѣмъ рядъ неблагопріятныхъ политическихъ и соціальныхъ условій, особенно вторженія варваровъ въ тогдашній образованный міръ, поголовное невѣжество народныхъ массъ, гнетъ мистицизма и пр. Всѣ эти моменты, при утратѣ руководящаго *критерія*, даннаго въ методѣ Гиппократа srescendo вели медицину и естественныя науки вообще къ упадку, выразившемуся съ одной стороны въ широкомъ развитіи *грубаго эмпиризма*, съ другой—въ нескончаемыхъ безплодныхъ *діалектическихъ* спорахъ о мелочныхъ вещахъ. Не только всевозможная дрянь (Unrath) примѣнялась необразованными эмпириками въ видѣ лекарствъ, но „заклинаніе болѣзней, леченіе посредствомъ поговорокъ (Sprüche) и магическихъ именъ (особенно еврейскихъ и халдейскихъ), симпатическое леченіе, амулеты и волшебныя формулы отчасти употреблялись самыми врачами, отчасти дѣйствіе ихъ, покрайней мѣрѣ, условно признавалось“ (Wunderlich. S. 39). Заниматься медициной—считалось унизительнымъ съ легкой руки благородныхъ римскихъ гражданъ. Придворными врачами были преимущественно евреи, у низшаго же класса, какъ и теперь, репутаціей врачей пользовались лишь лица, обла-

---

[1]) *Wunderlich's* Geschichte der Medicin. Stuttgart. 1859, S. 44.

давшія чарами. Правда, съ возникновеніемъ *университетовъ*, преобразованныхъ изъ свѣтскихъ,—частью же изъ духовныхъ школъ, медицина и право среднихъ вѣковъ находитъ себѣ въ нихъ пріютъ, особенно въ Италіи, въ *Салерно*, гдѣ до 12 в. культивировалась медицина *методической* школы, но въ 12,—и особенно въ 13 вѣкѣ, подъ напоромъ арабскаго вліянія, діэтетическая терапія въ Салерно уступаетъ мѣсто леченью *лекарствами*.

Около этого времени, возникшая еще въ 11 в., при знакомствѣ европейскихъ ученыхъ съ арабской литературой, *схоластика*, какъ продуктъ комбинаціи христіанства съ философіей, какъ попытка *раціонализировать догматъ*, пріобрѣтаетъ права гражданства и въ медицинѣ. Въ сущности схоластика не была научной системой, это былъ *методъ* изощрять остроуміе. Положенія Галена, Гиппократа и др. становятся объектами медицинскихъ дебатовъ. Онѣ не только должны были согласоваться между собой, но и съ догматами церкви и съ господствовавшими воззрѣніями на природу, чтобы считаться истиной. Схоластикъ *Amatus Lusitanus*, напр., объяснялъ, что кризисъ наступаетъ на 7 день потому, что душа состоитъ изъ 3-хъ силъ, а тѣло изъ 4-хъ элементовъ, а 3+4=7 (Wunderlich, S. 50). Схоластика господствовала не только въ монашеской медицинѣ, она охватила и свѣтскіе Университеты въ 12 и 13 вв. и продолжала держаться въ нихъ даже до 16 вѣка. Если прибавить къ этому гоненія *инквизиціи*, которая заточеніемъ въ монастыри и тюрьмы карала всякое проявленіе свободной мысли и уклоненіе отъ освященныхъ традиціей авторитетовъ, то мы исчерпаемъ главнѣйшія причины глубокаго мрака и полнаго упадка естественныхъ наукъ и медицины, еле влачившей свое существованіе въ компиляціяхъ, въ діалектическихъ и даже *поэтическихъ* произведеніяхъ средневѣковыхъ представителей ея. Тѣмъ съ болѣе глубокимъ чувствомъ уваженія должно вспомнить о тѣхъ идеальныхъ и неустрашимыхъ дѣятеляхъ, которые, рискуя свободой и даже жизнью, смѣло проповѣдывали свои убѣжденія, возставали противъ гнета медицинскихъ кумировъ (авторитетовъ Галена, Аристотеля и пр.) и своими именами украсили мартирологію врачей. Извѣстна судьба *Pietro Aponensis* (изъ Абано), стоявшаго выше его современниковъ по своимъ познаніямъ въ физикѣ, химіи и астрономіи: его трупъ, по приговору инквизиціи, былъ преданъ казни сожженія. Знаменитый францисканецъ *Рожеръ Бэконъ*

дважды былъ осужденъ своими товарищами по ордену къ *тюремному заключенію* (на 10 и на 14 л.) за свои сочиненія, въ которыхъ онъ проводилъ мысль, что схоластика погубила современную ему науку. *Arnoldus de Villanova* (1232—1312), тоже ратовавшій противъ связи медицины съ діалектикой, былъ объявленъ еретикомъ и сочиненія его публично сожжены. Онъ стремился доказать, что „медицина не должна быть накопленіемъ эмпирическихъ *частностей*, а должна основываться на общихъ принципахъ и что послѣдніе находятся не въ басняхъ и сказкахъ фоліантовъ арабовъ и ихъ приверженцевъ, а въ сочиненіяхъ Гиппократа и Галена“ (Гезеръ, 162). Лекарствамъ онъ приписываетъ, кромѣ свойствъ *актуальныхъ* (proprietas actualis), еще *потенціальное сложеніе* (complexio potentialis), которое постигается только разумомъ, а не эмпирическимъ путемъ и оно, при томъ, самое важное (Wunderlich, 51). Но особенно печальна участь тогдашнихъ выдающихся *анатомовъ: Charles Etienne* обвиненъ въ ереси и умеръ въ темницѣ. Другой анатомъ—*Servetto* подвергся преслѣдованію: какъ еретикъ, онъ посаженъ въ Женевскую тюрьму и сожженъ по настоянію Кальвина [1]). Печальный и характерный для эпохи примѣръ, какъ мало уважали свободу духа даже главари реформаціи! Знаменитый анатомъ *Андрей Везалій*, только благодаря заступничеству импер. Карла V, избавился отъ пытокъ инквизиціи. Тѣмъ не менѣе гоненія и шумъ, поднятый изъ-за вскрытія имъ труповъ, довелъ Везалія до ипохондріи и мистицизма. Послѣ эпитеміи и путешествія въ Іерусалимъ, онъ умеръ въ 1564 г.

Если я позволилъ себѣ здѣсь остановиться на этихъ фактахъ, то лишь для того, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить великую реформу *Бэкона* (1560—1626) въ области естествознанія и ту знаменательную эпоху поворота медицины отъ *крайностей* царившаго всюду догматизма и грубаго эмпиризма на путь *научно-экспериментальныхъ* изслѣдованій, которая начинается со времени *Гарвея* (1578—1654). На мѣсто логики древнихъ философовъ, выводившихъ *частное* изъ общихъ (нерѣдко фантастическихъ) положеній, на мѣсто философской *дедукціи*, Бэконъ даетъ другой *способъ* изученія природы, состоявшій въ переходѣ отъ частнаго къ общему—*индукцію*, какъ какъ это рекомендовалъ уже Гиппократъ для медицины. Наблюденіе

---

[1]) *Leutpoldt*'s Geschichte der Medicin. Berlin. 1863, S. 361).

явленій и опытъ (experimentum) даютъ только эмпирическій матеріалъ, къ наукѣ же ведетъ лишь знаніе причинъ явленій: „знаніе истины—знаніе причинъ“ (vere scire est per causas scire). Для этого необходимо изслѣдованіе условій („инстанцій“) и отдѣленіе случайныхъ и несущественныхъ „инстанцій“ отъ существенныхъ. Познаваніе существенныхъ инстанцій и ихъ основныхъ причинъ ведетъ къ уразумѣнію законовъ явленій въ природѣ. Медицина требуетъ особенно строгаго примѣненія индукціи. Бэконъ придаетъ анатоміи и изслѣдованію физіологическихъ отправленій посредствомъ живосѣченія чрезвычайно важное значеніе. Успѣхъ леченія и развитія фармакологіи онъ ставитъ въ зависимость отъ развитія химіи (Геземъ, 238). По всѣмъ этимъ пунктамъ настоящій Бэконъ составляетъ діаметральную противоположность съ „*Бэкономъ терапіи*“—Ганеманномъ. Отрицаніе анатоміи, химіи и др. вспомогательныхъ отдѣловъ медицины, отрицаніе экспериментовъ, необходимости знанія причинъ болѣзней и свойствъ лекарствъ, *одинаковая* оцѣнка субъективныхъ, *случайныхъ* и часто измышленныхъ симптомовъ и объективныхъ, поддающихся критикѣ и провѣркѣ явленій при гомеопатическомъ методѣ изслѣдованія, отнимаютъ у Ганеманна всякое право на сравненіе съ Бэкономъ. Еще меньше основанія имѣетъ Ганеманнъ уподоблять себя Гарвею, который въ 1619 г. открылъ кровообращеніе, а въ 1628 опубликовалъ свою первую работу объ этомъ предметѣ. Господство рутинной схоластики и всеобщее преклоненіе предъ авторитетами, вмѣстѣ съ симъ незаконченность и неполнота ученія о кровеобращеніи въ первоначальной редакціи Гарвея, вызвали съ одной стороны оживленные дебаты, а съ другой были причиной холодности и даже враждебности, съ какой встрѣтили новое открытіе нѣкоторые изъ современниковъ Гарвея. Тонкая схоластическая полемика *Jak. Primeros'*а въ Hüll'ѣ, *Aemilii Parisani*, врача въ Венеціи, *Riolan'*а младшаго въ Парижѣ—не имѣла существеннаго вліянія на принятіе новаго ученія. *Caspar Hoffmann* указалъ на недостаточное выясненіе Гарвеемъ прохожденія крови чрезъ капилляры, *Vesling* приводилъ давно извѣстную разницу въ свойствѣ артеріальной и венозной крови, *Folli* выставлялъ, какъ доводъ противъ воззрѣній Гарвея, присутствіе открытаго foramen ovale. Съ другой стороны *Werner Rolfink*, проф. въ Іенѣ, былъ первый принявшій ученіе Гарвея, затѣмъ вскорѣ самыя выдающіяся имена въ наукѣ стали

на сторонѣ великаго открытія, какъ философъ *Картезій* (René des Cartes 1596—1650), ятрохимикъ *Сильвій*, *Herman Conriny*, *Johann de Wale* (ум. въ 1674 г.), *Bartholinus* (ум. въ 1704 г.), *Vieussens*, *Claudius Helvetius* и др. При такихъ условіяхъ Ганеманнъ и его послѣдователи, указывая на несправедливость и своекорыстное отношеніе современниковъ къ открытію Гарвея и сравнивая послѣдняго съ основателемъ гомеопатіи, съ одной стороны совершенно игнорируютъ *условія эпохъ*, въ которыя дѣйствовали Harvey и Ганеманнъ, а съ другой—забываютъ, что характеръ и результатъ дѣятельности обоихъ лицъ діаметрально противоположны. Нельзя не согласиться съ *Рейно* [1]), что „до Гарвея разсматривали больнаго *извнѣ*, по симптомамъ, хотя иногда и тутъ проявляли удивительную мудрость. Съ Гарвея разсматриваютъ человѣка *внутри*, изучаютъ его функціи; Гарвей вводитъ въ науку идею постоянныхъ физіологическихъ законовъ". Ганеманнъ, какъ извѣстно, стремится установить распознаваніе болѣзни по *внѣшнимъ проявленіямъ* ея и вводитъ симптоматическое леченіе. Словомъ—онъ стремится возвратить медицину къ первобытнымъ временамъ Книдской и эмпирической школъ. Въ результатѣ—первоначальная оппозиція Гарвею смѣняется всеобщимъ признаніемъ его заслугъ, вокругъ же Ганеманна группируется кучка дѣятелей, мечтающихъ о поворотѣ науки назадъ.

Открытіе кровеобращенія должно было убѣдить современниковъ Гарвея, что, внѣ непосредственнаго изученія природы, никакія теоретическія умствованія и тонкости софистической діалектики не въ состояніи дать истиннаго прогресса наукѣ. Но непогрѣшимый софистическій мистицизмъ только медленно, шагъ-за-шагомъ, уступалъ свою позицію фактамъ, добытымъ при помощи научнаго эксперимента. Въ эпоху Гарвея и долго еще послѣ него, рядомъ съ блестящими, строго обоснованными пріобрѣтеніями въ области анатоміи и физіологіи, стремленіе удержать за медициной роль *прикладной* науки породило другое теченіе или точнѣе подновило старое догматически-философское направленіе—страсть къ *теоретизированію*, центромъ котораго является вопросъ *о сущности жизненнаго принципа*. Страсть къ настроенію произвольныхъ, часто на ни чемъ не основанныхъ теорій, проявилась со всей силой и глубиной *реакціи*, какъ

---

[1]) Рѣчь о скептицизмѣ въ медицинѣ. „Мысль". 1881. VIII.

результатъ пробужденія усыпленной эклектизмомъ и схоластикой человѣческой мысли. Въ какомъ бы видѣ это пробужденіе ни выразилось, оно имѣло уже ту хорошую сторону, что покончено было съ многовѣковымъ бездѣйствіемъ и среди разныхъ доктринъ и теорій можно было расчитывать на прогрессивное движеніе науки. Само собой понятно, что взрывъ теоретизированія, какъ всякая безсознательная реакція, сопровождался обычными трудно регулируемыми крайностями и увлеченіями: рядомъ съ благоразумными дѣятелями, старавшимися сохранить пріобрѣтенное и испытанное до нихъ, и въ тоже время исключить и исправить устарѣвшее или ошибочное, рядомъ съ этимъ прорывается нетерпѣніе революціонныхъ натуръ, полагавшихъ, что лучшее можетъ возникнуть только изъ разрушенія настоящаго. Лучшей иллюстраціей этого факта можетъ служить дѣятельность Fernel'я (1497—1558), Argentieri (1513—1572), Joubert'a (1529—1583) и особенно *Парацельса*, жившаго раньше Гарвея (1493—1541). Многіе называютъ Парацельса „Лютеромъ въ медицинѣ“, но врядъ ли справедливо. Публичное сожженіе имъ сочиненій Галена и арабскихъ писателей было несомнѣнно актомъ демонстративнаго протеста противъ авторитетовъ—но и только. „Ни одно мнѣніе господствовавшей медицины не было имъ доказано, какъ фальшивое и не опровергнуто“ (Wunderlich. S. 99). Нельзя не согласиться съ проф. Вундерлихомъ, что это былъ фанатикъ демагогъ, революціонеръ, но не реформаторъ. Рядомъ съ обращеніемъ къ Богу, онъ вѣритъ въ чары и въ астрологію. Корень его ученія—неоплатонизмъ, согласно которому каждое тѣло въ природѣ создано по опредѣленной модели, небесной „идеѣ“. Созданный изъ земли человѣкъ „внѣшній“ состоитъ изъ вполнѣ и не вполнѣ горючихъ и огнеупорныхъ веществъ—„сѣры, ртути и соли“. Живымъ человѣкомъ становится онъ лишь при посредствѣ духовнаго начала „скрытаго человѣка“ или „архея“. Человѣкъ есть копія и повтореніе внѣшняго міра—„макрокосма“, при изученіи котораго познается сокровенное природы человѣка—„микрокосма“. Болѣзнь по своей сущности есть нѣчто *духовное* и излечивается цѣлительной силой природы, на которую дѣйствуютъ лекарственныя вещества—„arcana“—своими „скрытыми свойствами“ и такимъ образомъ тушатъ „сѣмя“ болѣзни. „Показанія“ при леченіи онъ совершенно отвергалъ. Въ распознаваніи болѣзни Парацельсъ придаетъ большое зна-

ченіе изученію „внѣшняго человѣка“ и особенно явленій окружающей природы, которыя представляютъ аналогію съ извѣстными заболѣваніями, напр. водянка уподобляется наводненію и потому должна лечиться „высушивающими“ средствами и пр. Для леченія совершенно безразлично, гдѣ лежитъ мозгъ, печень и пр.—анатомія совершенно не нужна. Важнѣйшей задачей врача онъ признаетъ открытіе магическихъ силъ въ лекарственныхъ веществахъ. Для каждой болѣзни Богъ создалъ *специфическое*, ей свойственное лекарство, которое, „подобно женщинѣ, узнается по формѣ“ и другимъ примѣтамъ—такъ называемымъ *„сигнатурамъ“*, напр. Anacardium orientale употребляется при болѣзняхъ сердца, An. occidentale—при страданіи почекъ, такъ какъ плоды ихъ *по формѣ* похожи на эти органы; драконова смола рекомендуется при кровотеченіи, въ виду сходства цвѣта ея съ цвѣтомъ крови. На томъ же основаніи Парацельсъ рекомендуетъ желтый сокъ ластовичной травы (хелидоніи) при желтухѣ и предлагаетъ даже болѣзни называть по лекарствамъ, напр. morbus helleborii, терпентинная болѣзнь и пр. [1]). Съ другой стороны, при болѣзняхъ сердца рекомендуется *золото*, такъ какъ золото и сердце гармонируютъ въ каббалистической шкалѣ. Какъ бы то нибыло, Парацельсъ гораздо раньше Ганеманна признавалъ *духовную* природу болѣзни, принималъ внѣшнее, чисто формальное отношеніе между болѣзнью и лекарствомъ, не доискивался сущности болѣзни и допускалъ возможность познаванія цѣлительной силы лекарства до его примѣненія въ болѣзни, на основаніи внѣшнихъ свойствъ лекарства. Онъ, подобно Герофилу и впослѣдствіи Ганеманну, вѣрилъ въ *предопредѣленную специфичность* лекарствъ и вмѣстѣ съ эмпириками отрицалъ значеніе анатоміи при леченіи болѣзней. Взглядъ, что лекарство должно имѣть свойство, противоположное съ болѣзнью, Парацельсъ считаетъ не состоятельнымъ во 1-хъ потому, что свойство (Qualität) есть нѣчто внѣшнее (?!), симптоматическое, отсюда и методъ „contraria contrariis curentur“, по его мнѣнію, только симптоматическій, затѣмъ во 2-хъ потому—что для поддержанія цѣлительныхъ усилій природы, аналогично стремленію ея, въ силу автономіи жизни и здоровья, въ лекарствѣ должно быть дано *подобное*, родственное („Similia similibus curentur“.

---

[1]) *Hirschel*'s Compendium der Geschichte der Medicin. Wien. 1862, S. 240.

Hirschel, S. 203). Слѣдовательно, и тутъ Парацельсъ задолго предупредилъ Ганеманна. Мало того, современникъ Парацельса *Gieronimus Cardanus* (1505—1576), тоже крайній мистикъ и каббалистъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій оспаривалъ Галеновское правило „contraria contrariis opponenda“, на основаніи возможности излеченія, напр., поноса слабительными средствами и такимъ образомъ опытъ Ганеманна съ хиной, который основатель гомеопатіи считаетъ „зарей“ своего *новаго* ученія утрачиваетъ всякую оригинальность и низводитъ его съ пьедестала „реформатора“ на степень простаго компилятора. Интересно, что всѣ эти факты сообщаются въ исторіи медицины гомеопата Hirschel'я, который въ то же время является поклонникомъ Ганеманна, какъ реформатора.

Интересно сопоставить съ Парацельсомъ другаго противника авторитетовъ, который тоже имѣлъ въ виду *реформу терапіи* и, безъ шума и демонстративныхъ выходокъ, столь обычныхъ у Парацельса, гораздо болѣе послѣдняго способствовалъ прогрессу науки. Я говорю о соотечественникѣ Бэкона и Гарвея—*Сиденгамъ* (1624—1689). Онъ полагалъ успѣхъ терапіи не въ отыскиваніи „арканъ“, а въ изслѣдованіи „сути“ болѣзней путемъ тщательнаго наблюденія. Онъ ясно сознаетъ ошибку прежней, особенно эмпирической медицины, смотрѣвшей на болѣзни, какъ на противоестественные, неподчиненные обычнымъ законамъ, процессы. При наблюденіи болѣзни онъ требуетъ не только величайшей точности и устраненія всѣхъ фантазій и предвзятыхъ мнѣній, но и строгаго взвѣшиванія, какія явленія существенны и постоянны при отдѣльныхъ болѣзняхъ и какія обусловливаются случайностью. Онъ хотѣлъ чтобы патологія основывалась не на рѣдкостяхъ, а на обычныхъ явленіяхъ, при чемъ вполнѣ придерживается положенія Гиппократа „природа-врачъ болѣзней“ и особенно при острыхъ болѣзняхъ, которыя, по его мнѣнію,—результатъ вредныхъ вліяній внѣшняго міра на *здоровый* до того организмъ. При хроническихъ болѣзнихъ, происходящихъ отъ измѣненія соковъ, обусловленнаго большею частью погрѣшностями въ діэтѣ, цѣлительная сила природы обнаруживается въ недостаточной степени. Эпидемическія болѣзни не зависятъ отъ перемѣнъ погоды и временъ года, а отъ неизвѣстныхъ процессовъ внутри земли. За то онъ односторонне преувеличивалъ значеніе болѣзненнаго состоянія крови, „воспаленія“ ея. Заслуги его состоятъ въ

томъ, что „онъ вывелъ медицину изъ лабиринта системъ на путь трезваго наблюденія“ (Гезеръ. 289). Его называютъ реставраторомъ гиппократизма и представителемъ *естественно-историческаго* направленія медицины. Онъ былъ величайшій наблюдатель и практикъ.

Съ открытіемъ кровообращенія по всюду въ медицинѣ начинаетъ обнаруживаться стремленіе къ изученію важнѣйшихъ *отдѣловъ физіологіи*. Высокое развитіе физики, благодаря работамъ Галилея, Ньютона и др., постепенное выдѣленіе химіи изъ алхимическихъ бредней (Rob. Bayle основываетъ ученіе о сродствѣ, Kunkel открываетъ фосфоръ, Becher даетъ флогистическую теорію и пр.) повело за собой скороспѣшное примѣненіе этихъ отдѣловъ науки къ медицинѣ и послужило къ возникновенію ученія *ятрофизиковъ* и *химіятриковъ*, признававшихъ основаніемъ физіологіи и терапіи то физику, то химію. Не вдаваясь въ разборъ заслугъ и заблужденій послѣдователей этихъ воззрѣній, слѣдуетъ указать, что ятрофизики избѣгали проводить свои теоретическіе взгляды у постели больнаго, выдающіеся изъ нихъ слѣдовали, обыкновенно, Гиппократу (Гезеръ. 273). Однимъ изъ выдающихся представителей химіятріи считаютъ *ванъ-Гельмонта* (1578—1644), мистика, почти всю свою жизнь посвятившаго на отысканіе „корня жизни“. Въ противоположность Парацельсу, онъ придаетъ большое значеніе анатоміи, физіологіи и патологической анатоміи. Основой его ученія, какъ и у Парацельса, является *неоплатонизмъ*. Жизненное начало онъ олицетворяетъ въ видѣ „главнаго архея“ (Archaeus influus), нематеріальнаго, но въ тоже время отличнаго отъ души, дѣятеля, мѣстопребываніемъ котораго служитъ „дуумвиратъ“ желудка и селезенки. „Главному архею“ подчинены „второстепенные“ (archei insiti), распредѣленные въ различныхъ органахъ и связанные съ тѣлеснымъ существомъ послѣднихъ. Второстепенные археи служатъ, посредствомъ „ферментовъ“, орудіями главнаго архея, и при помощи ихъ послѣдній вызываетъ измѣненія въ плотныхъ и жидкихъ частяхъ организма. *Болѣзнь* есть послѣдствіе грѣхопаденія. Она представляетъ самостоятельный жизненный процессъ, вызываемый болѣзненными идеями „главнаго архея“, который внушаетъ ихъ „второстепеннымъ археямъ“, измѣняющимъ въ свою очередь „ферменты“. *Лекарства* дѣйствуютъ не столько своимъ химическимъ составомъ (salia), или устраненіемъ матеріальной причины болѣзни, сколько своей *цѣлебной сущностью* (arcana, specifica), да-

рованной имъ Божіимъ милосердіемъ. „Лекарства дѣйствуютъ болѣе *динамически*, но не по закону contraria contrariis“, ни по—„similia similibus“, а только тѣмъ, что онѣ *возбуждаютъ въ „археѣ“ цѣлительныя идеи и тенденціи* (sie im Archaeus heilsame Jdeen (u. Tendenzen) erregen) и замѣщаютъ ими его болѣзненныя идеи (ideae morbosae), его страданія, перевороты и пр. (Leupoldt, 389). Эту чисто *динамическую* силу лекарствъ, которую онъ сравнивалъ съ *дѣйствіемъ свѣта на застигнутые имъ предметы*, Гельмонтъ доказываетъ тѣмъ, что вода, въ которой лежала ртуть, пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства послѣдней, не воспринимая однако ничего изъ вещества металла. Отсюда онъ доходитъ *до положенія, напоминающаго гомеопатію*, что величина лекарственной дозы несущественна“ для проявленія дѣйствія средства (Гезеръ, 277). Слѣдовательно, *духовный* характеръ болѣзни, равно какъ динамическія свойства лекарства и его минимальная доза еще разъ (кромѣ Парацельса, Villanova, Эразистрата) допускались за долго до Ганеманна. Гельмонтъ, подобно послѣднему, также возставалъ противъ кровопусканія, утверждая что въ лучшемъ случаѣ оно можетъ только задержать выздоровленіе. Изъ препаратовъ растительныхъ онъ выше всего ставитъ тинктуры, но найбольше значеніе онъ придавалъ минеральнымъ средствамъ, достигшимъ *подъ вліяніемъ огня* полной силы (особенно ртути, сюрьмѣ и мышьяку). Ганеманнъ приписывалъ, какъ извѣстно, важную роль процессу растиранія и взбалтыванія лекарства, въ актѣ развитія полной силы послѣдняго. Наставленій для приготовленія „арканнъ“ Гельмонтъ не даетъ, чтобы не метать бисера.... „ne margaritas ante sues sererem“ (Wunderlich, 128). Онъ вѣритъ въ возможность универсальнаго лекарства (панацеи). Фантастическое построеніе этой теоріи обрекало ее на полное одиночество и безслѣдное исчезновеніе въ исторіи. Впрочемъ, есть писатели признающіе и ванъ-Гельмонта *реформаторомъ* въ медицинѣ, какъ напр. Spiess (Van-Helmont's System der Medicin. Frankfurt. 1840).

Очевидно, что ни химіятрія, ни ятрофизики, ни системы Парацельса или ванъ-Гельмонта не объясняли съ полной удовлетворительностью имѣвшихся тогда въ наукѣ фактовъ и быстро сошли со сцены исторической. На смѣну имъ появились новыя теоріи, пытавшіяся, подобно первымъ, рѣшить вопросъ о жизненномъ принципѣ *сверху*, посредствомъ дедуктивнаго хода мышленія. Нѣкоторыя изъ нихъ

оставались безъ вліянія на прикладную медицину, другія же, напротивъ, носили практическій характеръ и оставили въ терапіи болѣе или менѣе глубокіе слѣды. Изъ этихъ теорій заслуживаетъ здѣсь упоминанія *психически-виталистическое* ученіе *Георгъ—Эрнстъ—Сталя* (1660—1734), которое въ значительной степени вліяло на теоретическія воззрѣнія Ганеманна. Въ противоположность ятрофизикамъ, смотрѣвшимъ на организмъ человѣка, какъ на механическій аппаратъ, Сталь полагаетъ основу дѣятельности организма не въ тѣлѣ, а въ душѣ—*anima*, которая созидаетъ, защищаетъ и сохраняетъ тѣло. „Anima“ то означаетъ у него безсмертную душу, то *нѣчто*, связанное съ механическими свойствами тѣла и зависящее отъ нихъ. На возраженіе *Лейбница* (который, какъ извѣстно, считалъ невозможнымъ отдѣленіе живой движущей силы отъ мертвой матеріи), что *нематерьяльное начало* (душа) *матерьяльнаго тѣла* не можетъ управлять послѣднимъ *независимо* отъ законовъ матерьяльной механики, Сталь призналъ, что „anima“ есть существо *протяженное*, тоже одаренное матерьяльностью. Когда же посыпались на него, послѣ этого, обвиненія въ атеизмѣ, онъ снова сталъ защищать матерьяльность души, а въ смыслѣ возраженія Лейбницу допустилъ особенное „*тоническое* движеніе“, свойственное мягкимъ частямъ животнаго тѣла, посредствомъ котораго (движенія) онѣ дѣйствуютъ на кровь и жидкости организма (Гезеръ. примѣч. къ стр. 317). Для объясненія явленій жизни, по Сталю, недостаточно ни законовъ химіи, ни законовъ физики и механики. Жизнь организма подчиняется особымъ законамъ. Вслѣдствіе этого онъ совершенно отрицаетъ значеніе анатоміи и химіи для врача. Одинъ изъ выдающихся послѣдователей *виталізма*, французъ *Barthez*, признаетъ самой лучшей философіей ту, которая пренебрегаетъ сущностью предметовъ и старается уразумѣть лишь *отношенія* явленій... Все, что волнуетъ человѣчество въ качествѣ причинъ вещей, заключается въ открытіи различій и аналогій. Въ такомъ видѣ виталистическія воззрѣнія очень близко подходятъ къ древне-эмпирическому ученію и служатъ доказательствомъ того, что крайности могутъ сходиться. Признавая „жизненный принципъ“, Barthez сознавалъ однакоже, что принципъ этотъ не можетъ быть представленъ нашимъ разумомъ ни въ формѣ конкретнаго образа, ни въ видѣ духовной идеи (Гезеръ. 387). Нѣмецкій виталистъ *Reil* дошелъ до того, что даже считалъ жизнь

потенцированнымъ гальваническимъ процессомъ... (Wunderlich, 284). Знаменитый анатомъ *Bichat* рѣшительно отклоняетъ возможность объяснить жизненные процессы физическими и химическими свойствами органическихъ образованій. Главное отличіе жизненныхъ силъ отъ физическихъ законовъ онъ находитъ въ неизмѣнности послѣднихъ и въ *измѣнчивости* первыхъ (!). Извѣстный эклектикъ *Hufeland*, который рекомендовалъ гомеопатію, животный магнетизмъ, магическую медицину, который искалъ объясненія дѣйствія минеральныхъ водъ въ *водяномъ духѣ* (Brunnengeist), отрицалъ патологическую анатомію, аускультацію, физіологическій и фармакологическій экспериментъ и живосѣченія—горячо защищаетъ цѣлительную силу природы и *жизненность* (Vitalität) крови. До какой степени витализмъ проникъ въ понятія выдающихся физіологовъ, примѣромъ можетъ служить знаменитый *Johannes Müller* (1801—1858). Несостоятельность гипотезы о *жизненной* силѣ J. Müller вполнѣ доказалъ, точно формулируя функціи жизненной силы. При этомъ оказалось, что, судя по одной части аттрибутовъ, жизненная сила есть отрицаніе понятія о силѣ, а судя по другимъ признакамъ, это—олицетвореніе суммы неизвѣстныхъ намъ факторовъ *въ одно* сознательно дѣйствующее и одаренное познаніями *существо*. И не смотря на такую ясную формулировку, Мюллеръ всю жизнь свою остался виталистомъ. Такова сила традицій (Гезеръ, 418)! Творцы *практическаго* направленія, построеннаго на фальшиво истолкованной „раздражительности“ Галлера—Brown, Röschlaub и особенно Broussais были виталисты и ихъ односторонніе теоріи, проведенныя въ терапію, принадлежатъ къ печальнѣйшимъ заблужденіямъ, которыми мы обязаны произвольной дедукціи и метафизикѣ. Даже въ наше время витализмъ не утратилъ своей живучести и имѣетъ на своей сторонѣ выдающагося химика G. Bunge.

Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, Гёттингенскій проф. *Haller*, слѣдуя по стопамъ Harvey'я, придерживаясь строго экспериментальнаго направленія, въ 1752 г. послѣ цѣлаго ряда опытовъ, въ которыхъ изучалось вліяніе разнаго рода механическихъ, химическихъ, электрическихъ и термическихъ раздражителей на ткани организма, пришелъ къ заключенію, что *чувствительность* и *раздражительность* составляютъ *основныя свойства* животныхъ тканей—нервовъ и мускуловъ. Непрерывный рядъ выдающихся дѣятелей, какъ Fontana (1730—

1805), Spallanzani (1739—99), John Hunter (1718—83), Cl. Bernard (1813—78), братья Weber, J. Müller и всѣ современные намъ физіологи являются продолжателями работъ Hervey'я и Haller'a, носителями настоящагр *научно-экспериментальнаго* направленія, которые вложили въ сокровищницу человѣческаго знанія ряды фактовъ, добытыхъ и подтвержденныхъ при помощи единственно возможнаго точнаго метода логики—при сочетаніи индукціи съ дедукціей. Измышленія метафизическаго ума, или же превратное толкованіе совершенно вѣрныхъ наблюденій и фактовъ, какъ не основанныя на этомъ методѣ и неудовлетворяющія его требованіямъ, невозможно ставить въ вину наукѣ. Нельзя же считать Галлера повиннымъ въ томъ, что его открытіе, какъ и открытія въ области физики и химіи, повели къ скороспѣшнымъ или неосновательнымъ обобщеніямъ и ложнымъ теоріямъ. Одинъ изъ современниковъ Галлера истолковалъ найденный послѣднимъ фактъ такимъ образомъ, что врожденное свойство нервной и мышечной *ткани* приписалъ *непосредственному проявленію* души или „нервной силѣ“ („Нервная патологія“ *Cullen'*а, Эдинбургскаго проф. 1712—90). Соотечественникъ и ученикъ послѣдняго *Brown* (1735—88), обобщая открытіе Галлера, разсматриваетъ весь *жизненный процессъ*, какъ насильственное состояніе, возникающее изъ того, что живая матерія обладаетъ специфической способностью возбуждаться *внѣшними* дѣятелями (Erregungstheorie). Теорія Броуна быстро распространилась и нашла себѣ послѣдователей въ разныхъ странахъ, такъ—въ Италіи была основана *практическая* школа *Rasori* (контрастимулизмъ), въ Германіи идею Bvown'a распространялъ *Roeschlaub,* во Франціи теорія возбужденія легла въ основу „физіолотической медицины“ *Broussais* (1772—1838). Считая ничтожной прежнюю медицину, признавая болѣзненныя формы ея фантастическими образами и „онтологіями“, прежнюю терапію безполезной и даже губительной, Broussais учитъ, что жизнь есть результатъ дѣйствія раздражителей на присущую организму силу—возбуждаемость. Физіологическое состояніе организма, *здоровье*, является при правильномъ, нормальномъ, дѣйствіи этихъ раздражителей. *Болѣзнь* есть слѣдствіе избытка (стенія) или недостатка (астенія) въ раздраженіи. Въ провоположность Brown'y, признававшему въ основѣ всѣхъ болѣзней астенію, Broussais принимаетъ въ 97 изъ 100 случаевъ за причину болѣзни

ирритацію, стенію (воспаленіе) и ищетъ помощи противъ нея въ кровопусканіи и въ пьявкахъ. При этомъ Broussais старается найти оправданіе для бровіанизма въ анатомической и физіологической основѣ. Его называютъ *послѣднимъ* (?) метафизикомъ въ медицинѣ (Гезеръ, стр. 423). Съ другой стороны открытіе электричества и значенія кислорода тоже повело къ скороспѣлымъ обобщеніямъ въ примѣненіи ихъ къ объясненію процессовъ организма. Такъ, Христоферъ *Джиртаннеръ* (1760—1800), слѣдуя Brown'у, стремится найти матеріальное основаніе физіологической „раздражимости“ въ кислородѣ, а нѣкоторые англійскіе врачи примѣняютъ послѣдній къ леченію болѣзней, какъ скорбутъ (Trotter), чахотка (Beddoes) и пр. *Baumes*, проф. въ Монпелье, объяснялъ всѣ болѣзни ненормальнымъ содержаніемъ въ организмѣ кислорода, водорода, азота, фосфора и теплорода (Leupoldt, 557). *Александръ Гумбольдтъ* (1797 г.), какъ извѣстно, старался доказать, что дѣятельность нервовъ зависитъ отъ гальванизма и аналогичной ему силы, отличающейся отъ жизненной. *Месмеръ* (1734—1815) училъ, что магнетизмъ—конечная причина всѣхъ проявленій жизни особенно нервной дѣятельности и важнѣйшее изъ всѣхъ цѣлебныхъ средствъ. „Месмеризмъ“ нашелъ себѣ много послѣдователей въ „школѣ натурфилософовъ“, основанной *Шеллингомъ* (1775—1854). Исходя изъ того, что міровое „*я*“ лежитъ внутри и внѣ индивида, Шеллингъ отождествляетъ мышленіе и бытіе. Его послѣдователи, развивая положенія философіи учителя, думаютъ познавать *міровые законы* помощью философскаго умозрѣнія, въ которомъ предоставляется широкій просторъ фантазіи. Главную роль въ ихъ понятіи играла „полярность“, къ которой они сводили почти каждое явленіе природы и жизни. Такъ, мозгъ, какъ полюсъ соотвѣтствующій дню, противополагался другому полюсу—солнечному сплетенію (plexus solaris), соотвѣтствующему „ночной жизни“. Благодаря „полярности“, ученіе Месмера о животномъ магнетизмѣ нашло себѣ у натурфилософовъ радушный пріемъ. Гомеопатія—не лучше другихъ подобныхъ теорій, проводимыхъ въ практику. Она надѣется разрубить гордіевъ узелъ, разрѣшить проблему врачеванія болѣзней, положивъ въ свою основу изученіе чисто *внѣшнихъ* отношеній между болѣзнью и лекарствомъ. Исходя изъ аналогіи въ *проявленіи* дѣйствія болѣзнетворнаго начала и лекарственнаго вещества на организмъ, гомеопатія сводитъ процессъ излеченія болѣзни къ принципу

замѣщенія болѣзненныхъ явленій лекарственными симптомами и формулируетъ взаимныя отношенія ихъ другъ къ другу въ видѣ *закона подобія*. Но, съ одной стороны, при *теоретическомъ* обоснованіи этого закона, пришлось прибѣгнуть къ цѣлому ряду болѣе или менѣе неправдоподобныхъ гипотезъ, (какъ предъустановленная *специфичность* лекарствъ, *духовный* характеръ болѣзни и цѣлебныхъ свойствъ лекарства, *пассивное* отношеніе организма къ болѣзнетворнымъ и лекарственнымъ дѣятелямъ, *относительная* поражаемость его со стороны первыхъ и *абсолютное* дѣйствіе на него лекарственныхъ потенцій и пр.). Далѣе, въ *практическомъ* же отношеніи гомеопатія не представляется законченнымъ и строго опредѣленнымъ методомъ. Принципомъ „подобія“ въ назначеніи лекарственныхъ веществъ, подъ благовиднымъ предлогомъ и безъ него, сплошь и рядомъ жертвуется въ пользу *антипатическихъ палльятивовъ* и подъ видомъ „вспомогательныхъ“ средствъ примѣняются дѣятели безконечно превосходящіе по своему эффекту на организмъ гомеопатическіе специфики. Словомъ—и въ томъ и въ другомъ отношеніи гомеопатія мало отличается отъ другихъ метафизически-догматизированныхъ доктринъ, противъ которыхъ основатель ея развернулъ свое знамя.

Не вдаваясь въ болѣе подробное перечисленіе тѣхъ пунктовъ въ гомеопатическомъ ученіи, изложеніе которыхъ составитъ предметъ дальнѣйшихъ главъ нашего очерка, я позволю себѣ въ заключеніе кратко *резюмировать* ходъ развитія медицинской науки до временъ Ганемапна.

Почти одновременно и рядомъ съ научно-*экспериментальнымъ* направленіемъ Гиппократа, уже въ древней медицинѣ развиваются *крайнія побочныя* теченія, изъ которыхъ одно привлекаетъ врачей широтой и блескомъ *философскихъ обобщеній*, хотя трудныхъ и большею частью неосновательныхъ, но придававшихъ дѣятельности врача видъ раціональности. Другое направленіе не менѣе заманчивымъ представлялось по своей простотѣ, общедоступности и, казалось, убѣдительности пріемовъ изслѣдованія и врачеванія болѣзней *(эмпиризмъ)*. Въ полной своей чистотѣ и во всей силѣ ихъ антагонизма оба направленія являются только въ самомъ началѣ ихъ возникновенія, у своихъ источниковъ. По мѣрѣ историческаго хода развитія медицины, различіе между ними постепенно сглаживается и въ лицѣ сначала *методиковъ*, за тѣмъ—*эклектиковъ* оба направленія, по видимому,

примирились. Но, благодаря отсутствію общаго объединяющаго логическаго метода, примиреніе это оказалось случайнымъ, искусственнымъ, и выразилось въ заимствованіи у той и другой школъ положеній, казавшихся эклектику справедливыми и достойными вниманія. Рѣзкая разница пріемовъ изслѣдованія въ эмпирической и догматически-философской медицинскихъ школахъ по отношенію другъ къ другу и къ методу Гиппократа служила естественнымъ стимуломъ полемики, взаимнаго обмѣна воззрѣній, при которомъ прогрессивное движеніе науки все таки до извѣстной степени обезпечивалось. Съ нарожденіемъ эклектизма на первый планъ выдвигаются *мнѣнія* авторитетовъ, толкованіе которыхъ въ различныхъ направленіяхъ повело къ повторенію задовъ и пустой діалектикѣ, результатомъ чего является глубокій упадокъ не только медицины, но и вообще науки. Въ средніе вѣка, благодаря неблагопріятнымъ историческимъ условіямъ этотъ упадокъ—въ грубовъ эмпиризмѣ, въ схоластической медицинѣ и въ приниженіи личности врача—доходитъ до апогея. Съ возрожденіемъ античнаго искусства и науки начинается *реакція*, форма выраженія которой, ея размѣры и продолжительность наглядно показываютъ до какого усыпленія дошла человѣческая мысль въ теченіе среднихъ вѣковъ. Начавшись безсознательно, въ формѣ сначала робкихъ протестовъ противъ схоластическаго пріема въ медицинѣ (Villanova, Р. Беконъ), реакція постепенно возрастаетъ, принимаетъ характеръ формальной борьбы въ демонстраціяхъ Парацельса и въ гоненіи анатомовъ. Совершенно естественно, что пробужденіе мысли съ перваго начала выразилось въ формѣ стремленія изучать древнихъ авторовъ, какъ Платонъ, Аристотель, Гиппократъ—въ *подлинникахъ*, а не въ различныхъ редакціяхъ ихъ комментаторовъ. Только въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи реакція противъ грубаго эмпиризма и софистической діалектики становится на болѣе самостоятельную почву: постепенно создаются теоріи, которыя слѣдуютъ общему съ древне-философскимъ догматизмомъ пріему мышленія, т. е. носятъ характеръ произвольной дедукціи и фантастичности, но содержаніе этихъ теорій, ихъ образы изобличаютъ самостоятельное творчество. Впрочемъ иначе и быть не могло, при отсутствіи точнаго научно-логическаго критерія и при охватившемъ всѣхъ стремленіи разрѣшить назрѣвшіе вопросы чисто философскаго характера, какъ вопросъ о сущности жизненнаго начала и пр. Страсть тео-

ретизированія была такъ велика, что логическая формула, данная Бэкономъ въ его научномъ методѣ изслѣдованія, не скоро могла оказать отрезвляющее дѣйствіе, урегулировать размѣры современной ему реакціи и придать ей надлежащую форму выраженія. Даже открытія Harvey'я и Haller'a, произведенныя при помощи строго научной индукціи, равно какъ открытія въ области физики и химіи, послужили исходнымъ пунктомъ для скороспѣлыхъ обобщеній и построенія неосновательныхъ умозрительныхъ теорій. Такимъ образомъ ко времени Французской революціи, когда *возрожденное* трудами Бэкона и открытіями Гарвея и Галлера *научно-экспериментальное* направленіе пробивалось тонкой струйкой, чтобы впослѣдствіи дать живительный родникъ современной намъ естественно-научной медицины, разнаго рода метафизическія теоріи, какъ реакція послѣ продолжительнаго застоя мысли, наводняютъ въ широкихъ размѣрахъ теоретическую и практическую медицину, усиливаясь разрѣшить *сверху* вопросъ о сущности жизненнаго начала. Ученіе виталистовъ, бровіанизмъ, умозрительная натурфилософія, животный магнетизмъ оспариваютъ другъ у друга право считаться единственно-непогрѣшимой медицинской системой и каждая изъ нихъ рекомендуетъ свои собственные врачебные пріемы и цѣлебныя средства. Такъ, медицина Сталя не признаетъ хины, опія и тоническихъ средствъ, которыя принимаетъ Sydenham. Brown рекомендуетъ главнымъ образомъ возбуждающія средства, исходя изъ того, что причиной болѣзней чаще всего является недостатокъ раздраженія, астенія. Rasori и Broussais, напротивъ, требуютъ примѣненія контрастимулирующихъ и противувоспалительныхъ средствъ, какъ рвотныя, слабительныя, кровопусканіе. Fr. Anton Mesmer считалъ важнѣшимъ цѣлебнымъ средствомъ магнитизмъ, особенно въ формѣ нервной „магнитической силы", которая легко передается прикосновеніемъ, поглаживаніемъ и даже волей. Чаще всего практиковался способъ передачи магнетизма помощью „магнитическаго сосуда"—большой лохани, наполненной водой и толченымъ стекломъ. Сюда вѣрующіе—большею частью члены высшаго круга общества—погружали свои руки или желѣзныя палочки, чрезъ которыя въ тѣло ихъ струился изъ чана, заряженнаго Месмеромъ, магнетизмъ (Гезеръ, 393). Въ такомъ печальномъ положеніи оказалось не одна только медицина или философія къ концу 18 в. Другія отрасли науки, весь складъ политической и умствен-

ной жизни того времени находились не въ лучшемъ состояніи. Всеобщая борьба политическихъ партій, существованіе множества школьныхъ доктринъ, взаимно противорѣчащихъ и уничтожающихъ другъ друга, могли закончиться только уничтоженіемъ стараго порядка. И дѣйствительно, потрясшая основы политической жизни Европы революція способствовала укрѣпленію возродившагося научно-естественнаго направленія медицины, освободивъ ее отъ мертвящаго эклектизма и реакціоннаго метафизическаго догматизма.

Во время этого всеобщаго умственнаго броженія, въ смутную эпоху революціи, является человѣкъ, который, объявивъ существовавшую до него медицину никуда негодной, обѣщаетъ открыть новые прочные устои, сулившіе прекращеніе партіозности и теоретизированія и взамѣнъ ихъ мирное и широкое развитіе благодѣтельнаго для человѣчества искусства. „Обладая остроуміемъ, чтобы замѣчать и пользоваться слабостью противника, энергіей—чтобы преслѣдовать кажуюся или дѣйствительную побѣду, но болѣе всего извѣстнымъ демагогическимъ талантомъ, умѣвшимъ вездѣ оцѣнивать народныя стремленія и предразсудки, поддѣлаться къ несвѣдущему и оборвать знатока дѣла, удачно возбудить сомнѣніе, имѣть кстати въ запасѣ удачное слово для необдуманнаго, привести въ доказательство ничего не говорящіе, но поразительные примѣры изъ обыденной жизни и наконецъ, при всемъ внутреннемъ презрѣніи къ слѣпой массѣ, постоянно аппелировалъ къ ея мнѣнію—всѣми этими чрезвычайно годными и полезными для человѣка революціи способностями и качествами обладалъ въ высокой степени *Самуилъ Ганеманнъ*“, творецъ гомеопатіи (Wunderlich, 279).

(Продолженіе слѣдуетъ)

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Профессора П. Алексѣева.

Подробный повторительный курсъ органической химіи (въ вопросахъ и отвѣтахъ). *Составленъ по различнымъ оригинальнымъ и переводнымъ учебникамъ*. Кіевъ 1890 in 16°. 162+II стр. Цѣна 75 коп.

Мнѣ неоднократно приходилось на страницахъ „Университетскихъ Извѣстій“ ратовать противъ такихъ химическихъ сочиненій, которыя являются дѣломъ недобросовѣстной спекуляціи. Въ настоящее же время, когда я добился наконецъ того, что мнѣ снова возвращены тѣ слушатели, которыхъ такъ упорно съ 1874 года лишалъ меня медицинскій факультетъ [1]), я не считаю себя даже вправѣ умолчать о брошюрѣ, заглавіе которой мною приведено выше.

Хорошій *краткій* повторительный курсъ можетъ дѣйствительно принести большую пользу, разумѣется, при томъ непремѣнномъ условіи, что имъ пользуются не для ознакомленія съ предметомъ, а лишь для повторенія передъ экзаменомъ. Но не только у насъ, [2]) но

---

[1]) См. между прочимъ „Протоколы засѣданій Совѣта 5 Апрѣля, 27 Мая (приложеніе) и 18 Октября 1885 г. Тоже мои «Матеріалы для исторіи химической Лабораторіи Университета Св. Владиміра». 1886 г., стр. 14.

[2]) По поводу Краткаго повторительнаго курса органической химіи. Изд. Ильина. СПб. 1879 (16°, 201+V стр. 2 стр. таблицъ. Ц. 50 к.), мною въ моемъ обзорѣ Русской Химической Литературы за 1879 г. и половину 1880 г. (Унив. Изв. 1880 г.) высказано было слѣдующее: самый лучшій совѣтъ, какой можно было бы дать издателю, если бы онъ дорожилъ своимъ предпріятіемъ, это совершенно изъять изъ обращенія повторительный курсъ органической химіи и при новомъ изданіи поручить редакцію какому либо химику, самое лучшее такому, который не счелъ бы нужнымъ скрывать своего имени, какъ это вообще имѣютъ обычай дѣлать авторы повторительныхъ курсовъ.

и заграницей, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ *краткаго* повторительнаго курса химіи; составить таковой крайне не легко. Рекомендуемое мною студентамъ медикамъ, какъ одно изъ пособій сочиненіе Arnold'a только называется Repetitorium'омъ, въ сущности же представляетъ сокращенный курсъ болѣе 250 стр. убористаго шрифта.

Подробный повторительный курсъ органической химіи, о которомъ идетъ рѣчь, какъ значится въ заглавіи, составленъ по различнымъ оригинальнымъ и переводнымъ учебникамъ, въ дѣйствительности же авторъ его руководился *исключительно* тѣмъ учебникомъ Органической Химіи неизвѣстнаго автора, о которомъ я такъ подробно говорилъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за 1885 г., что даже заслужилъ упрекъ со стороны рецензента „Русской Мысли“ (Январь 1886), полагавшаго, что не стоило останавливаться такъ долго на разборѣ книги, которая далѣе Кіева не пойдетъ, но упустившаго при этомъ, что печатая свои обзоры въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ я не могъ не обращать особеннаго вниманія на кіевскія изданія, въ добавокъ еще носящія названіе *учебника*.

Самая форма повторительнаго курса въ вопросахъ и отвѣтахъ влечетъ за собой непроизводительное увеличеніе объема.

Приведемъ нѣсколько наивныхъ мѣстъ и курьозовъ. Вотъ первый вопросъ:

Что такое органогены?	Члены входящіе въ составъ органическихъ соединеній (H,N,O,C).

Далѣе на стр. 12:

Какъ получить этилен C^2H^4?	Пропуская пары C^2S и H^2S чрезъ накаленную трубку съ металлической мѣдью: [1]) $2H^2S+2CS^2+8Cu=4Cu^2S+C^2H^4+S^2$.

На стр. 16 говорится, что точки плавленія природныхъ терпеновъ лежатъ между $150—180^0$, а на стр. 17: что при многократной перегонкѣ или при взбалтываніи съ небольшимъ количествомъ

---

[1]) На стр. 6 такой же отвѣтъ дается и на вопросъ какъ получить метанъ или болотный газъ.

крѣпкой H^2SO^4, всѣ терпены могутъ быть переведены въ одно недѣятельное видоизмѣненіе —*теребенъ* ($C^{10}H^{16}$), повидимому тожественный съ твердымъ оптически дѣятельнымъ камфеномъ. Далѣе слѣдуетъ вопросъ и отвѣтъ:

Что такое терпентинное масло и какъ оно получается?	Это смолистый сокъ..... При перегонкѣ этого сока съ водой терпентинное масло выдѣляется, тогда какъ смола остается въ ретортѣ.

На стр. 26 и 27 говорится, что безводный спиртъ получается перегонкой съ веществами, соединяющимися съ водой; какъ-то съ $CaCl^2$ и т. д. Что безводный спиртъ обладаетъ эфирнымъ запахомъ, что при охлажденіи онъ густѣетъ.

На стр. 83 на вопросъ, какія соединенія называются синеродистыми, дается отвѣтъ:—характеризующіяся присутствіемъ группы ціана или синерода, (CN); такъ какъ строеніе этой группы можетъ быть различно, т. е. N является 3-хъ атомнымъ (C≡N), 4-хъ атомнымъ (C≡N) и 5-ти атомнымъ (=C=N—), то и т. д.

На стр. 96 говорится, что у гликолей, вопреки общимъ законамъ, замѣчается пониженіе точки кипѣнія съ усложненіемъ частицы (это явленіе кончается амил*а*новымъ гликолемъ).

Укажемъ нѣкоторыя изъ цѣлой массы искаженій и сочиненій фактовъ.

На стр. 6: болотный газъ въ жидкость не сгущается. На стр. 7: хлороформъ приготовляется изъ древеснаго спирта дѣйствіемъ $CaCl^2O^2$. На стр. 11: углеводороды ряда C^nH^{2n} получаются при дѣйствіи металлоорганическихъ производныхъ на галоидопроизводныя спиртовъ. На стр. 23 и 24: третичный спиртъ получается дѣйствіемъ хлорангидрида кислотъ на металлоорганическія соединенія: $C^2H^3OCl + Zn(CH^3)^2 = ZnO + C^2H^3(CH^3)^2Cl$, полученное вещество разлагаютъ дѣйствіемъ влажной окиси серебра:

$$2C^2H^3(CH^3)^2Cl + Ag^2O + H^2O = 2AgCl + 2C(CH^3)^3OH.$$

На стр. 129: левулёза безцвѣтная, густая жидкость и т. д.

А вотъ образцы тщательныхъ корректуръ, стр. 13: ацетиловый рядъ C^nH^{2n-2}. Стр. 43: метилоксаминовъ эфиръ. Стр. 64: для

полученія безводной муравьиной кислоты обработываютъ баритовой водой или свинцовымъ препаратомъ. На стр. 67: Алюминіевая и желѣзная соль уксусной кислоты.....легко разлагаются, образуя *основаніе*, которое служитъ протровой. На стр. 113: гуанинъ, это мочевина, въ которой O замѣщенъ на NH. На стр. 144: реакція полученія феноловъ изъ сульфосоединеній выражается уравненіемъ $C^6H^5HSO^4+KHO=KHSO^4+C^6H^5.HO$. И затѣмъ, какъ другой способъ полученія феноловъ: 2. Дѣйствіемъ H in st. n. на амидопроизводныя, за тѣмъ послѣднія разлагаютъ.....и т. д.

Но я думаю, довольно. Если еще добавить, что въ этомъ, именующемъ себя подробнымъ, повторительномъ курсѣ, есть много того, что могло бы быть выпущено, и нѣтъ очень много существеннаго (какъ напр., о строеніи ароматическихъ соединеній, о хинонахъ, о пиридинѣ, хинолинѣ, кумаринѣ, синемъ индиго и т. п.), то остается только пожалѣть о молодыхъ людяхъ, изучавшихъ органическую химію по такому курсу, который, вѣроятно, до появленія въ печати не мало циркулировалъ въ рукописи или литографіи [1]).

Возможность появленія подобныхъ сочиненій и цѣлая масса литографированныхъ записокъ даже по такимъ предметамъ, по которымъ (какъ напр. по неорганической химіи) существуетъ цѣлый рядъ различныхъ прекрасныхъ сочиненій, даже на русскомъ языкѣ, представляетъ, по моему мнѣнію, такое зло, на борьбу съ которымъ пора наконецъ выступить [2]).

Средства для борьбы, какъ я думаю, могли бы заключаться въ критико-библіографическихъ замѣткахъ о сочиненіяхъ подобныхъ повторительному курсу органической химіи, въ стремленіи профессоровъ къ составленію руководствъ въ случаѣ отсутствія подходящихъ, въ безусловномъ запрещеніи изданія литографическихъ лекцій безъ разрѣшенія профессоровъ и безъ ихъ редакторства, если дѣло изданія не будетъ находиться въ какихъ либо компетентныхъ рукахъ. Отчего бы напр. не взяться за это обществу вспомоществованія не-

[1]) Оглавленіе повторительнаго курса представляетъ почти буквальную перепечатку программы по Органической Химіи Медицинскаго факультета до послѣдняго времени.

[2]) Въ Харьковскомъ университетѣ такъ даже въ обозрѣніи преподаванія рекомендуется какъ пособіе *литографированный* переводъ (Химіи Гримо).

достаточнымъ студентамъ. Оно навѣрное выручило бы затраченныя средства и оказало бы громадныя услуги учащейся молодежи. У меня передъ глазами прекрасно составленный и образцово литографированный курсъ органической химіи:

Cours de chimie organique professé a la Faculté des Sciences de Paris par **M. Friedel** (membre de l'Institut) Redigé par M. M. Mansard. (Série grasse) et M. de Boissieu (Série aromatiqne).

Это изданіе недавно возникшаго общества: Association amicale des elèves et anciens elèves de la faculté des sciences de Paris, имѣющаго цѣлью сближать настоящихъ студентовъ съ бывшими, возбуждать рвеніе къ занятіямъ и оказывать поддержку на этомъ поприщѣ.

П. Алексѣевъ.

Кіевъ, 7 Ноября.
1890 г.

Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго миссала.

Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente von *Dr. V. Jagić*, wirklichem Mitgliede der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Mit zehn Tafeln. Wien. 1890. 4⁰ 62. [Denkschriften der Kaisserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch—historische Classe. Bd. XXXVIII].

Имѣющійся въ наукѣ, довольно значительный, запасъ древнихъ памятниковъ глаголической письменности въ самое недавнее время увеличился еще одною въ высшей степени важною находкой. Академику И. В. Ягичу, оказавшему, какъ извѣстно, огромныя услуги изученію глаголицы, посчастливилось открыть въ вѣнской придворной библіотекѣ два пергаментныхъ глаголическихъ листка. Листки эти оказались весьма древними (XII ст.), довольно любопытными по содержанію и замѣчательно оригинальными въ палеографическомъ отношеніи. Понятно, что академикъ И. В. Ягичъ не могъ оставить безъ должнаго изученія столь цѣнный памятникъ. Онъ и посвятилъ ему особое изслѣдованіе, напечатанное въ послѣднемъ томѣ Denkschiften Вѣнской Академіи, въ которомъ сблизилъ свою находку съ извѣстными Кіевскими глаголическими отрывками и далъ прекрасные фотографическіе снимки обоихъ памятниковъ. Этотъ новый, тщательно выполненный трудъ И. В. Ягича, весьма существенно обогащаетъ литературу о глаголицѣ и вообще представляетъ крупное явленіе въ ряду работъ по славянской филологіи, явившихся въ послѣднее время. Вниманіе слависта останавливаютъ въ немъ столько же самые памятники и посвященныя имъ изслѣдованія, сколько нѣкоторыя общія разсужденія авторитетнаго ученаго по вопросу о происхожденіи и распространеніи глаголической письменности.

Изслѣдованіе состоитъ изъ четырехъ главъ и приложеній. Въ первой главѣ авторъ объясняетъ происхожденіе новооткрытыхъ отрывковъ и опредѣляетъ ихъ мѣсто въ исторіи глаголицы; во второй—даны чтеніе текста отрывковъ въ кирилловской транскрипціи и латинскій переводъ памятника съ подробнымъ анализомъ каждаго слова; третья посвящена разбору языка и графики, а четвертая—разсмотрѣнію памятника въ палеографическомъ отношеніи. Въ приложеніяхъ находятся: 1) текстъ Кіевскихъ глаголическихъ отрывковъ съ параллельнымъ латинскимъ переводомъ и 2) извлеченія изъ рукописи Далматинца Пастрича, хранящейся въ римскомъ Museo Borgiano de propoganda fide о распространеніи глаголическихъ миссаловъ и бревіаровъ въ Далмаціи и Хорватіи. Къ изслѣдованію присоединены десять фотографическихъ снимковъ, воспроизводящихъ точно оба памятника—новооткрытые Вѣнскіе листки и Кіевскіе отрывки.

Вѣнскіе отрывки, изданные академикомъ И. В. Ягичемъ, представляютъ собой цѣлое открытіе въ области глаголицы, значеніе котораго достаточно выяснено въ разсматриваемомъ изслѣдованіи. Сущность этого открытія состоитъ въ томъ, что въ данномъ памятникѣ найдено посредствующее звено между двумя совершенно различными типами памятниковъ глаголической письменности: между памятниками паннono-македонскими, писанными круглою глаголицей и памятниками хорватскими, писанными т. н. угловатой глаголицей. Вѣнскіе листки, представляющіе собой отрывокъ изъ очень древняго глаголическаго миссала, по языку и содержанію вполнѣ подходятъ къ хорошо извѣстному классу глаголическихъ текстовъ хорватскаго происхожденія, но въ палеографическомъ отношеніи, по округленности начертаній буквъ, они близко стоятъ къ глаголическимъ памятникамъ паннono-македонской группы. Это—своего рода *unicum*, не имѣющій себѣ подобнаго среди открытыхъ доселѣ глаголическихъ памятниковъ. Изъ ряда существующихъ хорватскихъ глаголическихъ миссаловъ данный памятникъ рѣзко выдѣляется своею глубокою древностью; тогда какъ первые восходятъ ко времени не ранѣе XIII—XIV в., новонайденные отрывки по палеографическимъ особенностямъ могутъ быть отнесены къ XII в. По мнѣнію академика Ягича, скорѣе всего они состоятъ въ родствѣ съ знаменитыми Кіевскими отрывками, которые тотъ же ученый относитъ къ XI в. Ихъ сближаетъ однородность и внѣшней формы, и содержанія: оба памятника суть отрывки католическаго

миссала, составленнаго по латинскому тексту, оба писаны глаголицей, на пергаментѣ, въ малую осмушку, оба существенно отличаются отъ позднѣйшихъ миссаловъ XIV—XV в. архаичностью письма, употребленіемъ особыхъ словъ и выраженій, и наконецъ всѣмъ распорядкомъ своего содержанія. Между собой оба памятника различаются главнѣйше по языку: въ Кіевскихъ отрывкахъ старославянскій языкъ выступаетъ въ своемъ самомъ древнемъ и чистомъ видѣ и лишь слегка измѣненъ нѣкоторыми моравизмами, между тѣмъ Вѣнскіе листки представляютъ вполнѣ развившуюся хорватскую (сербскую) редакцію языка старославянскаго. Родину первыхъ нужно искать въ предѣлахъ чехо-мораво-словацкаго языка, а послѣдніе могли возникнуть только на территоріи хорватской рѣчи. Въ отношеніи древности Кіевскіе отрывки старше Вѣнскихъ по крайней мѣрѣ на столѣтіе. Во всякомъ случаѣ тѣ и другіе отрывки являются древнѣйшими памятниками старославянскаго языка, въ которыхъ глаголица примѣнена къ потребностямъ западной, римской церкви.

Въ своей работѣ академикъ И. В. Ягичъ ограничивается указаніемъ вышеотмѣченнаго общаго сходства двухъ памятниковъ и не задается попыткой выяснить ближе ихъ взаимныя отношенія, вѣроятно по той причинѣ, что самые памятники не даютъ для того достаточно ясныхъ указаній. Текстъ миссаловъ въ сохранившихся отрывкахъ, какъ Вѣнскихъ, такъ Кіевскихъ имѣетъ не одно и тоже содержаніе, а потому и нѣтъ основаній предполагать для обоихъ памятниковъ одинъ общій оригиналъ. Съ увѣренностью нельзя сказать, что полный текстъ миссала, сохранившагося въ Вѣнскихъ отрывкахъ, былъ копіей миссала, представляемаго Кіевскими отрывками. Тѣмъ не менѣе на основаніи указаннаго близкаго внѣшняго сходства обоихъ памятниковъ не трудно придти къ тому весьма вѣроятному выводу, что прототипами глаголическихъ миссаловъ хорватской редакціи были болѣе древніе славянскіе тексты, образцомъ которыхъ служатъ Кіевскіе отрывки, пріурочиваемые къ разряду памятниковъ паннонскихъ. Выводъ этотъ не выраженъ точно въ изслѣдованіи академика Ягича, но изъ всего хода его разсужденій ясно видно, что онъ тамъ подразумѣвается. Лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ значительное вниманіе, какое авторъ удѣляетъ выясненію любопытнаго вопроса о времени и мѣстѣ происхожденія католической литургіи на славянскомъ языкѣ, вопроса, рѣшаемаго имъ согласно съ

высказаннымъ выше предположеніемъ. Мнѣніе академика Ягича по этому вопросу придаетъ его спеціальной работѣ особое, болѣе общее и широкое значеніе, а потому и заслуживаетъ болѣе или менѣе подробнаго разсмотрѣнія въ настоящей замѣткѣ.

„Шафарикъ, говоритъ нашъ авторъ, во всякомъ случаѣ былъ склоненъ относить введеніе въ употребленіе глаголическихъ книгъ по римскому обряду къ очень ранней порѣ, но при этомъ онъ всегда думалъ только о Хорватіи (Истріи, Далмаціи) какъ такой странѣ, гдѣ имѣло мѣсто это нововведеніе. Счастливое открытіе Кіевскихъ листковъ дало намъ возможность составить по этому важному вопросу иное болѣе опредѣленное мнѣніе, которое получаетъ себѣ дальнѣйшую сильную поддержку въ новѣйшей находкѣ. Теперь уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не только въ Хорватіи, но и въ области Великой Моравіи и Панноніи, въ то время, когда тамъ славянская литургія еще коротала свое стѣсненное существованіе, были сдѣланы первыя попытки сохранить славянскій языкъ въ богослуженіи посредствомъ (добровольнаго) перехода къ господствующему римско-нѣмецкому направленію въ отношеніи обряда, для чего и предпринято было составленіе церковныхъ книгъ въ смыслѣ этого направленія. Кіевскіе листки представляютъ собой подлинное доказательство (unverfälschtes Zeugniss) того, что миссалъ по римскому обряду возникъ и существовалъ еще въ ту пору, когда въ старословянскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ письменной традиціи еще, вполнѣ сохранялись чистыя, древнія формы, во всемъ ихъ богатствѣ, при строгомъ различеніи всѣхъ звуковыхъ тонкостей“.

Затѣмъ, опровергнувъ несостоятельное мнѣніе покойнаго Гейтлера [1]) о македонскомъ происхожденіи Кіевскихъ отрывковъ и твердо установивъ, что родина этого памятника можетъ быть разыскиваема, на основаніи представляемыхъ имъ характерныхъ фонетическихъ особенностей [2]) только въ области мораво-словацкаго языка, академикъ И. В. Ягичъ продолжаетъ: „Итакъ со времени открытія Кіевскихъ листковъ слѣдуетъ твердо держаться того положенія, что уже въ

---

[1]) Die albanesischen und slas ischen Schriften, von Dr. L. Geitler Wien. 1883. S. 153.

[2]) ц вм. ц, з вм. жд, шч вм. шт, напр. ограджцѣ, просцѣ, окѣцѣлъ, помощь, дазь. подазь, такозе же, зачнити и др.

древнѣйшую эпоху славянскаго богослуженія, которую обыкновенно называютъ мораво-паннонской, и къ которой во всякомъ случаѣ относится этотъ памятникъ, были сдѣланы первые опыты согласовать употребленіе церковнаго старославянскаго языка съ требованіями римскаго обряда. Прежде, по примѣру Шафарика и другихъ, я принималъ въ соображеніе главнымъ образомъ времена, наступившія непосредственно послѣ смерти Меѳодія. Однако, кажется, многое говоритъ за то, что начало переворота падаетъ на время, когда паннонскій архіепископъ еще проходилъ свой тернистый жизненный путь“ [1]). Это многое у автора сводится собственно говоря къ двумъ довольно остроумнымъ соображеніямъ.

Во первыхъ, онъ указываетъ на извѣстныя свидѣтельства источниковъ (Пространнаго житія Меѳодія и посланій папъ Іоанна VIII и Стефана VI) о двухъ противорѣчивыхъ распоряженіяхъ папъ относительно славянской литургіи. Тогда какъ папы Адріанъ II и Іоаннъ VIII разрѣшили славянскую литургію съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы во время службы евангеліе читалось сперва на латинскомъ языкѣ, а потомъ на славянскомъ, папа Стефанъ VI наложилъ полное запрещеніе на славянскую литургію, при чемъ ссылался на данное будто бы самимъ Меѳодіемъ папѣ Іоанну VIII клятвенное обѣщаніе впредь не допускать славянскаго богослуженія [2]). Это противорѣчіе въ показаніяхъ документальныхъ источниковъ, ставившее въ тупикъ многихъ ученыхъ, по мнѣнію академика Ягича, можетъ быть отчасти сглажено и разъяснено, если допустить, что уже въ Меѳодіевскую эпоху въ Моравіи и Панноніи существовало славянское богослуженіе по римскому обряду. „На основаніи находящихся на лицо литературныхъ памятниковъ, я думаю, говоритъ академикъ Ягичъ, можно принять, что тогда (т. е. при жизни Меѳодія) въ Моравіи и Панноніи въ славянской церкви были представлены два направленія: первоначальное, чисто славянское, наблюдающее греческій обрядъ, и получившее себѣ опору въ первомъ введеніи славянской литургіи

---

[1]) Allein es scheint vieles dafür zu sprechen, dass der erste Anfang der Umgestaltung bereits in die dornenvolle Laufbahn des pannonischen Erzbischofs fällt.

[2]) Missas et sacratissima illa ministeria que slavorum lingua idem Methodius celebrare presumpsit, quamvis decessoris sui temporibus, domini videlicet Iohannis sanctissime pape, juraverit se ea ulterius non presumere, apostolica auctoritate ne aliquo modo presumatur penitus interdicit. S t a r i n e. XI, s. 220.

двумя присланными изъ Константинополя миссіонерами, и болѣе позднее славяно-латинское, которое было предписано Меѳодію со времени его путешествія въ Римъ и очевидно уже при его жизни должно было получить нѣкоторое распространеніе въ Моравіи и Паннониі, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Главная оппозиція въ оспариваніи славянской литургіи, какъ мы можемъ это предполагать, была обращена противъ перваго направленія, которое тогда, по всему видно, было сильнѣе втораго, только что возникшаго. Изъ существованія этого направленія противники Меѳодія и могли вывести заключеніе объ его неуваженіи къ опредѣленіямъ, содержащимся въ разрѣшительной грамотѣ папы Іоанна VIII, и потому послали въ Римъ или лично представили въ Римѣ (Викингъ) такія жалобы противъ архіепископа, что папа Стефанъ VI увидѣлъ себя вынужденнымъ бросить въ него тѣ вышеприведенныя обвиненія". (стр. 7—8). Это одно соображеніе.

Во вторыхъ, академикъ Ягичъ ссылается на древнюю славянскую версію Житія св. Меѳодія, въ которой для обозначенія службы Божіей нѣсколько разъ употреблено характеристическое латино-нѣмецкое слово мьша, тогда какъ въ Житіи св. Кирилла въ томъ же значеніи встрѣчается только слово литоургиа, не смотря на то, что тамъ представлялось нѣсколько случаевъ употребить именно выраженіе мьша. Такое словоупотребленіе, по мнѣнію автора, не можетъ быть разсматриваемо какъ случайное; напротивъ оно представляется строго обоснованнымъ и намѣреннымъ. Составитель или переводчикъ житія Меѳодія долженъ былъ хорошо знать, что въ тѣхъ странахъ (т. е. въ Моравіи и Паннониі) служба Божія обозначалась словомъ мьша, а это слово, конечно, характеризовало и внѣшнюю форму богослуженія (римскій обрядъ). И дѣйствительно тоже самое выраженіе встрѣчается у обоихъ древнѣйшихъ представителей римской глаголицы—въ Кіевскихъ и Вѣнскихъ отрывкахъ. Вышеизложенный фактъ, по словамъ академика Ягича, служитъ прямымъ доказательствомъ въ пользу того положенія, что славяно-латинская месса должна быть возводима къ временамъ св. Меѳодія.

Итакъ, вотъ къ какимъ любопытнымъ заключеніямъ привело академика Ягича сдѣланное имъ открытіе двухъ полуистрепанныхъ пергаментныхъ листковъ. Оказывается, что славянская месса почти не уступаетъ въ древности славянской литургіи; она моложе послѣдней,

быть можетъ, всего на нѣсколько лѣтъ и во всякомъ случаѣ возникла еще при жизни великаго славянскаго первоучителя. Если принять это положеніе за доказанное, то изъ него естественно вытекаетъ цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ, передъ которыми не можетъ не останавливаться пытливый умъ изслѣдователя начальной исторіи славянскаго просвѣщенія. Въ какомъ отношеніи къ просвѣтительной дѣятельности Меѳодія должна была находиться латино-славянская месса, если допустить ея существованіе въ предѣлахъ Панноніи и Моравіи въ эпоху дѣятельности славянскаго архіепископа? Кому и чему она обязана своимъ происхожденіемъ? Если слово мьша, встрѣчающееся въ Житіи св. Меѳодія, обозначаетъ католическую мессу, то за какое же собственно славянское богослуженіе ратовалъ св. Меѳодій: за восточное или западное, или же за то и другое? На всѣ эти вопросы въ данномъ изслѣдованіи нѣтъ никакого отвѣта. Авторъ предоставляетъ самому читателю сдѣлать дальнѣйшіе выводы изъ основнаго его положенія. Между тѣмъ это положеніе для своей убѣдительности, намъ думается, нуждается въ разъясненіи указанныхъ вопросовъ. На нашъ взглядъ, какъ ни остроумны оба вышеприведенныя соображенія академика И. В. Ягича, въ сущности они не представляютъ достаточно вѣскихъ основаній для такого рѣшенія вопроса о происхожденіи латино-славянской мессы, какое предлагаетъ нашъ изслѣдователь.

Первое изъ этихъ соображеній есть не болѣе какъ простое предположеніе, не обоснованное историческими доказательствами. Академикъ Ягичъ не указываетъ точно, что это за Literaturdenkmäler, на основаніи которыхъ будто бы возможно утверждать, что въ славянской церкви въ Моравіи и Панноніи, уже въ эпоху Меѳодія существовали два направленія: чисто-славянское или греко-православное и латино-славянское. Онъ самъ признаетъ, что первоначально славянское богослуженіе въ названныхъ земляхъ было заведено по греческому обряду: Константинъ и Меѳодій, какъ греки, какъ представители восточной церкви только и могли ввести греческій обрядъ. О томъ же, чтобы здѣсь послѣ путешествія Меѳодія въ Римъ, бокъ о бокъ съ греческимъ обрядомъ, было установлено славянское богослуженіе по латинскому обряду,—объ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, не говорится ни въ одномъ изъ историческихъ источниковъ. Подходящія къ данному случаю свидѣтельства академикъ Ягичъ, повиди-

мому, склоненъ усматривать въ вышеуказанныхъ посланіяхъ папъ Адріана II, Іоанна VIII и Стефана VI, коментируемыхъ имъ въ смыслѣ благопріятномъ его взгляду, что̀, однако, едва ли можетъ быть признано вѣрнымъ.

Такъ, по поводу извѣстнаго мѣста изъ посланія папы Адріана: сеи же единъ храните обычаи, да на мши прькое чтоутъ апостолъ і евангеліе рімскы, таче словеньски, академикъ Ягичъ замѣчаетъ: „уже это первое, громко объявленное *ограниченіе, которому Меѳодій, какъ мы въ этомъ не сомнѣваемся, охотно (willig) подчинился*, рѣшительно говоритъ за то, что поборникамъ славянскаго богослуженія въ Панноніи уже съ самаго начала необходимо было считаться съ церковно-политическими отношеніями страны“ (6). Чтеніе же евангелія на латинскомъ яз., по мнѣнію автора, служило открытымъ признаніемъ за славянской обѣдней латинскаго характера (7). Затѣмъ, приведя то мѣсто изъ письма папы Іоанна VIII, въ которомъ послѣ разрѣшенія отправлять какъ литургію, такъ всѣ другіе виды богослуженія на славянскомъ языкѣ, слѣдуетъ предписаніе объ обязательномъ чтеніи евангелія по латыни, академикъ Ягичъ говоритъ: „Изъ разсказа славянской легенды, подтверждаемаго документальными источниками, видно, что Меѳодій даже послѣ полученія этого (т. е. папы Іоанна VIII) разрѣшенія подвергался тяжелымъ преслѣдованіямъ и притѣсненіямъ. И если утвержденія папы Стефана VI основаны не на вымышленныхъ сообщеніяхъ, чего нельзя принять безъ разслѣдованія дѣла, то, кажется, Меѳодій одно время, быть можетъ, тотчасъ *послѣ полученія свободы при содѣйствіи папы, вынужденъ былъ обстоятельствами допустить въ вопросѣ о славянской литургіи еще бо́льшія ограниченія* и предоставить латинскому языку такія преимущества, что папа Стефанъ VI ссылки славянскаго архіепископа на привилегіи Іоанна VIII считалъ за упрямство и даже обвинилъ его въ нарушеніи клятвеннаго обѣщанія“.

Какой же смыслъ имѣютъ эти совершенно новыя коментаріи къ давно извѣстнымъ текстамъ? Въ чемъ должны были состоять эти постоянныя уступки Меѳодія въ пользу латинскаго языка, о которыхъ говоритъ академикъ Ягичъ? Что это были за обязательства св. Меѳодія передъ папствомъ, на существованіе которыхъ намекаетъ нашъ изслѣдователь? Уже ли же фактически достовѣрно находящееся въ извѣстномъ посланіи папы Стефана къ Святополку и въ инструк-

ціи того же папы, выданной посламъ, отправлявшимся въ Моравію, свидѣтельство о нарушеніи Меѳодіемъ клятвеннаго обѣщанія, даннаго папѣ, свидѣтельство, которое академикъ Ягичъ поддерживаетъ какъ особенно важное и которое отчасти принимаетъ подъ свою защиту (ср. примѣч. на стр. 8) противъ строгой критики его, сдѣланной проф. И. И. Малышевскимъ въ его обстоятельномъ сочиненіи о Кириллѣ и Меѳодіѣ [1])? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нѣтъ отвѣта въ разбираемомъ изслѣдованіи. Авторъ не входитъ даже въ ближайшее разсмотрѣніе ихъ и вообще выражается очень осторожно. Тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій его, поставленныхъ въ связь, не трудно усмотрѣть, что онъ какъ бы склоняется усвоять введеніе славянскаго богослуженія по римскому обряду самому Меѳодію. Иначе, какъ же толковать эти неоднократныя предположенія и упоминанія автора объ ограниченіяхъ и уступкахъ въ пользу Римской церкви, которыя Меѳодій де вынужденъ былъ постоянно дѣлать то охотно, то по принужденію. Но если академикъ Ягичъ думаетъ дѣйствительно такъ, то насколько справедливо это его мнѣніе и другія связанныя съ этимъ мнѣніемъ предположенія? Развѣ приведенныя выше документальныя извѣстія изъ папской переписки даютъ основанія для такихъ заключеній, какія предлагаются въ данной работѣ? Намъ кажется, что рѣшительно никакихъ. И вотъ по чему. Во первыхъ, всѣ эти извѣстія безспорно свидѣтельствуютъ лишь объ одномъ: о стремленіи папъ ограничить славянское богослуженіе допущеніемъ хотя бы въ нѣкоторой его части латинскаго языка; но ни одно изъ нихъ даже не намекаетъ на то чтобы Меѳодій дѣлалъ и при томъ охотно какія-либо уступки латинской церкви. Если объ этихъ уступкахъ ничего не знаютъ источники, то всего менѣе основаній апріорно допускать ихъ возможность по отношенію къ такому дѣятелю, какимъ является св. Меѳодій. Вся исторія его жизни и дѣятельности, насколько мы ее знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ рисуетъ его мужемъ твердаго характера и стойкихъ убѣжденій, мужемъ, глубоко вѣрящимъ въ святость и правоту принятаго имъ на себя подвига, никогда не измѣнявшимъ своимъ религіозно-нравственнымъ началамъ, напротивъ всегда готовымъ за нихъ пострадать и дѣйствительно не мало выстрадавшимъ. Какъ грекъ, какъ убѣжденный

---

[1]) Святые Кирилъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. Кіевъ. 1886. стр. 352.

представитель греко-восточной церкви Меѳодій неоспоримо дорожилъ и догматическимъ ученіемъ и установившеюся обрядностью своей родной церкви. На славянскій языкъ онъ перевелъ ту литургію, которая отправлялась на греческомъ востокѣ. Отказаться отъ этой литургіи въ пользу латино-славянской мессы онъ не могъ въ силу тѣхъ же внутреннихъ причинъ, которыя не позволяли ему принять римскій символъ вѣры съ прибавкой filioque. Еще менѣе можно допустить мысль, чтобы св. Меѳодій давалъ какія либо клятвенныя обѣщенія папству въ ущербъ неприкосновенности славянскаго богослуженія въ томъ видѣ какъ оно было установлено тотчасъ же послѣ прибытія славянскихъ первоучителей въ Велико-Моравское княжество. Происхожденіе и значеніе клеветы, взведенной на Меѳодія папой Стефаномъ VI, прекрасно разобрано и разъяснено проф. И. И. Малышевскимъ въ упомянутомъ выше его сочиненія о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Мнѣніе академика И. В. Ягича о несостоятельности этого разбора ничѣмъ не мотивировано, а потому и не убѣдительно.

Во вторыхъ, въ папскихъ посланіяхъ, на которыя ссылается ученый авторъ, идетъ рѣчь только о чтеніи Евангелія (и Апостола) на латинскомъ языкѣ во время славянскаго богослуженія и ничего не говорится о томъ, какого типа должно быть это богослуженіе: западнаго т. е. римскаго или восточнаго т. е. греческаго. По этому нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ приведенныхъ текстахъ непремѣнно подразумѣвалась католическая месса. Напротивъ изъ житія св. Меѳодія (и другихъ источниковъ) мы знаемъ, что папа Адріанъ, оказавшій славянскимъ первоучителямъ торжественный пріемъ въ Римѣ, одобрилъ и освятилъ тѣ славянскія богослужебныя книги[1]), которыя св. братья принесли съ собой изъ Моравіи, и которыя несомнѣнно были составлены по восточному православному обряду; слѣдовательно и въ посланіи къ Ростиславу и Коцелу названный папа могъ говорить только о литургіи по греческому обряду, а никакъ не о католической мессѣ. Наконецъ мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ академика И. В. Ягича, будто бы чтеніе Евангелія на латинскомъ языкѣ обусловливало латинскій характеръ всей службы.

---

[1]) свѧти оучение єю положь словеньское євангеліє на олтари свѧтаго апостола Петра Житіе св. Меѳодія. VI, у Шафарика Památky dřevniho pisemnictvi Jihoslovanův. 2-е изд. 1873, стр. 4.

Евангеліе могло читаться по-латыни и при отправленіи богослуженія по восточному обряду. Извѣстно, что въ русскихъ православныхъ церквахъ въ день св. Пасхи евангеліе читается на всевозможныхъ языкахъ и, между прочимъ, на латинскомъ. Предъявляя требованіе о чтеніи Евангелія по латыни, папы Адріанъ II и Іоаннъ VIII заботились о томъ, чтобы добиться отъ славянскихъ дѣятелей признанія нѣкоторыхъ правъ латинскаго языка и тѣмъ, хотя бы наружно, сохранить связь между новоучрежденной славянской церковью и римскимъ престоломъ.

Итакъ, достовѣрные историческіе источники, собственно говоря, ничего не знаютъ ни объ уступкахъ со стороны Меѳодія въ пользу латинства и въ ущербъ славянской народной церкви, ни о томъ, чтобы результатомъ этихъ уступокъ было введеніе римскаго обряда въ славянскомъ богослуженіи.

Второе доказательство, приводимое академикомъ И. В. Ягичемъ въ пользу пріуроченія первоначальной славяно-латинской мессы ко времени св. Меѳодія, по нашему мнѣнію столь же мало убѣдительно, какъ и первое, выше разобранное. Слово мьша, встрѣчающееся въ Пространномъ Житіи св. Меѳодія несомнѣнно стоитъ въ связи съ латинскимъ messa, но изъ одного факта употребленія этого слова въ трехъ мѣстахъ даннаго памятника еще нельзя дѣлать тотъ выводъ, какой предлагаетъ академикъ Ягичъ, именно: будто бы составитель или переводчикъ житія хорошо зналъ, что въ Панноніи и Моравіи служба Божія обозначалась словомъ мьша, ясно указывавшимъ на латинскій обрядъ. Мнѣ думается, что какъ этотъ выводъ у автора, такъ и все его толкованіе относительно употребленія даннаго слова въ смыслѣ, благопріятномъ его взгляду, не совсѣмъ вяжется съ извѣстными, прочно обоснованными въ наукѣ положеніями о происхожденіи Пространныхъ Житій обоихъ славянскихъ первоучителей. Положеніе это наиболѣе точно высказано въ почтенномъ трудѣ покойнаго профессора Воронова[1]), авторитетъ котораго признаетъ и нашъ ученый. Для ясности дѣла мы позволимъ себѣ прежде всего привести эти положенія: 1) Оба пространныя житія принадлежатъ *одному автору* и не могутъ быть разсматриваемы какъ два отдѣльныхъ и самостоятельныхъ источника,

---

[1]) Кириллъ и Меѳодій, главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія. Кіевъ. 1877. стр. 9—108.

2) Первоначальная редакція ихъ была не славянская, а греческая. Славянская редакція представляетъ свободный переводъ съ нѣкоторыми уклоненіями отъ подлинника и дополненіями. 3) Авторъ Житій былъ ученый славянинъ, принадлежавшій къ восточной, а не къ западной церкви и *жившій не въ Панноніи, а въ Болгаріи*. 4) Онъ *не былъ* непосредственнымъ ученикомъ и очевидцемъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и Житія составлены имъ *не ранѣе второй четверти X вѣка*. 5) При составленіи ихъ онъ пользовался съ одной стороны греческими и нѣкоторыми *латинскими* источниками, а съ другой преданіями, сохранившимися до его времени.

Имѣя въ виду эти положенія, трудно согласиться съ вышеприведенными объясненіями академика Ягича. Руководясь ими при анализѣ текста житія Меѳодія, мы получаемъ возможность уяснить себѣ употребленіе въ этомъ текстѣ слова мьша болѣе простымъ образомъ, не прибѣгая къ широкому обобщенію о старобытности славянской мессы въ Моравіи и Панноніи. Два раза это слово встрѣчается въ той части Житія, которая содержитъ передачу посланія папы Адріана къ Ростиславу и Коцелу, именно въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) мы же трегоубоу радость пріимше, оумыслихомъ испытавше послати Мефодіа, свѧщьше и съ оученикы, сына же нашего, на страны вашѧ, моужа же съвершена разоумомъ и правовѣрна, да вы наоучитъ, ꙗкоже есте просили, сказаѧ книгы въ ѧзикъ вашь, по всемоу церковномоу чиноу исполнь, и съ свѧтою мьшею рекше съ слоужбою, и крещеніемъ.

2) Сеи же единъ храните одычаи, да на мши прьвое чтоутъ апостолъ і еѵаггеліе рімскы, таче словеньски.

Такъ какъ здѣсь Житіе воспроизводитъ папскій документъ цѣликомъ, а не въ пересказѣ, то ясно, что и слово мьша принадлежитъ не составителю Житія, а цитируемому имъ источнику. Оно есть не болѣе какъ передѣлка на славянскій ладъ латинскаго слова messa, находившагося въ папскомъ посланіи. Переводчикъ этого посланія (которое могло выйти въ славянской копіи и изъ папской концеляріи) желая возможно ближе держаться подлинника, могъ и не имѣть существенной надобности переводить лат. messa греческимъ словомъ литургія. Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго текста ясно видно, что слово „мьша“ въ ту пору, къ которой относится происхожденіе Пространнаго Житія Меѳодія (славянской редакціи) было еще новымъ, весьма необычнымъ словомъ

въ славянскомъ языкѣ, на столько новымъ, что автору житія пришлось сдѣлать къ нему поясненіе, и съ сѫтою мышею, рекше съ слоужкою.

Третій случай употребленія слова мьша опять объясняется вліяніемъ латинскаго документальнаго источника. Оно оказывается въ томъ мѣстѣ Житія, гдѣ говорится объ угрозахъ папы баварскому духовенству немедленно закрыть церкви и прекратить богослуженіе, если Меѳодій не будетъ освобожденъ изъ заточенія: Дондє къ апостоликоу и оукѣдѣкъ посла клѧтвоу на нѫ, да не поютъ мьша, рекше слоужбы, єси королеки єпископи, дондеже и держатъ. Очевидно, что приведенныя строки славянскаго памятника могли быть заимствованы скорѣе всего изъ папскаго посланія. Что же касается слова мьша то оно здѣсь вполнѣ умѣстно, потому что несомнѣнно служитъ для обозначенія настоящей латинской мессы: вѣдь о славянскомъ богослуженіи въ Баваріи ничего не извѣстно. Отсюда же слѣдуетъ, что собственно говоря данное мѣсто изъ Житія не имѣетъ никакого отношенія къ рѣшенію вопроса о видахъ славянскаго богослуженія въ Моравіи и Панноніи. Однако новизна слова мьша для славянскаго уха и здѣсь ясно доказывается вставкою поясненія, которое дѣлаетъ авторъ житія: мьша, рекше слоужбы. Такимъ образомъ, въ разсмотрѣнныхъ текстахъ нѣтъ данныхъ для заключенія объ употребленіи среди моравскихъ и паннонскихъ славянъ слова мьша въ смыслѣ славянскаго богослуженія. Присутствіе этого слова въ Пространномъ Житіи св. Меѳодія обусловлено вліяніемъ латинскихъ документальныхъ источниковъ, при чемъ въ одномъ случаѣ изъ трехъ указываемыхъ академикомъ Ягичемъ оно прямо относится къ латинской мессѣ.

Но авторъ того же житія знаетъ и другое слово, употребляемое имъ совершенно сознательно для обозначенія славянскаго богослуженія—литоургиа. Слово это, усвоенное славянскимъ языкомъ уже въ первый періодъ дѣятельности солунскихъ братьевъ въ Великоморавскомъ княжествѣ, встрѣчается, при томъ безъ всякихъ поясненій, въ Пространномъ Житіи св. Кирилла въ той его части, гдѣ авторъ очевидно не заботится о пересказѣ событія по документальнымъ латинскимъ источникамъ, а излагаетъ ихъ отъ себя, по народнымъ сказаніямъ и преданіямъ. Я разумѣю извѣстную (XVII) главу, въ которой разсказывается о пребываніи свв. братьевъ въ Римѣ:

пріемь же папа книгы словеньскые, и положи ю къ цркви свѣтые Маріе, иже нарицает се фатань, и пѣше надь ними свѣтоую литоургїю..... и акїе пѣше литоургїю къ цркви светаго апостола Петра словеньскыимь езыкомь, и къ дроугыи дьнь пѣше къ цркви свѣтые петронилы, и къ дроугыи дьнь пѣше къ цркви светаго Андрее, и оттоудоу паки оу великаго оучителя вьселенскаго Павла апостола цркви и вьсоу ноць пѣше славословеще словенскы и на оутрѣки паки литоургїю надь свѣтымь гробомь его [1])...

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ о славянской литургіи по восточному, православному обряду. Папа Адріанъ II совершалъ славянское богослуженіе въ разныхъ церквахъ Рима, конечно, по тѣмъ книгамъ, которыя принесли съ собою св. Кириллъ и Меѳодій, а книги эти не могли быть другими какъ грекоточнаго обряда. Поэтому для меня не совсѣмъ ясно, въ силу какихъ соображеній академикъ И. В. Ягичъ усматриваетъ въ приведенномъ отрывкѣ Житія св. Кирилла *достаточно поводовъ* къ употребленію слова мьша [2]), которому, однако, авторъ Житія предпочелъ слово литоургиа. Анализъ текста Житій по моему мнѣнію, даетъ полное право утверждать, что это предпочтеніе было и намѣренное и сознательное. Составитель Житій обоихъ словянскихъ просвѣтителей, несомнѣнно представлявшій собою одно лицо, зналъ славянское богослуженіе только какъ литоургию, подъ словомъ же мьша разумѣлъ прежде всего латинскую мессу на латинскомъ языкѣ и если употреблялъ это послѣднее слово въ болѣе общемъ значеніи и примѣнительно къ славянскому богослуженію, то это происходило случайно, подъ вліяніемъ бывшихъ у автора подъ рукой латинскихъ документальныхъ источниковъ.

Допустимъ, однако, что всѣ эти возраженія не основательны и что, напротивъ, толкованія текстовъ Житій, предложенное академикомъ И. В. Ягичемъ, вполнѣ правильно. Развѣ отсюда получается столь желательное для нашего изслѣдователя доказательство въ поль-

---

[1]) Památky... I. 23.

[2]) ...während in der Cirilluslegende an entsprechenden Stellen fortwährend der Ausdruck литоургиа wiederkehrt, *trotzdem gerade in der letzten Legende einige Male (im Cap. XVII) Anlass genug vorhanden war den Ausdruck* мьша *zu gebrauchen.* Стр. 8.

зу существованія славянской мьши или мессы уже въ эпоху св. Меѳодія? Пространныя Житія славянскихъ первоучителей—безспорно литературный памятникъ глубокой древности, но все же этотъ памятникъ не можетъ быть пріуроченъ къ IX в. На основаніи выводовъ покойнаго Воронова, основанныхъ на тщательномъ и глубокомъ изученіи Житій, нужно признать, что авторъ Житій не былъ непосредственнымъ ученикомъ и очевидцемъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и Житія составлены имъ не ранѣе второй четверти X-го вѣка. Слѣдовательно и заключенія, дѣлаемыя по поводу употребленія и значенія отдѣльныхъ словъ, встрѣчающихся въ этихъ Житіяхъ, возможны только по отношенію къ X-му, а никакъ не IX в.

Подводя итоги всему сказанному выше, мнѣ кажется, необходимо признать, что въ высшей степени любопытное мнѣніе академика И. В. Ягича о происхожденіи славянскаго миссала, едва ли можетъ быть принято. Во всякомъ случаѣ, доказательства въ пользу этого мнѣнія, собранныя въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, слишкомъ недостаточны и не убѣдительны. Мы видѣли, что историческія свидѣтельства не даютъ сколько-нибудь прочныхъ основаній для того чтобы утверждать, будто бы славянское богослуженіе по римскому обряду возникло въ Панноніи и Моравіи еще при жизни св. Меѳодія; напротивъ онѣ скорѣе указываютъ на болѣе позднюю эпоху. Быть можетъ, это нововведеніе слѣдуетъ относить къ X в., когда для защитниковъ народнаго славянскаго дѣла становился все болѣе неизбѣжнымъ компромисъ съ латинскимъ западомъ. Родину же славянскаго миссала вѣроятнѣе всего слѣдуетъ искать въ Чехіи, гдѣ какъ извѣстно, имѣются слѣды болѣе или менѣе ревностныхъ заботъ о защитѣ и сохраненіи славянскаго богослуженія.

Но какъ ни рѣшать выдвинутый академикомъ И. В. Ягичемъ важный общій вопросъ, новонайденный глаголическій памятникъ, давшій ему поводъ заговорить объ этомъ вопросѣ, вполнѣ сохраняетъ свое значеніе драгоцѣннаго остатка старины глубокой. Независимо отъ представляемыхъ имъ оригинальныхъ палеографическихъ особенностей, онъ обращаетъ на себя вниманіе и внѣшностью употребленнаго для него писчаго матеріала, Памятникъ этотъ—палимпсестъ, т. е. написанъ на выскобленномъ пергаментѣ, при чемъ оказывается, что выскобленное письмо также была глаголица, слѣды которой особенно ясно сохранились между строками одного листка и

замѣтны даже на фотографическихъ снимкахъ памятника. Эта особенность, конечно, имѣетъ немаловажное значеніе. Если Вѣнскіе листки миссала могутъ быть отнесены къ XII в., то какъ же старо должно быть то письмо, которое было уничтожено, чтобы очистить мѣсто другому сохранившемуся доселѣ древнему тексту. Вотъ еще одно новое доказательство глубокой древности глаголицы, все еще остающейся неразрѣшимой загадкой для ученыхъ.

Что касается изслѣдованія Вѣнскихъ отрывковъ въ филологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ, то оно выполнено съ такою же тщательностью и эрудиціей, какими отличаются всѣ подобныя изданія академика И. В. Ягича. Впрочемъ, изслѣдователю не удалось, несмотря на всѣ старанія, подыскать къ славянскому тексту вполнѣ подходящія параллели среди древнихъ текстовъ латинскихъ миссаловъ. Такимъ образомъ латинскій оригиналъ какъ новонайденнаго памятника, такъ и прежде открытыхъ Кіевскихъ отрывковъ остается пока неизвѣстнымъ.

Роскошное изданіе Кіевскихъ глаголическихъ отрывковъ, помѣщенное въ приложеніяхъ, еще болѣе увеличиваетъ широкое научное значеніе новаго труда академика И. В. Ягича. Русскій славистъ, дорожащій успѣхами родной науки, не можетъ не пожалѣть лишь объ одномъ: о томъ, что эти прекрасные фотографическіе снимки съ древняго славянскаго памятника, хранящагося въ Россіи, и заготовленные въ Россіи не нашли себѣ мѣста въ изданіяхъ русской Академіи наукъ.

Т. Флоринскій.

Къ статьѣ „О силовой функціи, допускающей данные частные интегралы“.

Въ моей статьѣ подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ, помѣщенной въ № 8 „Унив. Изв.“ должны быть исправлены слѣд. погрѣшности:

Стран. 19 строка 17 сверху послѣ „себѣ“ вставить: „въ нѣкоторыхъ случаяхъ“.

Стран. 23 строки 1 — 11 сверху надо замѣнить такими: „Если сумма $\frac{\partial W}{\partial \alpha_1} d\alpha_1 + \frac{\partial W}{\partial \alpha_2} d\alpha_2 + \ldots + \frac{\partial W}{\partial \alpha_{k-1}} d\alpha_{k-1}$ полный дифференціалъ, т. е. если начальные импульсы имѣютъ потенціалъ, то“.

Стран. 24 строка 11 сверху въ концѣ добавить: „и если вышеупомянутое условіе о начальныхъ импульсахъ выполнено“.

Стран. 26 строка 1 сверху послѣ „силы“ вставить: „въ нашемъ случаѣ“.

Стран. 30 строка 3 снизу послѣ „(58)“ вставить: „если заданные интегралы должны имѣть мѣсто при начальныхъ импульсахъ, имѣющихъ потенціалъ, то“.

Ibidem слово „интегралов“ выпустить.

Стран. 36 строка 6 сверху послѣ „что“ вставить: „при томъ же условіи объ импульсахъ“.

Стран. 38 строка 4 сверху слово „самый общій случай“ замѣнить: „первый способъ“.

Стран. 72 строка 16 снизу послѣ „Const“ вставить: „если начальные импульсы имѣютъ потенціалъ“.

Стран. 72 строка 8 снизу послѣ „Const“ вставить: „при начальныхъ импульсахъ, имѣющихъ потенціалъ“.

Г. Сусловъ.

29 Сентября 1890.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

ВЪ 1891 ГОДУ.

Православный Собесѣдникъ

будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“. (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи —

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи „Православнаго Собесѣдника“, при Духовной Академіи, въ Казани.

ВЪ ТОЙ ЖЕ РЕДАКЦІИ ПРОДАЮТСЯ ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

А. „**Православный Собесѣдникъ**“ *въ полномъ составѣ* книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. 4 руб. за годъ, за 1860, 1861, 1865 и 1866 годы по 5 руб. за годъ, за 1872—79 гг. по 6 руб. сер. 1880—1890 годы по 7 р. сер. Можно получать и отдѣльныя книжки „Собесѣдника“ за 1855, 1856 и 1857 гг. по 1 р., а за остальные годы по 80 коп. за книжку.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній одинъ „**Православный Собесѣдникъ**“: за 1855 и 1856 годы цѣна по 1 руб.: за 1857 г. цѣна 2 руб.; за 1859—1866, по 3 руб. за годъ, 1871—1874, 1876, 1882 и 1883 годы, по 3 тома въ каждомъ, по 5 руб. за годъ.

1—3

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ 1891 году, (32-й годъ своего существованія).

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ, учено-литературный органъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныкъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ *ежемѣсячно* книжками въ 12 и болѣе цечатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою въ Россіи **7 рублей**, за границею **8 рублей**. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала протоіерея при церкви Ѳеодора Студита, у Никитскихъ воротъ, *П. Преображенскаго* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію Православнаго Обозрѣнія въ Москвѣ.

ВЪ РЕДАКЦІИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ **Писанія мужей апостольскихъ, изданныя въ русскомъ переводѣ** со введеніями и примѣчаніями къ нимъ свящ. П. А. Преображенскимъ. Цѣна съ пересылкою 2 р.—Кромѣ того:

1) **Указатель** къ „Православному Обозрѣнію“ за десять лѣтъ 1860—1870 гг., составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна Указателя 75 к., съ пересылкою 1 руб.

2) **Указатель** къ „Православному Обозрѣнію“ за 1871—1886 гг. Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

3) **Псалтирь** въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія архіепископа Московскаго (Зертисъ-Каменскаго). Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.

4) **Сочиненія древнихъ славянскихъ апологетовъ:** Татіана, Аѳинагора, Ѳеофила Антіохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданіе прот. П. Преображенскаго. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

5) **Сочиненія св. Иринея Ліонскаго.** I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданіе его же. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

6) **Христосъ.** Публичныя чтенія Эрнеста Навиля. Москва. 1881 г. Цѣна 75 к. съ пересылкою.

7) **Чудеса Господа нашего Іисуса Христа.** Объяснительныя примѣчанія къ евангельскимъ повѣствованіямъ о чудесахъ Христовыхъ. Сочиненіе Дублинскаго архіеп. Тренча, переведен. *А. З. Зиновьевымъ*. Москва. 1883. Цѣна 1 руб. 30 коп. съ перес.

8) **Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія** на основаніи автентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Сочиненіе Юрія Арнольда. Москва. 1880. Цѣна 2 р. съ перес.

1—3 Редакторъ прот. **П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи «Южнаго Края». VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣтія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднимъ	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ **Петербургѣ**—въ конторѣ подписки и объявленій **Н. Матисена**, Б. Конюшенная, № 29; **Москвѣ**—въ конторахъ объявленій и подписки; **А. Сенъ-Мартенъ**, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова; **Н. Печковской**, Петровскія линіи; **Л. Шабертъ**, Покровка, д. Соболевыхъ; въ центральн. конт. объявленій бывш. **Л. Метцль**, Мясницкая, д. Спиридонова и въ справочномъ Бюро **Н. Доничъ** и **К°**, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ **Полтавѣ**—въ конторѣ **И. А. Дохмана**. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Havas, Lafite и C°, Place de la Bourse.

1—3 Редакторъ-Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

БИБЛІОГРАФЪ

1891. ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ **Годъ VII.**

(12 №№ въ годъ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія. 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа" въ немъ принимали участіе:

В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Маленнъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** руб., за-границу **6** руб.

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $^3/_4$ стран.—6 р. 50 к.; $^1/_2$ стран.—4 р. 50 к.; $^1/_4$ стран.—2 р. 50 к.; $^1/_8$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Ардесъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) проспектъ, домъ № 7, кв. № 13.

Оставшіеся въ **ограниченномъ числѣ** полные комплекты «**Библіографа**» за **1885, 1886, 1887, 1888** и **1889** гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 к. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) Алескандръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографическій указатель произведеній Сѣрова. II. Библіографическій указатель литературы о Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за вып. 4) Библіографич. списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

1—3 Редакторъ **Н. М. Лисовскій.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

ВѢСТНИКЪ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГІЕНЫ,
СУДЕБНОЙ
и
ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ,

изд. Медицинскимъ Департаментомъ.

Журналъ будетъ выходить въ 1891 году по той же программѣ и подъ той же редакціей ежемѣсячными книжками, не менѣе 15 листовъ.

Подписная плата для всѣхъ врачей, состоящихъ на государственной или частной службѣ и женщинъ-врачей—6 рублей въ годъ; для врачей вольнопрактикующихъ и лицъ не врачебнаго сословія—7 рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 или 3 рубля, не позже 1 апрѣля—2 рубля и не позже 1 іюля 2 рубля.

Подписчики на „Вѣстникъ“ могутъ получать „Справочную книгу для врачей“ изд. Мед. Деп. Т. I за 1 рубль безъ пересылки, расходы на которую уплачиваются наложеніемъ платежа ихъ, при полученіи книги.

М. Галанинъ.

1—3

Открыта подписка на 1891 годъ

на

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕДНЕВНУЮ

Политическую, Литературную, Экономическую и Коммерческую газету.

Вступая **въ 65-й годъ** своего существованія «Одесскій Вѣстникъ» и въ предстоящемъ году, какъ всегда, останется вѣренъ своимъ традиціямъ — быть точнымъ отраженіемъ общественно-экономическихъ интересовъ южно-русскаго края.

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ ежедневно помѣщаются:

1) Телеграммы общія.
2) Телеграммы коммерческія.
3) Передовыя статьи по внутрен. и иностран. политикѣ.
4) Газетное обозрѣніе.
5) Маленькая хроника (фельетон. замѣтки на злобы дня).
6) Внутреннія извѣстія.
7) Иностранныя извѣстія.
8) Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русск. края).
9) Корреспонденціи (русскія и заграничныя).
10) Искусство и Литература.
11) Судебная хроника (общихъ и военныхъ судовъ).
12) Отголоски (летучія замѣтки по разнымъ предметамъ).
13) Смѣсь и Разныя извѣстія.
14) Фельетонъ (литературный, научный, бѣллетристическій и др.).
15) Торговыя свѣдѣнія.
16) Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ печатаются ПОРТРЕТЫ и РИСУНКИ, относящіеся къ событіямъ дня.

Въ будущемъ году по настоятельному желанію многихъ нашихъ читателей мы выдѣлимъ изъ отдѣла **„Искусство и Литература“** особый отдѣлъ **„Библіографія“**, въ которомъ будемъ вести подробную хронику всѣхъ сколько нибудь интересныхъ вновь выходящихъ книгъ, съ рецензіями о болѣе выдающихся изъ нихъ.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ пунктахъ края и заграницею. **Корреспонденціи** изъ большихъ нашихъ южныхъ городовъ, каковы: Екатеринославъ, Елисаветградъ, Кишиневъ, Николаевъ, Херсонъ, помѣщаются почти **ежедневно.**

Торговый отдѣлъ, въ особенности все, что касается **хлѣбныхъ операцій и курсовъ,** ведется въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» самымъ тщательнымъ образомъ, подъ руководствомъ вполнѣ компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица.

Въ справочномъ отдѣлѣ по прежнему будутъ печататься ежедневно: указатель дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Одесской Судебной Палатѣ, Окружномъ судѣ, Коммерческомъ судѣ и въ Съѣздѣ мировыхъ судей; росписаніе движенія пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, музеи, театры, концерты, а такъ-же **свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ и наложенныхъ платежахъ, свѣдѣнія о лицахъ прибывшихъ въ Одессу** и многія другія **справочныя свѣдѣнія.**

Объявленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ **о невостребованныхъ грузахъ и утерѣ дубликатовъ накладныхъ** печатаются изъ мѣстныхъ газетъ **только** въ «Одесскомъ Вѣстникѣ».

Въ газетѣ принимаютъ участіе: проф. **Г. Е. Аѳанасьевъ, В. А. Бертенсонъ, А. С. Бориневичъ, Е. И. Борисовъ, Мартынъ Боруля** (псевдонимъ), **В. Г. Вучетичъ, П. А. Зеленый** (извѣстный земскій дѣятель), **И. В. Карвацкій, Ив. Колючій** (псевдонимъ), проф. **А. А. Кочубинскій**, проф. **Д. Н. Куликовскій, М. И. Кулишеръ**, проф. **А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, К. В. Назарьева, В. И. Немировичъ-Данченко, Р. В. Орбинскій, В. Н. Полунинъ, И. Н. Потапенко, А. А. Русовъ** (извѣстный статистикъ и этнографъ), **Ѳ. Р. Рыльскій, Е. П. Семеновъ** (парижская хроника), **А. И. Умисса, Хмаровъ** (псевдонимъ), **Н. А. Шостаковскій, С. И. Южаковъ**, проф. **В. А. Яковлевъ** и многіе другіе.

Составъ сотрудниковъ въ предстоящемъ году будетъ значительно пополненъ, въ особенности по части беллетристики и вообще фельетоннаго отдѣла.

Новыя машины, выписанныя нами по случаю пожара, истребившаго нашу типографію въ августѣ сего года, даютъ намъ возможность печатать въ будущемъ году **восемь** столбцовъ на страницѣ „Одесскаго Вѣстника“, вмѣсто семи, имѣющихся у всѣхъ мѣстныхъ газетъ.

Шрифтъ нами выписанъ для газеты изъ Петербурга, самаго новѣйшаго рисунка, изящный, четкій и вмѣстительный.

Условія подписки:

Для иногородныхъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкой:		Въ Одессѣ безъ доставки:	
на 12 мѣсяцевъ.....	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ.....	10 р. — к.
» 6 »	7 » — »	» 6 »	6 » — »
» 3 »	3 » 75 »	» 3 »	3 » 30 »

Всѣ новые подписчики „Одесскаго Вѣстника“ на 1891 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, **получатъ и всѣ нумера за 1890 г.**, со дня ихъ подписки.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ по третямъ года, со взносомъ по 4 руб. не позже 1-го января, 1-го апрѣля и 1-го сентября.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ редакціею, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Иногородніе благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію: *Одесса, Ремесленная ул., д. № 5.*

Редакторъ **М. АРНОЛЬДЪ.** Издатель **В. КИРХНЕРЪ.**

1—3

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1891 Г.

С.-Петербургъ, Пантелеймоновская ул., № 2.

Пятый отдѣлъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества устраиваетъ въ С.-Петербургѣ, въ мартѣ 1891 года, Всероссійскую фотографическую выставку съ цѣлью представить современное состояніе свѣтописи (фотографіи). Независимо отъ обычной выставки фотографическихъ работъ, предположено собрать систематическія коллекціи могущія наглядно ознакомить публику съ различными фотографическими процессами и ихъ приложеніями, для чего въ опредѣленные часы предполагается демонстрированіе ихъ и объясненіе. Кромѣ того, проектируются во время выставки публичныя чтенія по разнымъ отраслямъ свѣтописи.

Распорядительный комитетъ выставки приглашаетъ къ участію въ ней всѣ русскія правительственныя, общественныя, частныя и фабричныя учрежденія, пользующіяся фотографіею для разныхъ цѣлей, а также приглашаетъ профессіональныхъ фотографовъ и всѣхъ любителей, занимающихся фотографіею.

На выставку будетъ приниматься все, касающееся фотографіи и ея примѣненій, а именно: сочиненія по фотографіи, портреты, снимки съ природы, фотографіи внѣшности или внутренности зданій; художественныя композиціи, исполненныя при посредствѣ фотографіи; разнородные мгновенные снимки; увеличенныя копіи; фотографіи, снятыя при разныхъ видахъ искусственнаго свѣта; примѣненіе свѣтописи въ различныхъ отрасляхъ наукъ и техники; діапозитивы съ примѣненіемъ ихъ къ оптическимъ фонарямъ и стереоскопамъ; фотографіи на фарфорѣ, шелку, целлюлоидѣ, холстѣ, деревѣ, кости и желѣзѣ; примѣненіе фотографіи къ печатному дѣлу; затѣмъ всякія принадлежности къ фотографическимъ процессамъ—какъ-то: объективы, фотометры, камеры, стативы, затворы, предметы фотографической обстановки, химическіе матеріалы, свѣточувствительныя пластинки, бумага и пленки; картоны и различные способы и матеріалы для улучшенія отпечатковъ.

За особо выдающіяся работы будутъ присуждены награды экспертной комиссіей, избранной общимъ собраніемъ V отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Распорядительный Комитетъ разсылаетъ къ извѣстнымъ ему дѣятелямъ по свѣтописи приглашенія съ приложеніемъ правилъ къ участію на выставкѣ 1891 года.

Конечно, многія лица, занимающіяся фотографіею въ Россіи, въ качествѣ профессіоналовъ и любителей, не получатъ приглашенія по неизвѣстности ихъ мѣстожительства; но лица эти, если пожелаютъ принять участіе въ выставкѣ, могутъ письменно обратиться въ Распорядительный Комитетъ фотографической выставки, по адресу: (*С.-Петербургъ, Пантелеймоновская улица № 2*). Комитетъ немедленно вышлетъ имъ „Положеніе“ и „Правила“ о выставкѣ, а также накладныя.

1—3

Въ 1891 году
при Кіевской Духовной Академіи

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„Труды Кіевской Духовной Академіи“,

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ И ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ $^{3}/_{19}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить **ежемѣсячно** книжками **отъ 10 до 12** листовъ.

Цѣна **за годъ** съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—**7 руб.**

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать «**Воскресное Чтеніе**» за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I [1837—38], V [1841—42], XI [1847—48], XII [1848—49], XV [1851—52], XVII [1853—54], XVIII [1854—55], XIX [1855—56], XX [1856—1857], XXI [1857—58], XXIV [1860—61], XXV [1861—62], XXVII [1863—64], XXVIII [1864—65], XXIX [1865—66], XXX [1866—1867], XXXI [1867—68], XXXII [1868—69], XXXIII [1869—70], XXXIV [1870—71]. Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. «В. Чтеніе» за 1879—1883 гг. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 р. 50 к.; а за 1883, 1884, 1885 и 1886 гг. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

«**Труды Кіевской Духовной Академіи**» продаются по **уменьшенной цѣнѣ**: 1860—1866, 1868 гг. по 3 руб.; за 1869—1873 гг. по 4 руб.; за 1874—1878 гг. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 руб.; за 1883—1890 гг. по 7 руб. съ пересылкою. **Экземпляры «Трудовъ» за 1884 г. всѣ распроданы.**

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1890 гг. по 1 руб.

Редакція проситъ Гг. подписчиковъ, въ случаѣ неполученія ими какой-либо книги журнала, заявлять объ этомъ не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера и по наведеніи справки въ мѣстной почтовой конторѣ или станціи.

Объ изданіи въ 1891 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки **8** р. | съ пересылкой въ другіе города **9** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ **8** р. **50** к. | за-границей . . . . . **12** р.

отдѣльно книга журнала **2** р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13** р. **50** к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к., а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: *Анисимова* рядомъ съ Публичною Библіотекою, *Мартынова*, Б. Морская, 30 и *Чичинадзе*, Невскій, 57; въ Москвѣ: *Анисимова*, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. *Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.*

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 г. г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: ***В. М. Володимировъ.***
(по отдѣлу гражд. права) ***А. Х. Гольмстенъ.***

2—3

Г. К.

ТАБ

МЕТЕОРОЛОГИЧЕС

КІ

METEORC

BEOBACHTU

Мѣсто: Кіевъ. Метеорологическая Обсерваторія
Ort: Kiew. Meteorologisches Observatorium de

Широта:—Сѣв. } 50° 27′.
Breite: —Nord. }

Долгота:—Восточная отъ Гринвича. } 30° 30′ =
Länge: —Ostliche von Greenwich. }

Наблюдатели: *K.*
Beobachter: *K.*

Годъ: }
Jahr: }

Мѣсяцъ: (нов
Monat: (neu

Высота барометра надъ уровнемъ моря: 183,
Höhe des Barometers über dem Meer:

Мѣсяцъ: (новый ст.) **Май.**
Monat: (neuer. St.) **Mai.**

Кіевъ. Kiew.

Годъ: / Jahr: **1890.**

Число. Tag.	Барометръ при 0°. Миллиметры. Barometer bei 0°. Millimeter.				Температура воздуха. Цельзія. Lufttemperatur. Celsius.						Температура на поверхн. земли. Temperatur auf. d. Oberfl. der Erde.			
Новый стиль. Neuer Styl.	7	1	9	Среднее. Mittel.	7	1	9	Среднее. Mittel.	Maxim.	Minim.	7	1	9	Среднее. Mittel
1	747,7	748,5	747,7	748,0	+14,2	+23,8	+18,7	+18,9	+24,6	+10,8	+15,7	+33,6	+15,0	+21,4
2	748,4	747,6	746,7	747,6	+14,2	+23,5	+17,2	+18,3	+24,8	+12,5	+18,7	+39,3	+13,4	+23,8
3	746,4	746,3	745,6	746,1	+15,0	+23,7	+16,6	+18,4	+25,0	+11,9	+19,3	+38,3	+12,8	+23,5
4	745,5	744,5	743,5	744,5	+16,1	+24,0	+18,6	+19,6	+25,7	+13,2	+20,7	+33,1	+14,3	+22,7
5	744,2	743,5	741,9	743,2	+15,7	+22,4	+17,0	+18,4	+24,0	+11,9	+18,1	+28,8	+12,7	+19,9
6	740,8	739,2	738,2	739,4	+16,3	+23,9	+17,2	+19,1	+25,2	+14,9	+17,4	+30,0	+15,2	+20,9
7	737,5	737,3	737,2	737,3	+15,1	+20,7	+15,2	+17,0	+22,3	+10,7	+20,7	+37,4	+12,3	+23,5
8	737,4	736,7	735,4	736,5	+15,6	+22,5	+16,5	+18,2	+24,0	+10,2	+21,4	+39,8	+12,8	+24,7
9	735,3	734,9	734,2	734,8	+16,9	+22,4	+19,7	+19,7	+25,7	+12,9	+22,7	+27,0	+16,0	+21,9
10	734,8	736,3	739,0	736,7	+15,6	+20,0	+13,4	+16,3	+21,0	+12,1	+22,0	+37,3	+14,8	+24,7
11	741,4	744,2	747,8	744,5	+ 7,7	+ 8,7	+ 9,9	+ 8,8	+13,4	+ 5,7	+10,8	+11,9	+ 9,7	+10,8
12	750,4	750,0	749,2	749,9	+ 8,8	+13,8	+10,8	+11,1	+15,5	+ 5,9	+15,6	+33,3	+ 8,7	+19,2
13	748,5	747,7	746,0	747,4	+ 9,7	+17,6	+14,4	+13,9	+18,1	+ 6,2	+17,2	+27,2	+13,6	+19,3
14	745,8	745,4	744,4	745,2	+11,1	+18,7	+12,2	+14,0	+20,1	+ 9,6	+16,2	+22,9	+12,6	+17,2
15	743,5	743,2	742,8	743,2	+12,3	+17,6	+15,4	+15,1	+20,8	+10,6	+14,0	+24,3	+14,9	+17,7
16	742,5	743,0	742,7	742,7	+12,9	+16,4	+14,1	+14,5	+19,6	+10,7	+13,7	+23,2	+14,2	+17,0
17	742,4	742,7	742,2	742,4	+12,9	+17,5	+16,2	+15,5	+20,1	+11,5	+13,5	+22,2	+15,2	+17,0
18	741,5	742,0	741,9	741,8	+14,4	+19,1	+17,4	+17,0	+20,6	+13,6	+14,9	+24,9	+15,8	+18,5
19	741,3	742,2	743,6	742,4	+14,6	+22,4	+16,4	+17,8	+23,3	+12,3	+15,1	+30,5	+15,2	+20,3
20	747,0	747,9	749,0	748,0	+16,4	+24,2	+16,7	+19,1	+25,1	+14,2	+17,6	+42,9	+15,9	+25,5
21	751,1	751,1	750,9	751,0	+13,3	+20,6	+17,4	+17,1	+21,7	+11,8	+17,7	+36,6	+14,2	+22,8
22	752,2	751,3	749,9	751,1	+14,8	+22,2	+16,4	+17,8	+23,3	+13,6	+18,0	+42,0	+13,2	+24,4
23	749,0	747,4	745,1	747,2	+17,8	+25,3	+18,2	+20,4	+26,5	+12,1	+23,3	+44,7	+15,1	+27,7
24	743,7	743,8	745,5	744,3	+17,9	+21,8	+13,1	+17,6	+23,2	+12,4	+24,0	+38,5	+14,7	+25,7
25	745,7	744,2	742,9	744,3	+ 9,5	+16,0	+13,2	+12,9	+17,7	+ 8,8	+14,7	+39,7	+11,4	+21,9
26	742,0	741,6	741,2	741,6	+15,0	+23,1	+19,1	+19,1	+25,0	+ 8,7	+22,5	+45,2	+16,5	+28,1
27	742,3	744,1	742,4	742,9	+17,3	+26,3	+16,6	+20,1	+27,3	+14,7	+19,0	+48,5	+16,9	+28,1
28	742,7	741,8	742,0	742,2	+18,1	+24,2	+20,4	+20,9	+26,6	+12,4	+23,2	+41,5	+16,7	+27,1
29	742,2	741,5	741,1	741,6	+20,4	+26,5	+18,7	+21,9	+27,4	+15,0	+26,1	+40,6	+18,7	+28,5
30	743,7	745,6	744,9	744,7	+12,9	+16,1	+13,3	+14,1	+19,6	+12,0	+17,3	+25,5	+12,1	+18,3
31	744,6	743,3	742,5	743,5	+15,8	+23,4	+17,8	+19,0	+24,2	+10,0	+22,5	+39,9	+17,3	+26,6
Сумма. Summe.	23061,5	23058,8	23047,4	23056,0	+448,3	+648,4	+497,8	+531,6	+701,4	+353,3	+573,6	+1050,6	+441,9	+688,7
Среднее. Mittel.	743,9	743,8	743,5	**743,7**	+14,5	+20,9	+16,1	**+17,1**	**+22,6**	**+11,4**	+18,5	+33,9	+14,3	**+22,2**

Температура почвы на глубинѣ: Temperatur des Erdbodens in der Tiefe von:							Абсолютная влажность. Миллиметры. Absolute Feuchtig. Millimeter.				Относительная влажность. Проценты. Relative Feuchtigkeit. Procente.			
0,m0 Среднее. Mittel.	0,m1 Среднее. Mittel.	0,m2 Среднее. Mittel.	0,m4 Среднее. Mittel.	0,m8 1h15'.	1,m6 1h15'.	3,m2 1h15'.	7	1	9	Среднее. Mittel.	7	1	9	Среднее. Mittel.
+22,0	+14,2	+13,5	+12,8	+11,1	—	—	6,4	5,1	6,4	6,0	54	23	40	39
+24,6	+15,4	+14,6	+13,4	+11,4	+ 9,6	+ 5,7	6,9	6,8	6,9	6,9	57	31	47	45
+24,6	+15,7	+15,0	+13,9	+11,8	—	—	8,4	6,9	7,4	7,6	66	31	53	50
+22,9	+16,1	+15,4	+14,1	+12,2	+10,0	+ 5,8	7,9	8,3	7,5	7,9	59	36	47	47
+20,3	+15,8	+15,4	+14,4	+12 5	—	—	8,7	8,3	8,3	8,4	65	42	58	55
+21,8	+16,4	+15,6	+14,5	+12,7	+10,4	+ 6,0	8,5	7,9	8,7	8,4	61	35	60	52
+24,0	+16,0	+15,6	+14,8	+13,0	—	—	9,7	8,9	9,2	9,3	75	50	71	65
+26,4	+16,4	+15,8	+14,9	+13,2	+10,8	+ 6,1	10,0	8,4	8,7	9,0	76	41	63	60
+22,8	+16,9	+16,2	+15,2	+13,7	—	—	10,0	7,9	8,7	8,9	70	40	51	54
+25,5	+16,9	+16,5	+15,5	+13,6	+11,2	+ 6,3	10,3	11,5	9,5	10,4	78	67	83	76
+10,9	+13,3	+14,2	+15,0	+13,9	—	—	7,4	7,0	6,2	6,9	94	84	68	82
+20,9	+13,0	+13,2	+13,7	+13,3	+11,6	+ 6,5	5,3	4,4	5,1	4,9	63	38	53	51
+20,4	+13,1	+13,1	+13,3	+12,9	—	—	6,4	6,4	6,9	6,6	71	43	56	57
+17,9	+13,9	+13,8	+13,5	+12,7	+11,8	+ 6,7	6,1	6,8	8,4	7,1	62	42	80	61
+17,6	+15,0	+14,6	+13,8	+12,7	—	—	8,3	9,7	10,2	9,4	78	65	79	74
+17,4	+15,0	+15,0	+14,3	+12,9	+11,8	+ 6,9	10,7	11,3	10,8	10,9	97	81	91	90
+17,2	+14,9	+14,8	+14,4	+13,0	—	—	10,7	11,9	12,2	11,6	97	80	89	89
+19,0	+15,5	+15,2	+14,6	+13,1	+11,9	+ 7,0	10,3	11,3	10,5	10,7	85	69	71	75
+21,2	+16,5	+15,9	+14,9	+13,3	—	—	9,9	10,4	11,4	10,6	81	53	82	72
+27,2	+17,2	+16,5	+15,4	+13,4	+12,1	+ 7,3	12,1	10,8	11,7	11,5	87	48	82	72
+24,1	+16,8	+16,4	+15,5	+13,9	—	—	7,7	8,9	10,1	8,9	67	49	68	61
+25,2	+17,2	+16,5	+15,7	+14,0	+12,3	+ 7,3	8,1	7,6	7,7	7,8	65	38	55	53
+28,7	+17,4	+16,5	+15,7	+14,2	—	—	8,1	6,8	8,7	7,9	54	28	56	46
+25,6	+17,7	+16,7	+15,9	+14,4	+12,6	+ 7,5	9,0	10,4	8,5	9,3	59	53	76	63
+23,9	+17,1	+16,5	+16,0	+14,6	—	—	6,4	7,5	7,8	7,2	72	56	69	66
+28,7	+17,2	+16,3	+15,8	+14,6	+12,9	+ 7,7	7,4	9,2	9,0	8,5	58	43	56	52
+29,2	+18,9	+17,5	+16,3	+14,7	—	—	11,0	9,6	11,9	10,8	75	38	84	66
+27,1	+18,6	+17,7	+16,6	+15,0	+13,1	+ 7,8	11,5	11,7	11,6	11,6	75	51	65	64
+28,4	+19,0	+17,9	+16,9	+15,2	—	—	12,2	10,9	13,4	12,2	68	42	84	65
+18,7	+17,7	+17,4	+16,9	+15,4	+13,4	+ 7,9	10,0	8,5	7,7	8,7	91	62	67	73
+25,1	+17,6	+17,0	+16,4	+15,2	—	—	10,1	9,7	9,9	9,9	75	45	65	62
+709,3	+502,4	+486,3	+464,1	+417,6	+175,3	+102,5	275,5	270,8	281,0	275,8	2234	1504	2069	1937
+22,9	**+16.2**	**+15,7**	**+15,0**	**+13,5**	**+11,7**	**+6,8**	8,9	8,7	9,1	**8.9**	72	49	67	**62**

Вѣтры. Winde.	Тихо. 0	N	NNE	NE	ENE	E	ESE	SE	SSE	S	SSW	SW	WSW	W	WNW	NW	NNW
Число. Häufigkeit.	22	4	12	7	10	8	10	8	3	1	1	„	2	„	1	1	3
Сумма скорости. Summe.	—	12	42	11	22	14	20	20	12	2	4	—	5	—	5	1	6
Средняя скорость. Mittlere Geschwindigkeiten.	—	3,0	3,5	1,6	2,2	1,8	2,0	2,5	4,0	2,0	4,0	—	2,5	—	5,0	1,0	2,0

Температура. Temperatur.				Барометръ. Barometer.				Отн. Вл. Rel. Feucht.		Осадки. Niederschl.		Число дней съ: Zahl der Tage mit:										
Maximum.	День. Tag.	Minimum.	День. Tag.	Maximum.	День. Tag.	Minimum.	День. Tag.	Minimum.	День. Tag.	Maximum in 24 Stund. Въ сутки.	День. Tag.	Осадками. Niederschlag.	●	▲	△	=	↙	↖	Ясное небо. Heit. Himmel.	Пасм. небо. Trüb. Himmel.	Темп. Temp. Max. ≤ 0	Темп. Temp. Min. < 0
+27,4	29	+ 5,7	11	751,3	22	734,2	9	23	1	7,7	17	11	11	—	—	2	—	6	8	5	0	0

Мѣсяцъ: (новый ст.) **Май.**
Monat: (neuer. St.) **Mai.**

Годъ: Jahr: **1890.**

Число. Tag.	Направленіе и сила вѣтра. Метры въ секунду. Richtung und Stärke des Windes. Meter pro Secunde.			Направ. облаковъ. Wolkenzug.	Облачность. Bewölkung.			Осадки. Миллим. Niederschlag. Millim.	Кол. испар. въ милл. Verdunstungsmenge in millim.	Глубина снѣга. Tiefe. d. Schnee C. M.	Актином. Actinom. Montsouris.	Примѣчанія Bemerkungen
Новый стиль. Neuer Styl	7	1	9	1	7	1	9	7	7	$7^h 30'$	1	
1	ENE_3	ESE_5	NE_3	ESE_2	3^0Cs	4Cu	6Cus	—	5,4		85,0	⊜ p, 3.
2	E_1	SE_3	ENE_1	SE_1	0Cu	2^0Cu	1^0Cus	—	3,2		91,1	
3	NNE_1	NE_1	0	?	0Cu	3Cu	1^0C	0,0	3,5		93,2	⏢ n, 1; ●^{0} p; ⏢^{0} 3.
4	0	SE_2	ESE_1	SSW_1	1^0Cs	6Cu	7^0Cus	0,2	2,5		72,8	⏢ n, 1; ●^{0} p.
5	0	SSE_3	0	S_1	5^0Cs	9Cus	2^0Cs	—	2,8		57,8	⏢ n, 1; ⏢^{0} 3.
6	ESE_1	ESE_2	SE_3	?	8Cu	9Cus	3Cu	—	2,8		53,7	⏢^{0} n.
7	0	ENE_2	0	NE_2	1^0Ccu	4Cu	0S	—	2,2		95,2	Ξ^0 n, 1; ⏢ 3.
8	0	S_2	0	?	0	3Cu	0	—	2,2		91,1	Ξ^0 n. 1; ⏢ 3.
9	0	SE_1	ENE_1	WSW_1	1S	7Cu	4Cu	0,0	3,0		29,2	⏢^{2} n.1; ⍂ a.
10	NNE_3	NNE_6	NNE_6	E_2	3Cu	3Cu	10Cus	1,7	2,7		97,2	⏢, ●^{0}, ≺^{2} n; ≺ p.
11	NNE_5	NNE_5	ENE_2	?	10N	10S	10Cu	—	1.3		16,3	● n, 1.
12	ENE_2	E_3	E_2	—	2^0Cs	0	0Cs	—	2.4		95,2	
13	SE_3	SSE_6	SE_2	SSE_1	0	8Cu	9Cu	—	2,4		75,5	
14	SE_3	SSE_3	ESE_1	S_1	6Cu	10Cus	10Cu	2,4	2.0		35,4	● p.
15	E_1	0	N_1	?	10Cu	7Cu	9Cu	2,1	1.4		53.7	● n.
16	NW_1	NNW_1	NNW_3	SW_1	10N	7Cu	6Cus	1,2	0,9		66,0	● n. 1, a.
17	NNE_1	NNE_1	0	ESE_1	10N	8Cu	9N	7.7	1,1		49,6	● n, a, 2, p; ●^{0} 1, 3.
18	NE_1	ESE_3	NE_3	E_2	10N	9N	7Cu	0,5	2,4		48,3	● n, 1, a; ●^{0} 2.
19	NNE_4	ENE_5	ENE_1	ENE_2	3^0Cs	7Cu	5Cu	0,1	2,9		68.7	●^{0} p.
20	NE_1	ESE_1	NNE_3	ENE_1	6Cu	7Cu	9Cu	0,0	2,7		117,6	●^{0}n;⍂^{0}, ●^{0}a,2,p;⍂^{0}. ●^{0}p;≺ p.
21	NNE_2	E_4	NE_1	?	0	2Cu	0Cus	—	3,7		95,9	≺ n; ⏢^{0} n, 1.
22	SE_3	ENE_2	0	?	7Cu	0Cu	0	—	2,7		96.6	⏢^{2} 3.
23	E_1	E_1	0	?	3^0C	0Cus	1^0Cs	—	3,0		93.8	⏢^{2} n, 1, p, 3.
24	N_3	N_5	NNE_5	N_2	1Cus	4Cu	9Cus	0,0	3,8		84.3	⏢^{2} n; ⏢ 1; ●^{0} p.
25	ENE_3	ENE_3	0	SW_1	9Cus	2^0Ccu	0S	—	2.3		97,2	⏢ 3.
26	NE_1	0	0	?	0	1Cu	4Cus	—	2,6		95,2	⏢^{2} n, 1; ≺ p, 3.
27	E_1	ESE_2	0	$\frac{SSW_1}{?}$	9Cu	3^c_{Cu}	3^0Cs	2,2	2,4		94,5	⍂, ⍂^{0}, ● p.
28	0	0	0	ENE_1	0S	4Cu	2^0Cu	0,2	2,3		97,2	●, ⍂ a; ⍂^{0}, ●^{0} a, 2, p. ⍂^{0} p.
29	0	SSW_4	ESE_1	WNW_1	1^0C	5Cu	7Cu	3,9	2,3		81.6	●, ⍂ p; ≺ 3.
30	WNW_5	N_3	0	WNW_1	6Cu	6Cu	1Cus	—	1,4		72,1	⍂^{2}, ● n; ⏢^{2} 3.
31	WSW_2	WSW_3	NNW_2	WSW_1	0	4Cu	9Cu	—	3,2		105,4	⏢^{2} n, 1.
Сумма. Summe.	52	82	42		125	154	144	22,2	79,5		2406,4	
Среднее Mittel.	1,7	2,6	1,4		4,0	5,0	4,6	0,7	2,6		77,6	

Сокращенныя обозначенія для примѣчаній.

- ⏢ = Роса. Thau.
- ⏢ = Иней. Reif.
- V = Изморозь. Duft. Rauhfrost.
- ≀ = Гололедица. Glatteis.
- Ξ = Туманъ. Nebel.
- ● = Дождь. Regen.
- ✻ = Снѣгъ. Schnee.
- △ = Крупа. Graupeln.
- ▲ = Градъ. Hagel.
- ⊕ = Кругъ около солнца Sonnenring.
- ◑ = Вѣнецъ около солнца. Sonnenhof.
- ⊜ = Кругъ около луны. Mondring.
- ◡ = Вѣнецъ около луны. Mondhof.
- ← = Ледяныя иглы. Eisnadeln.
- ⌒ = Радуга. Regenbogen.

Abkürzungen für die Bemerkungen.

- ⩙ = Сѣверное сіяніе. Nordlicht.
- ⍂ = Гроза. Gewitter.
- ≺ = Молнія безъ грома или зарницы. / Blitz ohne Donner od. Wetterleuchten.
- ⌿ = Сильный вѣтеръ. Starker Wind.
- ∞ = Сухой туманъ. Höhenrauch.
- + = Метель. Schneegestöber.
- ⫞⫟ = Столбы около солнца. Säulen neben der Sonne
- ○ = Ледяной дождь. Eisregen.
- ⌒ = Земля покр. снѣгомъ. Die Erde ist mit Schnee bedekt.

Г. КІЕВЪ.

ТАБЛИЦА
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

KIEW.

METEOROLOGISCHE
BEOBACHTUNGS-TABELLE.

Мѣсто: Кіевъ. Метеорологическая Обсерваторія Университета Св. Владиміра.
Ort: Kiew. Meteorologisches Observatorium der Universität St. Wladimir.

Широта:—Сѣв. / Breite: —Nord. } $50^\circ 27'$.

Долгота:—Восточная отъ Гринвича. / Länge: —Ostliche von Greenwich. } $30^\circ 30' = 2^h 2' 0''$.

Наблюдатели: *К. Жукъ* и *Г. Флоринскій*
Beobachter: *K. Schuck* und *G. Florinsky*

Годъ: Jahr: **1890.**

Мѣсяцъ: (новый ст.) **Май.**
Monat: (neuer. St.) **Mai.**

Высота барометра надъ уровнемъ моря: 183,^{m}1.
Höhe des Barometers über dem Meer:

Высота термометровъ надъ поверхностью земли: 3,^{m}5.
Höhe der Thermometer über dem Boden:

Высота термометровъ надъ уровнемъ моря: 178,^{m}9.
Höhe der Thermometer über dem Meer:

Высота дождемѣра надъ поверхностью земли: 2,^{m}0.
Höhe der Regenmessers über dem Boden:

Высота флюгера надъ поверхностью земли: 18,^{m}7.
Höhe der Windfahne über dem Boden:

Высота поверхности воды въ эвапорометрѣ надъ поверхностью земли: 3,^{m}5.
Höhe des Wasserspiegels im Evaporometer über dem Erdboden:

Общія примѣчанія:
Allgemeine Bemerkungen: Слабый туманъ въ долинѣ р. Лыбедь и низкихъ мѣстахъ города: 28-го ночью.

Особенныя наблюденія:
Besondere Beobachtungen: Интенсивность дождей: 1) 16-го съ $6^h 38'$а. до $7^h 7'$а. воды 2.1 m.m.
2) 17-го; съ 7^hа. очень мелкій въ $7^h 32'$а. усиливается до $8^h 40'$а. воды 5.1 m.m.
3) 17-го; съ $8^h 49'$а. до $9^h 3'$а. мелкій—воды 0,9 m.m.
4) 27-го; съ $5^h 8'$р. до $5^h 10\frac{1}{2}'$р. воды 0.7 m.m.
5) 27-го, съ $5^h 16'$р. до $5^h 22'$р. воды 0.4 m.m.
6) 29-го; съ $1^h 46'$р. до 3^hр. воды 1,7 m.m.
7) 30-го; съ $10^h 13'$р. до $10^h 37'$р. воды 2.2 m.m.

ЕВЪ.

ИЦА

ИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

EW.

LOGISCHE

NGS-TABELLE.

ниверситета Св. Владиміра.
Universität St. Wladimir.

2′ 0″.

*ук*ъ и *Г. Флоринскій*
huck und *G. Florinsky*

1890.

й ст.) **Май.**
r. St.) **Mai.**

Г. КІ

ТАБ

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСК

КІ

METEORO

BEOBACHTUN

Мѣсто: Кіевъ. Метеорологическая Обсерваторія У
Ort: Kiew. Meteorologisches Observatorium der

Широта: —Сѣв. } 50° 27′.
Breite: —Nord. }

Долгота: —Восточная отъ Гринвича. } 30° 30′ = 2
Länge: —Ostliche von Greenwich. }

Наблюдатели: *К. Ж*
Beobachter: *K. Sc*

Годъ: }
Jahr: }

Мѣсяцъ: (новы
Monat: (neue

Высота барометра надъ уровнемъ моря: 183 m1

Мѣсяцъ: (новый ст.) **Іюнь.**
Monat: (neuer. St.) **Iuni.**

Кіевъ. Kiew.

Годъ: / Jahr: **1890.**

Число. Tag.	Барометръ при 0°. Миллиметры. Barometer bei 0°. Millimeter.				Температура воздуха. Цельзія. Lufttemperatur. Celsius.						Температура на поверхн. земли. Temperatur auf. d. Oberfl. derErde.			
Новый стиль. Neuer Styl.	7	1	9	Среднее. Mittel.	7	1	9	Среднее. Mittel.	Maxim.	Minim.	7	1	9	Среднее. Mittel
1	745,6	745,5	745,0	745,4	+13,3	+20,2	+15.6	+16,4	+22,2	+10,4	+21,5	+43,2	+14,0	+26,2
2	742.7	739,8	739,1	740,5	+14,1	+22.8	+15,5	+17,5	+25,2	+12,8	+15,1	+28,3	+17,1	+20,2
3	741,7	743,9	745,9	743,8	+ 8.6	+11,6	+11,1	+10,4	+15,5	+ 8,3	+12,8	+16,4	+13,2	+14,1
4	747,3	747,6	747.3	747,4	+12,5	+16,5	+13,7	+14,2	+18,4	+10,1	+15,5	+23,5	+14,7	+17,9
5	746,5	745,8	744,9	745,7	+11,1	+12,3	+12.0	+11,8	+15,4	+ 9,1	+13,0	+18,2	+13,7	+15,0
6	744,1	743,8	743,8	743,9	+13,0	+17,8	+15.4	+15,4	+21,6	+ 8,3	+15,0	+21,1	+15,2	+17,1
7	743,8	742,7	741,9	742,8	+13,2	+19,3	+14,1	+15,5	+21,1	+11,4	+14,6	+32,6	+15,0	+20,7
8	741,4	740,5	740,4	740,8	+16,3	+21,7	+15,1	+17,7	+22,3	+11,1	+19,8	+31,0	+15,8	+22,2
9	741,3	742,1	742,8	742,1	+14,5	+18.4	+12,7	+15,2	+19,0	+11,7	+16,9	+25,7	+15,2	+19,3
10	742,4	741,8	741,2	741,8	+12,5	+15,7	+13.4	+13,9	+17.9	+12,2	+14,9	+19,5	+13,7	+16,0
11	741,7	741,9	742,2	741,9	+13,8	+20,0	+14,1	+16,0	+22,0	+10,7	+15,0	+28,5	+13,9	+19,1
12	742,4	742,4	742,0	742,3	+15,2	+20,8	+17,8	+17,9	+23,2	+10,4	+20,4	+29,7	+15.8	+22,0
13	741,5	741.1	739,7	740,8	+16,3	+26,5	+20,6	+21.1	+27.1	+13,6	+17.3	+42,6	+18.6	+26,2
14	738,3	737,7	737,6	737,9	+15,6	+21.4	+16.8	+17,9	+22.8	+15,0	+17.3	+30,4	+16,5	+21.4
15	736,4	734,4	733,9	734,9	+16,5	+23,6	+15.2	+18,4	+25,0	+10,9	+20,1	+39.3	+17,3	+25,6
16	734,3	735,4	736,0	735,2	+11.7	+13,5	+10,7	+12.0	+15.2	+10,7	+15,5	+21,1	+13,8	+16,8
17	735,0	737,5	739,3	737,3	+12.1	+14,7	+14,2	+13,7	+15.0	+ 9,8	+14,6	+17,8	+14,7	+15,7
18	741,3	741,0	741,1	741,1	+14,2	+21,1	+17.3	+17,5	+23,6	+ 9,4	+19,0	+38.0	+17,4	+24,8
19	740,9	741,5	742,3	741,6	+16.6	+19,4	+12.8	+16,3	+21.0	+11,8	+21,4	+36,6	+13,6	+23,9
20	742,9	742,8	743,4	743,0	+13,8	+19.0	+14,9	+15,9	+22,7	+ 8,9	+21,4	+33,2	+14,4	+23,0
21	742,8	742.8	742,9	742,8	+13.1	+16,6	+11.3	+13,7	+18,2	+11,3	+15,2	+28,4	+13,0	+18,9
22	743,1	742,9	743,9	743,3	+13.0	+20,7	+15.6	+16,4	+22.1	+ 9,1	+20,1	+35,2	+16,3	+23,9
23	744,0	743,2	742,3	743,2	+17,2	+22,2	+17.6	+19,0	+24,6	+10,3	+21,7	+28,2	+17.5	+22,5
24	741,0	741,2	740,8	741,0	+16,1	+21,2	+15,4	+17,6	+22,3	+15,1	+16,8	+25,7	+16,4	+19,6
25	739,4	739,5	738,3	739,1	+15,3	+19,2	+15,6	+16,7	+20,8	+13,7	+18,5	+23,1	+16,6	+19,4
26	737,1	736,9	737,9	737,3	+14.6	+18,0	+15,3	+16,0	+19,5	+14,4	+16,2	+21,7	+17,0	+18,3
27	738,0	738,3	739,5	738,6	+15,1	+19,3	+16.6	+17,0	+23,1	+14.2	+15,4	+23,8	+16,1	+18,4
28	740,9	742,0	744,1	742,3	+17.6	+23,3	+19,8	+20,2	+25,7	+14,6	+17,8	+29,0	+18,6	+21,8
29	747,0	746,9	744,9	746,3	+20,3	+27,2	+22,8	+23,4	+29,1	+15,0	+22,3	+39,1	+20,0	+27,1
30	744,3	743,5	742,4	743,4	+23,1	+31,3	+24,5	+26,3	+32.7	+19,0	+24,6	+43,5	+21,5	+29,9
31														
Сумма. Summe.	22249,1	22246,4	22246,8	22247,5	+440,3	+595,3	+467,5	+501,0	+654,3	+ 353,3	+529,7	+ 874,4	+ 476,6	+627,0
Среднее. Mittel.	741,6	741,5	741,6	**741,6**	+14,7	+19,8	+15,6	**+ 16,7**	**+ 21,8**	**+ 11,8**	+17,7	+ 29,1	+15,9	**+ 20,9**

Температура почвы на глубинѣ: Temperatur des Erdbodens in der Tiefe von:							Абсолютная влажность. Миллиметры. Absolute Feuchtig. Millimeter.				Относительная влажность. Проценты Relative Feuchtigkeit. Procente.			
0,m0 Среднее. Mittel.	0,m1 Среднее. Mittel.	0,m2 Среднее. Mittel.	0,m4 Среднее. Mittel.	0,m8 1h15′.	1,m6 1h15′.	3,m2 1h15′.	7	1	9	Среднее. Mittel.	7	1	9	Среднее. Mittel.
+27,2	+18,9	+18,1	+16,7	+15,2	+13,6	+ 8,1	6,1	6,2	6,0	6,1	53	36	46	45
+20,5	+17,4	+17,4	+16,8	+15,3	—	—	6,3	11,7	12,5	9,8	53	56	96	68
+14,2	+15,4	+16,1	+16,3	+15,4	+13,8	+ 8,3	8,0	8,2	8,6	8,3	96	81	87	88
+17,8	+16,4	+16,2	+15,6	+14,9	—	—	7,5	6,1	8,4	7,3	70	44	72	62
+15,1	+15,2	+15,7	+15,6	+14 7	+13,9	+ 8,4	7,7	9,8	10,2	9,2	78	93	98	90
+17,3	+15,9	+15,9	+15,3	+14,4	—	—	10,1	10,7	9,2	10,0	91	70	70	77
+20,7	+16.7	+16,6	+15.8	+14,5	+13,7	+ 8,5	10,4	10,4	10,2	10,3	93	62	86	80
+22,1	+17.6	+17,2	+16,0	+14.6	—	—	11,5	12,6	12,1	12,1	83	66	94	81
+19,3	+16,7	+17,1	+16,1	+14,7	+13,8	+ 8,6	11,2	10,3	9,3	10,3	92	65	86	81
+16,2	+16,4	+16.7	+16,1	+14.8	—	—	9,8	10,3	10,1	10,1	91	78	89	86
+19,0	+16.2	+16,3	+15.8	+14,7	+13,8	+ 8,8	9,4	9,2	8,8	9,1	80	54	74	69
+21,2	+17,7	+17,2	+16,1	+14,7	—	—	9,8	10,1	10,0	10,0	76	55	66	66
+26,4	+19,3	+18.5	+ 16,8	+14,9	+13,9	+ 8,9	10,1	10,7	11,9	10,9	73	42	66	60
+21,5	+19,0	+19,0	+17,6	−15,4	—	—	12,5	13,9	11,0	12.5	94	74	77	82
+27,6	+19,6	+19,1	+ 17,7	+15,7	+14,0	+ 9,0	10,9	10,2	11,5	10,9	78	47	89	71
+17,3	+17.2	+17,7	+17,6	+15,9	—	—	9,8	8,8	8,4	9,0	96	76	89	87
+15,8	+15.9	+16,4	+16.4	+15,6	+14,2	+ 9,1	10,3	10,7	11,6	10.9	98	86	97	94
+24,8	+17,8	+17,4	+16,1	+15,2	—	—	9,1	9,5	9,8	9,5	76	52	67	65
+24,5	+18,2	+18,0	+16.8	+15,3	+14,3	+ 9,2	11,0	10,9	8,8	10,2	78	64	81	74
+22,7	+17,8	+17,6	+16,7	+15.4	—	—	9,0	9,1	8,7	8,9	77	56	69	67
+18,9	+16,3	+16,8	+16.6	+15,5	+14,4	+ 9,3	10,4	10,5	8,6	9.5	94	74	87	85
+23,0	+17.9	+17,5	+16,3	+15,3	—	—	9,8	10,1	10.5	10,1	89	55	80	75
+22,6	+18,0	+17,7	+16,7	+15.4	+14,5	+ 9,4	10,2	9,9	11,1	10,4	70	50	74	65
+19,7	+17,5	+17,6	+16,9	+15,5	—	—	12,3	13,2	12,7	12,7	90	71	98	86
+19,4	+17,7	+17,8	+16,8	+15,6	+14,5	+ 9,5	12,3	12,2	12,6	12,4	94	74	96	88
+18,2	+17,4	+17,6	+ 17,0	+15,6	—	—	12,2	13,7	11,7	12,5	99	89	90	93
+19,0	+17,5	+17,8	+17,1	+15,7	+14,6	+ 9,6	11,8	12,0	10,5	11,4	92	72	74	79
+21,3	+18.4	+18,2	+17,3	+15,8	—	—	12,6	15,7	13.8	14,0	84	74	80	79
+26,5	+20,0	+19,3	+17,8	+16,0	+14,7	+ 9,7	13,9	14,3	14,7	14,3	79	53	71	68
+30,4	+ 22,1	+21,1	+18,9	+16,4	—	—	16,5	17,5	16,7	16,9	79	51	73	68
+630,2	+528,1	+525,6	+499,3	+458,1	+211,7	+134,4	312,5	327,5	320,0	319,9	2496	1920	2422	2279
+ 21,0	**+17,6**	**+17,5**	**+16,6**	**+15,3**	**+ 14,1**	**+ 9,0**	10,4	10,9	10,7	**10,7**	83	64	81	**76**

Вѣтры. Winde.	Тихо 0	N	NNE	NE	ENE	E	ESE	SE	SSE	S	SSW	SW	WSW	W	WNW	NW	NNW
Число. Häufigkeit.	14	8	6	3	„	„	2	8	3	3	1	„	„	2	4	18	18
Сумма скорости. Summe.	—	19	16	7	—	—	5	16	7	5	3	—	—	6	14	52	55
Средняя скорость. Mittlere Geschwindigkeiten.	—	2,4	2,7	2,3	—	—	2,5	2,0	2,3	1,7	3,0	—	—	3,2	3,5	2,9	3,1

Температура. Temperatur.				Барометръ. Barometer.				Отн. Вл. Rel. Feucht.		Осадки. Niederschl.		Число дней съ: Zahl der Tage mit:										
Maximum.	День. Tag.	Minimum.	День. Tag.	Maximum.	День. Tag.	Minimum.	День. Tag.	Minimum.	День. Tag.	Maximum. In 24 Stund. Въ сутки.	День. Tag.	Осадками. Niederschlag.	●	▲	△	=	◹	◿	Ясное небо. Heit. Himmel.	Пасм. небо. Trüb. Himmel.	Темп. Temp. Max. ≤ 0°	Темп. Temp. Min. < 0°
+32,7	30	+ 8,3	$\frac{3}{6}$	747,6	4	733,9	15	36	1	30,1	25	18	18	—	—	2	8	1	3	7	0	0

Мѣсяцъ: (новый ст.) **Іюнь.**
Monat: (neuer. St.) **Iuni.**

Годъ: Jahr: **1890.**

Число. Tag.	Направленіе и сила вѣтра Метры въ секунду. Richtung und Stärke des Windes. Meter pro Secunde.			Направ. облаковъ. Wolkenzug.	Облачность. Bewölkung.			Осадки. Миллим. Niederschlag. Millim.	Кол. испар. въ милл. Verdunstungs menge in millim.	Глубина снѣга. Tiefe. d. Schnee C. M.	Актином. Actinom. Montsouris.	Примѣчанія Bemerkungen
Новый стиль. Neuer Styl.	7	1	9	1	7	1	9	7	7	7h 30′	1	
1	NNE_2	S_1	NE_3	?	0Cus	0Cus	0S	0,1	3,1		95,9	
2	ESE_3	SE_5	NW_1	?	10Cu	9N	10S	19,7	1,9		44,2	● n; ●0 a, 2; ⩤, ● p; ⩤, ● p.
3	NW_4	NNW_5	NNW_1	NNW_2	10Cus	10Cu	9Cu	—	0,9		27,2	⸝, ● n,
4	NNW_3	NNE_6	SE_1	N_2	9Cu	8Cu	10S	—	3,0		66,6	
5	NNE_2	N_2	O	$\frac{ENE_1}{N_2}$	10Cus	8Cu	5Cu	5,3	0,8		51,0	● a, p; ●0 p.
6	O	SE_1	O	ESE_1	6Cu	4Cu	6Cu	0,4	1,4		28,6	●0 n, p; ☰ n; ☰0, ● a.
7	SE_2	S_1	SSE_2	S_2	9Cus	3Cu	3Cu	3,9	1,0		108,8	● n, a; ●, ⩤ p; ≺ 3.
8	SSE_2	SSE_3	O	SSE_1	2^0Ccu	7Cu	1Cus	2,6	1,1		78,2	≺ n; ⩤0, ●0 a; ⩤, ● p.
9	NW_3	NW_3	NNW_2	SW_1	8Cu	7Cu	7Cu	—	1,2		69,4	●0 n.
10	N_2	N_2	O	NW_1	10Cu	10Cu	1Ccu	—	1,2		24 5	⏢ p; ⏢2 3.
11	NNW_3	N_4	NNW_3	WNW_1	9Cu	7Cu	1Cus	—	2,0		83,6	⏢2 n, 1, p, 3.
12	NNW_3	NNW_2	O	NW_1	2^0C	4Cu	2Cu	—	2,1		66,0	⏢2 n, 1, p, 3.
13	NW_1	ESE_2	WNW_4	S_1	5^0Cu	4Cu	9N	3,8	2,7		103,4	⏢2 n, 1; ◉ 3.
14	SE_1	NW_2	NNE_1	$\frac{SW_1}{W_2}$	10N	7Cu	2Cus	0,7	1,4		60,5	◉, ⩤0 n; ◉ a.
15	NNW_2	W_3	NW_1	W_2	1^0Cs	3Cu	3Cu	0,5	2,1		102,7	⏢2 n, 1; ◉ p.
16	NW_4	NW_4	NW_4	?	10Cus	10Cus	10Cus	1,0	0,6		43,5	☰0 n.
17	NNW_3	N_4	NNW_2	NNE_2	10N	10N	6Cu	1,9	0,4		24,5	◉ n, a; ◉0 1, 2, p.
18	NNE_2	NNW_3	O	NW_1	O	3Cu	8Cu	—	2,3		104,0	⏢0 3.
19	NW_2	WNW_5	NW_1	$\frac{W_1}{WNW_2}$	1Cus	8Cu	0Cus	—	1,3		114,2	⏢2 n, 1, p, 3.
20	NW_3	W_3	NW_1	W_1	0Cs	3Cu	2Cus	1,4	1,8		86,4	⏢2 n, 1; ⏢0 3.
21	O	NW_2	WNW_2	W_1	10N	4Cu	1Cus	4,8	0,7		100,6	◉ n, a; ◉0 1; ⩤, ◉, ∩ p.
22	NW_7	NW_8	NNW_3	NW_3	3Cu	6Cu	3Cu	—	2,0		111,5	◉ n; ⏢ 3.
23	N_1	O	O	SSW_1	3^0C	4Cu	10Cu	1,8	2,0		36,7	⏢2 n, 1; ◉0 p.
24	NE_1	SE_2	N_2	S_1	10N	10Cu	8^0Cus	9,9	0,6		35,4	◉ n, a, p; ⩤, ◉2 p; ☰0 p, 3; ≺ 3.
25	NNE_2	NE_3	NNE_3	SE_1	7Cu	8Cu	10N	30,1	1,5		49,0	◉ n, 3; ◉0 a; ◉2, ⩤ p.
26	NNW_4	NNW_5	NNW_5	N_2	10N	9N	10Cu	0,7	0,9		31,3	⩤, ◉2 n; ◉0 1, a, p.
27	NNW_3	NNW_3	NW_1	$\frac{NNW_1}{NNW_2}$	8Cu	6Cu	0S	1,6	1,4		36,0	◉ a.
28	O	WNW_3	O	WNW_1	10Cus	7Cu	1^0Cs	—	1,4		62,6	⏢2 p, 3.
29	O	S_3	SE_3	?	4^0Ccu	1Cu	1S	—	2,3		89,8	⏢2 n, 1, p, 3.
30	O	SSW_3	SE_1	?	0Cus	0Cu	1Cus	—	3,4		85,0	⏢2 n, 1, 3; ⏢ p.
31												
Сумма. Summe.	65	93	47		187	180	141	**90,2**	48,5		2021,1	
Среднее Mittel.	2,2	3,0	1,6		6,2	6,0	4,7	3,0	**1,6**		**67,4**	

Сокращенныя обозначенія для примѣчаній.

⏢ = Роса. Thau.
⊔ = Иней. Reif.
V = Изморозь. Duft, Rauhfrost.
ᔕ = Гололедица. Glatteis.
☰ = Туманъ. Nebel.
● = Дождь. Regen.
✻ = Снѣгъ. Schnee.
△ = Крупа. Graupeln.
▲ = Градъ. Hagel.
⊕ = Кругъ около солнца. Sonnenring.
Φ = Вѣнецъ около солнца. Sonnenhof.
☾ = Кругъ около луны. Mondring.
☽ = Вѣнецъ около луны. Mondhof.
← = Ледяныя иглы. Eisnadeln.
∩ = Радуга. Regenbogen.

Abkürzungen für die Bemerkungen.

⩤ = Сѣверное сіяніе. Nordlicht.
⩤ = Гроза. Gewitter.
≺ = Молнія безъ грома или зарницa. Blitz ohne Donner od. Wetterleuchten.
⸝ = Сильный вѣтеръ. Starker Wind.
∞ = Сухой туманъ. Höhenrauch.
+ = Метель. Schneegestöber.
|·| = Столбы около солнца. Säulen neben der Sonne
○ = Ледяной дождь. Eisregen.
⌓ = Земля покр. снѣгомъ. Die Erde ist mit Schnee bedekt.

Г. КІЕВЪ.

ТАБЛИЦА
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

KIEW.

METEOROLOGISCHE

BEOBACHTUNGS-TABELLE.

Мѣсто: Кіевъ. Метеорологическая Обсерваторія Университета Св. Владиміра.
Ort: Kiew. Meteorologisches Observatorium der Universität St. Wladimir.

Широта: —Сѣв. / Breite: —Nord. } 50° 27′.

Долгота: —Восточная отъ Гринвича. / Länge: —Ostliche von Greenwich. } 30° 30′ = 2h 2′ 0″.

Наблюдатели: *К. Жукъ* и *І. Флоринскій*
Beobachter: *K. Schuck* und *G. Florinsky*

Годъ: Jahr: **1890.**

Мѣсяцъ: (новый ст.) **Іюнь.**
Monat: (neuer. St.) **Iuni.**

Высота барометра надъ уровнемъ моря: 183,m1.
Höhe des Barometers über dem Meer:

Высота термометровъ надъ поверхностью земли: 3,m5.
Höhe der Thermometer über dem Boden:

Высота термометровъ надъ уровнемъ моря: 178,m9.
Höhe der Thermometer über dem Meer:

Высота дождемѣра надъ поверхностью земли: 2,m0.
Höhe der Regenmessers über dem Boden:

Высота флюгера надъ поверхностью земли: 18,m7.
Höhe der Windfahne über dem Boden:

Высота поверхности воды въ эвапорометрѣ надъ поверхностью земли: 3,m5.
Höhe des Wasserspiegels im Evaporometer über dem Erdboden:

Общія примѣчанія: / Allgemeine Bemerkungen:

1) Слабый туманъ въ долинѣ р. Лыбедь и низкихъ мѣстахъ города: 10-го 3 п; 12-го 3 п; 13-го п, 1 п.
2) Слабая гроза ночью съ 13-го на 14-ое на Печерскѣ около 2 кил. на E отъ Обсерваторіи. Начало грозы въ 1h17′a. конецъ 1h36′a. 14-го. Тамъ же дождь начало въ 11h14′p. 13-го, конецъ въ 2h a. 14-го.

Особенныя наблюденія: / Besondere Beobachtungen:

Интенсивность дождя: 1) 5-го, съ 10h45′a. до 11h22′a.—воды 2.5 m.m.
2) 5-го, съ 11h36′a. до 12h36′a (дня)—воды 1.5 m.m.
3) 7-го, съ 3h45′p. до 3h37′p.—воды 1,0 m.m.
4) 24-го, съ 2h8′p. до 2h12,′p. —воды 3,6 m.m.
5) 25-го, съ 7h50′p. до 8h46′p.—воды 15,2 m.m.
6) 27-го, съ 11h35′ до 11h43′a.—воды 1.4 m.m.

ЕВЪ.

ИЩА

ИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

EW-

OGISCHE

GS-TABELLE.

иверситета Св. Владиміра.
Universität St. Wladimir.

0″.

ихъ и *Г. Флоринскій*
-uck und *G. Florinsky*

890.

ст.) **Іюнь.**
St.) **Juni.**

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1890 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя дисертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*критико-библіографическій*—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118326468

Университетскія Извѣстія въ 1890 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки ***шесть руб. пятьдесятъ копѣекъ,*** а съ пересылкою ***семь рублей.*** Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета *Н. Я. Оглоблину* въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.